

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: *Токио, Иокогама*.

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: *Обути Кэйдзо* и *К. Обути*.

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение дискет от вируса.

- Сроки представления статей в редакцию – до конца августа текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2008

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2008

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, В. Б. РАМЗЕС,
А. И. СЕНАТОРОВ

Я 70 **Япония 2008**. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2008. –312 с.

В настоящем выпуске ежегодника исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии. Подробно освещается внутренняя и внешняя политика страны, анализируются вопросы экономики и управления. Большое внимание уделяется культуре, традициям японского общества и т. д.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 5-91022-069-4

© Ассоциация японоведов, 2008

Причины и последствия поражения Либерально-демократической партии на выборах в палату советников в июле 2007 г.

А. И. Сенаторов, И. А. Цветова

2007 год, как и предыдущий, был богат политическими событиями в Японии. В июле Либерально-демократическая партия (ЛДП) потерпела крупное поражение на выборах в палату советников. За выборным провалом последовали реорганизация кабинета Абэ, а вскоре отставка премьер-министра, формирование нового правительства во главе с другим лидером правящей партии Фукуда Ясуо, который в сентябре 2008 г. ушел в отставку.

Возглавивший правительство в сентябре 2006 г. С. Абэ сформулировал направление и приоритеты работы правительства на парламентской арене в программной речи. «Сегодня настало время вернуться к истокам, глобально пересмотреть послевоенный режим и отправиться в новое плавание». По мнению Абэ, многое в провозглашенных послевоенной конституцией принципах государственного управления, образования, экономики, отношений между государством и органами местного самоуправления, внешней политики и обеспечения безопасности «делает невозможной» адаптацию Японии к переменам XXI в.

Усилия кабинета Абэ, как и в конце 2006 г., были сосредоточены в первую очередь на мерах по «выводу Японии из послевоенного режима», а конкретно – на решении задачи ЛДП осуществить пересмотр конституции, приступить к практическому «возрождению образования» в понимании Абэ, перестроить механизм руководства в сфере внешней политики.

В мае 2007 г. правительство добилось принятия Закона о народном референдуме, проект которого был внесен годом ранее в парламент от имени правящих партий. Этим законом был определен порядок инициирования парламентом пересмотра конституции и получения его народного одобрения. Правда, процедура проведения референдума в действующем Основном законе конкретно не регламентирована. Тема референдума

по данному закону ограничена исключительно пересмотром конституции. Правящие партии пошли на уступку оппозиции, согласившись с ее требованием допустить к участию в референдуме граждан, достигших 18 лет (по нынешнему японскому законодательству правом на выборы обладают граждане в возрасте от 20 лет). На ознакомление с содержанием предлагающихся поправок в конституцию участникам референдума законом отводится от 60 до 180 дней, начиная со дня принятия соответствующей резолюции парламента об их внесении. Установлены правила агитации в процессе народного референдума. В частности, на этот особый вид выборной кампании распространены положения действующих законов, ограничивающие политическую деятельность публичных служащих. Им, а также преподавателям запрещена агитация за или против пересмотра конституции. Предусмотрено в течение трех лет внести изменения и дополнения в другие законодательные акты, требующиеся для того, чтобы допустить к голосованию граждан в возрасте от 18 лет, конкретизировать меры, связанные с ограничениями в агитации и выражении мнения за или против поправок в конституцию. В этой связи установлено, что Закон о народном референдуме будет введен в действие через три года, т. е. в мае 2010 г.¹

После принятия этого закона С. Абэ, полагая, что останется премьер-министром в течение еще нескольких лет, поспешил заявить о намерении включить пересмотр конституции в планы своих политических действий.

Еще одним приоритетом, «самой важной задачей правительства», премьер-министр назвал «возрождение образования», которое, судя по его многим высказываниям, рассматривалось как возвращение к неким истокам, традициям национального образования, утраченным в послевоенное время. Абэ требовал прививать детям понимание таких ценностей, как «общественный дух, дисциплина, любовь и привязанность к месту рождения и воспитания», указывал, что комитеты по образованию, учрежденные в послевоенные годы повсеместно и действующие до сих пор, не оправдали возложенные на них надежды².

Вслед за коренным пересмотром Основного закона об образовании, уже осуществленным в конце 2006 г., не взирая на жесткое сопротивление оппозиционных партий, на парламентской сессии правительство добилось принятия ряда поправок к законам, регламентирующим обязательное школьное образование. В частности, целевые установки школьного образования были дополнены воспитанием «нормативного сознания», «любви к своей стране и родине», были расширены права министерства науки и просвещения по контролю над работой комитетов по образованию. С 2009 г. будет введен порядок регулярного, раз в

¹ Основное содержание Закона о народном референдуме см.: Асахи симбун. 15.05.2007.

² Асахи симбун. 27.01.2007.

10 лет, подтверждения квалификации учителей и получения разрешения на преподавание (в настоящее время допуск к преподаванию учителей, получивших соответствующее образование, является постоянным).

В январе 2008 г. Управление национальной обороны было преобразовано в министерство обороны. Премьер-министр объявил, что Япония приступает в сотрудничестве с США к оснащению системы противоракетной обороны, а также начинает изучение возможности «в отдельных конкретных случаях» применять запрещенное конституцией право на коллективную оборону. Кроме того, Абэ заявил о намерении перестроить механизм принятия решений в сфере внешней политики и обеспечения безопасности: «расширить функции командного пункта из резиденции премьер-министра, чтобы обеспечить сильное политическое руководство», увеличить разведывательные возможности кабинета³.

Премьер-министр определил основные направления работы правительства:

- под его личным руководством «проводить новую мощную стратегию экономического роста», опирающуюся на инновации, – «открыть Японию для Азии и всего мира»;
- строить «общество всесторонних возможностей», выполнить «Комплексный план поддержки нового выбора» с тем, чтобы не допустить «разделения на группу победителей и группу поверженных» (речь идет о недопущении поляризации общества как следствия реформирования на принципах конкуренции);
- продолжать административно-финансовую реформу;
- разработать и осуществить меры по поддержке местной экономики;
- не допустить банкротства пенсионной системы, разработать «новую фронтальную стратегию здоровья», продвигать комплексную реформу с целью построения «системы социального обеспечения японского типа»⁴.

Такая программа, несомненно, была нужна правительству в преддверии ожидавшихся в июле выборов в палату советников, в которой некоторое преимущество ЛДП над оппозицией сохранялось лишь за счет союза с Комэйто. По этой же причине премьер-министр решил перенести на осень, после проведения выборов, обсуждение назревших, но болезненных для разных слоев населения вопросов реформы общей системы налогообложения.

На практике выполнение программы правительства в той части, которая затрагивала непосредственные жизненные интересы основной массы электората, выражалось главным образом либо в продолжении обсуждения проблем, либо в принятии половинчатых решений, не получивших поддержки оппозиционных партий.

³ Там же.

⁴ Асахи симбун. 27.01.2007.

В административно-финансовой реформе акцент был сделан на дальнейшем сокращении государственных расходов. Актуальная проблема обеспечения органов местного самоуправления самостоятельными источниками финансирования их обширной деятельности по-прежнему конкретно не обсуждалась, подготовку необходимых для ее решения законопроектов премьер-министр обещал завершить лишь к 2010 г.

Комплексный пересмотр системы государственной службы в рамках административной реформы, который по планам намечалось осуществить еще в 2005 г., был перенесен на 2009 г. Первоочередной была признана задача принять законы, относившиеся к проблеме «спуска с небес», т. е. перехода высокопоставленных чиновников после их увольнения на руководящие должности в общественных и частных предприятиях, связанных со сферами их прежней деятельности. Как признают в Японии, «спуск с небес» остается одним из традиционных источников коррупции. Оппозиционные партии считают, что с принятием таких законов задача предупреждения коррупции не решается.

Не было подтверждено обещание правительства создать «простую, понятную, близкую гражданам и пользующуюся их доверием систему социального обеспечения». В парламент был внесен законопроект, по которому вместо Управления социального страхования с 2010 г. должна начать работу новая общественная организация, занимающаяся пенсионными делами под контролем министерства благосостояния и труда. Работники новой пенсионной организации лишатся статуса государственных служащих, а часть ее деятельности может быть поручена частным предприятиям. Обсуждение законопроекта совпало с обнаружением утраты записей об уплате страховых взносов примерно по 50 млн. пенсионных дел. Информация об этом еще более усилила недоверие граждан к общественной пенсионной системе, вызвала волну критики в адрес правительства, заставила его оправдываться и обещать немедленные шаги с целью исправления выявленных упущений. В итоге лишь в конце продленной парламентской сессии правящим партиям удалось добиться одновременного принятия Закона о реорганизации Управления социального страхования и спешно разработанного специального закона, определяющего механизм наведения порядка в регистрации страховых взносов и гарантирующего справедливое восстановление утерянных записей и выплату пенсий.

Парламентская сессия 2007 г. отличалась тем, что кабинет Абэ буквально продавливал разработанные им законопроекты, используя численное превосходство депутатов ЛДП и Комэйто. Прохождение правительственных законопроектов, тем не менее, шло с большим трудом не только из-за несогласия оппозиционных партий с их содержанием, но и вследствие постоянного отвлечения парламента на обсуждение различных инцидентов, виновниками которых становились члены прави-

тельства и депутаты. Один за другим выявлялись факты незаконного получения денег министрами в разные периоды их политической деятельности. Однако в народе нарастало недовольство тем, что дискуссия в парламенте по вновь приобретенной актуальности проблеме «политики и деньги» оказалась безрезультатной, не привела к усилению общественного контроля за движением денежных средств к политикам.

Сильное противостояние правящих партий и оппозиции, достигло кульминации во время споров вокруг пенсионных проблем. К этому моменту высокий накал приобрела критика различных промахов кабинета С. Абэ в средствах массовой информации. Рейтинг правительства начал быстро падать. По опросам общественного мнения, проводившимся газетой «Асахи», поддержка кабинета Абэ, которую в сентябре–октябре 2006 г. высказали 63% опрошенных, к началу июня 2007 г. снизилась до 30%, а о недоверии правительству заявили 49% респондентов⁵.

Очередные выборы в палату советников были назначены на 29 июля. В этой палате парламента Японии к началу выборов из 242 депутатских мест 133 принадлежали правящим партиям (ЛДП – 110, Комэйто – 23). Оппозиция была представлена главным образом Демократической партией (81 депутат, на 29 меньше, чем у ЛДП). Срок полномочий депутатов палаты советников в Японии установлен на шесть лет, причем каждые три года переизбирается половина ее состава. Таким образом, на выборах оспаривался 121 депутатский мандат, в том числе 73 в местных (одномандатных или многомандатных) избирательных округах и 48 по пропорциональной системе, партийным спискам в общенациональном округе.

Правящей ЛДП было крайне важно упрочить свои позиции в верхней палате парламента, значительно ослабленные на предыдущих выборах в 2004 г., и тем самым установить и в ней, как и в палате представителей, надежное, по возможности единоличное, без учета сил Комэйто, превосходство над оппозиционными партиями.

В свою очередь главный оппонент ЛДП, Демократическая партия (ДП) поставила цель – реабилитироваться после существенного сокращения численности своих депутатов в палате представителей на выборах в 2005 г., развить дальше серьезный успех, достигнутый в 2004 г. на выборах в палату советников, утвердить свое положение не только как главной силы оппозиции, но и единственного реального конкурента ЛДП в борьбе за власть. Одава Итиро, возглавивший ДП в апреле 2006 г., называл предстоящие выборы «последним шансом» для достижения успеха этой партии, чтобы приблизить ее к правящему положению.

Естественно, что в предвыборные обещания (манифесты) ЛДП и ДП были включены, прежде всего, их взгляды по вопросам, ставшим предметом противостояния на парламентской сессии.

⁵ Асахи симбун. 04.06.2007.

ЛДП свой манифест опубликовала в виде 155 пунктов практических действий, 97 из которых относились к проблемам повседневной жизни населения, начиная с пенсионного обеспечения. Но на первый план все же были вынесены задачи «строительства основ красивой страны», включая инициирование парламентом в 2010 г. пересмотра конституции и развертывание массового движения за его одобрение народным референдумом. Во внешней политике партия обещала дальнейшее укрепление японо-американского союза, усиление солидарности с Австралией, Индией, государствами Западной Европы, имеющими общий с Японией взгляд на ценности, возвращение на родину из КНДР похищенных японцев и т. д.⁶

ДП предложила собственный ответ на насущные нужды основной массы электората. Она обещала со всей ответственностью расследовать обнаруженные упущения в пенсионном обеспечении; принять меры для стабильного финансирования пенсий и сохранения достигнутого уровня их выплат; ликвидировать нехватку врачей в отдаленных местностях; наделить органы местного самоуправления самостоятельными источниками финансирования; проявлять заботу о малых и средних предприятиях; внедрить порядок «подворной компенсации доходов» фермерам и т.п. Партия обещала также дополнительные меры по предупреждению коррупции чиновников и политиков. Относительно внешней политики в манифест ДП были включены обещания «исправить ошибки дипломатии следования за США», немедленно прекратить направление японских военнослужащих в Ирак, добиваться установления доверительных отношений с КНР, Республикой Корея, другими азиатскими странами и т.п.⁷

Насущность проблем, ставших предметом споров политических партий, привлекла к выборам в палату советников несколько большее, чем обычно, внимание избирателей. В среднем по стране в голосовании приняли участие 58,64% граждан, обладающих выборным правом (на аналогичных выборах в 2001 г. – 56,44%, в 2004 г. – 56,57%).

В связи с резким падением поддержки кабинета Абэ, отмечавшимся в канун выборов, неудачный их исход для ЛДП признавался вполне возможным, но результаты голосования оказались еще более впечатляющими. В то время как ЛДП получила 37 депутатских мест, ДП значительно ее опередила, завоевав 60 мест. Как и в 2004 г., ДП первенствовала, при том более убедительно, в пропорциональных выборах (20 депутатов по сравнению с 14 у ЛДП). Но еще больше ее превосходство проявилось в выборах по местным округам (соответственно 40 и 23). Что особенно показательно, она добилась большого успеха в одноман-

⁶ Асахи симбун. 06.06.2007.

⁷ Асахи симбун. 14.06.2007. См. также сравнение предвыборных обещаний всех партий: Йомиури симбун. 02.07.2007.

датных округах, которые до этого считались практически вотчиной правящей партии. На этот раз ЛДП потерпела поражение в 23 из 29 таких округов.

Потери понесла и другая правящая партия – Комэйто, утратившая три депутатских места. Произошло также дальнейшее сокращение и без того незначительного представительства в палате советников Коммунистической партии Японии (КПЯ) и Социал-демократической партии (СДП). Два депутата были избраны от Новой народной партии, один – от Партии Япония (обе партии образованы политиками, исключенными из ЛДП в 2005 г.), семь депутатов – в качестве независимых, беспартийных.

Таким образом, с учетом партийной принадлежности депутатов, не подлежавших переизбранию, в палате советников сложилась следующая расстановка политических сил: ДП имеет 109 депутатов (45%), ЛДП – 83 (34,3%), Комэйто – 20 (6,5%), КПЯ – 7, СДП – 5, Новая народная партия – 4, Партия Япония – 1, независимые и прочие – 12⁸.

Результаты этих выборов стали еще одним подтверждением тенденции к формированию в Японии при формальном сохранении многопартийного состава парламента некоего варианта двухпартийной системы, в которой соперничество за власть ведут две крупные партии – ЛДП и ДП.

Главным результатом выборов явился выход ДП на первое место в палате советников. Более того, она добилась единоличного превосходства в этой палате над совокупной численностью депутатов правящей коалиции (109 депутатов против 103). Поскольку депутатов остальных партий и часть независимых можно рассматривать как представляющих оппозицию, то ДП получила возможность по своему усмотрению управлять работой этой части законодательной ветви власти. Демократическая партия может теперь оказывать более значительное, чем прежде, воздействие на определение государственной политики и при необходимости, если не отклонять правительственные законопроекты, то, по меньшей мере, требовать их корректировки или надолго тормозить прохождение через парламент.

Весьма важно, что факт отстранения ЛДП с первого места в палате советников означал выражение ей народного недоверия, ставил под сомнение легитимность или хотя бы моральное право либерал-демократов сохранять правящее положение. Оппозиционные партии получили удобный предлог требовать роспуска палаты представителей и досрочного проведения ее выборов.

В чем же причины столь сильного падения электоральной поддержки либерал-демократов, особенно впечатляющей при сравнении с их

беспрецедентно громкой победой двумя годами ранее на выборах в палату представителей?

Частично ответ на этот вопрос дали опросы общественного мнения, проведенные в первые после выборов дни. Больших расхождений в них не наблюдалось. Так, при опросе, организованном газетой «Асахи», главными причинами поражения ЛДП респонденты назвали пенсионные проблемы, скандалы вокруг министров кабинета Абэ и рост различий в доходах разных групп населения («какуса»). На пенсионные проблемы указали 39% лиц, поддерживающих ЛДП, 37% лиц, не имеющих твердой ориентации, так называемых «беспартийных». Наибольшая доля опрошенных, которые отнесли к главным причинам исхода выборов скандалы вокруг министров, оказалась у лиц, поддерживающих ЛДП (50%), а рост разрыва в доходах – среди «беспартийных» (17%). С мнением о том, что главным виновником поражения ЛДП стал премьер-министр Абэ согласились 34% опрошенных, 59% дали отрицательный ответ. Показательно и то, что успех Демократической партии респонденты объясняли главным образом «проблемами ЛДП», в то время как лишь 9% связывали с надеждами на политику ДП и 4% с надеждами на ее лидера И. Одзава⁹.

Многие видные обозреватели, политики, политологи и экономисты выступили с оценками причин и уроков поражения ЛДП. Свое заключение опубликовала специальная комиссия по анализу итогов выборов.

Бывший премьер-министр, ветеран ЛДП Я. Накасонэ в беседе с обозревателями и учеными признал, что одним из факторов, определивших исход выборов, было проведение их «в обстановке последствий правления Коидзуми, которые выявились уже при кабинете Абэ». К таким последствиям Накасонэ отнес «проблему роста различий в доходах, игнорирование нужд провинции, безразличное отношение к сельскому хозяйству». Искрой для «разжигания большого пожара», по его мнению, явились пенсионные проблемы и безответственное отношение к ним кабинетов Коидзуми и Абэ, вызвавшие народное возмущение. Одновременно Накасонэ и его собеседники отметили, что Демократическая партия и ее глава И. Одзава умело использовали в выборной тактике все слабые места правящей партии¹⁰.

Профессор Токийского университета, политолог К. Кабасима подчеркнул ключевое значение результатов голосования в одномандатных местных избирательных округах. Поражение ЛДП в них, где она изначально имела сильные позиции, Кабасима объяснял тем, что при Коидзуми был разрушен порядок перераспределения плодов экономического развития на общественные дела и на поддержку сельскохозяйственного производства, а кабинет Абэ одобрил и продолжил политику сво-

⁸ Асахи симбун. 31.07.2007.

⁹ Асахи симбун. 02.08.2007.

¹⁰ Йомиури симбун. 31.07.2007.

его предшественника. Кроме того, по мнению этого известного политолога, премьер-министр Абэ по сравнению с Коидзуми прилагал недостаточные усилия для продолжения реформ. Таким образом, ЛДП и правительство «утратили поддержку своего электората, как в провинции, так и в крупных городах»¹¹.

Весьма жесткую оценку дал глава фракции Т. Ямадзаки. По его мнению, правительство подвергалось насмешкам, поскольку представляло собой «кабинет приятелей», сплошь состоящий из тех, кто играл главную роль в избрании Абэ председателем партии. Руководство глушило внутрипартийную критику, не слушало несогласных. В стремлении к финансовому оздоровлению «нельзя было все сводить к сокращению расходов». В политике необходимо «сделать поворот от приоритета так называемой “рыночности” к акценту на исправление разрыва в доходах, в сторону проявления заботы о социально слабых и провинции»¹².

Депутат парламента от ЛДП К. Като отметил, что причины поражения либерал-демократов выходят далеко за пределы пенсионных проблем. Более вескими причинами, по его мнению, явились «продолжение рыночного курса Коидзуми, распространенного на общественные сферы – медицину, трудовые отношения, благосостояние, образование», а также последствия осуществленной при Коидзуми перестройки порядка финансирования деятельности органов местного самоуправления («реформы по трем направлениям в единстве»), которая вела к разрушению провинции. Результатом стало ослабление поддержки ЛДП на местах. 70–80% недовольства политикой ЛДП, считает Като, происходит от «наследия премьер-министра Коидзуми», а вина Абэ в том, что он не «понял народного беспокойства»¹³.

Результаты выборов стали следствием негативной реакции электората на политику и стиль деятельности ЛДП, кабинета Абэ и лично премьер-министра, но одновременно были обусловлены и «наследием», полученным от правительства Коидзуми.

К поражению либерал-демократов на выборах, на наш взгляд, привела, во-первых, концентрация усилий кабинета Абэ, вопреки реальным интересам основной массы избирателей, на решении задачи «выхода Японии из послевоенного режима». В то же время признанные самим же правительством актуальными другие проблемы, в том числе порожденные «реформами Коидзуми», оставались без должного внимания. Наиболее слабым звеном в работе правительства оказалась особо чувствительная для большей части населения сфера социального обеспечения,

прежде всего пенсии. Начатое правительством Коидзуми и продолженное при Абэ сокращение финансирования регионального развития и общественных работ, расширение различий в экономическом и финансовом положении между зоной крупных городов и сельской местностью, провинциальными городами также подрывали доверие к политике правительства и правящей партии. Жертвы повсеместно усиливающейся конкуренции во всех сферах жизни, которыми в первую очередь становились мелкие и средние предприятия и непостоянные работники компаний, не могли быть удовлетворены обещаниями «поддержки нового выбора», не подтверждаемыми реально ощутимой помощью.

Во-вторых, недоверие к правительству усиливалось по мере выявления многих фактов далекого от «чистой политики» поведения членов правительства, а также их нередких безответственных высказываний, вызывавших общественное осуждение. Премьер-министр запоздало реагировал на такое поведение министров, его авторитет падал из-за становившихся предметом публичного обсуждения конфликтов в его ближайшем окружении. К этому следует добавить, что в отличие от Коидзуми, умевшего целенаправленно воздействовать на средства массовой информации, у Абэ общение с прессой успеха не приносило.

В-третьих, не оправдалось начатое при Коидзуми и продолженное при Абэ смещение акцента предвыборной работы с традиционной опоры на местные поддерживающие организации (так называемые «организованные голоса») на привлечение на свою сторону в первую очередь «беспартийных» слоев населения крупных городов. Такая тактика размывала традиционный электорат в провинции, сельской местности и особенно наглядно проявилась в поражении кандидатов ЛДП на выборах по местным одномандатным округам. Компенсировать эти потери успехами в зоне крупных городов либерал-демократам не удалось, поскольку значительная часть «беспартийного» электората также ощущала бремя «реформ Коидзуми».

Наконец, сказалась возросшая активность главного конкурента ЛДП – Демократической партии, которая сделала в парламенте и обществе объектом острой критики каждый промах и недостаток ЛДП и правительства, настойчиво выдвигала собственные альтернативные проекты решения актуальных проблем. В наступательном духе была организована и избирательная кампания. Продолжая работу, направленную на получение поддержки населения крупных городов, Демократическая партия на этот раз большое внимание уделила пропаганде своей политики в сельской местности и провинциальных городах. ДП приняла меры к тому, чтобы получить «организованные» голоса профсоюзов, в отношениях с которыми у нее с некоторых пор наблюдалось заметное отчуждение. Повороту к жесткому противоборству с либерал-демократами способствовало избрание в апреле 2006 г. лидером Демократической партии И. Одава, влиятельного политика, бывшего руко-

¹¹ Асахи симбун. 31.07.2007.

¹² Йомиури симбун. 14.08.2007.

¹³ Като Коити. Сэйсаку тюсин-ни тонай «сайсэн»-о (За внутрипартийную реорганизацию с акцентом на политику). – Тюо корон. 2007, №9, с. 142.

водящего деятеля ЛДП, с 1993 г. одержимого идеей формирования в Японии второй мощной консервативной партии, способной успешно соперничать с ЛДП в борьбе за власть. Возглавив ДП, И. Одзава рассматривал достижение успеха на данных выборах как последний шанс приблизить осуществление этой идеи.

В политической практике ЛДП поражение на парламентских выборах, даже не столь серьезное, как на этот раз, обычно вело за собой отставку главы партии и правительства. Но Абэ заявил о решимости продолжить руководство страной и партией. 28 августа Абэ сменил в своей партии «руководящую тройку», в которую входят генеральный секретарь партии, председатель совета по изучению политики и председатель совета по общим делам. Генеральным секретарем он назначил Асо Таро.

В тот же день Абэ реорганизовал свой кабинет. Признав необходимость его решительного обновления, по сути «с чистого листа», Абэ осуществил основательную замену членов правительства. Из 17 прежних министров были сохранены только пять. Генеральным секретарем кабинета Абэ был вынужден назначить влиятельного политика, ветерана партии Ёсано Каору. Руководителями министерств, отвечающих за региональное развитие и дела местного самоуправления, а также сферу социального обеспечения, были назначены лица, известные как последовательные критики политики прежнего правительства по этим вопросам. Министром иностранных дел стал Матимура Нобутака, работавший ранее на этом посту в кабинете Коидзуми.

Характерно, что в новый кабинет и партийную руководящую тройку были введены лидеры и наиболее заметные деятели почти всех внутрипартийных фракций, за исключением фракции С. Танигаки. Это свидетельствовало о желании Абэ заручиться широкой поддержкой внутри партии.

После формирования нового кабинета премьер-министр заявил о необходимости направления усилий правительства на решение «проблемы различий в доходах между центром и периферией». Вместе с тем он заявил, что продолжит курс на реформы, без которых «Япония в условиях сокращения населения и глобализации экономики не может быть жизнеспособной». Новым в позиции премьер-министра стало изъяснение намерения «прислушиваться к голосу Демократической партии, вести конструктивные консультации с ней»¹⁴.

Показательно, что внутренние проблемы ЛДП, связанные с ее поражением на выборах, не ослабили активности Абэ во внешней политике. В первой половине 2007 г. он провозгласил «дипломатию ценностей», которая нашла отражение в заявлении Абэ «начать новую фазу сотрудничества» с НАТО (Брюссель, январь), в подтверждении при-

оритетности японо-американских союзнических отношений (Вашингтон, апрель), в подписании Совместной японо-австралийской декларации о сотрудничестве в обеспечении безопасности (Сидней, март).

В течение одного месяца, помимо поездок в Индонезию и Малайзию, Абэ совершил визит в Индию, где было согласовано намерение двух стран не только существенно расширить экономические связи, но и начать сотрудничество в области обеспечения безопасности. Во время очередного саммита АТЭС была проведена первая трехсторонняя встреча глав США, Японии и Австралии, подтвердившая их солидарность в вопросах обеспечения безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

10 сентября Абэ на открывшейся внеочередной сессии парламента представил программу действий реорганизованного им правительства. Премьер-министр вновь подчеркнул решимость оставаться главой правительства, чтобы продолжать проведение широких реформ и добиваться «вывода Японии из послевоенного режима».

В выступлении премьер-министра прозвучала особая озабоченность, касающаяся продолжения деятельности японских военно-морских сил в Индийском океане по тыловой поддержке американских войск, действующих в Афганистане. Абэ настаивал на необходимости сохранить участие Японии в борьбе против террора¹⁵.

Начало осенней сессии парламента подтвердило опасения правительства, что изменение соотношения партийных сил в палате советников в пользу оппозиции будет использовано с целью не допустить принятия правительственных законопроектов, содержание которых для нее неприемлемо. Действительно, лидер Демократической партии И. Одзава призвал к жесткому противостоянию правительству, чтобы вынудить премьер-министра возможно скорее пойти на роспуск палаты представителей и назначить выборы ее нового состава в благоприятной для оппозиции обстановке, когда ЛДП еще не оправилась от поражения на выборах в палату советников. И. Одзава занял непреклонную позицию сопротивления по наиболее чувствительному для премьер-министра Абэ вопросу. Он заявил о намерении ДП препятствовать продлению истекающего 1 ноября срока действия Закона об особых мерах против террора, являющегося основанием для направления японских кораблей в Индийский океан. Таким образом, под угрозой ставилось выполнение сделанного президенту Бушу обещания Абэ не допустить прекращения оборонного сотрудничества с США в этом районе мира.

На третий день работы осенней парламентской сессии премьер-министр Абэ неожиданно для всех объявил руководству ЛДП о решении уйти в отставку, объяснив это тем, что при отсутствии народной поддержки ему трудно продолжать курс на вывод страны из «послево-

¹⁴ Асахи симбун. 28.08.2007.

¹⁵ Речь премьер-министра Абэ в парламенте. – Асахи симбун. 11.09.2007.

енного режима» и «борьбу против терроризма». Ответа на вопрос, почему Абэ решился на отставку только после реорганизации кабинета и объявления программы своих действий в парламенте, а не сразу после поражения на выборах, корреспондентам получить не удалось¹⁶. Официальной версией отставки Абэ была названа его болезнь.

Во время короткой избирательной кампании оба кандидата на пост председателя ЛДП – Фукуда Ясуо и Асо Таро выражали обеспокоенность утратой партией народного доверия и обещали заняться в первую очередь решением проблем повседневной жизни населения. Они предпочли отмежеваться от заявлений о безоглядном продолжении курса Коидзуми на «структурные реформы без святых мест» и приоритете реформ над задачей экономического роста. Фукуда заявлял о стратегии «реформ и экономического роста» при одновременных усилиях для построения стабильной и вызывающей доверие пенсионной системы и решения других актуальных социальных задач.

В своих выступлениях Фукуда стремился создать себе имидж противника радикальной политики, указывал на необходимость больше считаться с народным мнением и не отказываться от консультаций с оппозицией.

Избранию Фукуда председателем ЛДП, видимо, способствовало более благожелательное отношение к нему за пределами партии, которое отмечалось в опросах общественного мнения. Что же касается настроений внутри ЛДП, то можно согласиться с мнением самого Фукуда, который считал фактором его избрания не численное соотношение внутрипартийных фракций, а скорее его личные качества – некую стабильность, возраст и предсказуемый, ровный характер¹⁷.

Став председателем ЛДП, Фукуда назначил генеральным секретарем партии вместо Т. Асо главу относительно небольшой фракции Ибуки Фумэй (69 лет). Руководителю еще одной небольшой фракции Танигаки Садакадзу (62 года) он поручил возглавить Совет по изучению политики. На посту председателя Совета по общим делам остался Никаи Тосихиро (68 лет), также лидер небольшой фракции, некогда входивший в близкое окружение нынешнего главы Демократической партии И. Одава.

25 сентября 2007 г. парламент голосами правящих партий избрал Я. Фукуда премьер-министром. Не сочтя необходимым коренным образом менять состав прежнего кабинета, сформированного лишь месяцем ранее, Фукуда внес в него минимальные изменения. В формировании руководства ЛДП и правительства Фукуда в целом продолжил начатую при реорганизации кабинета Абэ работу по сплочению партии путем

назначения на руководящие должности лидеров и влиятельных членов всех, теперь без исключений, внутрипартийных фракций.

Премьер-министр Фукуда, разумеется, понимал, что перед его правительством стоят две самые неотложные задачи. Во-первых, задача вернуть народное доверие к правительству, без чего невозможно было опротестовать утверждения оппозиции об отсутствии у ЛДП морального права занимать правящее положение. Даже скромные, не очень впечатляющие успехи политического курса нового правительства помогли бы ЛДП, если не полностью избежать роспуска палаты представителей, где сохраняется громадное превосходство над оппозицией, то сделать это позже, когда появятся более благоприятные для правящей коалиции условия выборов нового состава этой палаты.

Во-вторых, срочно требовалось избрать тактику правительства и лично премьер-министра в отношениях с оппозицией, главным образом с Демократической партией, в новых, непривычных для либерал-демократов условиях утраты господства в одной из палат парламента.

Нельзя не отметить, что определенной подвижке в сторону решения первой из названных задач способствовал, как это было в прежней практике ЛДП, факт замены главы партии и правительства. Так, при опросе общественного мнения, проведенном газетой «Асахи», 53% опрошенных выразили поддержку кабинету Фукуда, отрицательно высказались только 27%. Изменения ЛДП ни в лучшую, ни в худшую сторону не ожидало большинство опрошенных, но одновременно существовала надежда, что кабинет Фукуда включится в решение проблем пенсий (67%), внешней политики (55%) и разрыва в доходах (49%)¹⁸. Таким образом, японское общество в целом достаточно позитивно встретило рождение кабинета Фукуда.

Программу деятельности правительства премьер-министр Фукуда обнародовал 1 октября на возобновленной осенней парламентской сессии. Ключевыми фразами речи премьер-министра в парламенте стали заверения в том, что правительство будет отвечать «надеждам народа», обеспечивать его «спокойствие». Откровенно признав сложность проведения государственной политики при несогласованности в работе двух палат парламента, он выразил готовность к «искреннему разговору с коллегами из оппозиционных партий по важным политическим проблемам».

В неотложные задачи правительства были включены: возвращение доверия к правительству и политике в ее общем смысле; создание стабильной и пользующейся доверием системы социального обеспечения; поворот в сторону внимания к формированию условий для безопасной жизни и спокойствия людей; поддержка образования и воспитания детей; продолжение реформ при одновременном экономическом росте;

¹⁶ Асахи симбун. 13.09.2007.

¹⁷ Пресс-конференция Я. Фукуда. – Асахи симбун. 24.09.2007.

¹⁸ Асахи симбун. 27.09.2007.

активные усилия по преодолению проблем, ставших следствием структурного реформирования; забота об экологии будущего.

В целом были подтверждены объявленные прежними правительствами планы административно-финансовой реформы, включая коренной пересмотр системы налогообложения. «Реформы и стабильный рост экономики, – подчеркивал премьер-министр, – это два колеса одной повозки, их следует двигать одновременно. Необходимо адаптировать национальную экономику к меняющимся условиям, укреплять и расширять связи с зарубежной экономикой. Поощрять внутренние и иностранные инвестиции, конкретизировать концепцию открытых дверей для Азии, направленную на поддержку экономического роста в регионе, приступить к развитию туризма и росту конкурентоспособности Японии в финансовых услугах. Содействовать целенаправленному вложению инвестиций в стратегические отрасли и научно-техническое развитие. Расширить подготовку кадров и определить стратегию в сфере интеллектуальной собственности, чтобы занять передовые позиции в мире».

Основой японской внешней политики Фукуда назвал сохранение японо-американского союза и международное согласие, а ее неотложными задачами – «продолжение вспомогательной деятельности японских военно-морских сил самообороны в Индийском океане» и «скорейшее разрешение проблем с Северной Кореей». Деятельность Японии в соответствии с Законом об особых мерах против террора, настойчиво разъяснял премьер-министр, отвечает сотрудничеству с международным сообществом в борьбе против террора и национальным государственным интересам, поскольку Япония нуждается в безопасной морской транспортировке сырьевых ресурсов.

Параллельно с указанием на важность укрепления доверительных отношений в рамках японо-американского союза, Фукуда высказался за активную азиатскую дипломатию Японии. Премьер-министр сообщил, что его правительство будет строить взаимовыгодные отношения с КНР, исходя из общих стратегических интересов двух стран, еще более укрепит доверительные отношения с Республикой Корея, создаст условия для расширения экономического сотрудничества и развития прочих связей со странами АСЕАН. Что касается отношений с Российской Федерацией, то Фукуда выразил намерение «настойчиво добиваться решения территориальной проблемы и одновременно стремиться к развитию связей между двумя странами». В число целей японкой дипломатии премьер-министр включил также реформу Совета безопасности ООН и принятие в него Японии в качестве постоянного члена¹⁹.

Таким образом, программа деятельности нового правительства содержала как официальное признание срочной необходимости возвра-

щения правительству утраченного народного доверия, так и обещание практических шагов в этом направлении, включая корректировку прежнего политического курса. Одновременно была выражена готовность изменить свое отношение к мнению оппозиции в парламенте.

На рассмотрение осенней парламентской сессии правительство вынесло ряд законопроектов, многие из которых имели отношение к проблемам, непосредственно затрагивающим жизненные интересы населения. По такого рода вопросам правительство и ЛДП не отвергали консультации с оппозицией, шли на определенные уступки Демократической партии, которая выдвигала альтернативные проекты или требовала внесения поправок в правительственные проекты. В результате значительная часть законопроектов была принята на этой сессии в результате компромиссных решений. Этому способствовало и то обстоятельство, что законодатели работали под сильным давлением средств массовой информации, призывавших правящие партии и оппозицию не доводить дело до коллапса парламентской деятельности, быть «ответственными партиями».

В иной обстановке принималось решение по проблеме продолжения деятельности японских военных кораблей в Индийском океане, на котором правительство сконцентрировало главное внимание. Правительство разработало и 17 октября внесло в парламент проект нового Закона об особых мерах против террора, по которому деятельность военно-морских сил Японии в Индийском океане должна быть ограничена снабжением кораблей США и других стран горючим и водой, при том только в зоне без боевых действий и сроком на один год.

Было очевидно, что и этот вариант прежнего закона встретит сопротивление Демократической партии. Вместе с тем близость взглядов многих депутатов ДП и ЛДП по многим спорным вопросам порождала разговоры о возможности сотрудничества двух партий в парламенте и даже достижения договоренности о «большой коалиции».

На таком фоне 30 октября и 2 ноября состоялись две конфиденциальные встречи глав ЛДП и ДП, Я. Фукуда и И. Одзава, на которых обсуждались перспективы дальнейших отношений между двумя партиями. Информация об этих встречах противоречива. Факт обсуждения какой-либо формы сотрудничества или «коалиции» фактически признавался, но оба участника встречи представляли дело так, что инициатива исходила от противоположной стороны. Вторая встреча закончилась провалом переговоров. Попытка И. Одзава заручиться согласием узкого круга руководства своей партии на достижение каких-либо договоренностей была отвергнута. По этой причине он подал генеральному секретарю ДП Ю. Хатояма прошение об отставке с поста председателя партии, публично объяснив, что он воспринял неодобрение его действий как выражение недоверия. Впрочем, двумя днями позже, после уговоров со

¹⁹ Речь премьер-министра Я. Фукуда в парламенте. Асахи симбун, 02.10.2007.

стороны других руководящих деятелей партии, Одзава заявление об отставке забрал и выразил готовность продолжить руководство партией²⁰.

Не отказываясь от попыток втянуть ДП в парламентские консультации по правительственным законопроектам, правящая партия решила любой ценой добиваться безоговорочного принятия нового проекта Закона об особых мерах против террора, не допустив тем самым ослабления доверия в отношениях Японии с США. С этой целью правящая коалиция настояла на двойном продлении внеочередной сессии парламента до 15 января 2008 г. и применила крайний, но допустимый конституцией способ разрешения разногласий между палатами парламента путем вынесения ранее принятого палатой представителей, но отвергнутого палатой советников законопроекта, вновь на рассмотрение палаты представителей и его принятие в ней большинством в две трети голосов. Заметим, что до настоящего времени такой способ разрешения разногласий между двумя парламентскими палатами применялся только один раз, 1951 г.

Вступая в 2008 год, две главные политические силы страны, ЛДП и ДП, развернули подготовку к возможным досрочным выборам в палату представителей. Демократическая партия была заинтересована в том, чтобы они состоялись как можно раньше, пока либерал-демократы не оправились от выборного поражения в предыдущем году. И. Одзава ориентировал свою партию на продолжение в парламенте жесткого противостояния правительству с целью побудить его быстрее распустить палату представителей. Такая установка была фактически подтверждена 16 января на съезде ДП, посвященном десятилетию создания партии.

В свою очередь ЛДП также нуждалась в роспуске палаты представителей по соображениям морального плана, но только в случае уверенности в успехе на выборах ее нового состава. Однако разговоры в правящей партии о желательности прибегнуть к роспуску палаты представителей премьер-министром утихли после того, как первая проба преодоления сопротивления оппозиции в палате советников путем повторного голосования в палате представителей особого общественного недовольства не вызвала. Среди либерал-демократов укрепилось мнение, что роспуск палаты представителей, по меньшей мере, может произойти не ранее июля, когда премьер-министр должен выступить хозяином очередного саммита «восьмерки» на Хоккайдо.

В курсе деятельности на 2008 г., принятом съездом ЛДП, поставлена цель «призывать оппозиционные партии выработать новый порядок ведения парламентских дел, осуществлять политику, необходимую государству и народу». Премьер-министр Я. Фукуда в приветствии съезду выразил желание сделать 2008 год «временем поворота к обществу, в

котором главная роль будет принадлежать производителям и потребителям»²¹.

18 января на открытии очередной сессии парламента премьер-министр огласил дальнейший политический курс правительства. Он сообщил о намерении строить государственную политику по следующим пяти направлениям:

1. Осуществить поворот к проведению административно-финансовой политики в интересах народа.

2. Упростить систему социального обеспечения и гарантировать спокойную жизнь народа.

3. Строить жизнеспособное экономическое общество, в котором все люди будут обеспеченными.

4. Активно включать Японию в решение глобальных задач в роли «государства мирного сотрудничества».

5. Сделать поворот в сторону создания «общества низкого углерода» (*«тэй тансо сякай»*), в котором одновременно принимаются меры для предотвращения глобального потепления и продолжается экономический рост.

На каждом из этих направлений работы правительства Я. Фукуда требовал исходить из «народных интересов», строить ее в экономике с «позиции производителей и потребителей», в сфере социального обеспечения – с «позиции потребителей социальных услуг».

Премьер-министр указал, что перед Японией стоят многие «структурные задачи», возникшие вследствие мировых экономических перемен, проявляющихся в стремительном росте КНР, Индии и других стран. Поскольку опыта решения этих задач у развитых стран еще не имеется, то требуется, «сохраняя национальные культуру и традиции, самостоятельными усилиями строить, поднимать новую Японию». «Миссия моего правительства, – заявил Я. Фукуда, – повысить жизнеспособность народа, создавать условия, открывающие для него возможность проявлять активную жизненную энергию». Премьер-министр обещал проводить «ответственную политику», опираясь на коалицию ЛДП и Комэйто и учитывая мнение оппозиционных партий²².

* * *

Итак, состоявшиеся в июле 2007 г. выборы в палату советников японского парламента стали тестом на доверие правящей ЛДП и правительству С. Абэ, пришедшему на смену кабинету Дз. Коидзуми. Провал ЛДП на выборах стал отражением недовольства электората в первую очередь тем, что кабинет Абэ, выдвинув на первый план не столь актуальную задачу вывода Японии из «послевоенного режима»,

²⁰ Асахи симбун. 31.10.2007 – 08.11.2007.

²¹ Асахи симбун. 18.01.2008.

²² Речь премьер-министра Я. Фукуда в парламенте. Асахи симбун. 19.01.2008.

практически ничего не сделал, чтобы исправить признанных им самим негативных социальных последствий курса на радикальные структурные реформы предыдущего правительства. Недовольство и обеспокоенность японского общества практическим содержанием и стилем работы кабинета Абэ дали оппозиционной ДП возможность привлечь на свою сторону избирателей, включая тех, кто в сельских районах и провинции до сих пор составлял традиционную опору либерал-демократов.

Выборное поражение ЛДП коренным образом изменило соотношение политических сил в палате советников: правящие партии лишились большинства в этой части парламента, а ДП заняла в ней господствующие позиции. Несмотря на сохранение решающего, более чем в две трети мест, превосходства над оппозицией в палате представителей, правящие партии и правительство теперь не могли столь откровенно диктовать свою волю в парламенте. Более того, проведение через парламент правительственных законопроектов могло быть надолго заблокировано в палате советников.

Премьер-министр С. Абэ отказался взять на себя вину за поражение ЛДП. Фактическое признание им необходимости пойти на некоторую корректировку правительственного политического курса, сделать его ближе к народным интересам пришло в противоречие с его собственной идеей сосредоточить усилия на выводе Японии из «послевоенного режима». Отсюда и главное последствие провала ЛДП на выборах: неожиданная и в то же время неизбежная отставка премьер-министра Абэ, общая продолжительность деятельности которого не превысила одного года.

Я. Фукуда, избранный новым председателем ЛДП, возглавив правительство, более четко выразил намерение строить его деятельность с учетом народных нужд, повернуться лицом к социальной политике. Провозглашенные им программные установки были нацелены на возвращение народного доверия правительству.

Их реализация могла бы привести к умеренной корректировке внутренней и внешней политики в сторону большей прагматичности. В частности, можно было ожидать, что структурные реформы в Японии будут продолжены взвешенно, в процессе тщательного поиска мер по предотвращению их негативных социальных последствий. Обострение политической конкуренции между ЛДП и ДП также должно было подталкивать правительство к тому, чтобы демонстрировать стремление к консенсусу при принятии наиболее ответственных решений. Вряд ли можно было прогнозировать более глубокие перемены в правительственной политике, поскольку внутренняя структура правящей ЛДП оставалась практически неизменной.

Достигнутое на выборах в палату советников превосходство Демократической партии над правящей коалицией было недостаточно для

смены власти, но одновременно являлось свидетельством того, что в Японии постепенно реализовывался и приобретал зримые очертания замысел формирования политической системы «двух крупных политических партий». В условиях разной расстановки партийных сил в двух палатах парламента ЛДП и ДП столкнулись с необходимостью определить характер их дальнейших взаимоотношений на парламентской арене. Поиск решения этой трудной задачи шел при одновременном развертывании активной подготовки обеих партий к возможным досрочным выборам в палату представителей.

Однако трудности коалиционного правления ЛДП и Комэйто в условиях «перекрученного парламента», с которыми кабинет Фукуда столкнулся в начальный период своей деятельности, сохранялись. ДП, получившая возможность играть руководящую роль в одной из палат парламента, не горела желанием становиться членом «большой коалиции» или помогать восстановлению господства ЛДП в высшем законодательном органе страны путем участия в какой-либо иной форме сотрудничества с правящими партиями. Спротивление оппозиции практической работе правительства продолжалось, не ослабевая в течение очередной парламентской сессии 2008 г. (январь – июнь).

Кабинету Фукуда не удалось добиться заметного продвижения в заявленном им курсе в экономике и социальной сфере, в системных преобразованиях. В сфере же внешней политики впереди маячили не меньшие трудности в получении нового согласия парламента на продолжение деятельности японских военно-морских сил в Индийском океане, прекращение которой вошло бы в противоречие с принципиальной ориентацией правительства на укрепление японо-американского союза. Уровень поддержки кабинета Фукуда в японском обществе быстро падал.

В такой обстановке 2 августа 2008 г. премьер-министр Я. Фукуда пошел на реорганизацию правительства, внося значительные изменения как в состав кабинета, так и партийного руководства, а через месяц неожиданно, подобно своему предшественнику С. Абэ, сообщил о решении уйти в отставку.

Как и годом ранее, ЛДП предстояло избрать нового лидера. Однако, если в 2007 г. было только два претендента, то теперь о желании возглавить правящую партию и стать премьер-министром заявили пять кандидатов различного возраста, начиная с 68-летнего амбициозного потомственного политика Асо Таро (его дед, Ёсида Сигэру, трижды возглавлял правительства Японии в первые послевоенные годы, а отец избирался депутатом парламента).

На завершившихся 28 сентября выборах председателя ЛДП с подавляющим преимуществом победу одержал Т. Асо, получивший голосов больше, чем вместе взятые четыре его соперника. Он добился

успеха с четвертой попытки, с 2001 г. участвуя во всех выборах главы ЛДП. Главным фактором его избрания на этот раз явилась постоянная активная политическая деятельность в правительстве и на руководящих партийных постах при каждом из его соперников-победителей, которыми были премьер-министры Дз. Коидзуми, С. Абэ и Я. Фукуда. Хотя Т. Асо и высказывал критические замечания относительно проведения «реформ Коидзуми», но, в конечном счете, он поддерживал этот курс, помогая премьер-министру проводить его в жизнь, играл роль верного члена его команды. При С. Абэ и Я. Фукуда он занимал посты министра иностранных дел и генерального секретаря партии.

24 сентября премьер-министр Я. Фукуда официально заявил об отставке своего кабинета, который проработал 365 дней, на один день меньше, чем кабинет С. Абэ. Схожи были мотивы добровольного отказа премьер-министров Я. Фукуда и С. Абэ от руководства страной. Я. Фукуда объяснил свою отставку тем, что «не смог соответствующе реагировать» на усложнившуюся обстановку в парламенте, иными словами, на утрату ЛДП права на руководство работой одной из палат: «Сегодня, когда во весь рост стоят и переплетаются между собой внутренние и внешние задачи, важна политическая стабильность. Я ухожу в отставку, очнувшись от иллюзий по поводу возможностей своей миссии»²³.

Т. Асо пришел к власти, полагая, что он сможет решить проблему «политической стабильности», используя для этой цели скорейший, в удобное для ЛДП время, роспуск палаты представителей с тем, чтобы на ее досрочных выборах убедительно подтвердить сохранение поддержки и доверия избирателей к ней, столь необходимых для уверенной и решительной деятельности правительства.

В соответствии с этим он осуществил пересмотр состава партийного руководства, мобилизовав все силы партии на достижение успеха на признанных неизбежными досрочных выборах в палату представителей. Генеральным секретарем ЛДП был назначен Хосода Хироюки из крупнейшей фракции Матимура, которому должны помогать два заместителя: один – ответственный за выборы в крупных городах, другой – в провинциальных районах.

Стремясь заручиться надежной поддержкой в своей партии, Т. Асо, 24 сентября избранный премьер-министром, в своем правительстве сохранил пять министров из предыдущего кабинета, назначил 12 новых, в том числе пятерых впервые. В состав правительства вошли Ёсано Каору и Исиба Сигэру, бывшие соперники Т. Асо на выборах председателя ЛДП.

29 сентября в программной речи в парламенте премьер-министр подчеркнул необходимость строить «светлую и сильную Японию»,

обещал проводить «ответственную и действенную политику, опирающуюся на власть коалиции ЛДП и Комэйто». Политический курс кабинета Т. Асо был изложен в основном в духе двух предшествующих премьер-министров.

Т. Асо отнес к самым важным и неотложным среди задач правительства принятие правительственного проекта дополнительного бюджета, необходимого для осуществления чрезвычайных комплексных мер в экономике, а также получение согласия от парламента на продолжение деятельности японских военно-морских сил в Индийском океане. Премьер-министр подверг резкой критике позицию ДП, выражающей несогласие по этим вопросам, призвал ее к «ответственному поведению» в парламенте²⁴.

Недолговечность одного за другим двух правительств Японии и появление в течение двух лет третьего – очевидное свидетельство неустойчивости коалиционного правления ЛДП и Комэйто, фактически кризисного положения в главной правящей партии.

Высокий уровень поддержки кабинета Дз. Коидзуми в общественном мнении страны, особенно на выборах в палату представителей 2005 г., объяснялся, прежде всего, надеждами народа на выполнение обещания «разрушить прежнюю ЛДП» и «обновить Японию». Однако последующим правительствам не удавалось убедить японское общество в реальном выполнении такого рода обещаний. С. Абэ и Я. Фукуда ушли в отставку, ощутив, что недоверие народа к ЛДП и правительству сохраняется. Под руководством Т. Асо ЛДП, стремясь упрочить правящее положение, сделала акцент на подготовке досрочных выборов в палату представителей, несмотря на осознание того, что даже возможный успех на выборах не будет означать возвращения доверия избирателей и не решит проблемы отсутствия превосходства над оппозицией в другой палате парламента.

²³ Иомиури симбун он – line. 24. 09. 2008.

²⁴ Полный текст речи Т. Асо см.: Иомиури симбун. 30.09.2008.

А. В. Семин

Япония – Китай:

участие в «многополюсной дипломатии» 90-х годов

Япония не получила существенных стратегических преимуществ от разрушения биполярной системы мирового порядка, на которые могла бы рассчитывать, если сравнивать с тем, что обрели США, Германия, а также выигравший на фоне ослабления позиций России Китай. Для японской элиты выход из холодной войны оказался сложнее, чем ожидалось. Она на время утратила политические ориентиры, допустила раскол в правящей партии, не использовала шанса для усиления позиций страны на международной арене. Не обеспечив себе соответствующего влияния, Япония не в состоянии была играть решающей роли в перестройке миропорядка. Это, однако, не означает, что в японских политических, научно-общественных кругах не существовало концепций, которые бы отражали национальные интересы. При этом концепции до определенного момента даже представлялись осуществимыми.

По оценке исследователей японского Института глобального мира, на начало 90-х годов правильными были следующие положения, касающиеся структуры международных отношений:

«1. Двухполюсная структура, существовавшая в послевоенный период в условиях противоборства между США и СССР и загнавшая международное сообщество в ловушку холодной войны, попросту исчезла из-за развала Советского Союза...

2. Так называемый экономический либерализм Европы и Америки уже не всегда может обеспечить устойчивый экономический рост. И хотя в качестве основы остается рыночная экономика, в Восточной Азии все большее распространение получает «дивелопментализм», при котором допускается активное вмешательство правительства в рыночные процессы в форме промышленной политики. От того, в какой степени удастся найти компромисс между двумя названными формами экономического развития, во многом будет зависеть судьба мировой экономики, а значит, и мирового порядка.

3. Ошибочными представляются прогнозы о приходе на смену двухполюсной структуре однополюсного образования, сформированного вокруг военного и политического потенциала США. Но обманчивы также надежды на переход к такой многополюсной системе, в которой

страна преследовала бы лишь собственные выгоды. ...Мировое сообщество встало на вполне очевидный путь сотрудничества в деле сохранения определенных международно-правовых норм...

4. В настоящее время не существует возможности создания всеобъемлющей международной федерации, да и необходимость в ней незначительна... Главная задача современного международного сообщества заключается, прежде всего, в создании всевозможных региональных объединений, имеющих собственные «региональные силы», при соблюдении ими принципа «пакс-консорциум». Ясно также, что главные задачи этих объединений должны соотноситься с определенными международными правилами, т. е. международно-правовыми нормами»¹.

В перечисленных положениях принципиально важным является тезис: «Ошибочными представляются прогнозы о приходе на смену двухполюсной структуре однополюсного образования, сформированного вокруг военного и политического потенциала США». Последующие события подтвердили указанные прогнозы, во всяком случае, именно в этом направлении обозначилась тенденция во второй половине 90-х годов. И Япония была вынуждена участвовать в перестройке системы международных отношений, руководствуясь отнюдь не собственными сценариями. Иначе и быть не могло, если зависимое положение Токио от Вашингтона во второй половине 90-х годов не только не было преодолено, но еще более закрепились.

Очевидно, Японии была ближе концептуально многополюсная модель. И не располагая значительным военным потенциалом, она, по мнению последователей идей Института глобального мира, могла бы занять собственную нишу в такой структуре. В ней не все должно определяться «на основе оценок военной мощи»². Вообще, как утверждалось, с окончанием холодной войны, «с военной точки зрения, многополюсности не существует». С экономической точки зрения, согласно оценке ученых института, «три крупнейшие державы – США, Германия и Япония выступают в качестве трех мировых центров. США представляют американский экономический центр, Япония – восточноазиатский, Германия – европейский»³. Можно соглашаться или нет с отдельными положениями данной концепции, в ней, между прочим, спорными представляются оценки роли Китая и России, но отметим особо, что многополюсная структура мира ряду японских ученых в первой половине 90-х годов представлялась наиболее подходящей, соответствующей интересам Японии, кстати, и Китая тоже. И это на какое-то время, во второй половине 90-х годов, даже породило надежды на сотрудничество двух стран в этом направлении.

¹ Накасонэ Я. и др. После «холодной войны». Пер. с япон. М., 1993, с. 154–155.

² Там же, с. 165.

³ Там же.

В 1997–1998 гг. состоялась серия двусторонних встреч, в том числе на высшем уровне, четверки ведущих государств – США, России, Китая и Японии. В результате, казалось, появились предпосылки для возможного сотрудничества между ними по формированию нового мирового порядка, что нашло отражение в содержании переговоров Токио с Пекином.

Тема четырехстороннего взаимодействия возникла не сразу. Так, на японо-китайской встрече на высшем уровне, проходившей в сентябре 1997 г. в Пекине, страны пришли к принципиальному согласию о «недопустимости трений в двусторонних отношениях: Япония – Китай, Япония – США, США – Китай. При этом премьер-министр Японии Р. Хасимото лишь высказался в пользу «необходимости развивать отношения сотрудничества между четырьмя странами, включая Россию»⁴. Однако дальнейшего развития на той встрече тема не получила. Создавалось впечатление, что все же реальнее для Токио выглядела идея трехстороннего сближения.

Вообще, японская сторона, проявив на пекинском саммите возросшую заинтересованность в углублении отношений с КНР, в очередной раз подтвердила намерение сохранять тесные союзнические связи с США. «Сейчас, когда ликвидирована советская угроза, воспринимавшаяся как общая Японией, США и Китаем, союзнические отношения Японии с США обретают, в соответствии с японо-американской декларацией о безопасности и пересмотром “Основных направлений двустороннего сотрудничества в области обороны”, новые качества. Мы одновременно заинтересованы в поддержании хороших отношений с Китаем, который осуществляет модернизацию вооружений и подъем экономики», – подчеркнул выступая на пресс-конференции в Пекине глава правительства Японии⁵.

В направлении углубления трехсторонних отношений Японии, США и Китая в этот период были предприняты отдельные практические шаги. В частности, была развернута работа по созданию органа, занимающегося изучением проблем безопасности на экспертном уровне⁶. Согласие Китая на участие в этой структуре специалистов Центра исследований международных проблем КНР японской и американской стороной воспринималось как важная предпосылка для осуществления идеи сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности в регионе. При этом было очевидно, что Пекин не спешит переводить сотрудничество на официальный уровень, в чем проявляли заинтересованность его партнеры, особенно Вашингтон. Свой подход китайская сторона объясняла ссылкой на необходимость в этом вопросе продвигаться «шаг за шагом»⁷.

⁴ Иомиури симбун. 06.09.1997.

⁵ Там же.

⁶ Иомиури симбун. 06.09.1997.

⁷ Там же. 01.11.1997.

Дипломатические контакты создавали впечатляющую картину, не имевшую в течение десятилетий прецедента. Только за вторую половину 1997 г. состоялись следующие важные встречи в рамках двусторонних связей «четверки»:

Япония – США: визиты министра иностранных дел Японии Обути в США (сентябрь 1997 г.) и заместителя госсекретаря США Тэльбота в Японию (ноябрь 1997 г.);

Япония – КНР: визиты премьер-министра Хасимото в КНР (сентябрь 1997 г.) и премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Японию (ноябрь 1997 г.);

Япония – Россия: встреча Обути с премьер-министром России Примаковым в Нью-Йорке (сентябрь 1997г.) и визит Хасимото в Россию (ноябрь 1997 г.);

США – КНР: визит председателя КНР Цзян Цзэминя в США (октябрь 1997 г.);

США – Россия: встреча президента США Клинтона с Примаковым в Нью-Йорке (сентябрь 1997 г.);

Россия – КНР: визит президента России Ельцина в КНР (октябрь 1997 г.)⁸.

К началу токийского саммита Япония – КНР в ноябре 1997 г. уже было известно, что на 1998 г. намечены визиты Цзян Цзэминя в Японию, Ельцина – в Японию и Китай, Хасимото – в Россию, Клинтона – в Китай.

По оценке японских аналитиков, в тот период двусторонними договоренностями, достигнутыми в ходе контактов, постепенно формировалась основа для последующего четырехстороннего взаимодействия, притом, что отличалось содержание договоренностей.

Таблица 1
Характер двусторонних договоренностей в рамках «четверки»*

Япония – США	Усиление японо-американских союзнических отношений
Япония – КНР	Регулярный взаимный обмен визитами лидеров двух стран
Япония – Россия	Согласие относительно совместных усилий по заключению договора о мире до 2000 г.
США – КНР	Утверждение идеи конструктивного и стратегического партнерства
Россия – КНР	Призыв к развитию тесных отношений

* Иомиури симбун. 01.11.1997.

⁸ Иомиури симбун. 01.11.1997.

В тот период в японских средствах массовой информации нередко можно было встретить с утверждением о наступлении «критической стадии» во внешней политике страны, об «обнадеживающих признаках процесса формирования нового международного порядка»⁹.

Обращает на себя внимание факт усиления поддержки в японских политических кругах идеи четырехстороннего сотрудничества Японии, Китая, США и России. В этом убедился премьер Госсовета КНР Ли Пэн во время своего пребывания в Токио. На встрече с группой видных японских политиков, входящих в неформальный клуб бывших глав правительства Японии (Накасонэ, Такэсита, Кайфу, Хата, Хосокава), Я. Накасонэ была высказана, очевидно, общая точка зрения: «Важно, чтобы четыре державы, избегая резких, скоропалительных действий, стали стратегическими партнерами, исходя из принципа строительства нового международного порядка»¹⁰. Китайский руководитель оценил идею как серьезную. Несколько ранее она была изложена в одной из статей Я. Накасонэ, опубликованной в Японии. Он писал: «В северо-восточной части Тихого океана Россия, Китай, Япония и США должны попытаться создать четырехстороннюю политическую структуру – международный орган – в целях сотрудничества в сферах экономики, безопасности, энергетики и охраны окружающей среды»¹¹. Накасонэ высказал суждение, что более всего в создании подобной структуры заинтересована Япония и, возможно, Россия. Он подчеркивал, что в случае создания такая структура могла бы стать гарантом мира и стабильности на Корейском полуострове.

Сходную точку зрения развивал позднее тогдашний заместитель министра иностранных дел Японии Минору Тамба, выступая на международном коллоквиуме в Токио в ноябре 1998 г. Он указывал: «В последние годы Япония, США, Китай и Россия являются источником политического динамизма в Восточной Азии. Между ними активизируются контакты». По его мнению, у дипломатической активности имелись «три основные причины: 1) «новый порядок» в АТР после окончания холодной войны лишь предстоит создать; 2) в регионе сохраняются предпосылки потенциальной нестабильности такие, как тайваньская проблема; опасения, связанные с Северной Кореей; территориальный спор между Японией и Россией; 3) Япония и Россия в последние годы улучшили двусторонние отношения, чем создаются предпосылки для возникновения новой геополитической силы в регионе»¹².

Стремление японского руководства включиться в «многополярную дипломатию» нашло отражение в выдвинутой в 1997 г. премьер-мини-

стром Р. Хасимото внешнеполитической программе «Евразийская дипломатия», в которой подтверждение приоритетности японо-американских отношений впервые за долгие годы столь определенно сочеталось с признанием необходимости «активно развивать конструктивные отношения» с Китаем и Россией¹³.

Однако как для Японии, так и для остальных участников этого «дипломатического раунда» с самого начала существовали немалые трудности, которые стали причиной того, что процесс так и не приобрел устойчивого характера, и в конечном итоге – прервался. Движение происходило в условиях действия множества противоположных векторов. Между сторонами сохранялись серьезные противоречия, не была преодолена взаимная подозрительность. К примеру, согласно источникам японского министерства иностранных дел, первой реакцией в правительственных кругах Японии на намечавшееся в 1997 г. сближение Пекина с Вашингтоном и Москвой была настороженность. Так, после переговоров Цзян Цзяминя с Клинтоном возникла обеспокоенность, «не получит ли развитие дипломатия, при которой Япония будет отстранена и США сделают отношения с Китаем для себя приоритетными». А после визита Ельцина в Пекин в кабинете министров Японии появились сторонники того, чтобы в ответ «на китайское заявление об укреплении отношений с Россией были предприняты ответные шаги Японией и США»¹⁴.

Особо следует отметить, что на токийском саммите 1997 г. выявилось принципиальное различие между Китаем и Японией в подходе к формированию международного порядка. Китайская сторона выражала обеспокоенность тем, что оно происходит при центральной роли США, указывала на то, что мир становится многополярным. Вот как оценивал структуру миропорядка после распада СССР эксперт Китайской академии современных международных отношений Цзян Биньян: «Доминирующая роль США как единственной сверхдержавы сочетается с глобальной многополярностью: Китай, США, Россия и Япония уравнивают друг друга»¹⁵.

Более детально картину многополярного мира описывал китайский автор статьи «Силы отношения в сегодняшнем мире» Ян Сиюэ. Исходя из утверждения, что мир переживает период «одной сверхдержавы и множества держав», Сиюэ пояснял:

– США – единственная сверхдержава, обладающая всеми атрибутами национальной мощи;

¹³ The Daily Yomiuri. 25.07.1997.

¹⁴ Иомиури симбун. 10.11.1997.

¹⁵ Jiang Benliang. The New Pattern of Current Major Powers Relationship. – International Studies. 1998. № 3–4, p.16. Автор – руководитель Института изучения Японии Китайской академии современных международных отношений.

⁹ The Daily Yomiuri. 13.11.1997.

¹⁰ Иомиури симбун. 12.11.1997.

¹¹ The Daily Yomiuri. 03.11.1997.

¹² The Daily Yomiuri. 04.11.1998.

– США и Россия формируют военно-силовую биполярность мира;
– США, Япония, Европейский Союз и Восточная Азия определяют четырехугольную структуру экономических отношений в мире;
– США, Европейский Союз, Япония, Россия и Китай составляют пять политических центров в мире¹⁶.

По мнению китайских исследователей, основной предпосылкой движения мира к многополярности является постепенное ослабление национальной мощи США. Важно отметить, что в конце 90-х годов китайские аналитики видели в России влиятельного участника организации будущего мироустройства, тогда как японская сторона делала упор на то, что США принадлежит главная роль в поддержании стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе, чем определяется их лидирующее положение в системе международных отношений. Примечательно, что уже первые шаги Японии на поприще «многополярной дипломатии» вызвали обеспокоенную реакцию у части политической элиты. В японских средствах массовой информации стали выражаться опасения, что Япония может изменить своей традиционной ориентации на Вашингтон. При этом подчеркивалось, что «японо-американские отношения решительно важнее отношений Японии с любой другой страной, поскольку Японию и США связывают такие общие ценности, как рыночная экономика, демократия, и их союз в рамках договора о взаимном обеспечении безопасности»¹⁷. Высказывались и более определенные суждения: «Хотя сотрудничество четырех стран важно, имеются неизбежные различия. Например, Япония базирует дипломатические подходы на своих отношениях с США. Могут возникнуть изменения в международной ситуации, но нет причин, вынуждающих Японию изменить свой внешнеполитический курс. Твердое следование ему, действительно, более всего отвечало бы интересам страны. В отношении этой ориентированной на США дипломатии Китай и Россия подчеркивают, что мир стал «многополярным». Они отчасти обеспокоены тем, что с миром, в котором доминируют США, возможно, будет покончено. И хотят это предотвратить»¹⁸.

Анализ итогов дипломатической активности четырех держав при участии Японии и КНР в конце 90-х годов позволяет сделать следующие выводы:

– Япония и Китай вступали в переговорный процесс, стремясь не отстать от геополитического перераспределения ролей при участии США и России;

– стороны, как показали события, не собирались отказываться от важнейших для себя внешнеполитических ориентиров;

– эта «многосторонняя дипломатия» в конечном итоге не ушла далеко от целей взаимного зондажа позиций; возникнув в 1997 г., она уже к 1998 г. во многом исчерпалась;

– между Японией и Китаем не произошло ни согласования, ни сближения позиций, они в основном лишь были уточнены.

В целом подтвердились слова бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, который сказал: «Японо-китайские отношения не свободны от внешнего воздействия. Наиболее сильное влияние на них оказывает такой фактор, как тесный, многофункциональный альянс Японии с США. Что касается Японии, то рамками союза ограничивается свобода ее дипломатического выбора в отношении Пекина»¹⁹. Подобное признание видного американского политика и дипломата является дополнительным свидетельством того, что отнюдь не случайно так и не были осуществлены внешнеполитические цели Японии, содержащиеся в «Евразийской дипломатии» (1997 г.). Р. Хасимото, а он сам, будучи убежденным сторонником и успешным проводником нового внешнеполитического курса, составной частью которого стала «многополярная дипломатия», совершенно неожиданно для многих в стране и за ее пределами ушел со своего поста (1998 г.), не доведя дела активизации отношений с Китаем и Россией до намеченного рубежа. С уходом Р. Хасимото обозначился спад в развитии диалога Токио и с Пекином, и с Москвой.

В таком исходе решающая роль принадлежала Вашингтону. В его планы, по-видимому, не входило предоставление Токио такого дипломатического выбора, как углубление отношений с Китаем (и Россией). США не собирались уступать Японию никому, и сами они слишком много значили для нее. Поэтому японо-китайское взаимодействие в период четырехсторонней дипломатической активности имело скромные результаты: политический диалог продвинулся до предварительного обсуждения проблем регионального сотрудничества на многосторонней основе, до декларирования двустороннего партнерства на перспективу. Китай на данном этапе фактически подтвердил заинтересованность в осуществлении многополярной модели мироустройства. Япония же на деле оказалась не готовой разделять с Китаем данный подход, будучи более всего связанной в своих внешнеполитических шагах с США. Настораживало Токио и то, что идея построения многополярного мира может стать общей для Пекина и Москвы, в противовес Вашингтону. Такая перспектива японцами была спрогнозирована уже на старте разворачивавшейся «многополярной дипломатии». Так, в апреле 1997 г. «Санкэй симбун» писала по итогам официального визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Москву: «Стороны договорились противодействовать “однополярному господству” США и “способствовать созданию

¹⁶ Yang Xiyae. Power Relations in Today's World. – Beijing Review. 01–14.03. 1999.

¹⁷ The Daily Yomiuri. 07.11.1997.

¹⁸ Ibid. 13.11.1997.

¹⁹ Ibid., 25.08.1997.

многополюсного мира, возникновению, таким образом, нового международного порядка". ...Это означает, что Россия вступила на бесперспективный путь, возможно, ведущий к ее изоляции. Поэтому Японии следует внимательно следить за дальнейшим развитием китайско-российского сотрудничества»²⁰.

На данном историческом рубеже Японии, очевидно, было не дано сбалансировать свои отношения с США и Китаем. Это по-своему оценивала, в частности, китайская сторона. «Япония не в состоянии выстроить политику, которая позволит поддерживать надлежащие японо-американские и японо-китайские отношения. "Китайское" направление японской политики будет подвержено шатаниям до тех пор, пока Япония стремится к двум целям: сдерживать Китай (Японо-американский договор безопасности) с одновременными попытками развивать с ним экономические отношения», – отмечал китайский эксперт по проблемам японской политики Цзинь Цзяньюнь²¹.

В результате под сомнение была поставлена роль трех держав – Японии, Китая и США в обеспечении совместными усилиями мира и процветания в Азиатско-тихоокеанском регионе. Так, на переговорах министров иностранных дел стран АСЕАН в Сингапуре в июне 1999 г. премьер-министр этой страны Го Чок Тон выразил обеспокоенность ухудшением отношений между тремя государствами, он подчеркивал: «Стабильность японо-американо-китайских отношений – жизненно важный фактор, определяющий безопасность и планомерное восстановление экономики в регионе. Но трехсторонние отношения находятся под ударом. Подвержены периодическим взлетам и падениям японо-американские отношения, через призму исторического прошлого до сих пор рассматриваются японо-китайские отношения, обострились в последнее время американо-китайские отношения...»²²

Вскоре стало ясно, что под ударом находилась «многополярная дипломатия», а также в целом перспективы сотрудничества Японии, Китая, США и России в строительстве нового международного порядка. Как показали события 1999 г., разворачивавшиеся вначале вокруг югославского Косово, а затем – российской Чечни, идея создания многополюсного мира терпела поражение в условиях доминирования в международных отношениях Соединенных Штатов, готовых навязать мировому сообществу однополярную модель миропорядка «по-американски».

Таким образом, в последнее десятилетие XX в. Япония подтвердила свою приверженность тесному союзу с Соединенными Штатами. Этим в значительной мере были предопределены перспективы и рамки отношений Токио с Пекином на ближайшие годы с вытекающими из этого

обретениями и издержками. Вашингтон не был заинтересован в японо-китайском сближении – и оно на рубеже веков оставалось неосуществимым.

Место Китая в изменяющейся геополитической обстановке в Восточной Азии

Феномен резкого и устойчивого экономического роста Китая, а также сопутствовавшее этому усиление военной мощи и политического влияния вносили серьезные коррективы в расстановку сил в Восточной Азии. Уже на рубеже XX–XXI вв. Вашингтон с тревогой следил за развитием Китая, угадывая в нем быстро усиливавшегося будущего соперника. В конце 1999 г. бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, анализируя состояние американо-китайских отношений, отмечал: «...Китай, подобно Советскому Союзу, идеологически устремлен к региональному, если не к глобальному доминированию. Сосуществование с ним невозможно. Мы должны оказывать давление на это последнее крупное тоталитарное государство до тех пор, пока оно не трансформируется в мирное и демократическое. Нарастивание военной мощи и экономический взлет Китая с неизбежностью бросают вызов Америке в Азии и должны быть заблокированы еще до того, как достигнут неуправляемых масштабов»²³. Довольно скоро появились признаки того, что Вашингтону трудно «управлять» этим процессом. В середине 2002 г. председатель комиссии конгресса США по американо-китайским отношениям Ричард Д'Амато в своем докладе констатировал, что происходящая экономическая интеграция Китая с другими странами Восточной Азии создает условия для доминирования Китая в данном регионе. В докладе указывалось: «Китайские лидеры убеждены в том, что США как держава теряют свое влияние и в существенной мере становятся уязвимыми в военном отношении, чем можно воспользоваться. Китай стремится стать ведущей мировой державой, играть решающую роль в Азии. В конечном счете, Китай ставит целью формирование многополярного мира, в котором он мог бы стать союзником других укрепляющихся центров силы, таких, как Россия, Япония и Европа, с задачей подорвать позиции США»²⁴.

В докладе американского Центра исследований международных и стратегических проблем (Center for Strategic International Studies – CSIS) проанализированы современная политика США в Азии, американо-китайские отношения, обозначены ключевые моменты этих отношений. Определяя основные цели своей политики в Азии, Вашингтон до самого последнего времени подчеркивал важность сохранения здесь своего присутствия и достижения «специфических» результатов в от-

²⁰ Санкэй симбун. 28.04.1997.

²¹ The Daily Yomiuri. 04.06.1998.

²² Ibid., 24.07.1999.

²³ Kissinger H. Sino-U.S. Relations Still in Doubt. – The Daily Yomiuri. 25.10.1999.

²⁴ Kyodo News. 16.07.2002.

ношении Китая. Как понимаются эти «специфические» результаты, становится ясным из анализа некоторых заявлений американских официальных лиц.

Бывший госсекретарь К. Пауэлл делал акцент на «канализации» поведения Китая в русле «ответственности»: «Мы приветствуем глобальную роль Китая при условии, что он берет на себя бремя “ответственности”, которая этой ролью определяется».

Помощник госсекретаря по Восточной Азии Дж. Келли уделил особое внимание проблеме политической либерализации в Китае: «Правительство США стремится защитить демократию на Тайване и стимулировать конструктивную интеграцию Китая в мировую систему, как и утверждение прав личности в этой стране».

О попытках блокирования действий Китая по подрыву влияния США в регионе свидетельствовали слова Дж. Келли: «Приветствуя конструктивное участие Китая в Азиатско-тихоокеанском регионе, мы нуждаемся в гарантиях, что США сохранят полномасштабные отношения со странами Юго-Восточной Азии»²⁵.

В докладе, подготовленном в CSIS, состояние отношений между США и Китаем характеризовалось как результат действия противоположных тенденций – конвергенции и дивергенции.

Общие цели США и Китая

- Расширение международной торговли; стимулирование двусторонней торговли;
- мирная, стабильная международная обстановка;
- сильный, процветающий Китай;
- противодействие исламскому национализму;
- противодействие (в принципе) «террористическим организациям»;
- Корея: снижение напряженности (на полуострове – А. С.), реформы в Северной Корее ²⁶.

Ключевым вопросом развития ситуации Вашингтон считает возможность смены лидерства и влияния в Восточной Азии и в целом в АТР. США осознают, что возможности и влияние Китая возрастают в регионе, где они в течение долгого времени были сильнейшей державой в политическом, военном и экономическом отношениях. В то время как влияние Китая увеличивается, вес и влияние США снижаются. Вашингтон заинтересован сохранить свои позиции. Иначе говоря, подъем Китая, по американской оценке, неизбежно «наносит удар по интересам США, по геополитической ситуации в Восточной Азии, в АТР»²⁷.

²⁵ http://www.csis.org/pacfor/issues/vol4no6_ch4.cfm

²⁶ Ibid.

²⁷ http://www.csis.org/pactor/issues/vol14no6_ch4.cfm

Таблица 2
Несовпадающие цели США и Китая*

США	Китай
1. Однополярная модель миропорядка	1. Многополярная система
2. Мир, базирующийся на «ключевых» союзах	2. Союзы = «менталитету холодной войны»
3. Утверждение либеральной демократии	3. Политическая либерализация = «бездымной войне»
4. Интервенция против государств-изгоев	4. Суверенитет и невмешательство
5. Война с террором: справедливость превентивной войны	5. Меньше угроза – иная мера
6. США – главный игрок в сфере обеспечения безопасности в Азии	6. Роль США снизилась – роль Китая повысилась
7. Корея – союзник США	7. Корея – союзник Китая
8. Япония – «Великобритания Азии»	8. Япония – слабая и нейтральная
9. Оборона с использованием ракет укрепит мир	9. Оборона с использованием ракет – дестабилизирующий фактор
10. Нет – распространению китайского оружия массового уничтожения	10. Выборочное распространение способствует достижению целей Китая
11. Тайвань остается демократическим; рассчитывает на уважение.	11. Воссоединение вне зависимости от желания Тайваня

* http://www.csis.org/pacfor/issues/vo4no6_ch4.cfm

Ослабление позиций сторонников концепции однополярного мира

Как уже отмечалось, «многополюсная дипломатия однополярного мироустройства» с участием Японии в конце 90-х годов не имела успеха, не привела к утверждению миропорядка, основанного на «сотрудничестве и соблюдении международно-правовых норм». Однако это не означало, что в Японии внезапно исчезли сторонники самой идеи построения многополярного мира. К началу XXI в. их убежденность в своей правоте получала подкрепление в критическом анализе издержек мироустройства «по-американски». Это можно видеть на примере исследовательской работы советника министерства иностранных дел Курияма Такакадзу ²⁸. Анализируя события 90-х годов, он утверждал в 2000 г., что «движению мира к многополярности задан толчок». «Совершенно очевидно, – писал Т. Курияма, что распад СССР вызвал пре-

²⁸ Т. Курияма – профессор токийского университета Васэда, бывший посол Японии в США и Малайзии.

вращение США в единственную в мире военную сверхдержаву и, как можно видеть в перспективе, ни одна страна не сможет сделать вызов военному превосходству США. В экономической области имидж США как единственной державы-победителя связан, главным образом, с представлениями о лидерстве в революции информационных технологий ... Что же касается формирования и поддержания мирового порядка, то “золотой эры”, существовавшей в мире с 50-х до середины 60-х годов, больше нет. ... Мир сегодня все менее стремится следовать за Вашингтоном по ряду причин. Наиболее развитые из государств, которые за последние полвека достигли тройного роста экономики, испытали сдерживающий эффект воздействия со стороны США и ведут работу по строительству и поддержанию более сложного миропорядка. Военная сверхдержава, столь мощная, с военной точки зрения, как США, имеет свои собственные проблемы, которые должна решать. Одна лишь сила не может быть ничем иным, кроме угрозы миру. Об этом свидетельствуют примеры событий на Балканах, в Ираке и на Корейском полуострове... Между прочим, доля США в мировой экономике упала с прежних 40% до сегодняшних 25%. Сегодня и рост, и благополучие американской экономики стали несравненно более чувствительны к тенденциям в мировой экономике из-за возросшей взаимозависимости, связанной с глобализацией»²⁹.

Примечателен прогноз, который давал японский эксперт: «Хотя США, несомненно, останутся в XXI в. в статусе наиболее влиятельной державы мира, их влияние никоим образом не будет столь значительным, чтобы соответствовать однополярному статусу. Напротив, Америка ощутит себя ограниченной рамками многополярной структуры мира, которая будет включать возросшее число “игроков”, действующих по собственной воле в политической и экономической областях. Этими “игроками” будут не только государства, но и неправительственные организации, и многонациональные корпорации»³⁰.

Прогноз японского аналитика подтверждается. Нараставшая угроза системе однополюсного мира по-американски, начиная с 2003 г., стала обсуждаться не только профессиональными политиками и политологами. Распространение темы за пределы кабинетов в сферу публичной дискуссии стало одним из свидетельств растерянности инициаторов одноименной стратегии. В августе 2003 г. в «Известиях» в рубрике «Взгляд из Вашингтона» была опубликована статья госсекретаря США К. Райс «Многополярность как теория соперничества». «Тревожит то, что некоторые с восхищением – и даже с чувством ностальгии – говорят о многополярности», отмечалось в статье. Она призывала оставить «поиск

новых полюсов» и направить «энергию на создание того, что президент Буш назвал “балансом силы, благоприятствующим свободе”»³¹.

Через пять дней в рубрике «Взгляд из Москвы» в той же газете была помещена статья академика РАН Примакова «Мир без сверхдержав». В статье говорилось: «После окончания холодной войны мир стал развиваться в направлении многополярной структуры... Сегодня супердержав нет... Соединенные Штаты, хотя они и обладают исключительным политическим влиянием и являются самым мощным в военном и экономическом отношении государством мира, утратили такой статус». В заключение автор задавал важный вопрос: «Кто возьмется утверждать, что Китай, который накачивает свои экономические мускулы, станет частью системы однополярного мира и будет безропотно следовать в хвосте событий, определяемых из одного центра? Это же касается России, Индии, Японии»³².

Итак, попытки США строить однополярный мир, прибегая к использованию комплекса политических, экономических, идеологических, силовых технологий, полного успеха не имели. Провал потерпела силовая политика Вашингтона. США оккупировали Афганистан и Ирак, создали базы в Центральной Азии, стали готовиться к вторжению в Иран. И этот курс не получил поддержки в американском обществе. Это, в частности, показали результаты выборов в 2006 г. в Конгресс, а также оценки политики США в Ираке в докладе Бейкера-Гамильтона. Стало очевидным, что уход американских войск из Ирака – лишь вопрос времени, а новые агрессивные планы, прежде всего, в отношении Ирана, сняты с повестки дня. Увязнув на Ближнем Востоке, США упустили события в Латинской Америке, не осуществили замыслов в отношении Северной Кореи, не смогли противостоять укреплению позиций России и Китая в Центральной Азии. Вашингтон все более утрачивает поддержку своей «однополярной» политики со стороны стран-союзников. Известный американский философ и футуролог Ф. Фукуяма в своей книге «Америка на распутье» констатирует: «Возникновение однополярного мира после окончания холодной войны привело к такому расширению гегемонии Америки, что оно стало вызывать беспокойство даже у ближайших союзников США»³³. Примечательно, что Фукуяма приходит к значимому заключению: «Тот факт, что ошибки совершены единственной мировой сверхдержавой, выявляет жизненно важные пробелы в самой основе мирового порядка, основанного на “благодетельной гегемонии” Америки»³⁴. Все более очевидно, считает эксперт гонконгского Центра исследования международных проблем

²⁹ Kuriyama T. Challenges for Japan, s Foreign Policy Future. – Japan Review of International Affairs. 2000, vol.14, №3, p.201–202.

³⁰ Ibid., p.210.

³¹ Известия. 21.08.2003.

³² Известия. 26.08.2003.

³³ Фукуяма Ф. Америка на распутье. М., 2007, с.20–21.

³⁴ Там же, с.255.

М. Клер, вырисовывается перспектива геополитического противостояния Вашингтону со стороны Пекина, прежде всего в Восточной Азии³⁵.

Есть и другие свидетельства сдачи позиций Соединенными Штатами, в частности, касающихся отношений со Старым Светом. В мае 2007 г. в ходе встречи лидеров «восьмерки» было оглашено намерение США и Европейского Союза (ЕС) создавать «Атлантический общий рынок». С одной стороны, в этих планах просматривается признание Вашингтоном несостоятельности прежнего курса на исключительное право самому определять границы американских торгово-экономических предпочтений. С другой стороны – налицо признание европейской элитой военной и финансовой зависимости от США, общности с ними ценностей рыночной экономики и либеральной демократии. В таком стремлении «сплотиться» с традиционной соперницей – Европой многие наблюдатели увидели не только поражение политики «однополярного мира», но и признание Вашингтоном этого поражения.

На встрече «восьмерки» (2007 г.), в своей программной речи канцлер Германии Ангела Меркель, давая разъяснения о необходимости стратегической переориентации Европы на «атлантизм» и Соединенные Штаты, раскрыла мотивы: «Иначе мы не выдержим конкуренции с Китаем в XXI в.»³⁶. Понято, что имелся в виду не один Китай, а вместе с Японией. Запад, очевидно, не исключал возможности возникновения в противовес «атлантическому центру силы» альтернативного – «тихоокеанского центра». Эти опасения вполне могли возникнуть после японо-китайского саммита в апреле 2007 г. А некоторые политологи уже были готовы предсказывать, что «нарастание конфликтного потенциала между “атлантическим” и “тихоокеанским центрами силы” грозит стать основным содержанием мировой истории, как минимум, на предстоящее десятилетие»³⁷.

Геополитическая ситуация в Восточной Азии. Япония – Китай – США и интересы России

Геополитическая ситуация в Восточной Азии находится под прямым воздействием обозначившихся глобальных тенденций. Изменения затрагивают, прежде всего, отношения в треугольнике Япония – Китай – США, а они в своей основе предопределены быстрым экономическим подъемом Китая.

Согласно долгосрочному экономическому прогнозу Центра экономических исследований Японии (Japan Center for Economic Research –

³⁵ Klare M. New moves on the tripolar chessboard. – http://www.atimes.com/Middle_East/HF17Ak01.html 17.06.2006.

³⁶ Завтра. 2007, май, №20.

³⁷ Нагорный А., Кононов Н. Тень Китая над G-8. Мир обретает новую геополитическую структуру. – Завтра. 2007, май, №20.

JCER), ВВП (измеренный на базе паритета покупательной способности на 2000 г.) Китая составит в 2020 г. 17,3 трлн. долл.; 2030 г. – 25,2 трлн.; 2040 г. – 30,4 трлн.; 2050 г. – 33,4 трлн. долл.

ВВП США будет равен в 2020 г. 16,8 трлн. долл., 2030 г. – 21,4 трлн.; 2040 г. – 27,2 трлн.; 2050 г. – 34 трлн. долл.

ВВП Японии достигнет в 2020 г. 4,2 трлн. долл., 2030 г. – 4,7 трлн.; 2040 г. – 5 трлн. долл.

Вот к каким выводам приходит на основании этого прогноза президент Института развивающихся экономик ДЖЕТРО, вице-президент Национального института политических проблем (Токио) Такаси Си-раиси:

– Масштабы китайской экономики превысят масштабы экономики США в период 2020–2040 гг., в то время как экономика Японии останется на уровне 1/7 от США и Китая.

– Так как экономики США и Китая станут конкурировать, Япония будет играть решающую роль в определении баланса сил в Восточной Азии. К примеру, в 2020–2040 гг., когда масштабы экономики КНР превысят масштабы экономики США, суммарно японская и американская экономики будут крупнее китайской.

Роль Японии будет состоять не в том, чтобы концентрировать свои дипломатические усилия на выработке баланса сил между США и Китаем. Вместо этого Японии следует сохранять японо-американский альянс, одновременно продвигаясь в стратегическом диалоге с Китаем, чтобы таким путем способствовать постепенной трансформации «порядка» в регионе³⁸.

В диалоге Япония – Китай всегда в той или иной форме присутствуют США. Они участвуют (зримо или незримо) в выработке японской внешней политики в целом (главный ее постулат: «японо-американские отношения – краеугольный камень» японской дипломатии) и определении ее курса на китайском направлении в особенности. Расхождения между Токио и Вашингтоном периодически возникают, но они разрешаются, как правило, в соответствии с американскими интересами. Последнее уже стало своего рода традицией. Но в новых условиях Япония может отказаться от этой традиции, приняв в расчет изменение соотношения сил в своем окружении. Существует вероятность трансформации отношения Токио к союзу с Вашингтоном. Эту перспективу пытаются исследовать японские (и американские) политологи. Пример подобного исследования – вышедшая в Японии в 2007 г. и ставшая бестселлером книга автора Харуки Иосида «Бэйкоку-ка Тюгоку-ка?» («Америка или Китай?»)

Х. Иосида считает, что для Японии предпочтительнее иметь сильного союзника. Сегодня, очевидно, сильными являются Соединенные

³⁸ The Daily Yomiuri. 17.06.2007.

Штаты, в ближайшей перспективе в союзе с Японией они станут еще сильнее. Однако в дальнейшем более сильным будет Китай. В настоящее время Япония прикрыта американским ядерным зонтиком, однако нет уверенности в том, что в случае ядерного нападения на Японию США нанесут по агрессору ответный удар, поскольку нет такого взаимодоверия в японо-американских отношениях. Существует мнение, что в перспективе США постепенно уйдут из Азии. В таком случае Япония без колебаний свяжет себя с Китаем. В будущем мощь США относительно уменьшится, а КНР – возрастет. Вместе с тем, у США, как представляется, еще сохранится выбор: наряду с Японией и Южной Кореей, заключить союз с Филиппинами, а также Индонезией. Но для этого у США уже отсутствует потенциал лидера ³⁹.

Иосида в своей работе также анализирует современные взгляды известных американских специалистов на перспективу японо-американского союза. Бжезинского и С. Хантингтона. В кратком изложении японского исследователя суть точки зрения Бжезинского в его книге «Видение мира с геополитической точки зрения», вышедшей в Токио на японском языке⁴⁰, сводится к следующему. Излишне полагаться на отношения с Японией. В Азии она находится в изоляции, а зависимость США от Японии с неизбежностью возрастает. С другой стороны, японо-американские трения усиливаются, а в правительстве Китая господствуют представления о том, что Вашингтон опасается возрождения японского милитаризма. Следуя этому представлению, Китай подобно тому, как это было в период противостояния США – СССР, может попытаться извлечь выгоду из этой ситуации, т. е. «ловить рыбу в мутной воде». Как считает Пекин, если США сохраняют влияние в Азиатско-тихоокеанском регионе, то у Японии не будет иной альтернативы, как обратить взор к Китаю. В таком случае, по мнению Х. Иосиды, США с Китаем пойдут на сговор через голову Японии. И на поставленный вопрос: «Америка или Китай?» ответом Японии будет: «Ни Америка, ни Китай».

Обращаясь к изданной в Японии книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и Япония XXI века»⁴¹, Х. Иосида излагает взгляды автора книги на будущее японо-американского союза. У Японии, по мнению Хантингтона, нет иного пути, как этот союз, если речь идет об осмысленной попытке с помощью американского ядерного оружия сбалансировать силы с Китаем. При этом, Япония, оставаясь на этой позиции, обдумывает будущий пересмотр союзнических отношений с США. «Вашингтон не демонстрирует ни четкой решимости, ни обязательств, и так как вероятность их выполнения невелика, Япония подстраивается под Китай. ...После появления век назад на международной

арене Япония неизменно придерживалась стратегии заключать союз с мощной державой. Очевидно, вскоре мы станем свидетелями того, что она вступит в согласие с Китаем»⁴². О согласии с таким прогнозом свидетельствует мнение известного в Японии журналиста-международника К. Такахаси: «Обеспокоенность в связи с усилением военной мощи Китая может стать причиной возникновения в XXI в. новой структуры обеспечения безопасности, в создании которой Япония примет участие вместе с другими азиатскими странами-соседами»⁴³.

Уже сегодня намечается тенденция ослабления американского влияния в Восточной Азии. Возникает все больше признаков быстрого усиления экономического присутствия Китая в странах Юго-Восточной Азии и постепенной сдачи там позиций США. Появляются прогнозы относительно вероятности формирования в будущем «синоцентрической» системы безопасности в Северо-Восточной Азии. Сочетание экономического роста с энергичным проведением внешнеполитического курса в стиле «мягкой силы» уже создали, как считают специалисты, предпосылки для лидирующего положения Китая в СВА.

В связи с такой тенденцией тема возможного ухода США в будущем из Восточной Азии (как это отмечалось и после окончания холодной войны) привлекает в последнее время внимание исследователей⁴⁴. Высказывается, например, мнение, что это может произойти под девизом приоритетного значения укрепления позиций США в других регионах, в частности, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Уход может быть прикрыт тезисом о необходимости «стратегического маневра» («выхода из боя») или «отступательного маневра», или иным подобным эвфемизмом. Готовясь к уходу, по мнению сторонников такой точки зрения, США уже начали заблаговременно создавать оборонительное кольцо, используя военные союзы с Индией, Филиппинами, Австралией. Но не исключается и другой сценарий развития событий, при котором США откажутся согласиться с потерей своего влияния в Восточной Азии, и Вашингтон и Пекин будут двигаться от нынешнего состояния отношений к открытому конфликту ⁴⁵.

Сомнения в том, что США «просто и мирно уйдут» из региона высказываются и на страницах российских изданий. Вместе с тем нет уверенности в том, что события, когда речь идет об отношениях между существующей сверхдержавой – США и, возможно, будущей – Китаем,

⁴² Иосида Х. Бэйкоку-ка Тюгоку-ка, с. 273–276.

⁴³ Takahashi K. China Threat Strengthens US – Japan Military Ties. <http://www.atimes.com/atimes/Japan/GA13Dh01.html>. 13.01.2005.

⁴⁴ Glosserman Br. America Missing out in Asia. <http://www.Japan Times.co.jp/cgi-bin/getted.pl15?eo20060126Cg.html>. 15.12.2006. Брэд Глосерман – исполнительный директор Интернет-издания Pacific Forum CSIS.

⁴⁵ Foffer Jh.. Dragon against Eagle. – <http://www.atimes.com/atimes/China/HL15Ad01.html>. 15.12.2006

³⁹ Иосида Х. Бэйкоку-ка, Тюгоку-ка? (Америка или Китай?), с.272–274.

⁴⁰ Тисэйтэки-ни сэкай-о ёму. Токуо, 2007.

⁴¹ Буммэй-но сётоцу-то XXI сэйки-но нихон. Токио, 2007.

развиваются уже очевидным образом. Не может быть сомнения в том, что Китай – против гегемонии США. Но, скорее всего, не пришло время для активного противодействия этой гегемонии. Китай набирает силу, однако пока ее не набрал – он не заинтересован обострять отношений с США. Они для него важны. В этом контексте есть смысл сослаться на оценку крупного китайского эксперта Ли Фэнлиня относительно перспективы создания «синоцентричной» системы безопасности в Северо-Восточной Азии. По его словам, «США не уйдут из СВА»⁴⁶. Что касается американских исследователей, то их большинство пребывает в уверенности, что геополитическое окружение позволяет США рассчитывать на долгий период главенства в регионе в XXI в.⁴⁷

Однако если брать отдаленную перспективу, то часть специалистов, в том числе американских, прогнозируют серьезное ослабление позиций США в СВА и мире в целом. Так, согласно прогнозу военного эксперта Ким Чиюля, проводшего обстоятельное исследование проблемы, «в течение ближайших 50 лет Северо-Восточной Азии предстоит пережить глубокие изменения, но при этом сохранятся и некоторые устойчивые тенденции, которые существенно повлияют на формирующуюся систему безопасности. Важнейшей из этих тенденций, вероятно, станет усиление Китая и сопутствующий ему закат Соединенных Штатов, который приведет к концу особого положения, занимаемого ими в Азии с 1945 г. ... Нарождающийся новый мировой порядок будет представлять собой региональное равновесие сил между Китаем и США – в Китайский блок, вероятно, войдут Россия и объединенная Корея, в американском блоке роль важнейшего партнера сыграет Япония»⁴⁸.

Сегодня Китай важен для США. Достаточно напомнить, что китайские капиталы – основной источник американских заимствований. Китай важный обладатель долговых обязательств США и фактически финансирует американскую экономику. Если бы темпы развития экономики КНР лишь только замедлились, то это бы имело негативные последствия для США⁴⁹. С учетом этой финансовой зависимости, а также возрастающего политического и экономического влияния Китая в Азии и

⁴⁶ Научная дискуссия в Институте изучения социальных проблем стран Европы и Азии при Госсовете КНР с участием делегации ИДВ РАН. Пекин. 2007, Июнь.

⁴⁷ U.S. Department of Commerce. Office of Technology Policy. The New Innovators: Global Patenting Trends in Five Sectors. Wash., 1998, p. 23.

⁴⁸ Kim Jiul. Continuity and Transformation in Northeast Asia and the End of American Exceptionalism. A Long-Range Outlook and U.S. Policy Implications. – Korea Journal of Defense Analysis. May 2001 http://world.lib.ru/kim_o_i/fr3.shtml. Чжоил Ким – полковник ВВС США, изучал тему как исследовательский проект, проводил опросы среди ученых, политических и общественных деятелей стран региона, в том числе России.

⁴⁹ Bhadrakumar M. K. China begins to define the rules. <http://www.atimes.com/atimes/China/IA20Ak04.html>. 20.06.2007. Автор – в прошлом карьерный индийский дипломат, являлся послом в Узбекистане (1995–1998), Турции (1998–2001).

мире в целом Вашингтон проявляет готовность проводить более гибкий курс по отношению к КНР. Речь идет, разумеется, не о стратегии, а о тактике и риторике.

В январе 2007 г. на слушаниях в комитете по разведке Сената США тогдашний директор национальной разведки Джон Негропonte в докладе «Ежегодная оценка угроз», сделал неожиданное «откровение»: «США не обеспокоены какой-либо угрозой со стороны Китая, так как Пекин придает приоритетное значение позитивным отношениям с США. Активное включение Китая в процесс глобализации ускоренным образом приводит страны этого региона к более тесному взаимодействию». В этом же контексте сделано и замечание Негропonte относительно высоких темпов модернизации НОАК. Он считает, что это скорее «понятная демонстрация устремления Китая к статусу великой державы, осознания угрозы и стратегии безопасности», чем «демонстрация угрозы как таковой стратегическим интересам США». Подобный подход явно расходился с официальными оценками Пентагона. Скорее всего, тезис Негропonte следовало рассматривать в качестве некой формулы для официального употребления в контексте корректирования общего стиля американской дипломатии.

О стремлении США к проявлению определенной «гибкости» в сфере дипломатии свидетельствует так называемый «Принстонский проект национальной безопасности» – двухпартийная инициатива ведущих американских мыслителей из числа членов правительства, ученых, бизнесменов, в течение нескольких месяцев дискутировавших на темы внешней политики США. Принстонский проект определяет шесть критериев оптимальной стратегии США в XXI в.

1. Она должна быть многовекторной, т. е. должна действовать подобно «швейцарскому» армейскому ножу, в котором имеется набор инструментов, используемых в зависимости от конкретной необходимости.

2. Она должна быть интегрированной, т. е. должна сочетать силу принуждения с силой гибкости.

3. Она должна в большей мере базироваться на интересах, чем на угрозе, позволяя США быть гибкими при выстраивании модели сотрудничества со странами на основе скорее тактики, чем на основе стремления к тому, чтобы другие страны были обязаны разделить с США их подход к угрозам.

4. Стратегия США должна быть основанной скорее на «надежде, чем на страхе», т. е. она должна излучать положительную энергию прогрессивного видения мира.

5. Стратегия должна исходить из формулы «внутреннее состояние – внешняя политика», которая подразумевает, что США должны укрепить «внутренний потенциал, единство и ответственность других правительств как основы глобального порядка и его эффективности».

6. Стратегия должна быть адаптирована к веку информации. Это означает, что США должны быть «быстрыми и гибкими в мире, где информация распространяется мгновенно, а действующие субъекты реагируют на нее быстро, и специальные небольшие подразделения собираются вместе в крайне сжатые сроки для определения целей – либо заняться бизнесом и реструктурировать компанию, либо спланировать и осуществить террористическое нападение»⁵⁰. Применительно к Азии Принстонский проект имеет в виду «построение “транстихоокеанского”, а не “паназийского” регионального порядка, в котором бы США “играли полновесную роль”, а американо-японский альянс оставался бы краеугольным камнем стратегии США в Восточной Азии. США также намерены продолжить укрепление связей с Индией на основе политики, которая принимает во внимание, что непрерывный экономический рост других азиатских стран (наряду с Китаем) является ключевым фактором в том, чтобы держать под контролем подъем Китая»⁵¹.

Таким образом, согласно Принстонскому проекту, США в ближайшем будущем планируют с использованием обновленных тактических приемов и привлечением других азиатских стран, в первую очередь ближайших союзников, активизировать традиционный курс на «сдерживание Китая». При этом риторика официальных лиц по отношению к усиливающемуся Китаю, вероятно, может измениться по сравнению с прошлым. Она уже меняется. Примером может служить тот же термин «стратегический диалог».

Однако Вашингтон пока по-прежнему не готов менять стиль поведения «старшего брата» в отношениях с Токио. Это, в частности, проявляется в стремлении не допустить проявления инициативы по отношению к Пекину. Опасения относительно предпосылок выхода японской политики из-под контроля США на китайском направлении возникли после апрельских договоренностей, достигнутых между руководителями Японии и Китая (2007 г.).

С этого рубежа появились признаки некоторого охлаждения отношения администрации Буша к правительству Абэ. Так, Токио не получил искомой поддержки в важном для него споре с Пхеньяном вокруг темы «возвращения похищенных северокорейскими спецслужбами японцев», подвергся критике за позицию в вопросе о сексуальной эксплуатации корейских женщин японской военщиной в годы второй мировой войны. В июле 2007 г. Конгресс США принял резолюцию с требованием к премьер-министру Японии не только принести официальные извинения КНДР, но откровенно и четко осудить заявления японских официальных лиц, отрицавших преступные действия.

В июле 2007 г. Либерально-демократическая партия, которую С. Абэ возглавлял, потерпела серьезное поражение на выборах в верхнюю

палату парламента. Добившаяся успеха оппозиция в лице Демократической партии Японии заявила о намерении сменить правительство. Складывалось впечатление, что на результаты выборов могло повлиять проамериканское лобби, пытающееся воспрепятствовать возможному сближению Токио с Пекином, которое наметилось с избранием Абэ премьером. В сентябре Абэ (за три дня до этого он встречался с президентом США Дж. Бушем, о содержании беседы сведений не имеется) внезапно фактически для всех в его партии и правительстве подал в отставку.

Нельзя исключать того, что определенную роль в решении Абэ об отставке сыграло то, что он вызвал недовольство Вашингтона. У Абэ существовала репутация националиста, стремящегося строить процветающую и независимую Японию. Импульс активизации националистических тенденций в политической жизни страны был дан при правительстве Коидзуми, который внес в это свой немалый вклад. Достаточно напомнить о его настойчивых, несмотря на жесткое противодействие со стороны Пекина и Сеула, посещениях храма Ясукуни, являющегося для азиатских народов символом японского милитаризма и национализма. Но направленность этих настроений в японском политическом истеблишменте в тот период не очень беспокоила США. «В Японии в эти дни поднимается национализм, – писал в 2005 г. эксперт по международным вопросам, обозреватель газеты «The Japan Times» Ханай Кироку. – Хотя он в последнее время направлен, главным образом, против Китая и Южной Кореи, США могли бы стать новой мишенью японского национализма, если бы решение проблемы передислокации американских баз в Японии столкнулось с трудностями»⁵².

По-видимому, не все проявления национализма японского руководства для Вашингтона приемлемы, особенно, если это как-то связано с возможностью японо-китайского сближения. Это осознается частью японских политиков и вызывает у них обеспокоенность. К примеру, бывший генеральный секретарь ЛДП К. Като, выступая 11 июня 2007 г. в программе «Диалог» по девятому каналу Пекинского телевидения, с явной озабоченностью предостерегал: «Национализм неизбежно вызовет конфронтацию с Соединенными Штатами»⁵³.

Китайская сторона внимательно следит за новыми тенденциями в отношениях между Токио и Вашингтоном, которые появились после восстановления контактов между лидерами Японии и КНР. Известно мнение заместителя директора Института исследований Японии

⁵² Hanai K. Tired of Military Presence. – <http://www.japantimes.co.jp/cgi-bin/geted.pl15?eo20051024kh.html>. 24.10.2005. Ханай Кироку – в прошлом обозреватель ряда японских газет, характеризуется как специалист по широкому кругу проблем международных отношений.

⁵³ Автор зафиксировал содержание интервью во время пребывания в научной командировке в Пекине в июне 2007 г.

⁵⁰ <http://www.atimes.com/atimes/China/IA20Ad03.html>. 20.01.2007.

⁵¹ Ibid.

Китайской академии современных международных отношений Ма Цзюньвэя: «На данном этапе Япония в соответствии со своими интересами опирается на потенциал США, одновременно задумываясь о будущем независимом существовании. Она, с одной стороны, идет на улучшение отношений с Китаем, извлекая из этого выгоду для себя, а с другой – не собирается, как представляется, учитывать изменившуюся роль Китая в Азии. И хотя китайско-японские отношения в последнее время улучшаются, позиции сторон существенного изменения не претерпели. Остается много нерешенных вопросов»⁵⁴.

Тем не менее, нельзя исключить того, что Япония, нормализовав в 2006–2007 гг. отношения с КНР и опираясь на достигнутые договоренности, попытается в дальнейшем скорректировать свой политический курс в отношении Китая, с учетом возможного изменения соотношения сил между ним и США. «Союз Японии и Китая мог бы создать партнерство, способное претендовать на доминирование любого уровня», – подчеркивает российский ученый А. Уткин⁵⁵. Однако Вашингтон не намерен допустить сближения Японии с Китаем. И у американской стороны на данном этапе сохраняются рычаги воздействия на своего близкого союзника.

То, как будут развиваться отношения в треугольнике Япония – Китай – США, в целом геополитическая ситуация в данном регионе, непосредственно касается России. Жизненно важные национальные интересы России, большая часть территории которой находится в Азии, непосредственно связаны с Северо-Восточной Азией и Азиатско-тихоокеанским регионом. После распада СССР Россия здесь оказалась «вне магистральных процессов развития экономического сотрудничества»⁵⁶. Резко возрастало значение Китая, а также Японии как экономических партнеров России. Объективно эти страны заинтересованы в том, чтобы богатый ресурсный потенциал Сибири и Дальнего Востока стал резервом для развития как самой России, так и стран региона, испытывающих недостаток в таких ресурсах. При этом для самой России неприемлемо закрепление за ней положения всего лишь источника первичного сырья, так как это сдерживает ее развитие, оставляет не востребуемым огромный научно-технический потенциал, созданный ранее⁵⁷.

Что касается Китая, то, как весьма точно оценивает известный российский китаевед академик РАН М. Л. Титаренко, в той геополитической ситуации, после распада СССР, он был «единственной великой державой, которая проявила определенное понимание интересов и

⁵⁴ Международная конференция КАСМО «Проблемы безопасности в СВА». Пекин, июнь 2007 г.

⁵⁵ Уткин А. Новый мировой порядок. М., 2006, с. 436.

⁵⁶ Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998, с. 105.

⁵⁷ Там же, с. 184.

трудностей России и выразила готовность к расширению равноправного сотрудничества с ней». Это отражало совпадение стратегических интересов России и Китая в деле обеспечения их самостоятельности и независимости, укрепления национальной безопасности, повышения их роли и места в мире, строительства новой структуры международных отношений на основе многополярности и исключения гегемонизма»⁵⁸.

Одним из важных направлений стратегического сотрудничества Российской Федерации и Китая в XXI веке есть основание считать «взаимодействие в установлении многополярной структуры международных отношений, укреплении безопасности в АТР и других районах, сдерживании продвижения военных структур Запада и Японии к границам России и Китая»⁵⁹. Россия и Китай занимают общую позицию по многим международным вопросам. При этом они сохраняют собственные исходные интересы.

В последние десять лет Россия наращивала динамику своего участия в интеграционных процессах в Восточной Азии и Азиатско-тихоокеанском регионе. Она стала членом Форума азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, участвует в работе регионального Форума АСЕАН по вопросам безопасности, в шестисторонних переговорах по корейской ядерной проблеме. Признанию России региональным сообществом в качестве равноправного и перспективного партнера в значительной мере, как представляется, способствовало возвращение страны к более активной политике на международной арене, коренное улучшение отношений между Москвой и Пекином. Опыт прошедших лет позволяет реалистично оценивать ситуацию с точки зрения перспектив интеграции России в экономическое пространство АТР и Восточной Азии. Долгосрочные интересы России – это создание современной экономики инновационного типа, интегрированной в экономику региона, обеспечение здесь экономических позиций и политического влияния России, сохранение контроля над важнейшими сырьевыми ресурсами и получение выгод от их освоения и включение в систему международного разделения труда через развитие Дальнего Востока и Сибири. При этом согласно заключению участников Дальневосточного международного экономического форума (Хабаровск–2006) России придется ответить на ряд серьезных вызовов:

Вызов первый. Изменение характера азиатского окружения России. Если в 80–90-х годах в качестве приоритетных партнеров рассматривались Япония и страны НИС, то теперь фаворитом является Китай. Он – не только выгодный партнер, но, одновременно, выходящий на лидирующие позиции в Восточной Азии производитель товаров и активный потребитель сырья.

⁵⁸ Там же, с. 271.

⁵⁹ Там же, с. 277.

К настоящему времени изменилась ситуация в Северо-Восточной Азии. Она с политической и экономической точек зрения больше не является однородным субрегионом. Образовались «Большая тройка» (Китай, Япония и Республика Корея) и «периферийная группа» (Россия с Дальним Востоком, Монголия и КНДР). Россия заинтересована стать полноправным участником интеграционного процесса, который инициируется «Большой тройкой», включиться в движение за создание зоны свободной торговли в регионе.

Вызов второй. Рынок перечеркивает предопределенность зависимости «Большой тройки» от российского сырья. Современная экономика Дальнего Востока и Сибири для этих стран сохраняет значение в основном с точки зрения получения нефтегазовых ресурсов. Ситуация такова, что ресурсы в регионе есть, но их рентабельное освоение и извлечение выгод затруднены.

Вызов третий. Планы создания на Дальнем Востоке и в Сибири современной инфраструктуры чрезвычайно важны для России в целом. Но остается невыясненным вопрос, насколько это будет способствовать решению острейших социально-экономических проблем самого региона Дальнего Востока и Сибири.

Вызов четвертый. Прогрессирующее закрепление определенных ниш в системе международного разделения труда основано на монополии на рынках капитала и технологий. В результате происшедшей поддержки с приходом на эти рынки России для нее фактически остались лишь две ниши: сырьевая, прежде всего, топливно-энергетические и лесные ресурсы; услуги по транзиту грузов, в первую очередь, топливно-энергетических.

Как считают российские специалисты, современная асимметрия структуры торговых потоков России в Северо-Восточной Азии не является временной «неправильностью», но жесткой тенденцией. На ее преодоление потребуется максимальная концентрация ресурсов и усилий российского государства⁶⁰. Укрепление экономических позиций позволило бы усилить влияние нашей страны на политические, интеграционные процессы, активизирующиеся в регионе с участием главных субъектов геополитики в регионе, какими являются Япония, Китай и США.

⁶⁰ Из итогового документа Дальневосточного международного экономического форума. Хабаровск–2006. <http://www.dvforum.ru/2006/itogPeel.aspx>.

Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трех нефтяных кризисов

Е. В. Арутюнян

Как известно, первый нефтяной кризис начался в 1973 г. Корни его возникновения следует искать в арабо-израильском конфликте¹, который произошел осенью того же года. После создания Израильского государства на Палестинской земле в 1947 г., арабские страны стали использовать нефть как «политическое оружие» для воздействия на Израиль, США и ряд союзнических государств. В 1960 г. они создали Организацию арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК), которая в дальнейшем была переименована в ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти). После четвертого арабо-израильского военного конфликта осенью 1973 г. (16 октября) шесть арабских государств приняли решение повысить цены на нефть сразу на 70%. На следующий день ОАПЕК объявила о сокращении нефтедобычи на 5% и потребовала заключения справедливого мира между Израилем и арабами². Посчитав, что западные страны, прежде всего США, недостаточно серьезно отнеслись к этим предупредительным мерам, 20 октября 1973 г. король Саудовской Аравии Фейсал объявил об уменьшении экспорта нефти и запрещении ее продажи Соединенным Штатам. Одновременно цены на нефть были подняты в 2,12 раза. В результате 1 баррель нефти типа «арабэнлайт», за который импортеры в начале 1973 г. платили 3 долл., за год подорожал до 12 долл. Установление эмбарго по отношению к США и их союзникам серьезно дестабилизировало ситуацию в нескольких странах, в том числе, и в Японии³.

Арабские страны разделили все государства на два лагеря – дружественные и недружественные. К числу недружественных государств были причислены Израиль, США, Голландия, Великобритания, Япония и др. В связи с этим поставляемый в Японию объем нефти уменьшился на 10%. Эта ситуация отрицательно повлияла на экономику Японии, особенно после того, как цены на нефть за короткий период

¹ Подробнее об этом конфликте см.: *Оганесян Николай*. История арабских стран. – Век независимости и суверенитета 1918–2005 гг. Ереван : Зангак–97, 2007, т. 4, с. 259–301.

² *Того Кадзухито*. 50 лет японской дипломатии (1945–1995), М., 1996, с. 120; *Wu Yuan-Li*. Japan's Search for Oil, A Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 1.

³ Подробнее см.: *Оганесян Николай*. История арабских стран, с. 363.

(сентябрь 1973 г. – январь 1974 г.) подорожали в 4 раза⁴, так как 78% потребляемой энергии страна получала от нефти⁵, причем свыше 80% этого продукта поставлялось с Ближнего Востока.

В 1973 г. Япония импортировала в общей сложности 290 млн. т. нефти, что составило 8% всего мирового экспорта этого сырья. Около 43% нефти поставлялось в Японию из арабских стран⁶, 41% – из Ирана⁷ и 16% – из Индонезии. Таким образом, ситуация, сложившаяся в регионе, заставила Японию пересмотреть свое отношение к странам Ближнего Востока, поскольку только финансовых средств уже было не достаточно для приобретения нефти⁸. По этому поводу бывший посол Японии в США Ф. Того заявил: «У нас не было хорошо продуманной политики в отношении Ближнего Востока, до 1973 г. мы всегда могли купить нефть при наличии денег»⁹.

Япония придерживалась позиции невмешательства в арабо-израильский конфликт и сохранила свои особые отношения с США. До 1973 г. Япония в основном сотрудничала с Ираном. Вначале японо-иранские отношения поддерживались со стороны США, так как Вашингтон надеялся на изменение ближневосточной политики Токио, который в конце концов поддержит политику США на Ближнем Востоке. Однако после установления эмбарго со стороны арабских стран США начали импортировать большие объемы нефти из Ирана, в результате чего заметно уменьшились поставки нефти в Японию (в 1973 г. – 31%). Иран не зависел от политики арабских стран и был свободен в выборе своих западноевропейских партнеров. В это время Токио сохранял хорошие отношения с США, не был привязан к политике арабских стран и тоже был свободен в выборе партнеров.

Сложившаяся ситуация вынудила Японию активизировать отношения с арабскими странами. С этой целью в ближневосточный регион отправился премьер-министр Японии Мики Такэо. 10–28 декабря 1973 г. он побывал в Египте, Ираке, Катаре, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Саудовской Аравии и в Сирии. Премьер-министру

⁴ Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007, с. 363.

⁵ Polk William. The Arab World Today. L., 1991, p. 417.

⁶ На первом месте Саудовская Аравия – 10,7%, на втором Кувейт – 6,9 %. Подробнее см.: Wu Yuan-Li. Japan's Search for Oil, a Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 72.

⁷ Однако по некоторым данным, в 1973 г. из Ирана в Японию было экспортировано 37,3 % нефти. См.: Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (1970–1980 гг.). М., 1988, с. 108.

⁸ Энергетические проблемы Японии. – ТАСС. Атлас, N 29 (1150), Еженедельный вестник иностранной информации. 04.09.1973, с. 51.

⁹ Yositsu Michael M. Caught In The Middle East, Toronto, 1984, p. 3.

удалось убедить власти арабских стран причислить Японию к числу «доброжелательных государств»¹⁰.

Япония была вынуждена пойти на некоторые уступки и пересмотреть свою позицию по отношению к участникам арабо-израильского конфликта. Токио установил полуофициальные отношения с Организацией Освобождения Палестины (ООП), но не признавал право самоопределения арабского народа Палестины. Более того, Япония не только косвенно предложила свое посредничество в урегулировании в арабо-израильского конфликта, но и стремилась стать связующим звеном между нефтеперерабатывающими странами и странами-импортерами. По этому поводу директор японского института энергетики Т. Икута заявил: «Мы *обязаны* способствовать установлению диалога между производителями и потребителями нефти. Япония *может* и *должна* стать посредником между нефтедобывающими странами Ближнего Востока и Западом»¹¹. Такие политические уступки могли стать гарантией для импорта нефти в Японию. Подобного рода энергетическая дипломатия гарантировала импорт ближневосточной нефти в Японию.

В это время Ирак для сохранения своих природных ресурсов произвел национализацию нефтяных богатств. В ответ на это энергетические транснациональные корпорации (ТНК) попытались организовать ему бойкот, а Япония, воспользовавшись внутривосточной ситуацией в Ираке в своих интересах, установила с ним экономические отношения и в 1974 г. подписала межправительственное соглашение об импорте иракской нефти. Доля Ирака в обеспечении потребностей японской экономики в нефти выросла с 0,1% в 1973 г. до 7,8% в 1980 г. По соглашению Япония обязывалась в течение пяти лет предоставить Ираку займы и кредиты на сумму 2 млрд. долл. Кроме этого, для обслуживания нефтехимических комплексов Ирака и Саудовской Аравии были отправлены японские технические специалисты, которые должны были содействовать развитию промышленности арабских стран¹².

Указанные выше дипломатические меры, предпринятые Японией, не только содействовали решению вопросов энергетической безопасности страны, но и укрепили ее политические и экономические позиции на Ближнем Востоке. Так, если в 1974 г. японский капитал играл активную роль в пяти странах региона – в Саудовской Аравии, Иране, Ираке, Иордании и Египте, то с 80-х годов стала распространяться в Бахрейне, ОАЭ, Катаре, Омане, Кувейте, Сирии и Йемене¹³.

¹⁰ Wu Yuan-Li. Japan's Search for Oil, a Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 72.

¹¹ Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (1970–1980 гг.), с. 66.

¹² Там же, с. 113–114.

¹³ Ульяновцев С. С. Энергетические проблемы Японии: их влияние на экономику. – Япония 1975. Ежегодник, М. 1975, с. 161.

Таким образом, в 1973 г. нефтяной кризис заставил Японию пересмотреть свою позицию в отношении некоторых политических вопросов, касающихся ближневосточного региона.

Благодаря гибкости и разумности японской политики, ему удалось, не только улучшить свои отношения с нефтеперерабатывающими арабскими странами, но и сохранить дружественные отношения с США.

Однако в связи с падением монархического режима иранского шаха Реза Пехлеви и прихода к власти духовного лидера Рухоллы Хомейни в конце 70-х годов на мировом нефтяном рынке вновь разразился кризис. Поскольку свергнутый шах, проводивший проамериканскую политику, прибыл в США, то иранцы рассматривали этот факт как возможную прелюдию к последующей попытке американцев вернуть его на трон. Провозгласив Исламскую Республику Иран, Хомейни потребовал вернуть шаха и передать его суду за совершенные им преступления против государства. После отрицательного ответа Вашингтона, иранская молодежь захватила в заложники сотрудников американского посольства в Иране.

Новая иранская теократическая власть, занявшая враждебную позицию по отношению к Западу, приостановила производство нефти, объем которой до этого составлял 6 млн. баррелей в день¹⁴. Образовавшийся вакуум решила заполнить Саудовская Аравия, поднявшая добычу выше отметки 10 млн. баррелей в день. Однако и эта мера по стабилизации рынка не предотвратила роста цен на нефть – с 14 долл. за баррель осенью 1978 г. до 34 долл. весной 1979 г. Наступил второй нефтяной кризис.

Эти события поставили Японию перед альтернативой: либо она должна была в знак солидарности со своим политическим союзником порвать отношения с Ираном, либо использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах. В результате отказа США покупать иранскую нефть после захвата заложников, в распоряжении иранского правительства оказались значительные излишки сырья, которые ввиду неустойчивого финансового положения страны было необходимо скорейшим образом реализовать через свободный рынок. Около половины этой нефти, более 3 млн. т, было закуплено шестью японскими компаниями по 40 долл. за баррель (при уровне цен в 1979 г. от 20 до 30 долл.). Часть закупленной нефти через посредничество входящей в международный нефтяной картель корпорации «Шелл» была перепродана на западноевропейский рынок, что было первым случаем, когда японская фирма выступила в качестве поставщика энергетического сырья в промышленно развитые страны.

Действия японских монополий вызвали бурную реакцию официальных представителей администрации президента Картера. Выступая

в Конгрессе, спикер палаты представителей Т. О'Нил потребовал применения экономических санкций против Японии, предложив, в частности, ввести на шесть месяцев 50%-ный налог на импорт из любой страны, отказавшейся сотрудничать с США в вопросе о заложниках. Американский конгрессмен прямо обвинил Японию в пренебрежении союзническим долгом. Опасаясь осложнений в отношениях с США, правительство Охира направило в Вашингтон в качестве специального представителя, заместителя министра внешней торговли и промышленности Амая Наохиро. Он должен был разъяснить американской стороне, что Япония не может полностью отказаться от закупок иранской нефти и добиться согласия Вашингтона на исключение комплекса в Бендер-Хомейни из числа объектов, на которые должны были распространяться экономические санкции. Однако США отклонили просьбу министра и, более того, вновь предъявили свои требования Японии.

Озабоченный сложившейся ситуацией Тегеран, с раздражением воспринимавший малейшие колебания в японском внешнеполитическом курсе, стремился помешать блокированию Японии с США по вопросам закупок иранской нефти. 21 декабря 1979 г. на сессии ОПЕК в Каракасе министр нефти Ирана А. А. Моинфар в связи с неопределенностью позиции Токио заявил, что иранское правительство пересмотрит свое отношение к экспорту нефти в Японию, если последняя сократит ее закупки в Иране. Через несколько дней с аналогичным предостережением выступил один из влиятельных общественных деятелей Ирана – глава шиитской общины Тегерана Аятолла Монтазери. 24 декабря та же позиция официально была изложена послом Ирана в Японии Г. Салехом министру иностранных дел Японии. Несмотря на критику со стороны Тегерана, японское правительство опасалось вступить в открытое противоречие с США. Поэтому оно все же пошло на частичное ограничение деятельности японских компаний в Иране. Министерство внешней торговли и промышленности было вынуждено издать специальный циркуляр, согласно которому корпорации, совершавшие дополнительные закупки иранской нефти, должны были облагаться штрафом.

Между тем, в январе 1980 г. японские компании подписали с Национальной нефтяной корпорацией Ирана соглашение о поставках на 1980 г., которое предусматривало импорт в размере 500 тыс. баррелей в день. Иранское правительство обусловило выполнение своих обязательств по контракту, согласно которому японская сторона обязывалась не продавать закупленную нефть в пять государств, «недружественных Ирану», – США, ЮАР, Израиль, Египет и Филиппины. Эти условия были приняты Токио.

Правящие круги Японии прилагали все усилия, чтобы не допустить одностороннего прекращения иранских поставок. Тегерану были даны твердые гарантии относительно оказания экономического содействия.

¹⁴ *Того Кадзухито*. 50 лет японской дипломатии (1945–1995), с. 122.

Об этом в 1980 г. заявил в парламенте министр иностранных дел Японии Охира Масаёси: «Мы по-прежнему считаем необходимым продолжить работы на японо-иранском нефтеперерабатывающем комплексе в Бендер-Хомейни»¹⁵.

Попытки уклониться от реальной поддержки курса Вашингтона в отношении Ирана вызвали новые трения в японо-американских отношениях. 8 апреля 1980 г. посол США М. Мэнсфилд передал премьер-министру Японии новое требование администрации Картера присоединиться к санкциям и прекратить закупки иранской нефти, которые лишали должной эффективности меры США по осуществлению финансового бойкота Ирана.

14 апреля того же года японское правительство приняло решение не увеличивать в дальнейшем импорт нефти из Ирана, зафиксировав его на уровне 1979 г., а также воздержаться от предоставления этой стране новых займов. В то же время правящие круги Японии подтвердили свою готовность продолжить сооружение комплекса в Бендер-Хомейни, мотивируя свое решение тем, что строительство этого объекта было начато задолго до захвата заложников. Однако настойчивость американской администрации и поддержка ее требований со стороны ведущих западных стран заставила Японию пойти на присоединение к антииранским санкциям.

В ответ на эти шаги во второй декаде апреля 1980 г. представители Национальной нефтяной корпорации Ирана объявили о повышении цен на нефть, поставляемую в Японию, на 2,5 долл., что было на 9 долл. дороже, чем на нефть того же качества из Саудовской Аравии. Японские монополии отказались покупать иранскую нефть по новой цене. В результате 21 апреля иранское правительство полностью запретило экспорт нефти в Японию.

Убедившись, что западноевропейские страны склоняются к поддержке США, японское правительство предприняло попытку заручиться гарантиями американской администрации на случай, если присоединение к санкциям окажет слишком серьезное влияние на экономику страны. В частности, японское правительство пыталось убедить президента Картера воздействовать на международные нефтяные корпорации, с тем чтобы они «увеличили поставки нефти в Японию, если прекращение импорта из Ирана примет затяжной характер»¹⁶, что и явилось одной из главных целей состоявшегося в начале мая 1980 г. визита М. Охира в Вашингтон. Министр иностранных дел Японии надеялся убедить американцев экспортировать в страну нефть с Аляски, однако админи-

страция США проигнорировала пожелания японского правительства. Учитывая, что Япония фактически уже присоединилась к антииранским мерам, отказавшись покупать нефть по новой цене, президент Картер лишь потребовал от своего союзника более строгого соблюдения санкций.

Уступая давлению США, министерство внешней торговли и промышленности Японии уже после получения от иранской стороны уведомления о прекращении поставок издало циркуляр, содержащий рекомендации торговым, строительным и автомобильным компаниям воздерживаться от заключения новых контрактов с Ираном. В то же время в связи с угрозой министра нефти А. А. Моинфара аннулировать контракт на строительство комплекса в Бендер-Хомейни и передать его Венгрии, посол Японии в Иране Ц. Вада подтвердил готовность своего правительства в полном объеме обеспечить выполнение всех запланированных работ.

Однако дипломатические маневры Токио не предотвратили дальнейшего обострения японо-иранских отношений. После решения о присоединении к экономическим санкциям против Ирана, принятого на совещании министров иностранных дел стран – членов ЕЭС в Брюсселе, правительство Японии, уступая давлению со стороны США и западноевропейских партнеров, 23 мая 1981 г. постановило ввести со 2 июля запрет на экспорт, транзит грузов и предоставление услуг Ирану без специального разрешения министерства внешней торговли и промышленности.

В момент возникновения разногласий из-за цен запасы частных компаний Японии могли обеспечить потребности экономики страны в течение 88 дней, кроме того, существовал еще семидневный правительственный резерв топлива. В условиях избытка нефти на мировом рынке вследствие экономического спада и увеличения добычи другими странами Япония, по мнению правительственных экспертов, могла обойтись без поставок из Ирана в течение не менее двух лет¹⁷.

Понимая, что иранское правительство не сможет долго обходиться без экспорта нефти, японские монополии заключили серию краткосрочных контрактов с Венесуэлой и Индонезией. Одновременно были подписаны соглашения о поставках на основе прямых сделок с Кувейтом и Катаром. Эти меры должны были обеспечить стране дополнительно около 250 тыс. баррелей в день. Была также достигнута договоренность с правительством Саудовской Аравии об увеличении экспорта в Японию с 600 тыс. до 1400 тыс. баррелей в день. На основе долго-

¹⁵ Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья, с. 126.

¹⁶ The Japan Times. 30.04.1980.

¹⁷ Важной сферой политики Японии явился курс на создание стратегических резервов энергоресурсов в соответствии с Законом об обеспечении нефтяных резервов (1975 г.). Подробнее см.: Носова И. А. Энергетическая дипломатия Японии. – Япония 2004–2005. Ежегодник. М., 2005, с. 88.

срочного соглашения в Японию поступило довольно значительное количество нефти из Китая.

Благодаря учету опыта событий 1973–1974 гг. правящие круги Японии сумели подготовиться к сокращению и прекращению поставок нефти из Ирана. Вследствие этого второй «нефтяной шок» не вызвал в стране паники, способной серьезно осложнить экономическое положение в стране.

Таким образом, Япония смогла преодолеть два нефтяных кризиса (1973, 1978/79 гг.) благодаря умелому дипломатическому маневрированию между интересами противоборствующих стран.

Продолжительный вооруженный конфликт между Ираном и Ираком, начавшийся осенью 1980 г., вызвал новое обострение международно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке и создал угрозу стабильности поставок нефти из этого региона в Японию. В момент начала военных действий доля обоих государств в японском импорте нефти составляла 14,4%. Разрушения, вызванные войной на промыслах, в портах и нефтехранилищах, привели к подрыву экспортных возможностей как Ирана, так и Ирака. В результате этого поставки обеих стран в 1986 г. составляли 11,4% японского импорта нефти. Годы военных действий между Ираном и Ираком принято считать третьим нефтяным кризисом Персидского залива.

С точки зрения обеспечения «экономической безопасности» Японии, ирано-иракский конфликт был опасен не только сокращением импорта нефти из воюющих стран. Эскалация военных действий создавала угрозу вовлечения в конфликт ряда нейтральных государств Персидского залива, что поставило бы под угрозу поставки нефти из этих стран для Японии. Кроме того, боевые действия осложняли ситуацию в зоне важнейших морских коммуникаций (через Ормузский пролив следовали транспорты, доставляющие основной объем нефти в Японию).

Возможность блокады пролива самым серьезным образом беспокоила японские правящие круги. В беседе с журналистами министр иностранных дел Японии Абэ Синтаро выразил свои опасения вполне откровенно: «Конфликт между Ираном и Ираком, помимо прочего, чреват новым нефтяным шоком»¹⁸.

Продолжение военных действий влекло за собой также крупные убытки японских компаний, занимающихся сооружением различных промышленных объектов в обеих странах. Прежде всего, страдали финансовые интересы группы «Мицуи», ведущей строительство нефтехимического комплекса в Бендер-Хомейни. Перечисленные обстоятельства создавали предпосылки для заинтересованности Токио в прекращении войны в зоне Персидского залива.

¹⁸ Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья, с. 133.

Одновременно ирано-иракский конфликт был выгоден японским правящим кругам. Обе воюющие страны являются членами ОПЕК, существующие между ними противоречия ведут к ослаблению единства этой организации, ограничивают ее возможности сплоченно противостоять попыткам ведущих западных держав, навязать странам ОПЕК свои условия торговли нефтью. Поэтому Япония заинтересована в сохранении определенного уровня напряженности между государствами – экспортерами нефти, в том числе между Ираном и Ираком.

Интересы Токио в зоне конфликта в определенной степени совпадали с устремлениями США и других стран НАТО. Их также беспокоил вопрос о безопасности судоходства в Ормузском проливе, через который танкеры с нефтью следуют не только в Японию, но и в США и страны ЕЭС. Доля нефти, поступающей через Ормузский пролив в страны Западной Европы, составляет около 25%, в США – всего 7%, в Японию – 55–60%.

Вместе с тем европейские государства и США могли импортировать нефть через средиземноморские порты, которые соединены нефтепроводами с месторождениями в районе Персидского залива. Для Японии такой путь был малопривлекательным, поскольку это привело бы к резкому удорожанию транспортных расходов.

Кроме того, для Японии увеличение импорта нефти непосредственно из Ирана и Ирака было важно в большей степени, чем, например, для США, которые, используя уже устоявшиеся связи, имели возможность ввозить нефть из стран Западной Европы и Латинской Америки.

Поэтому Япония больше других держав капиталистического мира была заинтересована в ограничении ирано-иракского конфликта, предотвращении его распространения на весь район Персидского залива. Этим объяснялась сравнительно высокая активность Токио в вопросе об урегулировании спора между Ираном и Ираком, которая, в частности, выразилась в готовности Японии к посредничеству между воюющими странами. Об этом японское правительство заявило в 1983 г.

Идея посредничества Японии в ирано-иракском конфликте родилась не в Токио. Предложение такого рода было первоначально выдвинуто иракским правительством через несколько месяцев после начала военных действий. В октябре 1980 г. министр высшего и среднего образования Ирака Д. М. Халаф, находившийся в Токио с официальным визитом, передал премьер-министру Судзуки Дзэнко личное послание президента Саддама Хусейна, в котором иракская сторона обращалась к японскому правительству с просьбой содействовать заключению соглашения о прекращении огня с Ираном.

Эти же предложения были повторены в декабре 1980 г. во время визита в Японию министра нефти Ирака Абдул Карима. На этот раз представитель Багдада изложил подробную программу урегулирования конфликта. Столкнувшись с нежеланием японского правительства

принимать иракские предложения, Абдул Карим пытался заинтересовать Токио обещанием резко увеличить поставки нефти, если удастся достигнуть соглашения о прекращении военных действий. Стремясь привлечь на свою сторону японские деловые круги, иракское правительство предложило им принять участие в осуществлении семи крупных проектов, включавших сооружение нефтехимических предприятий, электростанций и агропромышленных комплексов. Обсуждению этих вопросов было посвящено состоявшееся в январе 1981 г. совещание Японо-иракского комитета по экономическому сотрудничеству¹⁹.

Однако все предложения Ирака были отклонены. Учитывая конъюнктуру мирового рынка топлива, на котором в тот период сложилось относительное превышение предложения нефти над спросом, японское правительство не испытывало особой необходимости в увеличении закупок.

Курс японского правительства в данном вопросе претерпел серьезные изменения в начале 1983 г., когда из-за эскалации военных действий возникла реальная опасность блокады Ормузского пролива. Ирак совершал нападения на иранские нефтяные установки (экспорт нефти имел для Ирана решающее значение: так он получал средства для ведения войны) и стремился придать войне интернациональный характер, распространяя слухи о возможном нефтяном кризисе в результате нарушения судоходства в Персидском заливе и закрытия Ираном Ормузского пролива. В этих условиях продолжение конфликта могло привести к резкому сокращению поставок нефти в Японию. «Япония обладает всеми необходимыми преимуществами для выдвижения дипломатических инициатив в отношении ближневосточного региона», — писала «Джапан таймс»²⁰.

Готовность Ирака вступить в мирные переговоры позволяла до известной степени рассчитывать на успех посредничества. Сомнения вызывала позиция Тегерана, тем более что попытки примирить стороны, уже предпринимавшиеся по линии ООН и организации «Исламская конференция», оказались неудачными. Учитывая это, японская дипломатия не рискнула открыто принять на себя посреднические функции, хотя фактически приступила к их выполнению.

Поиск путей к компромиссу определил круг задач визита 9–12 августа 1983 г. на Ближний Восток министра иностранных дел Японии Абэ Синтаро. Предвидя сложность предстоящих переговоров, он заявил на пресс-конференции накануне отъезда: «Оценивая место Японии с точки зрения соотношения сил в мире и положения на ирано-иракском фронте, мы не собираемся выступать в качестве арбитра в этом кон-

фликте. Мы намерены обратиться к обеим сторонам с призывом к миру»²¹.

Переговоры, которые вел С. Абэ в Багдаде, подтвердили готовность Ирака признать японское сотрудничество и вступить в мирные переговоры с Ираном.

Однако в Тегеране инициативы Токио были встречены холодно. Японской стороне было предложено попытаться убедить иракское правительство принять условия Ирана (вывести войска из оккупированных районов, выплатить репарации, отстранить от власти ряд иракских руководителей и т.п.). Кроме того, иранское правительство в принципе высказалось против участия третьих стран, в том числе Японии, в переговорах о мире.

Попытка японской дипломатии придти к взаимопониманию с конфликтующими сторонами по вопросу мирного урегулирования не принесла успеха. Однако миссия С. Абэ была использована в пропагандистских целях. Ссылаясь на нее, японское правительство стало обосновывать тезис о конструктивном характере влияния, которое оно оказывает на положение в районе Персидского залива. Кроме того, Японии удалось привлечь внимание международной общественности к своей позиции в отношении урегулирования конфликта, что являлось определенным шагом к обеспечению широкого признания «особых» функций японской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке.

Будучи непосредственно заинтересованно в сохранении свободного судоходства в Ормузском проливе, японское правительство стремилось выступать в отношениях с конфликтующими сторонами как представитель всех развитых капиталистических стран. При этом оно широко использовало для пропаганды своей миссии трибуны международных организаций и каналы двухсторонних связей. Выступая 28 сентября 1983 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Японии С. Абэ заявил: «Мы не пожалеем усилий для развития в рамках, определенных конституцией, сотрудничества с ООН в целях урегулирования конфликта между Ираном и Ираком мирными средствами»²².

В связи с новым обострением обстановки в регионе в октябре 1983 г. японское правительство неоднократно через своих представителей в Багдаде, иракских дипломатов в Токио и специальных посланников передавало Ираку пожелание воздержаться от бомбардировок объектов иранской нефтяной промышленности. В частности, японские представители пытались заручиться гарантиями в отношении безопасности

¹⁹ Нихон кэйдзай симбун. 03.02.1981.

²⁰ The Japan Times. 02.07.1983.

²¹ Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья, с. 136.

²² The Japan Times. 30.09.1983.

нефтехимического комплекса в Бендер-Хомейни, где с января 1984 г. предполагалось возобновить работы. Японское правительство пыталось, прежде всего, ограничить зону военных операций, исключить из нее объекты, имеющие особое значение с точки зрения снабжения нефтью. Однако из этого ничего не вышло, поскольку оно натолкнулось на твердую позицию Ирака.

Иракское руководство отказывалось от частичных компромиссов с Ираном, в том числе от тех, которые отвечали интересам японских предпринимателей. Речь шла о прекращении военных действий или заключении соглашения между воюющими сторонами о свободе судоходства в Персидском заливе. Багдад же предлагал Токио содействовать в достижении всестороннего урегулирования спора с Ираном. Однако иранское правительство по-прежнему выступало против участия японских представителей в процессе нормализации обстановки в зоне конфликта.

Неудачные попытки посредничества между Ираном и Ираком поставили под сомнение возможность гарантировать безопасность прохода японских нефтеналивных транспортов через зону конфликта на основе указанных выше условий.

Поэтому японская дипломатия стала прорабатывать другой вариант решения проблемы обеспечения надежности поставок. В первой половине 1984 г. в Японии стали активно обсуждаться перспективы стабилизации снабжения страны нефтью в случае военного поражения одной из сторон в ирано-иракском конфликте. Обсуждалась также возможность восстановления отношений Ирана с США при условии получения от американской администрации помощи в войне против Ирака. В официальном порядке иранское руководство в конце 1983 г. обращалось к японскому правительству с просьбой о содействии в установлении контактов с Вашингтоном. Таким образом, снова возник вопрос о японском посредничестве.

Япония выступала с посредническими функциями с декабря 1983 по июль 1984 г. За это время через японских дипломатов из Вашингтона в Тегеран и обратно было передано несколько официальных посланий, при помощи которых американская администрация и иранское руководство пытались договориться о взаимоприемлемых условиях нормализации межгосударственных отношений. Однако начавшиеся контакты были прерваны по инициативе Ирана, который не был удовлетворен предложениями США. Таким образом, попытки Токио оказать содействие своему союзнику оказались безрезультатными.

Однако неудачные попытки посредничества не привели к снижению активности японской дипломатии в зоне Персидского залива. Токио продолжал уделять значительное внимание обеспечению стабильных поставок нефти из этого региона, тем более что новое обострение ситуации в регионе весной-летом 1987 г. усилило опасения относительно прекращения транспортировки топлива через Ормузский пролив.

Действия военно-морских сил и авиации конфликтующих сторон, предпринимаемые ими операции по минированию отдельных участков Персидского залива создали реальную угрозу для судоходства. С 1981 по 1987 г. в зоне Ормузского пролива в результате военных действий в той или иной степени пострадало более 330 гражданских, главным образом, нефтеналивных судов третьих стран.

Кроме того, иранские власти нередко задерживали суда нейтральных государств, которые направлялись в порты арабских стран. Таким образом, они пытались помешать доставке военных грузов для Ирака. Только за первую половину 1987 г. было зарегистрировано пять случаев ареста иранскими военными представителями зафрахтованных японскими компаниями судов, следовавших в Кувейт, для проведения досмотра. Все эти факты вызывали серьезную озабоченность Токио.

Ситуация в регионе еще более осложнялась в связи с решением администрации США осуществлять эскортирование следующих под американским флагом танкеров нейтральных арабских стран (главным образом Кувейта), для чего в Персидский залив была направлена группа кораблей военно-морских сил (ВМС) США. Вследствие этого возникла угроза прямого вмешательства Вашингтона в ирано-иракский конфликт.

Японское руководство заняло в отношении происходящих событий осторожную позицию. Внутри правящего лагеря страны не было единства по вопросу о японской политике в зоне Персидского залива. В частности, опасаясь втягивания Японии в конфликт, деловые круги настаивали на немедленном прекращении военных действий в районе Персидского залива и проведении ирано-иракских переговоров о мире. Отражающая мнение предпринимателей газета «Нихон кэйдзай симбун» подчеркивала в редакционной статье: «Поскольку непосредственно затрагиваются интересы Японии, правительство обязано приложить все усилия для ослабления существующей напряженности»²³.

В то же время определенная часть политиков требовала активного участия Японии в поддержке акций министерства иностранных дел, об этом упоминалось в «Джапан таймс»: «Многим мыслящим японцам тяжело сознавать, что конституционные ограничения не позволяют Японии протянуть руку помощи союзнику, взявшему на себя неблагодарную миссию обеспечения свободы морского судоходства»²⁴.

В связи с этим президент США Рейган в мае 1987 г. ввел 100%-ные пошлины на японские электронные изделия (300 млн. долл.). Решение Рейгана вызвало определенную растерянность и сильное раздражение в деловых и политических кругах Японии. Премьер-министр Накасонэ Ясухиро пытался успокоить деловые круги, заявив, что он надеется

²³ Нихон кэйдзай симбун. 27.05.1987.

²⁴ The Japan Times. 07.06.1987.

урегулировать этот конфликт во время предстоящего визита в Вашингтон в конце апреля 1987 г. Однако ему не удалось добиться на переговорах отмены санкций в отношении японской электронной продукции. Рейган пообещал во время совещания, что отменит это решение, если Токио полностью выполнит соглашение²⁵.

В этот период в японской печати обсуждался вопрос, в какой форме Япония могла бы участвовать в обеспечении безопасности танкеров с нефтью, проходящих через Ормузский пролив. Некоторые обозреватели допускали возможность направления японских вспомогательных судов для поддержки «многонациональных сил» западных держав в регионе. Однако японское правительство не спешило излагать официальную точку зрения по этим вопросам.

Вместе с тем оно пыталось добиться гарантий безопасности движения японских транспортов путем достижения прямой договоренности с Тегераном. В мае 1987 г. в зоне Ормузского пролива было совершено нападение военных кораблей без опознавательных знаков на японский танкер. По мнению Токио, эти суда принадлежали Ирану. В связи с этим иранской стороне была передана просьба воздержаться от нанесения ударов по судам, следующим под японским флагом. Однако иранский министр не признал самого факта нападения иранских военных кораблей на японское судно, возложив ответственность за этот инцидент на Ирак. Последний в свою очередь также отказался взять на себя какие-либо обязательства по существу обращения японской стороны.

В связи с дальнейшим усилением напряженности в зоне Персидского залива и возможного вмешательства западных держав в ирано-иракский конфликт японское правительство решило определить свою позицию в отношении ситуации в регионе. 30 мая 1987 г. в министерстве иностранных дел Японии был устроен брифинг, в ходе которого было официально заявлено, что правительство Японии не намерено посылать никаких судов в район Ормузского пролива, за исключением танкеров, поскольку это бы противоречило японской конституции. Было подчеркнуто, что Япония может принять участие в урегулировании конфликта исключительно мирными средствами²⁶.

Точка зрения правительства была детализирована премьер-министром Я. Накасонэ во время его пресс-конференции после окончания очередного совещания стран «семерки» в Венеции в июне 1987 г. Глава японского правительства категорически отверг возможность направления в район конфликта кораблей японских сил самообороны. Он также отрицательно ответил на вопрос о возможности участия Токио в финансировании операции США по эскортированию танкеров.

²⁵ Вербицкий С. И. Новые тенденции в новой политике Японии. – Япония 1987. Ежегодник. М., 1987, с. 55–56.

²⁶ The Japan Times. 20.05.1987.

В то же время Я. Накасонэ подтвердил готовность Японии содействовать проведению мирных переговоров между воюющими сторонами. Он особо подчеркнул, что крупным вкладом Токио в дело нормализации обстановки в регионе может стать финансово-экономическая помощь Японии обеим странам после прекращения между ними военных действий²⁷.

Позиция японского правительства в отношении ситуации в зоне Персидского залива была подробно изложена представителям Ирана министром иностранных дел Японии Т. Куранари, который посетил Тегеран сразу же после совещания в Венеции. В ходе встреч с президентом Ирана Али Хаменеи, с председателем меджлиса Хашеми Рафсанджани и министром иностранных дел А. Велаяти японский представитель призывал иранское руководство вступить в переговоры о мире с Ираком при посредничестве ООН. Однако иранская сторона негативно восприняла обращение Токио.

Линия поддержки инициатив ООН, направленных на урегулирование ирано-иракского конфликта, которая проявилась в ходе визита Т. Куранари в Тегеран, была продолжена японской дипломатией и в дальнейшем. Так, например, став с января 1987 г. непостоянным членом Совета Безопасности ООН, Япония проголосовала 20 июля 1987 г. за резолюцию № 598, призывающую Иран и Ирак незамедлительно прекратить военные действия и отвести свои войска к границам, существовавшим между ними до начала конфликта в 1980 г.

Позиция Японии в отношении ирано-иракского конфликта не удовлетворила США, добивавшихся от нее действенной поддержки американских акций в Персидском заливе. Это давление привело к определенным результатам. Так, 28 августа 1987 г., выступая в парламенте, премьер-министр Я. Накасонэ заявил, что отправка японских минных тральщиков на Ближний Восток не может быть в принципе квалифицирована как применение силы и не противоречит японской конституции. В то же время глава японского правительства был вынужден подчеркнуть, что руководство страны не намерено предпринимать никаких практических шагов в этом направлении. В конечном итоге Японии удалось уклониться от прямого пособничества Вашингтону в районе Персидского залива. На переговорах, которые вел в США в октябре 1987 г. начальник управления национальной обороны Ю. Курихара, была достигнута договоренность об увеличении японским правительством ассигнований на содержание американских баз в Японии. Сумма должна была быть эквивалентна доле финансового бремени, установленной Вашингтоном для Токио по оплате пребывания военной армады США в водах Персидского залива.

²⁷ The Japan Times. 11.06.1987.

Таким образом, подход Японии к ситуации в этом регионе в целом свидетельствовал о существовании определенных рамок, ограничивающих готовность японского правительства оказывать поддержку линии США. Сотрудничество Японии с Вашингтоном распространялось преимущественно на дипломатическую сферу (заявление о поддержке курса США и т. п.), но не включало непосредственное взаимодействие в вопросах обеспечения действий военно-морских сил США.

Сдерживающее влияние на позицию Токио оказывало не только мнение широкой общественности страны, требующей соблюдения принципов мирной конституции Японии, но и опасения правящих кругов подорвать связи с кем-либо из государств-экспортеров нефти в случае непосредственного вовлечения в конфликт.

Таким образом, Япония смогла преодолеть нефтяные кризисы на Ближнем Востоке благодаря энергетической дипломатии, которую вела по отношению к странам Ближнего Востока и по отношению к державам, имеющим свои интересы в данном регионе, обеспечив себе непрерывный поток жизненно необходимого энергоресурса.

Стратегическое партнерство Японии и Индии

Н. В. Стапран

В рамках внешнеполитической стратегии, провозглашенной правительством Японии в начале 2007 г. под названием «Ось свободы и процветания» Индии было уделено особое место. В частности, подчеркивалось, что она является одной из немногих азиатских стран, разделяющих принципы демократии, прав и свобод человека, рыночные принципы экономики. В связи с этим за ней признавалось право развивать равноправное и полновесное сотрудничество с Японией. В свою очередь Индия в начале XXI в. выдвинула свою внешнеполитическую стратегию «Взгляд на Восток»¹, в которой значительное место уделялось Японии.

Потребность в активизации японо-индийского сотрудничества формировалась на протяжении нескольких лет, и, как говорят многие эксперты, не без американского влияния. Исследователи утверждают, что США стимулируют японо-индийское взаимодействие в первую очередь с целью противодействия растущему влиянию Китая и России в регионе, а также в пике российско-китайско-индийскому треугольнику. Тем не менее, очевидно, что, помимо геополитических интересов США, существует естественная потребность двух стран в развитии отношений. В своей книге «Стремясь к красивой стране» бывший премьер-министр Японии С. Абэ отмечал, что «не удивительно, если через 10 лет, японо-индийские отношения опередят японо-американское и японо-китайское взаимодействие»².

История двустороннего взаимодействия

После окончания второй мировой войны Индия одной из первых азиатских стран пошла на улучшение отношений с Японией еще до подписания Сан-Францисского мирного договора. В 1949 г. в знак примирения Дж. Неру преподнес в дар Токийскому зоопарку двух индийских слонов. 28 апреля 1952 г. был подписан договор об установлении дипломатических отношений между Японией и Индией – один из первых договоров такого рода.

Поставки индийской стали в первые послевоенные годы во многом способствовали восстановлению японской экономики. В 1957 г. премьер-

¹ «Азия времен перемен». – Речь министра иностранных дел Яшванта Сингха в Институте оборонных и стратегических исследований в Сингапуре. 26.08.2003.

² Abe S. Towards a Beautiful Country: my Vision for Japan. 2007.

министр Н. Киси в ходе своего первого азиатского турне посетил Индию, подписал соглашение о торговле и достиг договоренности о предоставлении Индии иенного кредита, который стал первым в истории современной Японии примером предоставления помощи азиатским странам в форме открытого займа. К 1986 г. Индия превратилась в одного из главных получателей японской официальной помощи развитию (ОПР).

Одновременно необходимо признать, что в японо-индийских отношениях во второй половине XX в. не наблюдалось особого развития. Это было, прежде всего, связано с тем, что Индия в качестве своего основного внешнеполитического принципа провозгласила политику неприсоединения, а Япония всецело придерживалась рамок Японо-американского договора безопасности. После окончания холодной войны Индия, потеряв союзника в лице СССР, начала проводить более гибкую внешнюю политику и пошла на сближение с Западом. Особым испытанием для двусторонних отношений стали ядерные испытания, проведенные Индией в 1998 г., которые вызвали серьезную критику японского правительства.

В начале XXI в. с активизацией японо-индийских отношений начинается новый этап сотрудничества между двумя странами. Оба государства с окончанием биполярной конфронтации ищут пути усиления своей роли на международной арене. Рост числа визитов на высоком и высшем уровнях между двумя странами свидетельствует о повышении статуса Индии среди японских внешнеполитических партнеров. Так, с 1985 по 1995 гг. состоялось порядка 17 визитов, тогда как в следующее десятилетие высокопоставленные чиновники обеих стран совершили более 50 поездок³.

В 2000 г. был подписан документ «Японо-индийское глобальное партнерство в XXI в.», после чего последовал ряд важных соглашений, поднявших двустороннее сотрудничество на принципиально новый уровень, – «Совместная японо-индийская декларация» (2001 г.), совместное заявление Дз. Коидзуми и М. Сингха «Японо-индийское партнерство в новой азиатской эре: стратегическая направленность глобального сотрудничества Японии и Индии» (2005 г.).

Начиная с 2005 г. встречи на высшем уровне между двумя странами проводятся ежегодно. В рамках одной из таких встреч в декабре 2006 г., во время официального визита премьер-министра Индии М. Сингха в Японию был подписан очередной стратегически важный документ, значительно расширявший сферы двустороннего сотрудничества, – «Японо-индийская совместная декларация о стратегическом и глобальном партнерстве»⁴. Эта декларация определила основные направления

развития двустороннего сотрудничества на ближайшие годы. Токио «простил» индийские ядерные испытания 1998 г. и заявил о приоритетности индийско-японских отношений.

Такая активизация объясняется многими причинами. В частности, Япония старательно ищет верных и «неопасных» союзников в Азии. 2007 год был объявлен годом японо-индийской дружбы. В августе того же года впервые за многие годы состоялся визит японского премьер-министра С. Абэ. В состав делегации входили высокопоставленные чиновники, бизнесмены, ученые. На встрече была утверждена так называемая дорожная карта двустороннего сотрудничества, получившая название «Новые возможности японо-индийского стратегического и глобального партнерства»⁵, которая, помимо всего прочего, подразумевает развитие взаимодействия по вопросам безопасности и ставит целью увеличение торгового оборота до 12 млрд. долл. к 2010 г. Лидеры двух стран заявили о готовности подписать «Всеобъемлющее соглашение об экономическом партнерстве» и тем самым создать новый экономический полюс в Азии. Вторым важным документом, подписанным в ходе встречи, стало «Совместное заявление о развитии сотрудничества в области защиты окружающей среды и энергетической безопасности».

Япония проявляет очевидный интерес к индийской системе образования и разработкам в области высоких технологий. Обсуждается план создания в ближайшем будущем индийского института технологий при поддержке японского правительства. Более того, уже начали работу на ежегодной основе два важных международных форума – «Политический диалог на высоком уровне по экономическому взаимодействию» и «Японо-индийский стратегический диалог по экономическим вопросам».

Активизация тесного взаимодействия важна не только для двусторонних отношений, но и в региональном масштабе. Это подтверждают соглашение о свободной торговле в Южной Азии (SAFTA), вступившее в силу в январе 2006 г., и решения, принимаемые Организацией сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). В апреле 2007 г. Япония приняла участие в саммите этой организации в качестве наблюдателя. Индия же смогла причислить себя к странам-участницам Восточно-азиатского сообщества (2005 г.) только благодаря своевременной поддержке Японии.

Оба государства стремятся занять место постоянного члена Совета безопасности ООН и главным противником этого в обоих случаях выступает Китай.

До последнего времени Индия, опасаясь любых политических альянсов, часто оставалась на задворках мировой политики. Нынешняя

³ Japan-India Relations – Официальный сайт министерства иностранных дел Японии. – <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/pdfs/joint0612.pdf>

⁴ Joint Statement “Towards Japan-India Strategic and Global Partnership”. Tokyo, 15.12.2006// <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/pdfs/joint0612/pdf>

⁵ The Roadmap for New Dimensions to the Strategic and Global Partnership between Japan and India. 2007//<http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/joint-2.html>

активизация индийских позиций происходит на фоне явного сближения с США. На сегодняшний день складывается ощущение, что США пытаются навязывать Индии тактику внешнеполитического поведения. Так, неожиданным кажется самоустранение Индии в июне 2007 г. с саммита Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), где она является наблюдателем.

Видимо, из-за боязни вызвать недовольство США не отличается особой активностью индийская позиция в рамках стратегического переговорного механизма Россия–Китай–Индия. В то же время Индия не проявила особого стремления к участию и в треугольнике США–Япония–Австралия, вероятно, опасаясь китайского недовольства. Подобная позиция до определенного момента позволяет Индии сохранять политическую гибкость, тем не менее, в долгосрочной перспективе она оставляет ее на периферии мировой и региональной политики.

Изоляционистская политика Индии влечет за собой довольно скромные внешнеэкономические результаты. Так, объемы индо-китайской торговли (25 млрд. долл.) гораздо ниже японо-китайских (207 млрд. долл.) и американо-китайских (263 млрд. долл.) показателей. Несмотря на провозглашение курса «Взгляд на Восток», Индия пока не может предложить региону Юго-Восточной Азии никакой альтернативы китайскому присутствию. Объемы торговли с этим регионом у Индии (30 млрд. долл.) почти в пять с лишним раз ниже, чем у Китая (160 млрд. долл.)⁶.

В свою очередь Южная Азия является наиболее безопасным для Японии регионом для демонстрации внешнеполитической самостоятельности в отличие от Юго-Восточной Азии, где сильны негативные настроения относительно усиления Японии. На Ближнем и Среднем Востоке уже действует значительное число участников, и Японии вряд ли удастся занять собственную нишу в этом регионе. Одновременно именно Индия, занимающая геостратегически выгодное положение, становится для Японии своего рода мостом между Азией и Европой.

Одновременно необходимо признать, что японо-индийские отношения достаточно скромны. Индия вряд ли сможет в ближайшее время занять место Китая во внешнеторговом обороте Японии. В 2006 г. в экономику Китая Япония инвестировала 57 млрд. долл., тогда как в индийскую – лишь 2 млрд. долл.

Экономическое сотрудничество

На протяжении второй половины XX в. Япония занимала лишь 10-е место во внешней торговле Индии, а индийская доля в японской внешней торговле составляла не более 4%. В последние годы наблюдается

⁶ India Brand Equity Foundation (IBEF). – http://www.ibef.jrg/artdispvieww.aspx?in=32&art_id=18923&cat_id=559&page=1

устойчивая тенденция роста объемов двусторонней торговли с 3 млрд. долл. в 2003 г. до 7,5 млрд. долл. в 2006/07 фин. г., что гораздо ниже желаемого потенциального уровня, но в 2 раза больше, чем в 2001 г. Япония занимает пятое место среди важнейших торговых партнеров Индии. К 2012 г. общий товарооборот может достичь 14 млрд. долл. Прямые инвестиции Японии в экономику Индии увеличились почти в 4 раза. Одной из основных целей сотрудничества является подписание соглашения об экономическом партнерстве.

Индия является третьим по важности после Австралии и Бразилии поставщиком железорудного сырья в Японию. Испытывая значительную обеспокоенность по поводу последовательного укрепления позиций Китая на рынке металлургического сырья, Япония всячески старается сохранить существующие договоренности с Индией в этой области. Помимо этого, Япония импортирует из Индии морепродукты, специи, свежие фрукты и овощи. В 2008 г. общий объем индийского экспорта в Японию составит более 3 млрд. долл.

Индия импортирует из Японии разнообразную высокотехнологичную продукцию (машиностроение, автомобилестроение, электроника и пр.). Запланированный объем японского экспорта в Индию в 2008 г. – 5 млрд. долл. Хотя наиболее перспективным объектом японского экспорта в Индию является капитал.

До начала XXI в. японские инвестиции в экономику Индии и количество совместных предприятий были минимальны по сравнению с объемом капиталовложений в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако низкая цена индийской рабочей силы и отсутствие явного негативного исторического опыта в отношениях между двумя странами сыграли положительную роль в развитии двустороннего экономического сотрудничества в начале нового столетия.

Японцы доверяют индийской экономике, благодаря чему приток их капиталов в Индию постоянно увеличивается. В 2004 г. был образован первый Индийский инвестиционный фонд. В ноябре 2005 их было уже восемь, а в марте 2007 г. – 16. Сумма чистых активов составила 8,2 млрд. долл.

О популярности Индии среди японских инвесторов свидетельствует деятельность целого ряда инвестиционных фондов, предлагающих вкладывать деньги в индийские активы, под управлением которых совокупные средства к июлю 2007 г. достигли 4,05 млрд. долл. На самом деле компания «Номура Ассет Менеджмент Ко Лтд.» была вынуждена закрыть прием заявок в созданный ей Фонд индийских ценных бумаг на следующий день после начала приема заявок, поскольку за один день в фонд было вложено средств больше, чем «Номура» могла инвестировать без риска необоснованно взвинтить цены на индийские ценные бумаги. Японские инвестиции в Индии росли такими темпами, что

они заняли большую долю из полученных Индией в середине 2007 г. 1,9 млрд. долл. иностранных инвестиций. Для стимулирования потока инвестиций было принято решение открыть в 2008 г. второй центр по поддержке японского бизнеса в Мумбае.

По данным Японского банка международного сотрудничества (JBIC), именно Индия сейчас является наиболее популярным направлением вложения долгосрочных японских инвестиций. Тот же источник свидетельствует, что 70% предприятий отдают предпочтение Индии в плане перспектив развития совместного бизнеса, тогда как Китаю – 67%. Третье место занимает Россия (37%), за ней следует Вьетнам (28%). Япония и Индия готовы подписать двустороннее соглашение о взаимной поддержке курса валют с целью преодоления в случае необходимости любого краткосрочного кризиса ликвидности, что ознаменует значительный прорыв в развитии двусторонних экономических отношений.

Инвестиционная привлекательность Индии базируется на доступности рабочей силы и технологий. В результате прибыль японских компаний, вышедших на индийский внутренний рынок в последние годы, составляет до 50% ежегодно. Япония занимает пятое место в общем объеме прямых инвестиций в экономику Индии. Ожидается, что к 2010 г. общий объем ее инвестиций должен составить порядка 5,5 млрд. долл. Традиционно значительная часть таких инвестиций направляется в две основные сферы – автомобильную (60%) и нефтехимическую (20%).

Среди наиболее перспективных инвестиционных проектов с участием японского капитала можно назвать проект автомобильного концерна «Хонда», который планирует открыть 90 дилерских центров по продаже малолитражных автомобилей. Предполагаемый объем продаж должен составить порядка 160 тыс. машин ежегодно. Завод компании «Тоёта» в Бангалоре уже производит до 60 тыс. автомобилей в год, а в мае 2008 г. началось строительство второго завода, который к 2010 г. также начнет выпускать малолитражные модели. Компания «Судзуки» планирует выделить 2,25 млрд. долл. на исследование, освоение, развитие рынка, с перспективой дальнейшего дополнительного инвестирования в размере 2 млрд. долл. для открытия торговых точек. Корпорации «Нисан» и «Ямаха» также разрабатывают планы внедрения на индийский рынок. Лидер в области цифровых технологий компания «Кэнон» также планирует открыть собственные представительства. Развивается тесное взаимодействие в финансовой области, один из крупнейших японских банков «Мидзухо» подписал специальное соглашение с Государственным банком Индии.

Как уже говорилось, Индия является одним из крупнейших получателей японской официальной помощи развитию. Именно в рамках этой системы происходит инвестирование многих проектов. Например, японская сторона активно помогает развитию инфраструктуры в разных

районах Индии, на что в 2007 г. было выделено более 2 млн. долл., что на 22% больше чем в предыдущем. Среди проектов в реализации которых участвует японский капитал, выделенный по программе ОПР, можно назвать строительство метро в г. Дели и г. Калькутта, сооружение внешнего транспортного кольца в г. Хайдерабад, водоочистной проект в г. Хогеннакал, проект городской инфраструктуры в г. Тамил Наду, телерадиовещательный проект в г. Хариана и др. В начале 2008 г. было принято решение о японском участии в проекте по созданию водоочистных и канализационных сооружений на о-ве Гоа. Более того, планируется реализация второго этапа строительства метро в Дели⁷.

После успешного совместного проекта по созданию метро в Дели, японская сторона в августе 2007 г. приняла решение участвовать в мегапроекте «Промышленный коридор Дели–Мумбай», грандиозной реорганизации транспортной инфраструктуры между двумя крупнейшими городами Индии. Цель данного проекта – приведение к международным стандартам и синхронизация железнодорожного, автомобильного и морского сообщения в этом районе к 2012 г. Действительно, инфраструктура является одной из наиболее проблемных точек развития индийской экономики. «Коридор Дели–Мумбай» протяженностью более 1500 км. охватывает девять инвестиционных районов общей площадью более 2000 кв.км. На этой территории будут созданы совместные производства, в том числе химические и машиностроительные. Планируется построить три порта и шесть современных аэропортов. Стоимость проекта – около 100 млрд. долл. Ориентировочный объем японских инвестиций в основном на уровне средних и малых предприятий должен покрыть примерно треть всех расходов по проекту (30 млрд. долл.). Это – первый в истории Японии проект со столь масштабными объемами зарубежных капиталовложений.

Сводные показатели за 1991–2007 гг. свидетельствуют, что Япония занимает третье место по поставкам технологий на индийский рынок, что составляет 10% совокупного объема технологических вливаний. Особое место занимает сотрудничество в области высоких технологий, в том числе нанотехнологий.

Ядерная проблематика

Одним из наиболее острых вопросов японо-индийских отношений является ядерная проблема. После того как США урегулировали отношения с Индией по этому вопросу, Япония также начала обсуждение перспектив двустороннего сотрудничества в области мирного использования атома для обеспечения энергетической устойчивости Индии. Дели старается заручиться поддержкой со стороны Токио своих усилий

⁷ Siddharth Srivastava. Mega Indian Welcome for Japan. – Asia Times. 23.08.2007. – http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/IH23Df01.htm

по выходу из международной изоляции в области закупки реакторов, технологий и топлива для индийских АЭС. Эти условия предусмотрены соглашением между Индией и США о сотрудничестве в области мирного атома.

Япония столкнулась с очень сложной дилеммой – поддерживать или нет ряд американо-индийских соглашений по ядерной проблематике, достигнутых в 2005–2007 гг.⁸ Ответ на этот вопрос может поставить под сомнение репутацию Японии как борца за разоружение и нераспространение ядерного оружия. Более того, это решение может коренным образом изменить безъядерную основу японской внешней политики Японии. Индия не присоединилась к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1963 г.) и никогда не была участницей Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), в то время как Япония считает эти два документа краеугольными камнями международного режима разоружения и нераспространения. Более того, японские официальные круги обращают внимание на то, что американо-индийское соглашение не подразумевает никаких контрмер на случай возможных испытаний индийского ядерного оружия.

Япония с максимальной осторожностью выражает свое отношение к американо-индийскому соглашению, последовательно повторяя, что «внимательно и досконально проанализирует все возможные негативные последствия этой сделки для режима нераспространения». Другими словами, японские политики оказались достаточно разумны, чтобы не ввязываться в бесполезную дискуссию, но недостаточно храбры, чтобы последовательно отстаивать свою принципиальную позицию по вопросам нераспространения.

В ходе визита в Индию в 2007 г. С. Абэ намекнул, что Япония в целом готова поддержать американо-индийскую договоренность, и хотя японский премьер уклонился от непосредственного упоминания самого документа, в итоговом документе встречи было обозначено, что ядерная энергия безопасна и важна для устойчивого развития. Если учесть, что в ходе визита были достигнуты важные договоренности о развитии экономического сотрудничества, и проанализировать состав японской официальной делегации, в которую входили влиятельные представители крупнейших компаний атомно-энергетического сектора, то вполне очевидно, что Япония, избегая громких заявлений, намерена развивать сотрудничество с Индией и в данной сфере.

Несмотря на значительную заинтересованность индийского и американского руководства в японской поддержке, страна продолжает относиться к американо-индийской инициативе со сдержанной осторожностью и определенным скептицизмом.

⁸ Совместное американо-индийское заявление по ядерной проблематике (июнь 2005 г.), Соглашение о сотрудничестве в ядерной области (март 2006 г.), Соглашение о мирном использовании атомной энергии (декабрь 2006 г.)

Американские высокопоставленные представители при любом удобном случае стараются обсудить с японцами дальнейшие перспективы взаимодействия в области атомной энергетики, которое подразумевает поддержку мирного и безопасного распространения атомных технологий в заинтересованные страны. Японцы в свою очередь особенно настороженно относятся к Индии, памятуя о ядерных испытаниях 1998 г. Тогда Япония не ограничилась лишь осуждением индийских действий, но ввела ряд санкций против Индии. Более того, именно Япония стала инициатором созыва Токийского форума по ядерному нераспространению и разоружению, по итогам которого был принят документ, осуждавший ядерные испытания в Южной Азии как угрозу существованию режима Договора о нераспространении ядерного оружия.

В рамках международного переговорного процесса по проблеме ДНЯО, Япония всячески настаивает на его универсальной важности для всего мирового сообщества, поэтому даже малейшие уступки в этой области могут повлечь за собой дальнейшие нарушения, что в конечном итоге превратит его в номинальный акт, ни коим образом не отражающий реальное положение дел.

Пока в данном вопросе японская «настороженность» сильнее «дружелюбности». И если, будучи международным локомотивом движения нераспространения, Япония рискнет официально одобрить американо-индийское соглашение, то скорее всего другие «проблемные» страны также захотят получить некоторые привилегии, что фактически положит конец существованию данного механизма⁹.

Вместе с тем Япония готова одобрить американо-индийское соглашение, в том случае, если в нем будет специально оговорено автоматическое аннулирование в случае проведения несанкционированных испытаний. Еще одним условием японской стороны, являются обязательные регулярные инспекции индийских атомных объектов представителями Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Рано или поздно Японии придется четко заявить свою позицию по данному вопросу. Конечно, для международной стабильности важно, чтобы Япония пошла на кратковременные разногласия с США и Индией ради сохранения режима нераспространения. Очевидно, что в долгосрочной перспективе приверженность принципам разоружения и нераспространения ядерного оружия является основой национальных интересов Японии.

Япония уже более 10 лет назад предложила Генеральной Ассамблее ООН принять проект резолюции по ядерному разоружению, который бы способствовал быстрейшему вступлению договора в силу, но резолюция не была поддержана тремя странами: США, Индией и КНДР.

⁹ Chietigj Bajae. The Strengthening Japan-India Axis. – Asia Times Online. 06.03.2007// <http://www.atimes/Japan/1C06Dh02.html>

Возможным выходом из ситуации для Японии может стать попытка убедить Индию экономическими и политическими средствами поддержать данную резолюцию, а в идеале присоединится к ДНЯО, но подобное развитие событий очень маловероятно.

Япония-Индия и Китай

В контексте стратегического партнерства двух стран особый интерес представляет анализ отношений в рамках символического треугольника Япония – Индия – Китай. Очевидно, что все три государства довольно активно взаимодействуют на международной арене, тем не менее, наиболее прочными являются отношения Японии и Индии, тогда как в индо-китайских и японо-китайских отношениях существует значительное число спорных моментов.

Действительно, несмотря на позитивные официальные показатели, японо-китайские отношения претерпевают значительные трудности. Это касается и антияпонских настроений в Китае, и экономических разногласий, и растущей роли Китая на международной арене. В такой ситуации индийское направление представляется для Токио вполне приемлемой альтернативой.

В военно-стратегическом плане усиление Китая дает Японии и Индии хороший повод для объединения усилий. Проведенные Китаем в январе 2007 г. испытания анти-спутниковых систем особенно стимулировали стремление Японии и Индии тем или иным образом принять участие в гонке вооружений в Азии. Подобное сотрудничество представляется особенно перспективным в контексте активного участия обеих стран в космических проектах. Открыто не осуждая действия Китая, Индия и Япония выступили против милитаризации космоса.

Особую обеспокоенность Индии вызывает активное взаимодействие Китая, Пакистана, Мьянмы и Бангладеш в сфере обеспечения безопасности морских транспортных путей в Индийском океане и Малаккском проливе, через который проходит 80% импортных транзитных поставок китайского топлива¹⁰. Малаккский пролив, действительно является одной из наиболее стратегически важных зон межгосударственно взаимодействия. Через него проходит более 40% морских торговых потоков и 50% транзитных поставок нефти и природного газа. Половина индийских торговых путей пролегает через Малаккский пролив, и 80% импорта нефти в Японию приходит отсюда. Следовательно, опасения Индии и Японии относительно монополизации этой важной экономической зоны Китаем имеют значительные основания.

Пекин же с особым вниманием отслеживает развитие отношений между Токио и Дели, особенно учитывая существование американо-

индийского соглашения по ядерной проблематике. Китай опасается укрепления не столько экономических, сколько военно-политических отношений между странами и возможного создания новой независимой структуры в области безопасности. В этой связи особой обеспокоенность китайских специалистов вызывает инициатива четырехстороннего сотрудничества между США, Японией, Индией и Австралией. Они предполагают, что истинной целью подобного объединения является сдерживание Китая, как в экономическом, так и в политическом смысле. В ответ на беспокойство китайской стороны во время визита японского премьера в Дели в августе 2007 г. японский МИД официально заявил, что сотрудничество с Индией не будет развиваться «за счет Китая», схожие заявления сделали и индийские дипломаты. Более того, учитывая, что визит проходил на фоне сложной внутривнутриполитической ситуации в Японии (в сентябре 2007 г. кабинет С. Абэ ушел в отставку), политические круги страны предпочли максимально лаконично и скромно осветить результаты визита, хотя многие перечисленные выше факты свидетельствуют об обратном. Средства массовой информации открыто сформулировали тезис о том, что Япония и Индия хотят создать некий противовес китайскому влиянию в регионе.

Япония и Индия стремятся объединить свои усилия по контролю и сдерживанию китайского влияния. Индия, обладающая пятым в мире по величине морским флотом, представляется Японии вполне выгодным партнером в плане сдерживания китайского военного влияния. Помимо двустороннего военного взаимодействия, довольно перспективным представляется сотрудничество в многостороннем формате.

Особенно активно между странами развивается военное сотрудничество. В мае 2006 г. принято решение о визитах индийских военно-морских кораблей в японские порты, о начале обмена опытом между военными двух стран. В апреле 2007 г. у берегов Японии прошли совместные американо-японо-индийские военно-морские учения. Несмотря на то, что никаких официальных заявлений не последовало, появилась информация, что учения были посвящены тренировкам по преодолению последствий природных катастроф и стихийных бедствий, например, землетрясений или цунами. Особое внимание в ходе учений было уделено отработке коммуникативных навыков, что особенно важно при международном составе участников. Как Токио ни старался убедить Пекин в безобидности собственных намерений, китайская сторона была убеждена, что тактические учения были проведены в первую очередь с намеком на сдерживание китайского влияния в регионе. Учитывая подписанное в марте 2007 г. японо-австралийское соглашение по вопросам безопасности, можно предположить, что опасения Китая имеют под собой некоторые основания.

США, скорее всего, сохранят свое присутствие и влияние в регионе АТР. Тем не менее, пробел, который образовался после отвлечения

¹⁰ Pallavi Aiyar. India Walks a Long Road to China. – Asia Times Online. 09.01.2008//<http://www.atimes/China/IA09Ad01/html>

американских сил в Ирак и Ближний Восток, был заполнен Китаем. Поэтому теперь для восстановления баланса сил в регионе США пытаются создать некий «концерт послушных демократий» в лице Японии, Индии и Австралии, что позволит в определенной степени сдерживать гегемонию Китая. Япония и Индия потенциально готовы играть подобную роль, если они продолжат развивать двусторонние отношения и стратегические взаимодействия, и более активно выступать на международной, в первую очередь, азиатской арене.

Так или иначе, взаимодействие между Токио, Дели и Пекином наверняка будет определять траекторию развития регионализма в Восточной Азии. Важно понять, готовы ли Япония и Индия стать составной частью региональной структуры во главе с Китаем, или все же их действия направлены на создание альтернативы «китаецентризму» и создание своеобразной многополюсной структуры в Азиатско-тихоокеанском регионе, хотя во втором случае довольно очевидна опасность возрождения американоцентристской модели. Более того, укрепление японо-индийских отношений косвенно препятствует развитию трехстороннего сотрудничества между Россией, Китаем и Индией, актуальность и важность которого последовательно декларируется российским руководством. Таким образом, можно утверждать, что Дели становится своего рода «разменной монетой» в отношениях между основными игроками в АТР.

В последние годы Япония и Индия стремятся отрешиться от политической пассивности на международной арене и стать более активными участниками мировой политики. Для этого Японии необходимо пересмотреть стереотипы собственной послевоенной пацифистской конституции и дистанцироваться от США, а Индии освободиться от идей изолированности и неприсоединения и сосредоточенности внешнеполитического курса на проблеме индо-пакистанских отношений. Две восточные демократии способны действовать в тандеме. Более того, их союз может превратиться в некий «третий путь» развития геополитической ситуации в Азии, предлагающий многополярный подход, наряду с американской политикой гуманитарной интервенции и китайской тактикой «безусловной помощи» и «экономического развития без политического присутствия». Тем не менее, способность этих двух стран самостоятельно вырваться из американской «стратегической сети» и предложить реальную альтернативу вызывает значительные сомнения.

Япония и Бразилия: грани сотрудничества

М. В. Буркова

В рамках диверсификации внешней политики и международных экономических отношений Япония в последнее время уделяет значительное внимание поднимающемуся «льву» латиноамериканского региона – Бразилии, которая обладает огромной территорией и 170-миллионным населением. Этот вектор японской дипломатии пока еще мало изучен, но он может стать одним из важных в средне- и долгосрочной перспективе. У этих двух столь разных практически во всех аспектах (цивилизационном, социокультурном, экономико-политическом) стран немало общего. И в первую очередь, они притягательны друг для друга в контексте взаимодополняемости экономик.

Авторитетный прогноз развития мировой экономики до 2050 г., выполненный компанией «Голдман-Сакс», предсказывает, что к середине XX в. по уровню совокупной экономической мощи высшие места в мире окажутся перетасованными не в пользу США. По оценкам независимых политологов, среди стран группы BRIC (Бразилия, Россия, Индия, Китай) у Бразилии много шансов для прорыва в так называемый «первый мир». Ее ВВП уже сейчас сравним с суммарным показателем десяти ведущих стран Юго-Восточной Азии. Все отчетливее обозначаются тенденции формирования многополярного мирового порядка, при котором, кроме США – главного стратегического партнера Японии, – «задавать тон» в мировой политике и экономике станут и другие страны. В долгосрочной перспективе «клуб великих держав» пополнится новыми акторами, и перед Японией объективно встает необходимость приспособиться к быстро меняющемуся миру и готовить почву для будущих изменений в расстановке сил на международной арене.

Особый характер японо-бразильских связей предопределен был уже больше столетия назад. Исторически тесный и доверительный характер взаимоотношений сторон придает фактор проживания в Бразилии значительной колонии потомков японских эмигрантов. В одном только г. Сан-Пауло она насчитывает более 500 тыс. человек, что является наивысшим показателем для городов, расположенных за пределами Японии. В 2008 г., когда отмечалось столетие японской эмиграции в Бразилию (в 1908 г. в порт Сантос прибыл первый корабль с переселенцами из Японии), в обеих странах были запланированы крупномасштабные культурные мероприятия. Большое значение японская иммиграция приобрела в начале XX в. и, особенно, после второй мировой войны. По официальным

данным 1969 г., в Бразилии проживало 274 312 японцев, среди которых было много высококвалифицированных рабочих и инженеров. На сегодняшний день японская община в Бразилии, насчитывающая почти 1,5 млн. человек, является крупнейшей в мире.

Выходцы из Японии, представляющие в основном высококвалифицированную рабочую силу, ценятся в Бразилии. Их заработная плата почти вдвое превышает доход белых рабочих и более чем в три раза – рабочих афроамериканского происхождения. Среди японских иммигрантов много представителей интеллигенции – учителей, врачей, юристов. Немало потомков японских переселенцев добилось большого успеха на государственной службе в Бразилии (так, в 70-е годы Ёкота стал директором Центрального банка Бразилии, Икэда – председателем Совета по таможенной политике, Уэки – министром шахт и энергетики, Ясуда – министром торговли и промышленности)¹. Выходцы из Японии становились даже депутатами парламента. Один из ближайших советников нынешнего президента Бразилии Л. И. Лулы да Сильвы – этнический японец.

В 90-е годы возник новый феномен – реиммиграция. «Никкеи», так называют японцев последующих поколений иммигрантов, стали возвращаться на свою далекую историческую родину, где созданы условия для достойного проживания. Япония переживает серьезнейший демографический кризис и, как и многие развитые страны, столкнулась с острой проблемой старения населения. По оценкам экспертов ООН, для поддержания современного производственного потенциала Япония должна ежегодно принимать около 60 тыс. иммигрантов. В такой ситуации было принято решение «вернуть» на родину «бывших японцев» из Латинской Америки. В 1990 г. для облегчения въезда «никкеев» правительство приняло поправки к иммиграционному законодательству, упростившие жесточайшие въездные процедуры и позволившие им беспрепятственно заниматься в Японии предпринимательской деятельностью. На тот момент в Бразилии проживало 200 тыс. японцев, имевших двойное гражданство. Для пожелавших вернуться на родину были предоставлены всевозможные льготы и субсидии².

Бразильские переселенцы довольно быстро прижились в японском обществе и превратились в настоящий социальный феномен. У них есть собственное телевидение, шесть своих газет, к ним в высшей степени лояльно относятся работодатели. Таким образом, человеческий фактор является одним из самых важных в японо-бразильских отношениях, который в значительной степени определяет поведение как частных компаний, так и государственных институтов Японии.

¹ Станран Д. «Никкеи» в Латинской Америке: человеческий фактор. – Латинская Америка. 2004, №12, с.44.

² Гайкокудзин сюдзо тоси кайги (Конференция муниципальных образований с компактным проживанием иностранцев). Хамамацу (Япония), 2002, ноябрь, с. 11.

В свое время японцам потребовалось всего три-четыре поколения, чтобы почти полностью адаптироваться среди местного населения. Они селились в глухих сельских районах Бразилии. Правительство Японии выплачивало огромные средства для создания и развития поселений своих подданных в отдаленной части света. В то же время мировые державы проводили политику постепенной колонизации Бразилии. В итоге после второй мировой войны японская община стала неотъемлемой частью бразильского общества. Встречаются целые города с исключительно японским населением. Интересно, что даже в бразильской церкви заметную роль играют мигранты-японцы (так, например, из четырех епископов Сан-Пауло, двое, включая ныне действующего, – японцы)³. В некоторых штатах японская кухня даже стала преобладающей⁴. Самих бразильцев Япония тоже привлекает, в частности, это касается спортсменов. По числу бразильских футболистов в своих футбольных клубах (10% игроков выбрали именно японские клубы) она стоит на втором месте после Португалии⁵. Вторая по численности диаспора иностранцев в Японии после китайцев и корейцев – выходцы из Бразилии.

Япония и Бразилия в последнее время активно взаимодействуют на глобальном уровне при решении политических проблем. Оба государства, наряду с Германией и Индией, входящие в состав Группы – 4, признают приоритетом своей политики продвижение концепции реформирования Совета Безопасности. Эта концепция, в частности, признает необходимым создание десяти новых мест – шести постоянных (четыре из них резервируются собственно для участников «четверки») и четырех непостоянных.

Япония проявляет большую самостоятельность в данном вопросе. Так, в 2006 г. она отказалась войти в число соавторов внесенного остальными тремя партнерами рамочного проекта резолюции по расширению Совета Безопасности. Япония делает ставку на продвижение своей кандидатуры в состав СБ ООН за счет достижения соглашений, прежде всего, на двусторонних переговорах с членами ООН. Несмотря на такую позицию Японии, формат сотрудничества Бразилии и Токио остается весьма «привлекательным». В данном контексте обе страны недавно согласовали хронограмму выдвижения своих кандидатур в Совет Безопасности ООН на 2009–2010 гг. и 2010–2011 гг. соответственно.

Довольно активно осуществляется обмен различными делегациями, особенно в межведомственном формате на экспертном уровне. В плане контактов между руководством двух стран стоит упомянуть состоявшийся в мае 2005 г. визит в Японию президента Бразилии Л. Лулы.

³ <http://www.hierarchy.religare.ru/h-angl-brazil.html>

⁴ http://braziliada.ru/brazil/people/people_a.shtml

⁵ http://www.rol.ru/news/sport/news/01/12/26_017.htm

Международная тематика в целом занимает заметное место в политической повестке дня бразильцев и японцев. Помимо реформы системы ООН, она включает в себя проблематику ВТО, защиты окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, повышение доли экологически чистых источников энергии в балансе мирового энергопотребления.

Правда, Бразилия не поддерживает экологические инициативы Японии в рамках Киотского протокола, видя в нем барьер для экономического развития страны. Так, президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва выступил с критикой достигнутого на саммите «большой восьмерки» соглашения ведущих промышленных стран мира снизить выбросы парниковых газов в атмосферу к 2050 г. наполовину, считая его «поверхностным». По его мнению, на практике окажется так, что «никто не будет ничего делать до 2049 г.». «Пятьдесят лет – это очень много, такой срок позволит тем, кто сейчас загрязняет окружающую среду, продолжать этим заниматься», – полагает Лула да Силва. Он заявил, что Бразилия не поддастся давлению стран «восьмерки», настаивающих на том, чтобы развивающиеся государства также взяли на себя обязательства по ограничению выброса парниковых газов⁶.

У партнеров сохраняются принципиальные разногласия и в отношении либерализации международной торговли в рамках Дохийского переговорного процесса, прежде всего в том, что касается агропродукции. В то время как Бразилия указывает на необходимость максимального открытия сельскохозяйственных рынков, Токио занимает весьма жесткую протекционистскую позицию. Эти противоречия проецируются и на перспективы запуска переговоров о создании межрегиональной зоны свободной торговли в формате МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса) – Япония. Обсуждение этих проблем проходит в рамках механизма регулярных консультаций по экономическим вопросам на уровне директоров соответствующих департаментов МИДа каждой из стран.

В многостороннем формате Бразилия и Токио усиливают взаимодействие, в частности, в формате Форума сотрудничества стран Латинской Америки и Восточной Азии, в котором Бразилия в настоящее время является сопредседателем. Так, на третьей министерской встрече форума в августе 2008 г. бразильская сторона предложила уделить особое внимание рассмотрению вопросов укрепления данного механизма.

Динамично развивается двустороннее инвестиционное взаимодействие. Япония входит в «десятку» главных зарубежных инвесторов в бразильскую экономику, вкладывая средства, прежде всего, в автомобилестроение, производство бытовой техники, строительство инфраструктурных объектов, агробизнес. На территории Бразилии действует ряд филиалов

японских компаний, среди которых наиболее широко представлены «Тойота», «Ниссан», а также концерн «Хонда», формирующий, в частности, более 80% предложений на внутреннем рынке мотоциклов.

Важная роль отводится Японо-бразильскому экономическому комитету, существующему с 1973 г. Деятельность этой структуры долгое время не была слишком активной. За все время ее существования было всего лишь девять совместных встреч. Однако на заседании, состоявшемся в ноябре 2000 г. в Сан-Паулу, было принято решение о «создании японо-бразильского экономического альянса в XXI в.»

Широкие дополнительные возможности в инвестиционной сфере, как тут рассчитывают, открываются благодаря достигнутой между двумя странами договоренности о внедрении в Бразилии японского стандарта цифрового телевидения, что предусматривает в том числе крупные капиталовложения со стороны одной из главных азиатских держав. Здесь также полагают весьма перспективным наращивание связей с японцами в энергетике, в первую очередь, имея в виду продвижение своих технологий по производству альтернативных и возобновляемых энергоносителей, в первую очередь этанола (ведутся переговоры с концерном «Мицубиси» об инвестировании в этот сектор порядка 8 млрд. долл.).

Объем взаимного товарооборота в 2006 г. составил 7,7 млрд. долл. (3,4% всего объема бразильского внешнеторгового оборота), что на 11,6% больше, чем в 2005 г. Однако бразильцев не устраивает неблагоприятная, по их мнению, специфика экспортно-импортной номенклатуры: промышленные товары – из Японии, сырье и продукция низкой степени обработки – из Бразилии. Несмотря на такое положение, двусторонняя торговля сохраняет свою сбалансированность.

Японцы, живущие в Бразилии, почти полностью обеспечивают страну некоторыми продуктами питания, производя 94,5% чая, 90% клубники, 71% картофеля, 60,5% сои, 58,5% томатов. Очень заметно их присутствие и в деловом мире. Множество предприятий, начиная с небольших лавочек и кончая такими гигантами финансового бизнеса, как «Банку Америка ду Сул», принадлежат японцам.

В связи с открытием осенью 2007 г. в Бразилии гигантских месторождений нефти, сопоставимых с запасами Венесуэлы и даже Саудовской Аравии, открываются колоссальные перспективы сотрудничества в освоении месторождений, в котором крайне заинтересована Япония, остро нуждающаяся в диверсификации своего импорта энергоносителей. По сообщениям пресс-службы нефтегазового холдинга, Бразилия установила новый рекорд производства нефти: 25 декабря 2007 г. «Petrobras» смогла выйти на уровень 2,238 млн. баррелей и войти в восьмерку крупнейших добывающих предприятий в мире по этому показателю. Предыдущее достижение (1,912 млн. баррелей в год) было установлено

⁶ <http://www.brasilia.polpred.com/news.html?section=13&id=63722&type=paid&country=26>

23 октября 2006 г.⁷ Теперь Бразилия вышла на уровень, когда она может сама обеспечить свои потребности в нефти, что является для страны фундаментальным достижением.

У Бразилии есть все шансы стать ведущей энергетической державой XXI в. Начато строительство будущего нефтехимического комплекса Рио-де-Жанейро, который позволит перерабатывать ежедневно 150 тыс. баррелей нефти. Существуют также альтернативные источники энергии, такие, как соя, подсолнечник и клещевина, масло которых используется для производства так называемого биодизельного топлива. Бразильские компании уделяют серьезное внимание выпуску легковых машин, использующих в качестве топлива не только бензин, но и этиловый спирт или их смесь. Еще в 70-е годы в стране началась реализация программы Pro-Alcohol, которая включала предоставление сахарным компаниям государственных субсидий для расширения выпуска спиртосодержащего топлива на основе сахарного тростника⁸. Сейчас на основе этилового спирта работает почти четверть автомобилей национального производства. Создан новый вид топлива для двигателей на основе смеси растительных масел различных сортов и дизельного топлива. Смесь солянки с маслом – менее опасна, с точки зрения загрязнения окружающей среды, чем продукты обычной нефтепереработки. Сотрудничество по линии энергосберегающих технологий обещает быть очень плодотворным, ведь Япония имеет давнюю историю разработок подобных проектов.

Осуществляется сотрудничество и в транспортной сфере. Так, в 2008 г. Япония планирует приступить к подготовке строительства в Бразилии скоростной железной дороги по технологии «синкансэн» общей протяженностью 500 км. В случае реализации проекта, это будет уже вторая линия «синкансэн» в мире, построенная по японским технологиям, после железной дороги на Тайване. В последние годы идут переговоры о постройке подобной трассы в Китае⁹.

Таким образом, налицо взаимозаинтересованность двух стран в дальнейшей усиленной активизации двусторонних связей, и, похоже, мировому сообществу стоит ждать нового прорыва на японо-бразильском направлении. Япония активизирует латиноамериканский вектор своей внешней политики, о чем свидетельствует многостороннее сотрудничество с бурно развивающейся Бразилией. У этих двух стран, как видно из сказанного выше, есть значительные возможности не только для расширения двусторонних отношений, но и для активизации сотрудничества в решении глобальных проблем современности.

⁷ <http://www.brasilia.polpred.com/news.html?section=8&id=90798&type=paid&country=26>

⁸ <http://www.brasilia.polpred.com/news.html?section=16&id=42470&type=paid&country=26>

⁹ <http://www.brasilia.polpred.com/news.html?section=4&id=90820&type=paid&country=26>

Роль внешнего фактора в развитии японской экономики

И. П. Лебедева

Экономический подъем, начавшийся в Японии с 2002 г. после выхода из тяжелой, многолетней депрессии, стал самым продолжительным за всю послевоенную историю развития страны. Позитивная динамика ВВП на годичном уровне отмечалась на протяжении почти шести лет (с первого квартала 2002 г. по первый квартал 2008 г.), а среднегодовые темпы роста составили около 2%. Хотя по темпам роста ВВП последний подъем конъюнктуры сильно уступает двум известным бумам – буму «Идзанаги» (продолжавшемуся с четвертого квартала 1965 г. по третий квартал 1970 г. при среднегодовых темпах роста 11,5%) и буму «мыльного пузыря» (продолжавшемуся с четвертого квартала 1986 г. по первый квартал 1991 г. при среднегодовых темпах роста 5,4%), по длительности периода позитивной экономической динамики он существенно превосходит их.

Общее представление о характере экономической динамики в Японии в период 2002 – начала 2008 гг. дают материалы таблицы 1.

Как видно из приведенных данных, последние шесть лет действительно стали для японской экономики весьма благоприятным периодом. Об этом свидетельствует, прежде всего, динамика основных компонентов внутреннего спроса – частных инвестиций в оборудование и частных потребительских расходов. При этом если потребительский спрос возрастал хотя и стабильными, но достаточно вялыми темпами, то частные инвестиции в оборудование в отдельные годы демонстрировали темпы, не регистрировавшиеся в Японии со времени экономики «мыльного пузыря». Последнее обстоятельство имеет особое значение, поскольку, как известно, частные инвестиции в оборудование являются не только одним из наиболее точных индикаторов состояния конъюнктуры, но и барометром настроений, царящих в деловом сообществе.

Среди основных компонентов внутреннего спроса несколько необычную для периода подъема конъюнктуры динамику продемонстрировали частные инвестиции в жилищное строительство, а также инвестиции в общественные работы. Что касается инвестиций в общественные работы,

Таблица 1
Динамика экономического развития Японии в 2002–2008 гг., %

Основные показатели	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г. 1-й кв.	2008 г. 2-й кв.
ВВП	0,3	1,4	2,7	1,9	2,4	2,1	0,8	-0,6
Промышленное производство	-1,2	3,1	4,8	1,3	4,5	2,8	-0,7	-0,8
Оптовые цены	-2,0	-0,8	1,3	1,7	2,2	1,8	1,0	2,5
Розничные цены	-0,9	-0,3	0,0	-0,3	0,3	0,0	1,0	1,5
Конечный потребительский спрос	1,1	0,4	1,6	1,3	2,0	1,5	0,4	-0,3
Частные инвестиции в жилищное строительство	-4,0	-1,0	1,9	-1,5	0,9	-9,5	–	–
Частные инвестиции в оборудование	-5,2	4,4	5,6	9,2	4,3	2,2	0,1	-0,1
Инвестиции в общественные работы	-4,8	-10,8	-9,0	-10,1	-8,1	-2,5	0,0	-0,2
Экспорт	7,5	9,2	13,9	7,0	9,7	8,6	3,2	-3,3
Импорт	0,9	3,9	8,1	5,8	4,2	1,8	0,9	-2,2

* Составлено по: www.go.jp/data/getujidb/zuhyou; Monthly Report of Recent Economic and Financial Developments. Bank of Japan. 21.08. 2008.

то их неуклонное и довольно быстрое снижение стало результатом последовательного осуществления правительством курса на оздоровление государственных финансов и сокращение размеров государственного долга. Что же касается частных инвестиций в жилищное строительство, то их динамика складывалась под воздействием нескольких факторов – как конъюнктурных, так и долговременных. К первой группе можно отнести политику ограничения роста заработной платы, осуществляемую крупными компаниями, повышение цен на строительные материалы (в частности, на стальную продукцию), введение новых более жестких правил рассмотрения заявок на строительство домов (в соответствии с пересмотренным Законом о строительных стандартах, вступившим в силу в июне 2007 г.). Среди долговременных факторов главным является изменение возрастной структуры японского населения, а именно повышение в нем доли лиц старших возрастов, наименее склонных к таким шагам, как строительство или покупка дома, и, напротив, снижение доли возрастных категорий, для которых приобретение собственного жилья является несомненным жизненным приоритетом.

Помимо позитивной динамики ВВП, промышленного производства и основных компонентов конечного спроса о подъеме конъюнктуры

свидетельствует и улучшение ситуации на рынке труда. Число безработных, в 2002 г. составлявшее 359 тыс. человек, к концу 2007 г. сократилось до 254 тыс., а уровень безработицы снизился соответственно с 5,4% до 3,8%. Коэффициент эффективного спроса на труд, показывающий соотношение между количеством вакансий и числом лиц, ищущих работу, напротив, заметно вырос – с 0,54 в 2002 г. до 1,05–1,07 к лету 2007г. Правда, на этот раз подъем конъюнктуры и улучшение ситуации на рынке труда не привели к сколько-нибудь заметному повышению заработной платы, что, по мнению японских специалистов, связано со стремлением компаний (в первую очередь крупных) поддерживать конкурентоспособность продукции в условиях усиления глобальной конкуренции за счет сдерживания роста издержек на оплату труда. Так, в промышленности при росте производительности труда за 2002–2007 гг. на 16,7% заработная плата возросла лишь на 2,5%¹.

Похоже, что в прошлом остались и такие мучительные проблемы японской экономики, как дефляция и «плохие долги» банковской системы. Из дефляционной спирали, в которую японская экономика вошла в конце 90-х годов и которая способствовала затягиванию депрессии, поскольку подавляла восстановление инвестиционного и потребительского спроса в условиях всеобщего ожидания дальнейшего снижения цен, стране удалось вырваться лишь в середине текущего десятилетия. Как показывают данные таблицы 1, с 2004 г. начался рост оптовых цен, а с 2006 г. стали повышаться и розничные цены. Что же касается проблемы «плохих долгов» японских банков, то благодаря усилиям самих банков и целому комплексу мер, предпринятых правительством, к настоящему времени ее удалось практически урегулировать. Размеры «плохих долгов» у крупных банков, достигавшие в марте 2002 г. 8,5% их портфеля, к марту 2007 г. снизились до 1,5%².

Отличительной чертой развития японской экономики после выхода из депрессии стало резкое повышение роли внешнего фактора в поддержании экономического роста. Об этом можно судить по данным, приведенным в таблице 2.

Как видно из данных таблицы, в отличие от бума «Идзанаги» и бума «мыльного пузыря», когда экономический рост обеспечивался преимущественно за счет внутренних факторов, последний подъем в значительной степени опирался на внешний фактор, т. е. на расширение экспорта.

Столь существенное изменение структуры роста японской экономики свидетельствует о том, что японские компании весьма успешно смогли воспользоваться теми позитивными тенденциями, которые наблюдались в последние годы в развитии мировой экономики. По данным МВФ,

¹ www.jil.go.jp/english/estatis/eshuyo/

² JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, p.55.

Таблица 2
Структура экономического роста Японии
(по компонентам конечного спроса)*, %

	Бум «Идзанаги»		Бум «мыльного пузыря»		Подъем 2002–2007 гг.	
	Вклад в		Вклад в		Вклад в	
	средне-годовые темпы	рост ВВП	средне-годовые темпы	рост ВВП	средне-годовые темпы	рост ВВП
ВВП	11,5	100,0	5,4	100,0	2,2	100,0
Экспорт	0,9	8,0	0,5	9,0	1,3	59,0
Чистый экспорт **	-0,3	-2,0	-0,2	-0,4	0,7	31,0
Частные инвестиции в оборудование	2,9	25,0	2,1	38,0	0,8	37,0
Частный потребительский спрос	5,9	51,0	2,4	45,0	0,7	35,0
Инвестиции в общественные работы	1,0	9,0	0,2	4,0	-0,4	-20,0

* Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. October, 2007, Chart 2.

** Чистый экспорт = экспорт-импорт

после резкого снижения в 2000–2001 гг. темпов роста мировой экономики с 2002 г. в большинстве стран начался экономический подъем, и за 2002–2007 гг. среднегодовые темпы ее роста составили около 4,5%³. При этом отличительной чертой этого периода стала диверсификация, т. е. более равномерное распределение роста. С одной стороны, в мире появились новые быстрорастущие экономики (Индия, Россия, Бразилия, ЮАР), которые наряду с Китаем и другими государствами Восточной Азии стали основными «полюсами роста» мировой экономики. С другой стороны, произошло значительное снижение степени зависимости мировой экономики от положения дел в американской экономике: если в 1980–2000 гг. вклад США в рост мировой экономики составлял в среднем около 20%, то в последние годы он снизился до 10%⁴.

Очевидно, что эти изменения не только способствовали приданию большей устойчивости и сбалансированности развитию мировой экономики, но и создали новые возможности для расширения мировой торговли. К этому следует добавить и значительный прогресс, достигнутый в последние годы в области заключения двусторонних и много-

сторонних соглашений о создании зон свободной торговли. В частности, что касается Японии, то к настоящему времени уже вступили в силу восемь подобных соглашений между ней и ее торговыми партнерами, а еще с восемью странами ведутся переговоры⁵.

О том, насколько успешно Япония воспользовалась благоприятными изменениями в мировой экономике и международной торговле, можно судить по следующим цифрам. Так, если среднегодовые темпы роста мировой экономики в 2002–2007 гг. составили 4,5%, то японский экспорт прирастал в среднем на 9,2% в год (в реальном исчислении). При этом его доля в ВВП страны неуклонно повышалась и в 2007 г. достигла своего исторического максимума – 15,5% (в 2002 г. она составляла 10,1%), а в абсолютном выражении объем японского экспорта за эти годы увеличился с 49,5 трлн. иен до 79,7 трлн. иен⁶.

Быстрому расширению японского экспорта в рассматриваемый период способствовали, во-первых, сдвиги в его географической и товарной структуре; во-вторых, повышение доли добавленной стоимости в продукции; в-третьих, углубление разделения труда между Японией и государствами Восточной Азии.

Что касается географической структуры экспорта, то, как показывают данные таблицы 3, японским компаниям удалось существенно расширить географию своих экспортных поставок, прежде всего за счет освоения быстрорастущих новых рынков. В результате географическая структура японского экспорта приобрела более сбалансированный характер, стала отличаться большей устойчивостью.

Таблица 3

Географическая структура внешней торговли Японии*, %

Страны и регионы	Экспорт		Импорт	
	2002 г.	2007 г.	2002 г.	2007 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Азия, в т. ч.	43,1	48,1	43,5	43,1
Китай	9,6	15,3	20,7	20,6
НИЭ	22,7	22,4	10,7	8,9
АСЕАН	13,4	12,2	16,1	13,9
США	28,5	17,6	17,1	11,4
Евросоюз	14,7	14,8	12,8	10,4
Прочие	13,7	19,5	26,6	35,1

* Составлено по: Тоё кэйдзай токэй гэнпо. 2005, №5, с.73–74; Тиикибэцу бокки гайкё (Региональная структура торговли). www.jetro.go.jp

⁵ Сэкай то Нихон-но дзюэна FTA итиран (Обзор основных FTA мира и Японии). ДЖЭТРО, 2007 г.

⁶ www.go.jp/datagetujidb/zuhyou

³ IMF World Economic Outlook

⁴ Recent Development of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. 2007, october. p. 5.

При этом наиболее значимые сдвиги (на уровне приведенной агрегации) произошли на следующих направлениях. Во-первых, резко уменьшилась зависимость от американского рынка (с 28,5% в 2002 г. до 17,6% в 2007 г.); во-вторых, заметно возросла роль Азии, главным образом за счет Китая (доля последнего увеличилась за 2002–2007 гг. с 9,6% до 15,3%); в-третьих, существенно возросло значение прочих стран и регионов, прежде всего за счет ряда стран Латинской Америки, России, Австралии и Новой Зеландии, а также некоторых стран Ближнего и Среднего Востока (с 13,7% в 2002 г. до 19,5% в 2007 г.).

Более сбалансированный характер стала носить и товарная структура японского экспорта. Основу его, как и прежде, составляет продукция машиностроения, на которую приходится около 2/3 общей его стоимости. Но в отличие от конца 1990-х – начала 2000-х годов, когда более чем на 1/3 рост экспорта обеспечивался за счет продукции, объединяемой в группу «информационная техника и технологии» (основным рынком сбыта для нее являлись США), в период последнего подъема вслед за диверсификацией рынков сбыта произошла и диверсификация товарной структуры экспорта за счет повышения в ней доли других отраслей машиностроения и прочих отраслей и производств.

Общее представление о характере этих сдвигов дают материалы таблицы 4.

Таблица 4

Вклад отдельных отраслей в расширение японского экспорта*, %

	1-й кв. 1999 – 4 кв. 2000 гг.	1-й кв. 2002– 2-й кв. 2007 гг.
Информационная техника и технологии	34,0	19,0
Автомобили и автомобильные детали	10,0	17,0
Инвестиционные товары (конечная продукция)	17,0	21,0
Инвестиционные товары (детали, компоненты)**	20,0	18,0
Промышленные полуфабрикаты	8,0	6,0
Потребительские товары	5,0	7,0
Прочие отрасли	6,0	13,0

* Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. 2007, October, Chart 9.

** В том числе детали и компоненты, используемые для производства информационной техники, которые обычно учитываются как информационная продукция.

Важно при этом подчеркнуть, что значение новых рынков существенно возросло практически для всех экспортных отраслей японской промышленности, но больше всего – для отраслей по производству инвестиционных товаров и автомобилестроения, внесших в последние годы наибольший вклад в расширение экспорта⁷.

Более сбалансированный характер расширения японского экспорта, наблюдавшийся в период последнего подъема, сыграл весьма важную роль в поддержании позитивной динамики промышленного производства и частных инвестиций в оборудование. Ведь это означает, что такой фактор роста, как расширение внешнего спроса смог использовать более широкий круг отраслей японской промышленности, причем не только отрасли, непосредственно экспортирующие свою продукцию, но и отрасли и производства, связанные с ними по цепочкам производственных связей. Так, по данным Белой книги по внешней торговле, в целом с работой на внешние рынки связано около 30% японского промышленного производства. При этом, если доля продукции, направляемой на экспорт, в общей стоимости промышленной продукции составляет около 14%, то на продукцию смежных отраслей, необходимую для ее производства, приходится порядка 15%⁸.

Для удержания позиций на традиционных рынках и завоевания новых японские компании, как и прежде, делают ставку на высокое качество своей продукции, на повышение уровня ее наукоемкости и технической сложности. Хотя депрессия 90-х годов сильно осложнила развитие японской экономики и, прежде всего, промышленности, к середине 2000-х годов Японии в целом удалось восстановить свои позиции одного из лидеров мирового научно-технического прогресса, особенно в области практического внедрения достижений науки и техники. Так, по оценке Всемирного экономического форума, в 2006–2007 гг. по общему индексу инновационности экономики Япония занимала первое место среди высокоразвитых государств (второе – Швейцария, третье – Германия)⁹.

В качестве показателя, достаточно точно отражающего повышение степени наукоемкости и технической сложности продукции, можно использовать динамику доли добавленной стоимости в стоимости единицы продукции. Для определения степени возрастания доли добавленной стоимости в японском экспорте специалисты Банка Японии сопоставили динамику двух индексов – индекса роста реального экспорта (т. е. очищенного от изменения цен) и индекса роста физического объема экспорта. Расчеты показали, что, начиная с середины 2002 г. разрыв

⁷ Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. 2007, October, Chart 9, 10.

⁸ White Paper on Foreign Trade. METI. 2007, p. 335–336.

⁹ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, p. 171.

между этими двумя показателями начал увеличиваться, и если индекс роста физического объема экспорта к середине 2007 г. составил 128, то индекс роста реального экспорта достиг 150 (за 100 приняты показатели 2000 г.). Доля добавленной стоимости увеличилась в продукции всех экспортных отраслей, но особенно значительно – в продукции машиностроения, где процесс обновления технологий идет особенно интенсивно. Так, в электромашиностроении при практически неизменных физических объемах экспорта индекс роста реального экспорта к середине 2007 г. достиг более 185. В общем машиностроении индекс роста физического объема экспорта к середине 2007 г. достиг 140, а индекс роста реального экспорта – почти 160. В автомобилестроении (производстве деталей) соответствующие показатели составили около 140 и 185 соответственно¹⁰.

Очевидно, что повышению доли добавленной стоимости в продукции японского экспорта в немалой степени способствует углубление процесса разделения труда между Японией и странами Восточной Азии, в рамках которого за Японией сохраняются наиболее сложные, высокотехнологичные отрасли и производства, а в государствах Восточной Азии получают развитие, главным образом, отрасли с относительно невысоким уровнем технической сложности и наукоемкости.

Восточная Азия, как известно, является одним из наиболее динамичных регионов мира, и Япония прилагает значительные усилия для того, чтобы использовать энергию роста восточноазиатских стран в интересах развития собственной экономики¹¹.

В период последнего экономического подъема торгово-экономические связи между Японией и государствами Восточной Азии значительно расширились и углубились, и это стало одним из важных факторов, поддерживавших рост японской экономики. За 2002–2007 гг. доля Восточной Азии в японском экспорте возросла с 43,1% до 48,1%. Этот регион стал для Японии не только самым крупным, но и весьма зрелым экспортным рынком, потребности которого уже вполне «дросли» до того уровня технической сложности и наукоемкости, который воплощает в себе продукция японской промышленности и, прежде всего, продукция ее машиностроительного комплекса.

Структура экспорта Японии в страны Восточной Азии характеризуется рядом черт, которые позволяют говорить о достижении весьма высокой степени производственной кооперации между ними. Во-первых, около 60% японского экспорта в этот регион приходится на долю машиностроительной продукции, представленной преимущест-

венно инвестиционными товарами (машинами, оборудованием, деталями, узлами, компонентами). В последние годы Восточная Азия поглощала около половины всего японского экспорта этой продукции (США – порядка 20%, страны Евросоюза – 15–16%). Во-вторых, Восточная Азия стала крупнейшим потребителем всевозможных промышленных полуфабрикатов. На нее приходится более 2/3 общего объема японского экспорта этой продукции, а доля промышленных полуфабрикатов в японском экспорте в этот регион составляет более 30%. В-третьих, в группе инвестиционных товаров опережающими темпами растет экспорт промежуточной продукции – деталей и компонентов. Особенно ярко эта тенденция проявляет себя в отраслях, связанных с производством средств связи и информации, которые в период последнего подъема внесли наибольший вклад в расширение торговли между Японией и Восточной Азией¹².

Таким образом, диверсификация географической структуры японского экспорта за счет освоения новых быстрорастущих рынков, рост доли добавленной стоимости в экспортной продукции в результате повышения степени ее наукоемкости и технической сложности, а также углубление и расширение процесса разделения труда между Японией и динамично развивающимися восточноазиатскими экономиками позволили японским компаниям значительно увеличить объемы экспорта и поддержать подъем конъюнктуры, начавшийся с 2002 г.

В то же время, как показывают данные таблиц 1 и 2, в период последнего подъема заметно возросло и значение импорта для развития японской экономики: отношение объема импорта к ВВП возросло с 7,7% в 2002 г. до 13,1% в 2007 г. При этом в характере японского импорта произошли следующие знаменательные перемены.

Во-первых, несмотря на рост промышленного производства, физические объемы импорта сырья практически не увеличились. Так, если объем промышленного производства к середине 2007 г. вырос на 8% (по отношению к уровню 2000 г.), то физический объем импорта сырья уменьшился почти на 5%¹³. Это означает, что благодаря значительным успехам японских компаний в области экономии сырья и энергии существенно ослабела зависимость между динамикой промышленного производства и динамикой физических объемов импорта сырья, которая прежде была выражена достаточно ярко.

Во-вторых, в товарной структуре японского импорта возросла доля товаров, прошедших переработку (т. е. готовой продукции и полуфабрикатов): если в 2002 г. на ее долю приходилось около 61% в общей

¹⁰ Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior. Bank of Japan. 2007, October, Chart 11, 12.

¹¹ Об экономических отношениях между Японией и Восточной Азией подробно см.: «Япония, открытая миру». М., 2007, глава шестая.

¹² www.mof.go.jp/stats/english; Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior, Chart 15, 16.

¹³ Ibid., Chart 17.

стоимости импорта, то в 2007 г. – 65%¹⁴. Это говорит о повышении степени зрелости участия Японии в международном разделении труда, о переходе от прежней «вертикальной» к «горизонтальной» модели внешнеэкономических связей, одной из главных характеристик которой является активное участие страны в обмене обработанной продукцией.

В-третьих, опережающими темпами возрастал импорт из стран восточноазиатского региона готовой продукции и полуфабрикатов, отражая углубление и расширение процесса разделения труда между ними и Японией, центром которого является машиностроение. Именно из Восточной Азии в Японию поступает основная часть импортируемой машиностроительной продукции. В последние годы на долю этого региона приходилось уже почти 2/3 японского импорта машиностроительной продукции инвестиционного назначения (в том числе более 65% – продукции общего машиностроения, более 70% – продукции электромашиностроения, около 30% – продукции транспортного машиностроения). В импорте потребительских товаров доля Восточной Азии еще выше: на нее приходится более 90% ввоза Японией бытовой электротехники и электроники, более 80% – игрушек, музыкальных инструментов и текстильных изделий, 3/4 импорта мотоциклов и велосипедов, более 70% – различной продукции повседневного спроса¹⁵.

Значительная часть японского импорта из Восточной Азии машиностроительной продукции инвестиционного назначения – это различные детали, узлы и компоненты, предназначенные для сборочных производств японской промышленности. В период последнего подъема импорт этой группы товаров (особенно электронных деталей и компонентов) рос опережающими темпами, свидетельствуя как об углублении производственной кооперации между японскими и азиатскими предприятиями, так и о значительном повышении качества этой продукции, ставшей вполне адекватной высоким требованиям, предъявляемым японской промышленностью.

В целом доля импорта в удовлетворении потребностей японской экономики возросла с 10% в 2002 г. до 12% в 2007 г. При этом особенно велика зависимость от импорта по товарам повседневного спроса (17%) и продукции инвестиционного назначения (15%)¹⁶.

В 2002–2007 гг. торговый баланс Японии продолжал сводиться к огромным положительным сальдо, размеры которого в среднем составляли порядка 10 трлн. иен в год. Но при этом внешняя торговля перестала быть основным источником поступления средств по текущим статьям платежного баланса страны, а сама структура платежного баланса претерпела важные изменения, общее представление о которых дают материалы таблицы 5.

¹⁴ www.mof.go.jp/stats/english

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Recent Developments of Japan's External Trade and Corporate Behavior, Chart 16.

Таблица 5
Платежный баланс Японии (текущие статьи), млрд. иен

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Платежный баланс	14139,7	15766,8	18618,4	18259,1	19848,8	25001,2
Торговля товарами и услугами	6469,0	8555,3	10196,1	7693,0	7346,0	10077,5
Торговля товарами	11550,3	11976,8	13902,2	10334,8	9464,3	12279,1
Экспорт	49479,7	51934,2	58295,1	62631,0	71630,9	79723,9
Импорт	37929,4	39957,4	44392,9	52297,1	62166,5	67344,8
Торговля услугами	-5081,3	-3421,5	-3706,1	-2641,8	-2118,3	-2301,6
Доходы от инвестиций	8266,6	8281,4	9273,4	11381,7	13745,7	16273,0
Текущие переводы	-595,9	-880,9	-851,1	-815,7	-1242,0	-1349,3

* www.boj.or.jp/en Japan's Balance of Payments.

Данные таблицы 5 свидетельствуют, прежде всего, о значительном возрастании притока средств в Японию: за 2002–2007 гг. по текущим статьям платежного баланса в страну поступила огромная сумма – 111 622 млрд. иен (более 1 трлн. долл.), что говорит о существенном расширении масштабов участия Японии в мировых хозяйственных связях. Кроме того, в 2005 г. впервые за весь послевоенный период положительное сальдо по статье «доходы от инвестиций» превысило сальдо торгового баланса, и в последующие годы разрыв между ними продолжал увеличиваться. Этот важный структурный сдвиг отражает не только нарастание масштабов зарубежных инвестиций и зарубежного предпринимательства японских компаний, но и повышение эффективности этих операций. И, наконец, в период последнего подъема заметно сократились размеры отрицательного сальдо Японии в торговле услугами, которое прежде существенно понижало общее сальдо по текущим статьям платежного баланса. Эти изменения также являются следствием расширения масштабов зарубежного предпринимательства японских компаний, поскольку улучшение положения дел в торговле услугами происходит главным образом за счет роста поступлений по двум статьям – роялти и лицензионные платежи зарубежных фирм и филиалов материнским японским компаниям и прибыль от экспорта продукции зарубежных филиалов в третьи страны (в том случае, когда он проходит через материнскую компанию).

Таким образом, в период последнего подъема не только значительно возросли масштабы участия Японии в мировых хозяйственных связях, но и повысилась степень зрелости этого участия, прежде всего, за счет существенного расширения масштабов зарубежного инвестирования и зарубежного предпринимательства японских компаний.

За период 2002–2007 гг. в форме прямых инвестиций Япония вывезла за рубеж более 30 трлн. иен (около 300 млрд. долл.), а в форме портфельных инвестиций – более 94 трлн. иен (порядка 900 млрд. долл.)¹⁷. Пока основную часть поступлений по статье «доходы от инвестиций» (примерно 2/3) дают портфельные инвестиции японских компаний и банков. Но в последние годы происходило не только быстрое нарастание объемов вывоза прямых инвестиций и расширение масштабов зарубежного предпринимательства японских фирм, но и рост его доходности.

Объем накопленных прямых зарубежных инвестиций японских компаний к концу 2007 г. достиг 61 858 млрд. иен (порядка 600 млрд. долл.), увеличившись по сравнению с 2002 г. на 25 380 млрд. иен, или почти на 70%. Около 60% этих средств вложено в экономику высокоразвитых государств (в том числе 33,6% – в экономику США и 26,6% – западноевропейских стран), почти 1/4 приходится на долю Азии (главным образом на государства Восточной Азии) и 10% – на долю стран Центральной и Южной Америки¹⁸.

Что касается отраслевой структуры прямых зарубежных инвестиций Японии, то из общей суммы накопленных инвестиций 19,5% вложено в сферу финансов и страхования, 13,8% – в оптовую и розничную торговлю, 14,6% – в транспортное машиностроение, 11,5% – в электромашиностроение и 8,6% – в химическую и фармацевтическую промышленность.

При этом между отдельными регионами наблюдаются весьма заметные различия в отраслевой структуре японских инвестиций, связанные с особенностями стратегии их освоения японскими компаниями. Так, в США и Западной Европе существенно выше доля инвестиций в такие сферы, как финансы и страхование и оптовая и розничная торговля: в США на них приходится около 36%, а в странах Западной Европы – около 30% общей суммы накопленных инвестиций. Это связано с тем, что долгое время (до начала 90-х годов) основной целью инвестирования японских компаний в этих странах было обустройство каналов сбыта продукции японских экспортеров на местных рынках, а также обслуживание их финансовых операций. Позже среди различных мотивов инвестирования одним из главных стало стремление обойти

разного рода ограничения, воздвигавшиеся на пути японских товаров на рынки развитых государств, путем замены экспорта продукции организацией ее производства на территории самих этих государств. Это привело к значительному росту абсолютных размеров инвестиций в создание предприятий обрабатывающей промышленности и, как следствие, к повышению доли последней в отраслевой структуре накопленных прямых инвестиций.

Что касается японских инвестиций в азиатские страны, то здесь с самого начала главным мотивом инвестирования было стремление японских компаний использовать конкурентные преимущества местных экономик (прежде всего, дешевую рабочую силу) для налаживания производства различной промышленной продукции с целью ее последующего экспорта в третьи страны или в саму Японию. Поэтому здесь основная часть инвестиций сосредоточена в отраслях промышленности, а на сферу финансов и страхования, оптовую и розничную торговлю приходится не более 20% общей суммы накопленных инвестиций¹⁹.

Быстрое нарастание объемов прямых зарубежных инвестиций японских компаний и все большая их концентрация в отраслях обрабатывающей промышленности сопровождаются непрерывным возрастанием роли зарубежного производства в развитии японской промышленности. По данным министерства экономики, торговли и промышленности Японии (МЭТП), в 2006 г. на долю зарубежных производственных баз пришлось уже 17,1% общего объема продаж японских промышленных компаний. Если же принять в расчет только компании, имеющие предприятия за рубежом, то этот показатель оказывается еще выше – 31,2%²⁰.

В центре процессов глобализации японской промышленности находятся две крупнейшие отрасли – транспортное машиностроение и автомобилестроение. Здесь доля зарубежного производства в общем объеме продаж японских компаний составляет соответственно более 36% и более 22%. В создание сети зарубежных автомобилестроительных и электромашиностроительных предприятий японские компании вложили порядка 16,5 трлн. иен (около 160 млрд. долл.), в том числе в Северной Америке – около 6,2 трлн. иен, в Европе – 4,4 трлн. иен, в Азии – свыше 5,1 трлн. иен²¹.

Эти цифры – наглядное свидетельство того, как далеко зашли в последние годы процессы глобализации японского промышленного производства и насколько возросла роль зарубежных предприятий с точки

¹⁷ Japan's Balance of Payments. www.boj.or.jp/en/

¹⁸ Japan's International Investment Position at Year-End 2007. Bank of Japan. 2008, August, p. 12, 34;

¹⁹ Ibid., p. 12.

²⁰ Токэй дэ миру Нихон. Tokyo, 2008, с. 169.

²¹ Japan's International Investment Position at Year-End 2007, p.12; White Paper on Foreign Trade. 2007, p. 335.

зрения увеличения производственного и экспортного потенциала японских компаний.

По данным Белой книги по внешней торговле, в середине текущего десятилетия общее число зарубежных филиалов японских промышленных компаний превысило 13,5 тыс., из них более 8 тыс. оперируют в Восточной Азии, около 3200 – в Северной Америке, около 2300 – в Европе ²².

Общее число занятых на этих предприятиях составляет порядка 3240 тыс. человек, в том числе около 430 тыс. человек работают на североамериканских филиалах японских компаний, более 2300 тыс. – на азиатских предприятиях (из них более 1100 тыс. – в Китае), 290 тыс. – на европейских предприятиях. Совокупный объем продаж этих предприятий в 2007/08 фин. г. составил около 77,8 трлн. иен, из которых на долю Северной Америки пришлось 25,2 млрд. иен (32,4%), на европейские страны – 15,6 трлн. иен (20,1%), на Азию – 31,2 трлн. иен (40,2%)²³.

Продукция, выпускаемая на зарубежных предприятиях японских компаний, реализуется как на местных рынках, так и на рынках других стран, включая и Японию. При этом существуют определенные различия между регионами с точки зрения структуры продаж этой продукции. По данным за 2007/08 фин.г., в Северной Америке более 90% продукции японских филиалов реализуется на местных рынках, на рынки третьих стран (исключая Японию) направляется около 8%, а в Японию – менее 2%. В европейских странах на местные рынки приходится 60% продаж, на рынки третьих стран – почти 39%, а на Японию – чуть более 1% . В азиатском регионе соответствующие показатели составляют 54,3%, 24,2% и 21,5% ²⁴.

Эти показатели отражают наличие значительных региональных различий в функциональной роли зарубежных филиалов японских промышленных компаний. Если учесть, что в Европе под «третьими странами» имеются в виду главным образом государства, входящие в Евросоюз, то очевидно, что в развитых странах основной задачей японских филиалов является работа на местные рынки, расширение доли японских компаний на них за счет дополнения экспортных поставок возможностями местного производства. Причем по многим видам продукции соотношение между объемами местного производства и объемами экспорта из Японии все больше меняется в пользу первого. Наиболее яркий пример – изменение соотношения между объемами японского экспорта автомобилей в США и объемами их выпуска на американских филиалах японских компаний. В 1993 г. впервые объем выпуска автомобилей в США превзошел объем их импорта из Японии, а

в середине 2000-х годов из общего числа проданных в США японских автомобилей (порядка 5 млн. штук) на долю экспорта пришлось около 1/3, а на долю местного производства – уже более 2/3²⁵.

Что же касается Восточной Азии, то здесь, как показывают приведенные выше цифры, почти половина продукции японских филиалов направляется на экспорт – как в третьи страны, так и в саму Японию. Это означает, что в функциональном отношении они используются, во-первых, как база для расширения японского экспорта в третьи страны и, во-вторых, как база для производства определенной продукции, не обходимой самой Японии. В этом смысле азиатские филиалы японских компаний можно рассматривать как неотъемлемую часть японской промышленности, как ее зарубежную периферию, существенно дополняющую ее производственный и экспортный потенциал.

Следует отметить, что даже с точки зрения отраслевого состава азиатская филиальная сеть имеет много общего со структурой японской промышленности. В частности, как и в Японии, ее отличает высокий удельный вес машиностроительных производств. Так, по данным за 2007/08 фин.г., в общей сумме продаж азиатских филиалов около 80% пришлось на продукцию машиностроения, в том числе около 8% – на продукцию общего машиностроения, 33% – на продукцию электромашиностроения, 36% – на продукцию транспортного машиностроения и около 3% – на продукцию точного машиностроения ²⁶. При этом за исключением транспортного машиностроения, где в силу самой специфики выпускаемой продукции очень велика доля продаж на местных рынках (более 80%), во всех других отраслях ярко проявляется роль этого региона в качестве зарубежной производственной базы, дополняющей производственный и экспортный потенциал японской промышленности. Так, в 2007/08 фин. г. в электромашиностроении на внешние рынки было направлено более 72% продукции, в том числе 36% – в Японию, в общем машиностроении соответствующие показатели составили 64,5% и 35%, в точном машиностроении – 83,5% и 64%²⁷.

Объемы прямых инвестиций японских компаний в Восточной Азии быстро нарастают, а вместе с этим происходит быстрое расширение и углубление процесса разделения труда между японскими и азиатскими предприятиями. В центре этого процесса находится машиностроение, о чем свидетельствуют и высокая доля машиностроительной продукции в структуре взаимной торговли, и высокая доля отрасли в накопленных прямых инвестициях японских компаний в Азии.

В последние годы процесс разделения труда между Японией и государствами Восточной Азии вступил в качественно новую стадию – стадию

²² White Paper on Foreign Trade. METI. 2007, p.163.

²³ Подсчитано по: Trends in Overseas Subsidiaries. Statistics. METI, 26.06.2008, p. 1, 2.

²⁴ Ibid.

²⁵ Cars and Trucks for a Vibrant America and a Better World. JAMA, 2007, p.8.

²⁶ Подсчитано по: Trends in Overseas Subsidiaries, p. 7–8.

²⁷ Ibid.

формирования системы оптимального размещения производства в масштабах всего восточноазиатского региона с учетом конкурентных преимуществ, существующих в каждой стране. В немалой степени этому способствовало заключение между странами региона двусторонних и многосторонних соглашений о создании зон свободной торговли, создавших благоприятные условия для расширения и углубления региональной торговли, концентрации определенных видов производства в определенных странах или районах, для развития внутриотраслевой и межотраслевой специализации, упразднения дублирования и т. д.

О том, что движение к созданию системы оптимального разделения труда в Восточной Азии уже началось, свидетельствуют многочисленные случаи закрытия японскими компаниями своих предприятий в одних странах и открытия – в других, осуществление крупных капиталовложений в расширение мощностей на определенных предприятиях, сокращение поставок из Японии деталей и материалов в одни страны и увеличение – в другие, изменение позиций отдельных восточноазиатских стран в японском экспорте и импорте и т. д.²⁸

Таким образом, в период последнего подъема произошло значительное увеличение объемов прямых зарубежных инвестиций и масштабов зарубежного предпринимательства японских компаний, особенно в Восточной Азии. Это стало важным фактором, поддержавшим рост инвестиций в оборудование и промышленного производства, так как привело к дальнейшему расширению спроса зарубежных филиалов на производственное оборудование, технику, детали, компоненты, промышленные полуфабрикаты и т. д. В то же время возросла и доля доходов, получаемых японскими компаниями от зарубежного предпринимательства, в общей сумме их доходов. Так, если в конце 1990-х – начале 2000-х годов на зарубежные филиалы приходилось порядка 20–24% общей суммы текущей прибыли японских компаний, то в последние годы – порядка 28–29%²⁹.

Тем не менее, по отношению накопленных прямых зарубежных инвестиций к ВВП Япония пока заметно отстает от других развитых стран. Так, на конец 2007 г. для Японии этот показатель составил 12%, в то время как для США – 21,6%, для Великобритании – 59,1%, для Франции – 85,8%, для Германии – 33,5%³⁰.

Период подъема 2002–2007 гг. был отмечен также резким увеличением масштабов вывоза и значительным ростом накопленного объема портфельных инвестиций японских компаний и банков. За этот период

объем накопленных портфельных инвестиций увеличился более чем на 120 трлн. иен (на 72%) и к концу 2007 г. достиг 278,8 трлн. иен³¹.

Поскольку портфельные инвестиции представляют собой вложения в акции, облигации и другие ценные бумаги, очевидно, что подавляющая их часть направляется в развитые страны, чьи финансовые рынки с точки зрения развитости, масштабов и надежности существенно превосходят, например, азиатские рынки или рынки новых быстрорастущих экономик. По состоянию на конец 2007 г. около 70% накопленных портфельных инвестиций Японии пришлось на Северную Америку и Европу, в то время как на азиатские страны – лишь 3%³².

Благодаря благоприятной экономической конъюнктуре, наблюдавшейся в большинстве стран мира в последние годы, доходы японских юридических и физических лиц от зарубежных портфельных инвестиций стабильно возрастали и вместе с доходами от прямых инвестиций обеспечили приток в Японию огромных средств. В общей сложности за 2002–2007 гг. по статье «доходы от инвестиций» в страну поступило 62 222 млрд. иен. Наряду с положительным сальдо в торговле товарами и услугами, составившим за тот же период 49 400 млрд. иен, они способствовали значительному упрочению финансового положения японских компаний и банков и явились материальной основой для дальнейшего расширения всех форм экспорта капитала.

В период подъема 2002–2007 гг. возросло влияние на развитие японской экономики и такой составляющей «внешнего фактора», как прямые и портфельные иностранные инвестиции.

Значительное увеличение притока прямых иностранных инвестиций в страну означает, что Японии наконец-то удалось развеять существовавшие долгое время на Западе представления о японской экономике как о недостаточно рыночной и открытой и создать предпринимательскую среду, в целом устраивающую иностранных инвесторов.

За период 2002–2007 гг. объем накопленных прямых иностранных инвестиций увеличился на 5776 млрд. иен (почти на 62%) и на конец 2007 г. составил 15 145 млрд. иен (около 134 млрд. долл.). В качестве основных инвесторов Японии выступают страны Евросоюза (41,2% в общей сумме накопленных инвестиций) и Северная Америка (34,3%); на азиатские страны приходится 7%, а на страны Центральной и Южной Америки – 11,4%³³.

Обращает на себя внимание тот факт, что более 40% всех вложенных в японскую экономику прямых иностранных инвестиций сосредоточены в сфере финансов и страхования. Особенно значительна доля этой сферы в отраслевой структуре американских инвестиций – более

²⁸ Подробно см.: Япония, открытая миру. М., 2007, глава шестая, с. 162–190.

²⁹ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, p. 71. Ученые компании, зарегистрированные на бирже.

³⁰ Japan's International Investment Position at Year-End 2007, p. 15.

³¹ Ibid., p. 34.

³² Ibid., p. 18, 21.

³³ Ibid., p. 15, 34.

60%. Это связано с тем, что когда в результате реформы «Большой взрыв» (1998 г.) была осуществлена либерализация финансовой системы страны, именно в нее устремились крупные американские финансовые компании и банки, существенно превосходившие по мощи и эффективности финансовые институты Японии. Однако по мере улучшения экономической ситуации иностранные инвесторы стали все более активно осваивать и другие сферы японской экономики, прежде всего, промышленность. При этом наибольшая часть вложенных в промышленность средств (4,7 трлн. иен, или 30% от общей суммы накопленных инвестиций) пришлась на три отрасли – электромашиностроение, химическую и фармацевтическую промышленность, транспортное машиностроение³⁴.

Основной формой прямых иностранных инвестиций в Японии является приобретение контрольных пакетов акций японских компаний или их поглощение зарубежными фирмами. При этом объектом иностранных компаний являются не только высокотехнологичные японские фирмы средних размеров, но и гиганты японской индустрии, а также крупнейшие компании других секторов экономики. Среди наиболее крупных сделок последнего времени можно назвать приобретение в 2007 г. американским «Ситибэнка» японской брокерской компании «Никко кордиал групп» (за 7,9 млрд. долл. с долей в капитале 61,1%), покупку сети отелей «АНА» компанией «Морган Стэнли групп» (за 2,4 млрд. долл. со 100%-ной долей в капитале), покупку компанией «Вольво» (через свою дочернюю фирму) «Ниссан дизель мотор» (за 2,3 млрд. долл. с долей в капитале 94,6%)³⁵.

Хотя объем прямых иностранных инвестиций в Японии быстро нарастает, по отношению накопленных инвестиций к ВВП (2,9% на конец 2007 г.) она все еще существенно уступает другим странам. Так, для Великобритании аналогичный показатель составляет 44,4%, для США – 15,9%, для Франции – 57%, для Германии – 24,5 %³⁶.

В Японии много делается для того, чтобы сократить этот разрыв – начиная с постановки правительством цели доведения этого показателя к 2010 г. до 5% и кончая принятием законодательных актов, облегчающих приход иностранных инвесторов на японский рынок. В частности, важную позитивную роль сыграло принятие законов о защите интеллектуальной собственности и создание Верховного суда по интеллектуальной собственности, введение новых правил финансовой отчетности японских компаний, соответствующих стандартам западных стран, внесение ряда поправок в законодательство, облегчающих

открытие дела в Японии и упрощающих процедуру слияний и поглощений. Работа в этом направлении продолжается и сейчас.

Помимо прямых инвестиций в годы последнего подъема значительно возросли и масштабы притока в Японию портфельных инвестиций. Объем накопленных иностранных портфельных инвестиций вырос за 2002–2007 гг. с 87,8 трлн. иен до 221,5 трлн. иен, или в 2,5 раза. Более 80% акций, облигаций и других долговых обязательств японских компаний и банков, приобретенных иностранцами, приходится на долю инвесторов из развитых стран при очевидном лидерстве США (их доля составляет около 35%)³⁷.

Столь быстрое нарастание притока портфельных инвестиций в Японию связано со следующими обстоятельствами: во-первых, с общим улучшением экономической конъюнктуры в стране и, как следствие, повышением курсов акций японских компаний; во-вторых, с повышением прозрачности и привлекательности предпринимательской среды в Японии в результате структурных реформ, начавших осуществляться с конца 90-х годов и продолжающихся и поныне. И хотя динамика портфельных инвестиций сильно подвержена воздействию конъюнктурных факторов, и с этой точки зрения они менее надежны, чем прямые инвестиции, несомненно, что их массовый приток в Японию в период последнего подъема способствовал поддержанию экономического роста.

Как было показано выше, в период 2002–2007 гг. благодаря заметно возросшим размерам положительного сальдо по текущим статьям платежного баланса в страну поступила огромная сумма денег – 111,6 трлн. иен. Эти средства стали материальной основой для значительно-го увеличения всех видов зарубежных активов Японии, а также размеров чистых зарубежных активов. За 2002–2007 гг. зарубежные активы Японии возросли более чем на 230 трлн. иен и к концу 2007 г. достигли 610,5 трлн. иен. По величине зарубежных активов она занимает пятое место среди развитых стран (уступая США, Великобритании, Германии и Франции). Однако, поскольку размеры ее обязательств по активам, принадлежащим иностранным физическим и юридическим лицам, также меньше, чем соответствующие обязательства других стран, она является безусловным лидером по величине чистых активов – более 250 трлн. иен на конец 2007 г.³⁸

Как отмечают эксперты МЭТП Японии, такое положение создает основу для дальнейшего роста положительного сальдо по текущим статьям платежного баланса и, следовательно, для поступления в страну новых средств³⁹.

³⁴ Ibid

³⁵ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, p. 88.

³⁶ Japan's International Investment Position at Year-End 2007, p.15.

³⁷ Ibid., p.24, 26.

³⁸ Ibid., p. 9.

³⁹ White Paper on International Trade. 2007, p. 335.

Таким образом, а период экономического подъема 2002–2007 гг. произошло расширение всех форм внешнеэкономических связей Японии – экспорта, импорта, прямых и портфельных зарубежных инвестиций, прямых и портфельных иностранных инвестиций в стране. Следствием этого стало значительное возрастание вклада внешнего фактора в экономический рост Японии.

Однако, как видно из данных таблицы 1, во втором квартале 2008 г. показатели экономической динамики в Японии существенно ухудшились. Отрицательные темпы роста продемонстрировали не только частные инвестиции в оборудование и конечный потребительский спрос, но и реальный экспорт и импорт. Промышленное производство сократилось на 0,8%, а ВВП – на 0,6%. Очевидно, что ослабление экономической динамики произошло также под влиянием внешнего фактора, а именно под влиянием рецессии в американской экономике, вызванной кризисом на рынке ипотечного кредитования. Насколько длительным и глубоким будет ухудшение экономической конъюнктуры в Японии, пока предсказать трудно. Но, на наш взгляд, те изменения, которые произошли в системе ее внешнеэкономических связей в последние годы (расширение географии экспорта и импорта, резкий рост прямых зарубежных инвестиций, в том числе в новые быстрорастущие экономики и т. д.), дают основания предполагать, что за счет углубления отношений с продолжающими динамично развиваться странами и регионами (сейчас это Китай, страны АСЕАН, НИЭ Азии, Россия, Индия, Бразилия, ЮАР) ей удастся поддержать экономический рост и не втянуться в рецессию.

Возрождение сельских районов – важный фактор реализации концепции «устойчивого развития» сельского хозяйства Японии

С. Б. Маркарьян

Концепция «устойчивого развития» была принята в 1992 г. на Всемирной конференции по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро, хотя само понятие «устойчивое развитие» встречается уже с 80-х годов¹. Этот термин трактовался на конференции как интегрированный социальный, экономический и экологический параметры развития. В этом же духе выдержан и ряд других документов, в частности «Декларация тысячелетия», одобренная в сентябре 2000 г. главами государств – членов ООН. Но единого определения «устойчивого развития» все же еще нет.

Специалисты считают, что оно базируется на четырех главных принципах: удовлетворение основных потребностей всех ныне живущих людей, равные стандарты этого удовлетворения для всего населения планеты; бережное, осторожное использование природных ресурсов; сохранение возможностей для будущих поколений реализовать основные запросы². Более кратко основной принцип этой концепции можно сформулировать как бережное отношение к природным ресурсам с учетом не только удовлетворения основных потребностей ныне живущих людей, но и сохранения таких же возможностей для будущих поколений. Данная концепция была рекомендована всем странам мира как стратегическое направление борьбы с экологическим кризисом, и в течение 90-х годов большинство государств стало учитывать ее в стратегии своего развития.

Япония также включилась в эту кампанию, принимая посильное участие в сохранении окружающей среды, предотвращении потепления климата на планете. В части, касающейся сельского хозяйства, эта концепция преломляется в необходимость производства надлежащего количества продовольствия без нанесения ущерба экологии. Поэтому важной составляющей ее реализации является и всемерное развитие сельских районов, во многом отвечающих за сохранность имеющихся у них ресурсов – сельскохозяйственной земли, воды, окружающей среды.

¹ Например, в докладе «Всемирная стратегия охраны природы», который был представлен в 1980 г.

² О современном положении с реализацией этой концепции см.: «Концепция устойчивого развития в контексте глобализации». – Мировая экономика и международные отношения. 2007, № 6, с. 66–79.

Проблема защиты окружающей среды встала перед страной со всей остротой еще в конце 60-х годов из-за бесконтрольного развития тяжелой и химической промышленности. Была создана законодательная база, система природоохранных органов, подготовлено научно-техническое обеспечение и начато производство необходимого оборудования. Правительство сумело мобилизовать материальные, финансовые, научно-технические и административные ресурсы на решение этой серьезной проблемы и добилось определенных сдвигов: улучшилось состояние воздуха, стабилизировались показатели качества земли и воды. Принятые меры по предотвращению экологических загрязнений считаются одними из наиболее жестких в мире и строго соблюдаются Японией³. В 1993 г. был принят Основной экологический закон, который закрепил имеющуюся практику по охране окружающей среды.

В стране были также приняты законы об улучшении обрабатываемых земель, в частности, Закон о борьбе с загрязнением почв (1970 г.), в котором, в частности, были указаны технологические меры борьбы с загрязнением воды и почвы промышленными отходами, и Закон о повышении почвенного плодородия (1984 г.). В соответствии с ними проводились мероприятия по мелиорации сельскохозяйственных угодий (реконструкция старых и строительство новых оросительных и дренажных систем, внутрихозяйственных дорог, перепланировка полей, насыпка грунта, проведение почвозащитных мер с целью предотвращения водной и ветровой эрозии земель, загрязнения почв и воды, создание условий для универсального использования полей). Надо, кстати, отметить, что, видимо, именно благодаря всем этим мероприятиям постепенно все меньше обрабатываемых земель выходит из оборота из-за стихийных бедствий.

Вместе с тем нельзя обойти и тот факт, что сельское хозяйство не только страдает от загрязнения окружающей среды отходами промышленного производства (в частности, водоемов для орошения), но и само является источником этого загрязнения. Увлечение чрезмерно большими дозами химикатов и повсеместное использование машин, которые уплотняют почву, привели к ухудшению состояния окружающей среды, в том числе и атмосферы (из-за распыления химикатов), снижению плодородия почв и качества продукции, загрязнению подземных вод, озер и рек (куда попадает насыщенная химикатами вода с затопляемых рисовых полей) и т. п., не говоря уже о таком негативном явлении, как остаточное количество минеральных удобрений пестицидов в продуктах⁴.

³ Подробнее см.: Тимонина И. Л. Япония. Экономика и окружающая среда. М., 1988.

⁴ Подробнее см.: Маркарян С. Б. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., 1987.

Кроме того, неблагоприятно воздействуют на экологию отходы сельскохозяйственного производства и бытовые отходы. Канализационное оборудование в сельской местности – канализация в домах, стоки и резервуары, очистные сооружения – распространено в незначительных масштабах, особенно в горно-лесных районах. Согласно обследованию, проведенному в 1995 г. в 73% сельских поселений, сточные воды и экскременты попадали непосредственно в используемую в сельском хозяйстве дренажную систему и в реки. В пригородных районах 30% поселков были оснащены централизованной канализационной сетью, в других же, особенно в холмистых и горных районах, таких насчитывалось не более 10%; причем в эту цифру включались и те, которые имели не канализационную сеть, а лишь резервуары для сбора отходов или дренажные сооружения⁵.

Для разрешения этой проблемы в стране начали снижать нормы химизации сельскохозяйственного производства (только удельное потребление минеральных удобрений снизилось примерно за 20 лет более чем на одну четверть⁶). Все большее внимание уделялось применению органических удобрений, почвенных мелиорантов, севооборотов, а также биологическим методам защиты растений и животных путем использования патогенных микробов, вирусов, феромонов и энтомофагов.

Это направление усилилось в 90-е годы в связи с опубликованием концепции об устойчивом развитии, принятой в Рио-де-Жанейро. Уже в провозглашенной в 1992 г. новой аграрной политике, наряду с усилением внедрения рыночных механизмов в функционирование отрасли для создания крупных хозяйств, предусматривается производство экологически чистой продукции. В 1994 г. в стране была разработана концепция «развития сельского хозяйства с учетом защиты окружающей среды» (канкё ходзэн ката ногё). Речь шла о ведении сельского хозяйства с учетом поддержания гармонии с природой, т. е. экологически сбалансированного производства.

В свете этой концепции перед японским сельским хозяйством стоят несколько задач. Во-первых, необходимо увеличить производство отечественной продукции, ибо в настоящее время страна во многом зависит от импорта (примерно на 30% по стоимости потребляемого продовольствия и на 60% – при расчете по калориям), что свидетельствует о низком уровне обеспечения продовольственной безопасности страны. Поэтому его повышение, или хотя бы поддержание – важнейшая задача сегодняшнего дня. Во-вторых, нужно сделать сельскохозяйственное производство «дружественным к экологии» и строго контролировать качество как производимого, так и ввозимого продовольствия. И, наконец, в-третьих, для выполнения первых двух задач необходимо поддерживать жизнеспособность сельских районов.

⁵ Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник). Токио, 1996, с. 87.

⁶ В конце 70-х – начале 80-х годов оно составляло примерно 400 кг, в 1999 г. – 295 кг.

Для увеличения сельскохозяйственного производства и снижения его издержек с целью повышения конкурентоспособности японской продукции в настоящее время в стране проводится серьезное реформирование отрасли. Хотя в целом аграрная политика остается протекционистской, она значительно меняет свое содержание и направление. Ее основная цель, которая ставилась в последние десятилетия, – создание крупных хозяйств, как индивидуальных, так и коллективных, – осталась прежней. Изменились методы ее достижения, они стали более жесткими, если не сказать радикальными: страна переходит от административного регулирования производства и сбыта сельскохозяйственной продукции к функционированию рыночной экономики.

В 90-е годы были приняты два основополагающих закона: о спросе и предложении основных видов продовольствия и стабилизации цен (1995 г.) и о продовольствии, сельском хозяйстве и деревне (1999 г.)⁷. На основе этих законов и проводится в настоящее время структурное преобразование отрасли. Изменяется существовавшая 30 с лишним лет практика административного регулирования размеров производства риса, теперь это будут делать сами фермеры. Прекращается политика поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию (исключение допускается в период резкого их падения из-за погодных условий или других форсмажорных обстоятельств).

Вводится адресное предоставление субсидий только крупным фермерам, которые имеют программу расширения производства. Несельскохозяйственные компании получили право вести сельскохозяйственное производство на арендуемой у фермеров или муниципалитетов земле. Кроме того, несельскохозяйственные фирмы теперь могут стать членами сельскохозяйственных компаний (правда, пока с ограниченным числом акций). Обсуждается даже возможность изменения Закона о сельскохозяйственной земле с целью разрешения ее покупки торговым и промышленным капиталом для ведения им сельскохозяйственного производства.

Частный сектор начал участвовать в установлении цен на рис в соответствии с потребительским спросом (в Центр по формированию цен на рис допущены торговые дома и оптовые торговцы, в то время как ранее здесь монопольно действовали сельскохозяйственные кооперативы). Оптовики выходят и на публичные торги на биржах. Сбыт выращенных в стране пшеницы и ячменя уже полностью перешел к частным дилерам.

Что касается задачи обеспечения населения качественной продукцией, то важное место отводится мероприятиям по дальнейшему сни-

жению уровня химизации сельскохозяйственного производства и поощрению развития так называемого «органического» сельского хозяйства, что непосредственно связано с охраной окружающей среды и сохранением сельскохозяйственной земли – этого важного для производства продовольствия ресурса для будущих поколений. С этой целью в центре и на местах начали разрабатывать соответствующие программы (проведение тематических симпозиумов, организация выставок, конкурсов, выработка нормативов «органического» сельского хозяйства, научно-техническое обеспечение ведения такого хозяйства и пр.), предусматривать специальные бюджетные ассигнования на разработку и распространение необходимых технологий, на экологические мероприятия и пр. К этой работе активно подключилась и сельскохозяйственная кооперация. В частности, в 1997 г. по инициативе сельскохозяйственной и потребительской кооперации был создан Всеяпонский совет содействия развитию сельского хозяйства с учетом защиты окружающей среды.

В новом Основном сельскохозяйственном законе 1999 г., предусмотрена ответственность государства и местных органов власти за устойчивое развитие отрасли и сельских районов; государству надлежит принимать необходимые меры для сохранения земли, пригодной для сельского хозяйства, контролировать применение минеральных удобрений и ядохимикатов, содействовать все большему использованию органических веществ для улучшения плодородия и т. п. (статьи 21–33).

В этом законе отмечается также многофункциональное значение аграрного сектора, который является не только источником обеспечения страны продовольствием, но и способствует сохранению окружающей среды: в Японии именно технология выращивания риса на затопляемых полях не ведет к оскудению почвы. Затопляемые рисовые поля, кроме того, играют определенную роль в поддержании экологического баланса. По подсчетам министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее министерство сельского хозяйства), вклад сельскохозяйственной земли в сохранение окружающей среды лишь в два раза уступает вкладу лесных массивов⁸, хотя площадь последних в пять раз больше, чем обрабатываемых угодий.

Таким образом, сельскохозяйственное производство благоприятно влияет на экологию, сохраняет территорию, контролирует источники воды. Кроме того, и это не менее важно в условиях современной модернизированной Японии, рисовые поля создают красивые пригородные пейзажи. Вообще, в сельских районах очень много живописных природных мест, что является немаловажным фактором качества жизни. И, наконец, сельская Япония является хранительницей национальной культуры.

⁷ Закон 1995 г. заменил Закон о контроле над продовольствием 1942 г.; закон 1999 г. – Основной сельскохозяйственный закон 1961 г., поэтому его называют «Новый основной сельскохозяйственный закон». Тексты обоих законов см.: www.shugiin.go.jp/itdb_main.nsf/html/

⁸ Сякай мондай гэнпо. 1988, № 311, с.11.

В октябре 1999 г. был принят специальный Закон о содействии внедрению принципа «устойчивого развития сельскохозяйственного производства» (Дзидзокусэй-но такай ногё сэйсан хосики-но доню-но сокусин-ни кансуру хорицу). На его основе в префектурах с 2000 г. начали разрабатывать соответствующие «руководства» и выделять так называемые «экофермы». По данным министерства сельского хозяйства, уже в 2000 г. примерно пятая часть товарных хозяйств значительно снизила использование химикатов и одновременно увеличила вносимые доли компоста. В январе 2001 г. по всей стране губернаторы начали регистрировать так называемые экофермы – 649 хозяйств⁹.

Была создана специальная сертификационная система на «органическую продукцию»: она признавалась таковой, если была выращена на почве, в которую минеральные удобрения и пестициды не вносились в течение двух (для многолетних растений – трех) лет. Производство экологически чистой продукции без применения химии или с ее ограниченным использованием, пока еще не приняло больших масштабов, но постепенно растет. Число экоферм не достигало в 2002 г. и 30 тыс., а к сентябрю 2007 г. выросло до 155 тыс. Это главным образом сравнительно крупные хозяйства. Но тех, кто применяет химикаты в ограниченном количестве, намного больше – в 2003 г. их было 30–40%¹⁰. Цены на экологически чистую продукцию достаточно высокие (на 10–30% выше, чем на произведенные традиционным способом), но они в большинстве хозяйств не перекрывают более высокие издержки на ее производство (больший объем трудозатрат, более низкая урожайность, неустойчивое качество). В объеме всего внутреннего продовольственного рынка доля органической продукции составляет ничтожную величину – менее 1% (в 2006 г. примерно 300 млрд. иен)¹¹.

Государство предпринимает серьезные меры для предотвращения ущерба, который может быть нанесен отечественному сельскому хозяйству и населению из-за некачественной зарубежной продукции (поскольку объем импорта продовольствия весьма большой). Предусматривается расширение инспекционных возможностей, ужесточаются положения закона о санитарных нормах на продовольствие, что относится как к отечественной, так и ввозимой продукции. В частности, пересматриваются нормы на остаточное количество химикатов в продукции, требуется обязательная маркировка продовольственных товаров с указанием места производства и состава ингредиентов, расширяется

перечень химикатов, остаточное количество которых в сельскохозяйственной продукции и продовольствии подлежат контролю¹².

Важным направлением реализации «концепции устойчивого развития» является разработка и распространение экологически ориентированных технологий. Это, например, использование возобновляемых источников энергии (ветра, воды, солнечной энергии, геотермальных вод и др.) с целью сокращения потребления нефтепродуктов, снижения соответственно издержек производства и выбросов в атмосферу продуктов их переработки. Следуя общемировой тенденции, Япония начинает постепенно включаться в переработку биомассы, производство биотоплива и сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу.

В 2002 г. был принят Закон о специальных мерах по использованию возобновляемых источников энергии. Предполагают, что к 2010 г. они составят 1,35%. Япония сейчас – самый крупный производитель и пользователь солнечных батарей с общей мощностью 1130 MW (данные за 2004 г., к 2010 г. предполагается довести их мощность до 4820 MW). По использованию энергии ветра, геотермальных вод и биомассы страна значительно уступает Европе и США. Но потенциал переработки, например, биомассы для выработки энергии в стране, достаточно большой¹³.

В соответствии с Киотским протоколом (1997 г.) Япония обязалась снизить объем выбросов углекислого газа за 2008–2012 гг. на 6% по сравнению с уровнем 1990 г., однако, по имеющимся данным, в 2005 г. они выросли за счет обогрева теплиц на 8%. Поэтому в настоящее время стоит задача принять серьезные меры для предотвращения глобального потепления (в Японии каждые 100 лет годовая температура повышается на 1,07°C.).

Утилизацию биомассы стали постепенно увеличивать после принятия «Японской стратегии по вопросу о биомассе», сформулированной в декабре 2002 г., а в обновленном варианте – в марте 2006 г. Эта комплексная стратегия предусматривает поощрение использования биотоплива на транспорте, ускорение реализации «программы рециклирования биомассы в городах», сотрудничество с другими странами по вопросу технологий и человеческих ресурсов, концентрацию усилий для решения этой проблемы правительства, местных органов власти, университетов, научных учреждений, частных предприятий и неприбыльных организаций, занимающихся экологией.

На пути широкого использования биомассы стоит много проблем, в том числе финансовых, технологических, организационных. Но все же

⁹ Ногё то кэйдзай. 1997, октябрь, спец. вып., с.19–22; Хэйсэй 12 нэндо сёкурё ногё носон но доко ни кансуру нэндзи хококу (Доклад о положении в продовольствии, сельском хозяйстве и деревне за 2000/01 фин. г.). Токио, с.220.

¹⁰ Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas. FY2004. Tokyo, 2005, p. 4; FY2006, p. 47; Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё. Токио, 2004, с. 81.

¹¹ Nikkei Weekly. 12.08.2007; www.maff.go.jp/kankyoondanka/senryak.pdf index.html

¹² В мае 2006 г. были внесены очередные поправки в Закон о санитарных нормах на продовольствие. Речь идет, например, о препаратах, применяемых в животноводстве, или о добавках к кормам (Ногё то кэйдзай. 2006, октябрь, спец. вып., с. 22).

¹³ http://www.globe-net.ca/market-reports/index.cfm?1D_Report=896

постепенно ее утилизация растет. Свою лепту в разрешение этой проблемы вносят принятые в 1999 и 2000 гг. законы об экскрементах животных и о рециклировании пищевых отходов¹⁴. В наибольшей степени утилизируются экскременты животных, которые перерабатывают на компост. Из несъедобных частей сельскохозяйственных культур делают удобрения, корма и подстилки для скота, материал для мульчирования и пр. (в 2006 г. они утилизировались на 30% , в 2000 г. рисовая солома использовалась на 20%), отходы от еды шли на удобрения и корма, (соответственно на 20 и 10%, остальное сжигалось или закапывалось). Немногим более половины отходов пищевой промышленности подвергаются рециклированию для производства удобрений и кормов для скота¹⁵.

В докладе министерства сельского хозяйства по вопросам экологии за 2006 г. (15 декабря) отмечалось, что министерство в целях реализации концепции «устойчивого развития» содействует развитию экологически дружественного сельского хозяйства, считает необходимым использовать ресурсы биомассы для развития новых сфер бизнеса. Указывалось также, что министерство поддерживает муниципалитеты, проводящие в жизнь «План утилизации биомассы в городах» (уже разработано 60 таких программ), помогая создать систему рециклирования местных ресурсов биомассы в сырьевые материалы и другие продукты. Кроме того, говорилось о намерениях приложить усилия для производства биотоплива¹⁶.

В настоящее время уже многие страны в связи с повышением цен на нефть и потеплением климата взялись за производство и использование биотоплива – биоэтанола и биодизельного. Особенно преуспевают в этом отношении США и Бразилия, намного отстают от них Китай и Индия¹⁷. Во всех этих странах приняты уже определенные меры по поддержке такого производства – пересмотрена система налогообло-

жения и финансирования. В Японии лишь приступают к решению этой проблемы. В ноябре 2006 г. премьер-министр предложил заинтересованным министерствам и агентствам предпринять меры к значительному увеличению производства биотоплива.

Министерство сельского хозяйства составило план по увеличению производства биотоплива на перспективу до 2030 г. Предлагается поэтапная программа: создание эффективных технологий, необходимого оборудования, проведение его испытаний, подбор наиболее производительных сельскохозяйственных культур (например, сахарного тростника) и т. п. Предполагается, что в качестве сырья для производства биотоплива будут использоваться рисовая солома, древесные опилки и сельскохозяйственные культуры, которые будут выращиваться на заброшенной сейчас земле, отходы от производства продовольствия (например, использованное растительное масло) и т. п.

Представители министерства сельского хозяйства полагают, что уже к 2011/12 фин. г. страна сможет производить до 50 тыс. кл биотоплива в год. Все это должно привести к сохранению биоразнообразия и защите экосистемы¹⁸. Пока только в шести районах страны (в частности, на Хоккайдо в районе Токати, на Окинаве, г. Миякодзима) в настоящее время идет проверка возможностей производства и использования этанола для заправки, например, автомобилей. Власти на местах, некоммерческие организации и предприятия частного сектора также прилагают определенные усилия для использования биотоплива, но пока их достижения весьма ограничены¹⁹.

В то же время над этой проблемой в стране начали задумываться достаточно серьезно. Как источники биотоплива, кроме уже известных, предлагают использовать, в частности, водоросли, которые могут быть в избытке выращены на мелководье Яматотай, находящемся в середине Японского моря (на простейшем оборудовании, состоящем из сетей и веревок), и рис, традиции производства которого глубоко укоренились в стране. Предполагают, что за счет водорослей Япония сможет получать 20 млн. кл биотоплива в год, что составляет третью часть спроса на бензин.

Пока это только концепция, но в этом направлении ведут работы Токийский университет морских наук и технологий и Исследовательский институт Мицубиси. В конце июня 2007 г. последний уже подал заявку на исследовательский грант в Организацию по развитию новых энергий и технологий. Что касается выращивания риса для этих целей, то отделение Национального сельскохозяйственного исследовательского центра в районе Хокурику уже сейчас ведет работу по созданию новых специальных линий высокоурожайного риса для посева непосредственно

¹⁴ Закон об экскрементах животных запрещает фермерам хранить навоз на открытом воздухе. Закон относится к фермам с 10 и более голов крупного рогатого скота, со 100 и более свиней, с 2 тыс. и более цыплят и с 10 и более лошадей. С 2005 г. министерство планировало принять меры для переработки навоза в газ метан. На конец марта 2004 г. нормы этого закона выполняли 66 тыс. животноводческих ферм. Многие в связи с недостатком средств не устанавливают необходимое оборудование, а используют только водозащитные покрытия (www.jicaf.or.jp/agrinfo).

¹⁵ Annual Report...FY2003, p.66; FY2006, p. 27, 43.

¹⁶ www.japanfs.org/db/1732-e

¹⁷ Следует при этом иметь в виду, что не все так однозначно с производством биотоплива. Пока речь идет об использовании для этого непродовольственного сырья – древесных опилок, отходов пищевой промышленности или от потребления продовольствия, или несъедобных частей сельскохозяйственных культур – вопрос не возникает. Но использование для этих целей продовольственных культур непосредственно может повести к повышению цен на продовольствие, что неприемлемо для большинства стран и в целом в условиях, когда в некоторых государствах люди умирают от недоедания.

¹⁸ Annual Report... FY2006, p. 4, 43. 44.

¹⁹ Ногё то кэйдзай. 2006, октябрь, спец. вып., с. 208.

в грунт. Уже есть экспериментальные посадки. Выращенный таким образом рис должен стоять раз в десять дешевле, чем рис для еды²⁰.

В июне 2007 г. министерство сельского хозяйства опубликовало новую стратегию предотвращения глобального потепления²¹. Речь идет о сокращении выбросов углекислого газа при производстве продукции в закрытом грунте и использовании сельскохозяйственной техники, о поощрении сельскохозяйственной практики, «дружественной к экологии», в том числе снижении объемов использования минеральных удобрений и других химикатов. Предполагается довести уровень выбросов до 250 тыс. т в 2010 г., в том числе в индустрии закрытого грунта – до 167 тыс. т, для чего следует выработать соответствующие программы.

В частности, предлагается предусмотреть энергосберегающие технологии при использовании кондиционеров, сельскохозяйственных машин и сельскохозяйственных материалов, усовершенствовать методы ведения хозяйства, поощрять развитие экоферм, улучшить технологию внесения органических веществ для сокращения выделения метана и закиси азота с полей. Предлагается также внедрение компактных генераторов, использующих гидроэнергию (воду для ирригации), создание систем солнечных батарей для выработки электричества в сельском хозяйстве, содействие потреблению на местах собственной продукции, дальнейшее поощрение научных исследований и разработок технологий сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу.

Для более активной реализации концепции «устойчивого развития» определенные надежды возлагаются на мероприятия по возрождению сельских районов. Хотя в этих районах проживает менее четверти населения, и они занимают лишь незначительную площадь в стране, их значение велико. Ресурсы сельских районов, особенно сельскохозяйственная земля, вода для ирригации, флора и фауна, – все это неотъемлемая часть страны, необходимая для обеспечения населения продовольствием и выполнения сельским хозяйством его многогранной роли в жизни общества. О многофункциональном значении сельскохозяйственного производства уже говорилось выше.

Для сельскохозяйственного производства наиболее важными являются сельскохозяйственная земля и вода для орошения. Поэтому их можно рассматривать как общенациональный ресурс. Обрабатываемая земля на 2005 г. составляла 4690 тыс. га, оросительные и дренажные каналы протянулись по всей стране на 400 тыс. км. Имеются примерно 7 тыс. дамб и 210 тыс. водохранилищ. И все это надо поддерживать в надлежащем состоянии.

Вместе с тем в условиях урбанизации и депопуляции, старения населения, смешанного проживания фермеров и других жителей в сель-

ских районах довольно трудно оптимально и правильно поддерживать и использовать сельскохозяйственные ресурсы. Тем более что основное бремя по сохранению земли, воды, дорог и окружающей среды в целом несут, как правило, фермеры, число которых постоянно сокращается.

В настоящее время положение в сельских районах вряд ли можно оценить как благополучное. В течение последних десятилетий в связи с быстрым экономическим развитием, промышленным и дорожным строительством и т. п. здесь произошли большие изменения, которые начали серьезно затруднять выполнение ими своей функции на благо всего общества.

Прежде всего, надо отметить, что значительно сократилась обрабатываемая площадь (за 1960–2005 гг. с 6071 тыс. до 4690 тыс. га). Резко уменьшилась численность сельского населения и изменился его возрастной состав – сельские жители от 65 лет составляют больше половины занятых в отрасли, что намного превышает этот показатель в среднем по стране. Значительно сократилось число больших семей (девять и более человек), а число семей, состоящих из одного-двух человек, возросло. За 1970–2000 гг. число деревень, где фермеры составляют основную часть населения (до 80%), сократилось с 51% до 9,4%, и уже почти в пятой части поселков их насчитывается менее 10%. Сократилось и число самих деревень (за 1990–2000 гг. на 5 тыс., в том числе за счет слияния)²².

Все это негативно сказывается на объеме сельскохозяйственного производства, который постепенно сокращается, на состоянии ирригационного оборудования и сельских дорог. Поэтому важной задачей правящие круги считают активизацию жизни в сельских районах страны, для чего разрабатываются различные меры. Причем речь идет не только о подъеме производства, но и об улучшении социальной инфраструктуры в этих регионах, создании более комфортных условий в сельской местности для работы и проживания.

Модернизация сельскохозяйственного производства, внедрение новых технологий и техники не только облегчили труд крестьянина и повысили его производительность, но и значительно изменили облик самой деревни. Хотя такими же красивыми остались разделенные межами изумрудные рисовые поля, в целом он сильно изменился. Вместо хрестоматийной картинки деревенской жизни, когда крестьянин, согнувшись, высаживает рассаду риса в затопленное поле, стоя по колено в воде, повсюду видны рассадопосадочные машины, а в другие сезоны – тракторы, дождевальные установки, комбайны, сушилки, молотилки.

²⁰ Nikkei Business Daily. 10.07.2007.

²¹ www.japanfs.org/db/1887-e

²² Хэйсэй 12 нэндо сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2000/01 фин. г.). Токио, 2001, с. 92; Annual Report... FY2004, p. 56.

Непременным атрибутом этого пейзажа являются пленочные теплицы и тоннели, силосные башни и многое другое.

Уже сейчас можно отметить значительное улучшение бытовых условий в деревне. Так, в сельской местности (включены деревни и малые города с населением менее 50 тыс. жителей) калорийность питания в сельских семьях даже выше, чем в городах, но структура все же несколько иная – уровень крахмалистых веществ выше. Постепенно улучшается и социальная инфраструктура, в частности, в 2005 г. водопроводом были оснащены уже 93% домов. Однако до сих пор лишь немногим более половины дорог имеют твердое покрытие, а канализацией обеспечено только 47% домов²³.

Практически все семьи имеют автомобили, холодильники, стиральные машины, пылесосы, цветные телевизоры и т. д.; кондиционеры и видеомэгагитофоны – примерно 70% семей, персональные компьютеры – около половины. Если в 1999 г. Интернетом пользовались только 6,3% семей, то в 2004 г. – уже 84%; мобильные телефоны имеются примерно у половины семей в депопуляционных сельских районах, в остальных – у 74%²⁴.

На март 2006 г. 60% фермеров связывались с рынком с помощью персонального компьютера, более половины использовали его при производстве продукции; Интернетом пользовались 45% хозяйств для получения информации о положении на рынке и погодных условиях, 34% – о новых технологиях, вспышках болезней и появлении вредителей, 24% – о новостях в аграрной политике и около 14% совершали через Интернет различные покупки²⁵. В целом можно сказать, что условия жизни здесь постепенно становятся комфортнее. В то же время нельзя не отметить, что именно в этих районах требуется улучшить социальную помощь населению, ибо именно здесь по сравнению с крупными городами значительное число стариков нуждается в уходе.

Постепенно по мере внедрения в жизнь сельского населения технических средств наблюдается рост индивидуалистических тенденций, но многие мероприятия, как на производстве, так и в быту, проводятся сообща, коллективный дух все еще витает в деревне. Во многом его поддерживают мелкие размеры хозяйствования. Достаточно часто устраиваются в сельских поселениях собрания жителей: как правило, в 80% деревень не менее 5 раз в году, а примерно в 10% – даже до 16 раз.

Причем, если речь идет о перепрофилировании производства, то собираются главным образом представители крестьян; если же ставятся вопросы сельских дорог или ирригационных сооружений, то примерно в 40% поселков участвуют все жители; в большинстве деревень на

собрания приходит все население и при обсуждении вопросов, касающихся общественного имущества, и при решении таких проблем, как использование, создание или улучшение предприятий быта, организация праздников, митингов и других мероприятий, а также проблем, связанных с экологией²⁶.

Но вместе с тем основное бремя по поддержанию ресурсов для сельскохозяйственного производства несут на себе фермеры. А их становится все меньше (только число товарных хозяйств за 1995–2005 гг. снизилось на 26% и составило 1963 тыс. дворов).

По данным официального обследования, в поселках, где доля фермерских хозяйств незначительна, следить за надлежащим состоянием сельскохозяйственной земли и ирригационных сооружений практически некому. В 2005 г. по сравнению с 2000 г. в 19% поселков сократилось число людей, которые принимают участие в коллективных мероприятиях по поддержанию в порядке оросительных и дренажных систем. Чем меньше число фермерских хозяйств в поселках, тем меньше проводится коллективных работ на этих объектах и тем больше часов тратится на те или иные работы. В трети районов, где ведутся коллективные работы вроде бы всеми жителями поселка, в действительности 80% затраченного времени приходилось только на представителей фермерских дворов²⁷.

Следствием этого явилось ускоренное прекращение обработки земли и ухудшилось положение с ирригационным оборудованием в сельской местности. В результате только за 1990–2005 гг. площадь заброшенных земель выросла на 70%. К 2006 г. необработанными остались 386 тыс. га²⁸.

Сохранение, поддержание в надлежащем виде ресурсов сельских районов, является необходимым условием успешного развития сельского хозяйства. Поэтому не удивительно, что в Основном сельскохозяйственном законе 1999 г. государственной политике в отношении сельских районов посвящены специальные статьи (глава II, статьи 34, 35). Статья 34, в частности, предусматривает систематическое принятие мер для комплексного развития сельских районов, имея в виду разумное (сбалансированное) использование земли для сельскохозяйственных и иных целей; умелое сочетание мер, направленных на развитие производственной базы для сельского хозяйства и на улучшение благосостояния в каждом данном районе, включая социальную инфраструктуру – транспорт, информацию и связь, здравоохранение и образование, культурные традиции и т. п., чтобы сельское хозяйство развивалось на

²³ Annual report... FY2006, p. 51.

²⁴ Annual Report... FY2004, p. 7; www.maff.go/toukei/abstract/

²⁵ Annual Report... FY2006, p. 51.

²⁶ Хэйсэй 12 нэндо сёкурё ногё носон-но доко-ни кансүру нэндзи хококу (Ежегодный доклад о положении с продовольствием, в сельском хозяйстве и в деревне за 2000/01 фин.г.). Токио, с.227–228.

²⁷ Ногё то кэйдзай. 2006, октябрь, спец. вып., с. 201.

²⁸ Нихон кэйдзай симбун. 21.10.2006; Annual Report ...FY2006, p.35.

здоровой основе, а жизнь в деревне была благополучной и пейзажи оставались красивыми.

Особенно в незавидном положении находятся поселки, расположенные в так называемых промежуточных и горно-лесных районах²⁹, где негативные тенденции в сельском хозяйстве проявляются наиболее остро. Условия жизни и работы в этих районах намного сложнее, чем на равнине и в пригородных деревнях. Прежде всего, здешний рельеф весьма сложен для ведения сельского хозяйства. Кроме того, менее развита как производственная, так и социальная инфраструктура. Ежегодно ущерб сельскому хозяйству от птиц и диких животных превышает 20 млрд. иен. Это значительно снижает мотивацию для ведения сельского хозяйства и ведет к прекращению обработки земли (в 2003 г. доля заброшенных площадей в среднем по стране составляла 5%, в гористой местности – 7,1%), что может вызвать почвенную эрозию в больших масштабах.

Но эти районы играют важную роль в сельскохозяйственном производстве. В начале нового века территория, которую они занимают, составляла более двух третей всей территории страны (свыше 68%). Здесь находилось более половины муниципальных образований (55%), население же составляло всего около 14%, зато число лиц старших возрастов – более 25%, в то время как в среднем по стране эта цифра равнялась 17,3%. В то же время на эти районы приходилось 39,6% сельскохозяйственного населения, почти 42% обрабатываемой земли и они давали 37% продукции сельского хозяйства³⁰. Здесь выращивают рис, овощи, разводят скот и птицу. Следует также иметь в виду, что в этих районах можно выращивать высококачественную продукцию, учитывая сравнительно прохладную погоду в летнее время и разницу между дневной и ночной температурами, между температурами на равнине и на склонах, находящихся на различной высоте, что позволяет, в частности, увеличить сезон выращивания тех ли иных культур.

Значение этих районов не ограничивается только производством сельскохозяйственной продукции. Оно очень важно именно с точки зрения многофункциональной роли сельского хозяйства. В этих местах,

²⁹ Их объединенное название – промежуточно-горные районы (тосанкан тиики). В Японии разделяют пригородные сельскохозяйственные районы, равнинные, промежуточные и горно-лесные районы. К промежуточным районам относят те, где обрабатываемая земля составляет свыше 20% площади, а лесные угодья – менее 50%; если же последние превышают 50%, то общая площадь, находящихся на склонах заливных и суходольных полей, не должна превышать 10%. В горно-лесных районах лесные угодья составляют свыше 80%, а обрабатываемая земля – менее 10%.

³⁰ В том числе доля производства на пологих склонах составляет по последним трем показателям примерно 30%, на крутых – 8–12% (Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas. FY 2000, p.58; FY 2003, p.68).

как правило, находятся истоки рек, и их жители обеспечивают в той или иной степени защиту от наводнений живущим у подножья гор, куда стекают воды таких рек. Кроме того, террасированные поля предотвращают почвенную эрозию и препятствуют образованию оползней, функционируют в качестве временных резервуаров, в том числе для пополнения грунтовых вод, смягчают климат.

Поэтому 35-я статья упомянутого закона посвящена политике государства именно в таких районах, где географические условия весьма неблагоприятны для ведения сельского хозяйства. Она предусматривает улучшение жизненных условий населения, создание больших возможностей для его занятости, как в сельском хозяйстве (например, путем введения в оборот новых культур), так и в другом бизнесе (переработка продукции, ремесленные поделки, лесобработка, изготовление мебели и пр.). Кроме того, речь идет о выплате различных компенсаций для смягчения негативных последствий природных факторов, содействии тому, чтобы в этих районах можно было поддерживать адекватную производственную активность, и сельское хозяйство могло выполнять свою многофункциональную роль.

Проблему депопуляционных районов вначале пытались решить развитием промышленности вблизи них с целью обеспечить фермеров дополнительными рабочими местами, но результаты были не существенными. Затем были приняты два закона – о развитии горных деревень и о чрезвычайных мерах в отношении депопуляционных регионов, которые были направлены на улучшение инфраструктуры и жизненных условий. Но и эти меры особого результата не дали. Хотя в некоторых префектурах и принимались серьезные усилия для разрешения этой проблемы, скудный бюджет не позволял осуществлять такую поддержку в течение длительного времени.

И, наконец, учитывая большое значение таких районов, как для производства, так и в целом для страны, правительство в 2000 г. приняло специальное решение о поддержке в этих районах сельскохозяйственного производства, производственной и социальной инфраструктуры, об улучшении их положения в целом, чтобы они могли выполнять свою многофункциональную роль. Была запущена так называемая «Система прямых выплат денежных средств фермерам промежуточных и горных районов» (Тюсанкан тиики надо тёкусэцу сихараи сэйдо)³¹. Это – система компенсационных платежей, восполняющих неблагоприятные условия производства и существования жителей в этих районах по сравнению с другими регионами, где условия гораздо лучше³².

³¹ Это – аналог системы непосредственных выплат фермерам в менее благоприятных для сельскохозяйственного производства регионах, применяемой в европейских странах (EU's Less Favoured Areas direct payment support), с поправками на японские условия.

³² Сумма непосредственных платежей определяла 80%-ную разницу между издержками производства в этих районах и на равнинных территориях.

В соответствии с ней пособия получают те фермеры, которые, имея план работ на последующие пять и более лет, заключают соглашения с местными органами власти. Перечень этих работ включает контроль над землей, оросительными и дренажными каналами, обработку ранее заброшенных площадей, подрядную обработку земель престарелых, аренду земли у тех, кто не собирается ее обрабатывать, коллективное производство сельскохозяйственных работ, совместную закупку и использование сельскохозяйственной техники и оборудования, строительство и ремонт дорог и т. п. Другими словами, по этому соглашению они обязуются препятствовать выходу земли из оборота и поддерживать инфраструктуру. Кроме того, принимается во внимание деятельность сельских хозяйств по созданию мест отдыха и опытных полей для горожан, по защите рыб и насекомых, по сокращению использования химикатов в производстве.

По данным обследования, проведенного в 2003 г., в тех местах, где действовала система пособий, на 75% площади обработка земли либо вообще не прекращалась, либо это происходило в незначительной степени³³. Это же обследование показало, что примерно 90% респондентов считают, что без «Системы прямых выплат» большая часть земли будет заброшена³⁴.

В то же время специалисты считают, что в перспективе функционирование этой системы может столкнуться с серьезными трудностями, в частности, с необходимостью вложения крупных денежных средств и с обостряющейся проблемой старения населения. Во многом, по их мнению, все будет зависеть от того, насколько местные органы власти сумеют объединить усилия общественного и частного секторов, а также привлечь неприбыльные организации. Не менее важным фактором является наличие во главе групп фермеров энергичного лидера³⁵.

Слияние соседних поселков – одна из мер выживания. Наиболее инициативные начинают переработку сельскохозяйственной продукции, общими усилиями налаживают связи с городом и т. д., но есть и такие неперспективные деревни, с которыми никто не хочет объединяться. По мнению представителей на местах, хотя при этом нельзя избежать и некоторых издержек, слияния в перспективе могут улучшить качество администрирования, в том числе способствовать выполнению программ оказания поддержки сельским районам, расширению финансовых возможностей, повышению популярности местных брендов³⁶.

³³ Сёкурё ногё носон...2004, с.90.

³⁴ Centre for Rural Economy. Newcastle University. Centre for Rural Economy Discussion Paper Series. 2007, December, № 15, p.10.

³⁵ Ibid., p. 11, 12.

³⁶ Annual Report ...FY2006, p.49.

Другим направлением активизации производства в сельских районах является кампания «одна деревня – один продукт», которая началась сравнительно давно и предполагает комплексное развитие сельских районов, возрождение традиционных ремесел и промыслов, активизацию жизни локальных обществ. Она направлена на то, чтобы развить все, что есть уникального, своеобразного, притягательного в каждом районе, укрепить связи между городскими и сельскими жителями.

С этой же целью ведется работа по внедрению в производство новых видов продуктов и новых технологий, а также выпуску высококачественной продукции, товаров с высоким уровнем добавленной стоимости и открытию нового бизнеса. Другими словами, местные власти пытаются использовать любые возможности для оживления местной экономики.

В качестве примера можно привести поселок Ояма в префектуре Ойта, где рис стало невыгодно выращивать, и лет 20 назад жители переклонулись на производство слив и арахиса. Конечно, здесь, как и во всей префектуре, выращивают грибы шиитаке (преф. Ойта дает 28% всего их производства). В настоящее время доход от продажи сельскохозяйственной продукции составляет 1 млрд. иен, а от переработанной продукции – 1,2 млрд. иен, включая поступления от сети ресторанов, предлагающих органическую продукцию. Всего здесь выпускают до 300 видов различных продуктов. Бренды некоторых из них известны по всей стране и даже за рубежом, например, лаймы «Кобосу» и говядина «Бунго»³⁷. Специалисты считают, что очень важно, чтобы каждый район имел свой бренд. Причем речь идет не только о сельскохозяйственных продуктах, но и о ремесленных поделках, которыми славится та или иная местность.

Местными брендами интересуются и представители пищевой промышленности. С их точки зрения это помогает развитию сырьевой базы в районах производства и возрождению сельских регионов путем эффективного использования имеющихся у них ресурсов. Это также способствует сохранению традиционных методов изготовления продукции и увеличению спроса, ибо покупатель, как правило, предпочитает уже знакомую ему марку.

С начала 2000-х годов в некоторых районах представители пищевой промышленности стали заключать контракты с фермерами для использования традиционной местной сельскохозяйственной продукции. С одной стороны, это поддерживало развитие сельских районов, а с другой – способствовало привлечению большего числа покупателей и получению дополнительных доходов. Есть уже зримые результаты. Например, в г. Ино (преф.Коти) фермеры начали выращивать по контракту с производителем мороженого японские лаймы и апельсины. Особенно

³⁷ www.encyclopedia.com/doc/191-175547193.html

хорошо теперь зарабатывают фермеры, которые сумели приобрести оборудование для первичной переработки фруктов. Производитель мороженого выручил за свою продукцию в 2006 г. 320 млн. иен (в 1995 г. его продажи составляли всего 30 млн. иен)³⁸.

Эта кампания непосредственно увязана с ведущейся с середины 70-х годов прошлого столетия пропагандой за потребление традиционной национальной пищи как наиболее здоровой. Все рекомендации, которые даются министерством здравоохранения и социального обеспечения и рядом других заинтересованных ведомств по поводу сбалансированного продовольственного набора (есть больше риса и овощей, но меньше мясных продуктов и жиров), безусловно, направлены на пропаганду здорового образа жизни. Однако одновременно они преследуют и другую цель – повысить уровень самообеспеченности продовольствием, увеличить, например, потребление риса, производимого в стране в достаточном количестве. В июле 2005 г. был принят Основной закон о питании (Сёкуику кихонхо), а в марте 2006 г. – соответствующая программа действий. Примерно 60% муниципалитетов включились в это движение – за пропаганду «японского типа питания».

В этом же русле организовано движение за то, чтобы потребители покупали продукцию, произведенную в своем районе, что давало бы дополнительный стимул к увеличению производства и соответственно вело бы к возрождению сельских регионов. Кроме того, это бы сказалось и на возможности экономить на транспортных расходах и снизило концентрацию вредных веществ от выбросов диоксида углерода от автотранспорта. В частности, особое внимание уделяется тому, чтобы во время завтраков в школе дети потребляли местную продукцию, познавали традиционную культуру питания. В этой работе участвуют представители различных учреждений – сельскохозяйственной кооперации, местных органов власти, образовательных.

Большое значение для возрождения деревень имеет установление более тесных связей с городом. Речь идет, в частности, о расширении непосредственных контрактов по продаже свежих овощей между сельскохозяйственными и потребительскими кооперативами путем доставки товаров на дом или продажи с арендованных производителями прилавков в крупных супермаркетах (например, в таких, как «Такасимая», «Сэйю», «Токю»), или на фермерских рынках. Имеется в виду также взаимодействие кооперативных перерабатывающих предприятий в зонах потребления с пищевыми компаниями в городе и т. п.

Связи между городом и деревней поддерживаются и потому, что очень большая часть занятых в сельском хозяйстве и членов их семей живет в деревне, а работает в городе, особенно это касается пригород-

ных сельских районов. На образ жизни и методы ведения производства в крестьянских хозяйствах также влияют так называемые «новые фермеры», которые приходят на работу в отрасль из других сфер народного хозяйства (в пенсионном возрасте или по другим причинам).

Появилась также программа предоставления по контрактам городским жителям садово-огородных участков. Главным образом эта практика распространена в пригородных деревнях, но есть примеры и в других районах, даже в горно-лесных. Всего в 2005 г. насчитывалось 3124 таких участков. Фермеры помогают горожанам получать навыки возделывания сельскохозяйственных культур, за что получают какую-то плату. Это способствует стабилизации хозяйства, и земля остается обработанной³⁹.

Наведению мостов между городом и деревней способствует деятельность неприбыльных и других волонтерских организаций. Они могут привносить в сельские районы знания, новые идеи и технологии, имеющиеся в городах, помогать налаживать новые производства, информировать городских жителей о новых местных брендах и т. п.

Городских жителей, в свою очередь, привлекает деревня с ее чистым воздухом, вкусной водой, красивыми видами. Немаловажную роль в укреплении связей между городом и деревней и сохранении национальной культуры постепенно начинает играть заимствованный из Европы так называемый «зеленый туризм» (*гурин цуридзуму*). Городские жители во время отпуска или в выходные дни поселяются в сельской местности в частных домах или в специально устроенных гостиницах. Они живут деревенской жизнью, готовят местную пищу, учатся делать различные поделки, например, из бамбука, ездят верхом, осуществляют пешие прогулки вдоль маленьких рек, занимаются рыбной ловлей, посещают местные музеи, на практике познают, что такое сельскохозяйственный труд.

Впервые в печати слова «*гурин цуридзуму*» появились в японской печати в 1992 г. А в 1998 г. они уже присутствовали в программе реформирования аграрной политики как гражданское движение и одна из целей новой политики, направленной на укрепление связей между городом и деревней, на лучшее понимание городскими жителями проблем деревни, с одной стороны, и предоставление им возможности прочувствовать всю красоту и здоровую атмосферу сельской местности – с другой. Для сельских же районов туризм, как и везде, приносит экономические выгоды, является одним из путей диверсификации экономики сельских районов. В некоторых районах муниципалитеты разработали программу «учебная ферма». По этой программе школьники

³⁸ Annual Report...FY2006, p.53.

³⁹ Annual Report ... FY2006, p. 58.

дважды в месяц по субботам заняты какой-нибудь сельскохозяйственной работой⁴⁰.

В настоящее время все эти проблемы, связанные с необходимостью активизации жизни и деятельности жителей сельских районов, продолжают находиться в центре внимания правящих кругов и научных учреждений, которые не перестают вырабатывать различные меры для их решения. В частности, предлагается начать проводить мероприятия по сохранению и улучшению состояния ресурсов сельской местности – земли, воды и окружающей среды, которые непосредственно связаны с реализацией упомянутой выше концепции «устойчивого развития».

Содержание этой новой программы по сохранению ресурсов включает в себя оказание поддержки: 1) начинаниям фермеров по охране экологии района путем активизации функции природного рециклирования; 2) прогрессивным инициативам, в том числе нацеленным на сокращение применения минеральных удобрений и синтетических химикатов более чем на 50%; 3) передовым проектам, выполняемым местными общинами. Программа предусматривает предоставление для этих целей финансовой помощи деревням в зависимости от размеров проводимых мероприятий, и наиболее эффективным коллективным акциям, направленным на улучшение качества сельскохозяйственной земли, воды для ирригации и других ресурсов, а также на охрану окружающей среды и т. п.⁴¹

Все эти ресурсы являются, конечно, национальным достоянием, ибо они необходимы для производства продовольствия и исполнения сельским хозяйством своей многофункциональной роли. В то же время, как уже говорилось, основное бремя за их сохранение и развитие лежит, прежде всего, на занятых в сельском хозяйстве фермерах, а их численность постепенно убывает. Поэтому результат деятельности по защите сельских ресурсов, видимо, зависит от того, насколько серьезную помощь фермеры получают от жителей своих районов, государства, местных органов власти, частных компаний и вообще всего населения страны.

Информационное общество и основы правового регулирования и развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Японии

М. И. Савинцева

Информационно-телекоммуникационная индустрия Японии в силу своей специфики находится в перманентном развитии и предлагает все более совершенные технологии передачи, распространения и обмена информации в обществе. Реализация государственной политики в сфере развития информационно-телекоммуникационных технологий признается одной из главнейших в деле экономического роста страны¹. В российских исследованиях подчеркивается, что информационно-телекоммуникационные технологии (ИТТ) распространяются с невероятной скоростью, захватывая все новые и новые страны и обретая характер информационной революции. В развитых странах доля секторов экономики с интенсивным использованием информационных технологий превышает 50%². Отмечается, что и в организационном плане на прогресс в развитии информационной техники и технологии большое влияние оказали различные меры государственного регулирования экономического развития³. В настоящее время японская экономика демонстрирует значительный подъем, что связано с осознанием прямого влияния развития научно-технической и инновационной сфер на рост экономики страны.

Высочайший уровень развития японской модели информационного общества и телекоммуникационных технологий был обеспечен тем, что с 2000 г. правительство предпринимает достаточно простые, но чрезвычайно решительные меры по реализации намеченных целей новой государственной политики развития страны, получившей название «Информационная революция», о которой не раз говорилось в россий-

¹ В частности, в Резолюции Генеральной Ассамблеи (май 2006 г.) японской Федерацией экономических организаций Кэйданрэн (Кэйдзай дантай рэнгокай), объединяющей крупнейшие компании страны и отраслевые ассоциации, было отмечено: «Политика, нацеленная на подъем Японии, должна основываться на науке, технологии и творческом потенциале. Большая международная конкурентоспособность страны должна достигаться через представление новых технологий, в том числе в таких областях, как информационно-коммуникационная».

² Маркарян С. Б. Электронная Япония. – Японский опыт для российских реформ. М., 2002, вып. 2, с. 25.

³ Денисов Ю. Д. Япония в мировой науке и технике. – Японский опыт для российских реформ. М., 1999, вып. 1, с. 20.

⁴⁰ Annual Report... FY2006, p. 23.

⁴¹ Ногё то кэйдзай. 2006, октябрь, спец. вып., с. 11.

ской литературе⁴. Она была ориентированна на то, чтобы оптимизировать информационно-телекоммуникационную индустрию⁵ и сделать Японию ведущей в мире по использованию ИТТ.

В 2000 г. был принят Закон о формировании передового информационного и телекоммуникационного сетевого общества, вступивший в силу в январе 2001 г. В том же году Совет по развитию информационных технологий при правительстве принял пятилетний план развития информационной инфраструктуры⁶ – «Стратегия информационно-технологического развития страны» (или «Электронная Япония») в рамках программы «Информационная революция». В ней были обозначены следующие цели: создание законодательной базы для развития информационного общества; развитие информационных технологий в различных областях; реализация программы «Электронное правительство» и обеспечение информатизации органов власти; реализация программы «Электронная коммерция»; обеспечение населения высокоскоростным Интернетом; подготовка высококвалифицированного персонала для работы в новых условиях эры информационного общества.

В настоящее время в Японии в полной мере реализуется программа «Электронное правительство», направленная на улучшение электронного оборота документов между органами государственной власти и предоставление гражданам органами государственной власти административных услуг и информации о своей деятельности посредством Интернета и информационно-телекоммуникационных технологий.

Создание правовой базы и развитие информационных технологий для дальнейшего функционирования информационного общества являлись приоритетными направлениями программы «Информационная революция», которые во многом и обеспечили ее успех.

Опыт Японии по формированию информационно-телекоммуникационной индустрии, использованию и построению передового информационно-телекоммуникационного общества уникален по нескольким причинам. Во-первых, правительство четко контролировало разработку и реализацию стратегий государственных программ по использованию ИТТ в стране. Во-вторых, Япония уже к 2006 г. стала одной из ведущих стран в мире по ис-

пользованию ИТТ и созданию информационного общества⁷. В-третьих, Япония является примером гармоничной «адаптации общей информационной концепции к национальным условиям»⁸.

Таким образом, благодаря четко продуманному правительством плану действий, ключевыми пунктами которых было законодательство и ИТТ, упомянутые цели были достигнуты за максимально короткий срок – с 2001 по 2006 г. С 2007 г. Япония по решению Совета по развитию информационных технологий при правительстве на основе нового документа «Стратегия информационно-технологического развития страны – 2» (2006 г.) перешла уже на второй этап развития информационного общества, а именно информационного и телекоммуникационного сетевого общества. Основой построения Стратегии – 2 стало воплощение в жизнь политики по реализации универсальной информационной услуги, закрепленной новой государственной программой Японии – «Общество с повсеместными сетями связи», представленной в декабре 2004 г. и направленной на обеспечение повсеместного доступа населения к информационным технологиям. Основные положения данной программы, которые должны быть реализованы к 2010 г., включают развитие единых повсеместных сетей связи (100% населения должны иметь высокоскоростной доступ в Интернет); передовые ИТТ должны находиться во всех социальных сферах; обеспечивать комфортность их использования и распространения (80% населения не должно испытывать психологических и иных проблем при использовании ИТТ)⁹.

Какой же путь прошла Япония, чтобы справедливо называться лидирующей державой, а точнее, «наиболее передовой информационно-телекоммуникационной нацией в мире»?

История формирования информационного общества Японии

В целом, историю формирования и развития информационного общества, а также информационного законодательства, условно можно разделить на четыре основных этапа: 1963–1995 гг.; 1996–1999 гг.; 2000–2006 гг. и с 2007 г. по настоящее время. Однако в более общем плане ее можно разделить на два основных периода: предыстория формирования информационного и телекоммуникационного общества (1963–2000 гг.) и начало формирования нового типа японской модели информационного общества (2001–2006 гг.), один из этапов которого уже завершился к 2006 г. В официальном заявлении правительства говорится, что в 2006 г. завершился первый этап реализации государствен-

⁴ Молодякова Э. В. Япония на пути к информационному обществу. – Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003, с. 173; Маркарян С. Б. Электронная Япония. – Японский опыт для российских реформ. М., 2002, вып. 2, с. 27.

⁵ 7 июля 2000 г. кабинетом министров было принято распоряжение о создании в своей структуре Стратегического центра по развитию информационных технологий (или Стратегический штаб по развитию информационных технологий – IT Strategy Headquarters), председателем которого является премьер-министр. В составе Стратегического центра был создан Совет по развитию информационных технологий (IT Strategy Council), на который была возложена вся ответственность по практической реализации новой политики страны.

⁶ Решение Стратегического центра при кабинете министров от 22 января 2001 г. См.: http://www.kantei.go.jp/foreign/it/network/0122full_e.html

⁷ Белая книга министерства общих дел и коммуникаций (Ministry of Internal Affairs and Communications – MIC). Information and Communications in Japan 2006. Tokyo, 2006, с. 47.

⁸ Воронцов Э. С. Анализ потенциала России в мировой информационной экономике. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. М., 2000, с. 64.

⁹ Japan's New IT Reform Strategy and U-Japan. Tokyo, 22.11. 2007, p. 7.

ного плана-программы «Стратегия информационно-технологического развития страны»¹⁰, поскольку ее цели к 2006 г. были уже достигнуты. С 2007 г. страна перешла на второй этап реализации данной программы по построению информационного и телекоммуникационного сетевого общества на основе нового документа – «Стратегия информационно-технологического развития страны – 2» (e-Japan Strategy II)¹¹, принятого Советом по развитию информационных технологий при правительстве.

Начало формирования информационного общества было инициировано многочисленными публикациями исследователей, вышедших в свет в Японии в 60-х – начале 70-х годов, которые и привели к тому, что теория информационного общества вызвала огромный интерес у правительства, став основой его политики более чем на два десятилетия. Прежде всего, государственная политика была сориентирована на теоретическое формирование концепции информационного общества. Внимание теоретиков доктрины информационного общества в основном было сосредоточено на наступлении переходного периода, когда уже требуется переносить акценты государственного регулирования с поддержки тяжелой промышленности на интеллектуальную сферу¹².

В Японии впервые в мире ученые еще в 60–70-х годах сформулировали теорию информационного общества (дзёхо сякай) и ввели в оборот такие понятия, как «информатизация» (дзёхока), «информационная индустрия» (дзёхо сансё), «компьютеризация». Теория информационной индустрии и сам термин «информационное общество»¹³ впервые были предложены на обсуждение общественности ученым Умэсао Тадао, опубликовавшим в 1963 г. статью «Теория информационной индустрии». Он был одним из первых, кто предвидел культурную революцию благодаря возрастающему обмену информацией. В 1969 г. профессор Хаяси Юдзиро также выдвинул и популяризировал теорию информатизации¹⁴. Он связывал происходившие в то время изменения в обществе и его переход к информационно-ориентированному, т. е. информационному, обществу с увеличением объема информации и ее обменом посредством информационных технологий.

Еще одним основоположником концепции информационного общества и ее практической реализации в Японии был профессор Универ-

ситета Аомори и основатель Института информационного общества Масуда Ёнэдзи. Он первым четко сформулировал направления развития информационного общества, под которыми понимал, прежде всего, компьютеризацию в социальной и в экономической сферах, а главным продуктом информационного общества видел информацию, технологии и знания. По его мнению, «информационное общество будет новым типом общества, полностью отличающимся от существующего в настоящее время индустриального общества», и «производство информационного продукта, а не продукта материального, будет движущей силой образования и развития общества»¹⁵. Основа теории Ё. Масуда состояла в том, что «инновации в информационной технологии – это скрытая сила социальной трансформации, которая выражается в радикальном увеличении количества и качества информации, а также в возрастании объемов ее обмена»¹⁶.

В «Белой книге» министерства государственного управления, общих дел, почт и телекоммуникаций¹⁷ в 1978 г. был сделан важнейший вывод, который и дает ключ к пониманию того, что привело к развитию информационного общества в Японии. «Требование предоставления информации через средства массовой информации является односторонней, инертной коммуникацией, тогда как требование предоставления информации с использованием личных коммуникативных средств, что характеризует уже двустороннюю коммуникацию, радикально увеличилось. Это означает, что японское общество движется по направлению к новой ступени “информационного общества”, приоритетной частью которого является получение большего объема информации в соответствии с индивидуальными требованиями человека взамен традиционному массовому производству и предоставлению информации»¹⁸. Таким образом, предоставление информации через средства массовой информации стало недостаточным, а личные, индивидуальные требования человека стали приоритетом при массовом производстве и предоставлении информации.

В основном на первом этапе формирования теоретических основ информационного общества в 60-х – начале 70-х годов происходило осмысление изменений социально-экономических ориентиров в обществе, связанных с необходимостью массовой компьютеризации страны и обучением компьютерным навыкам персонала государственных и част-

¹⁰ e-Japan Strategy II.

¹¹ New IT Reform Strategy 2006 «Realizing Ubiquitous and Universal Network Society where Everyone can Enjoy the Benefits of IT». IT Strategy Headquarters. Tokyo, 2006 (e-Japan Strategy-II). См.: <http://www.kantei.go.jp/foreign/policy/it/ITStrategy2006.pdf>.

¹² West Joel, Dedrick Jason, Kraemer Kenneth L. . Back to the Future: Japan's NII Plans. Irvine, 1996.

¹³ Термин «информационное общество» в качестве названия нового типа общества Умэсао Тадао предложил еще раньше, в 1961 г.

¹⁴ Hayashi Yujiro. Johoka shakai: Hado na shakai kara sofuto na shakai (Информатизированное общество: от индустриального общества к интеллектуальному обществу). Токио, 1969.

¹⁵ Masuda Yoneji. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1983, p. 29.

¹⁶ Ibid., p. 49.

¹⁷ Министерство общих дел и коммуникаций (Ministry of Internal Affairs and Communications – MIC) до 10 сентября 2004 г. имело название министерство государственного управления, общих дел, почт и телекоммуникаций (МРНРТ). Далее везде сокращенно – министерство коммуникаций.

¹⁸ Duff Alistar S. The Japanese Contribution to Information Society Studies. Keio Communication Review. Tokyo, 2000. № 22, p. 54.

ных компаний. В то время полагали, что компьютеризация откроет людям доступ к широким источникам информации, освободит их от рутинной работы и создаст условия для всеобъемлющей автоматизации производства¹⁹. Именно в середине 60-х годов и была опубликована первая «Белая книга» по компьютеризации Японии.

Таким образом, Япония постепенно становилась пионером в развитии компьютеризации и формировании теоретической базы информационного общества. Другими словами, наметились черты информатизации страны, а создание «японской концепции информационного общества осуществлялось, прежде всего, для решения задач экономического развития Японии»²⁰.

Однако в правительстве еще не возникало вопросов о необходимости подготовки законодательной базы для развития соответствующих направлений новой политики государства, ориентированной на построение информационной инфраструктуры в стране.

В целом первый этап развития информационного общества характеризовался, прежде всего, поиском ключевой теоретической основы для перехода общества к новому типу. Первоначально такая основа была представлена в статье Т. Умэсао и книге Ю. Хаяси, упоминавшихся выше. В 1968 г. еще один известный ученый Кохияма Кэнити представил свою книгу «Введение в теорию информационного общества», в которой рассматривал возникновение некоего телематического общества – общества века информации. Эти публикации впервые вызвали огромный интерес к теории информационного общества в стране, а чуть позже, в 1978 г., понятие «телематическое общество» было перенесено в Европу, когда Симон Нора и Алан Минк, позаимствовав название нового типа общества, использовали его в представленном президенту Франции докладе о компьютеризированном обществе²¹.

Стоит обратить внимание на то, что в российской научной литературе авторство самого понятия «информационное общество» часто ошибочно приписывается то К. Кохияме²², то Ю. Хаяси²³, то Ё. Масуда.

¹⁹ Маркарян С. Б. Электронная Япония. – Японский опыт для российских реформ. М., 2002, вып. 2, с. 26.

²⁰ Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества. – Информационное общество. 1999, вып. 1.

²¹ Nora Simon, Minc Alain. The Computerization of Society: a Report to the President of France. Cambridge, 1980 (На французском языке книга была издана в 1978 г.).

²² Например, А. И. Черный говорит о первом применении термина «информационное общество» японским ученым К. Кохияма. См.: Черный А. И. На пороге информационного общества. – Сборник трудов конференции «Информационное общество. Информационные ресурсы и технологии. Телекоммуникации». М., 2000, с. 331–336. Об использовании термина «информационное общество» см.: Мелюхин И. С. Информационное общество. М., 1999, с. 14. О возникновении информационного общества в Японии см. также: Измайлова Е. В. Информация в коммерческих отношениях. – Вестник МГУ. Серия «Право». 2005, № 1, с. 62.

Однако следует отметить, что первенство введения в оборот понятия «информационное общество» принадлежит Умэсао Тадао, который наиболее плодотворно работал над теорией информационного общества. Возникновение такого общества он видел как результат использования информационно-коммуникационных технологий в экономике и в обществе. В то же время не так важно, кто первый предложил термин «информационное общество», поскольку перечисленные выше ученые являются основоположниками общей концепции информационного общества. Одна из основных причин того, что авторство термина «информационное общество» ошибочно приписывается разным японским ученым, состоит в том, что только Ё. Масуда свободно владел английским языком и популяризировал свои идеи на этом языке. Таким образом, языковой барьер и сложность изучения японского языка стали причиной таких разночтений.

Теория информационного общества в Японии в течение более чем двух десятилетий являлась своего рода девизом правительства Японии, став основой политики государства, сориентированной, как уже отмечалось выше, на формирование теоретической концепции информационного общества и ее реализацию на практике. В то время полагали, что в случае создания такого общества появятся фантастические результаты в экономике и общем благосостоянии населения. Однако какие-либо практические шаги еще не предпринимались и не было иных видимых результатов. Была лишь абстрактная теория информационного общества. Сама теория информационного общества из Японии постепенно была перенесена в США, и уже в конце 70-х – начале 80-х годов, по словам исследователей Дж. Веста, Джесона Дедрика и Кеннета Л. Краймера, «в Японии начался второй бум информационного общества»²⁴.

Этот бум возник тогда, когда стали предприниматься первые шаги по формированию нового информационного общества, к примеру, экспериментальное построение города-технополиса (компьютеризированного города). Однако этому предшествовала подготовительная работа ряда исследовательских организаций, представивших правительству отчеты относительно модели будущего информационного общества, обозначив основные его «контуры». Так, в 1972 г. некоммерческая организация – Институт развития использования компьютеров – при участии Ё. Масуда подготовила и представила правительству довольно амбициозный документ – «План информационного общества – национальная цель к наступлению 2000 г.», в котором были описаны направления развития информационного общества Японии. В результате

²³ Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества. – Информационное общество. 1999, вып. 1.

²⁴ West Joel, Dedrick Jason, Kraemer Kenneth L. Back to the Future: Japan's NII Plans. Irvine, 1996.

реализации этого плана создается общество, в котором будет процветать интеллектуальное творчество, заменяющее масштабное материальное потребление. По утверждению Ё. Масуда, если целью индустриального общества является количество массового потребления товаров, то информационное общество может быть обозначено как общество с высоким уровнем интеллектуальных результатов, где люди будут смело строить планы на будущее и реализовывать их²⁵.

При участии правительства план был частично реализован в таких сферах, как образование (помощь в обучении работе с компьютерами); медицина (создание системы срочного оказания медицинской помощи); формирование административного банка данных документов правительства; создание компьютеризированного города (города-технополиса) в качестве модели информационного общества, в котором должны были предоставляться новейшие информационно-коммуникационные услуги; охрана окружающей среды (создание системы предотвращения загрязнения).

В рамках работы над планом построения такого информационного общества Ё. Масуда²⁶ разработал известную сегодня теорию компьютерии. Суть этой теории состояла в том, что компьютерия – это общество будущего, в котором каждый человек распоряжается своим временем с пользой для себя, в нем всем предоставлена свобода принятия решений, создания различных организаций и сообществ, деятельность которых направлена на достижение какой-либо единой цели. По его мнению, компьютерия – это общество, которое свободно от какого-либо господствующего влияния²⁷. В таком обществе возрастание роли информационных ресурсов приведет к полной объективизации информации, т. е. к отделению ее от субъекта информации, от первичной формы. Компьютер доводит процесс объективизации до окончательного отчуждения информации от человека и на этой стадии, по мнению Ё. Масуда, для производства информации люди уже не будут нужны. В то же время «информационная польза» является своего рода символом информационного общества, в котором информационная инфраструктура состоит из компьютерных и коммуникационных сетей, посредством которых можно обрабатывать информацию, получать различные информационные услуги, а любой человек, где бы он ни находился в данную минуту, мог бы в любое время легко, быстро и недорого получить необходимую информацию²⁸. Таким образом, Ё. Масуда в какой-то мере пророчески предвидел создание в будущем информационного общества – компьютерии в качестве компьютеризированного общества

с большими объемами информации (чем в настоящее время, по сути, является глобальная сеть Интернет, а также возможности с помощью ИТТ быстро обмениваться информацией), а также построение уже не просто информационного, а информационного и телекоммуникационного сетевого общества.

80-е годы в Японии можно охарактеризовать как период массовой информатизации страны и начала формирования информационного общества. В марте 1980 г. был опубликован документ «Перспективы политики министерства внешней торговли и промышленности на 80-е годы», в котором впервые была провозглашена рассчитанная на 20 лет программа создания технополисов – городов науки, а с момента принятия в Японии в 1983 г. Закона об ускорении регионального развития на основе высокотехнологических комплексов (Закон о технополисах) началось их создание²⁹. Города-технополисы были призваны стать центрами «производства» новых знаний с целью разработки новейших технологий. Вместе с реализацией концепции создания технополисов в 1980 г. крупнейшая японская телефонная и телеграфная корпорация приняла собственную программу – «Развитие системы информационных сетей». Цель данной программы состояла в осуществлении технической замены устаревшей телефонной сети опτικο-волоконными линиями связи, которые бы соединили между собой крупнейшие города, технополисы и региональные центры страны³⁰.

Благодаря таким действиям на национальном уровне при поддержке правительства к 1993 г. Япония уже стала одной из лидирующих стран в мире по развитию новых средств массовой информации с использованием новейших телекоммуникационных технологий и быстрой, интенсивной передачей большого количества новостной и иной информации³¹.

В январе 1994 г. министерство коммуникаций обнародовало документ об основах информационно-коммуникационной политики «К созданию новой информационно-коммуникационной индустрии»³². 2 августа кабинет министров сформировал Центр по обеспечению раз-

²⁹ Тимонина И. Л. Программа «Технополис» – теория и практика. – Япония 1998–1999. Ежегодник. М., 1999, с. 135.

³⁰ Пшеников В. Стратегия информатизации. – Япония сегодня. М., 1996, с. 3.

³¹ Japan. An Illustration Encyclopedia. NY, 1993, p. 931.

³² Надо сказать, что такие документы являются специфическими административно-правовыми документами, принимаемыми органами власти в качестве административного нормоустановления и организационного руководства с целью выполнения составленного плана. Подобные документы административно-правового характера фактически являются руководящими рекомендациями со стороны органа власти, которые на государственном уровне устанавливают определенные цели, обязательные для реализации. Такой вид административных документов является особенным для административного управления в Японии и более подробно будет рассмотрен в настоящем исследовании чуть ниже.

²⁵ Masuda Yoneji. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983, p. 3.

²⁶ Ё. Масуда также являлся директором Института развития использования компьютеров.

²⁷ Masuda Yoneji. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983, p. 146–156.

²⁸ Ibid., p. 75.

вития передового информационного и телекоммуникационного общества XXI в., в который вошли представители всех министерств. В этом же году один из исследователей информационного общества Кумон Сюмпэй отметил, что Япония еще в начале 90-х годов была страной со слабым законодательным регулированием в сфере информационных отношений, низким уровнем доступности Интернета для населения и отсутствием развитой информатизированной инфраструктуры. Он отметил, что необходимо пересмотреть прошлое в ходе интенсивного развития процесса создания индустрии информации и информационного «интеллекта». Поскольку нет гарантии того, что идеи, образ действий и правовая система, которые были пригодны для периода, задач которого было «догнать», эффективны для периода вступления в еще неведомый мир, называемый информатизацией³³.

С момента принятия Основного закона о формировании передового информационного и телекоммуникационного сетевого общества (2000 г.) Япония, завершив построение информационного общества, вступила в новую фазу развития информационного и телекоммуникационного сетевого общества. В соответствии с Основным законом к новейшим направлениям развития японского информационного общества относятся: значительное продвижение новой стратегии информационной политики в ходе структурных реформ; акцентирование внимания на пользователях информационных технологий; внесение вклада в международное сотрудничество и усиление международной конкурентоспособности.

Начиная с 2000 г. ежегодный аналитический отчет министерства коммуникаций – «Белая книга», в зависимости от достигнутых за прошедший год результатов в телекоммуникационной информационной сфере, а также тенденций ее преобразования, получает название, которое является своего рода лозунгом. Например, «Расширение границ: информационные и коммуникационные технологии в XXI в.» (2000 г.), «Всестороннее развитие информационных технологий» (2001 г.), «Продвижение информационно-коммуникационного общества» (2002 г.), «Построение в Японии “нового общества” с широким использованием информационно-коммуникационных технологий» (2003 г.), «Построение сетевого общества с повсеместным доступом к информационным технологиям в мире» (2004 г.), «Будущее: обеспечение повсеместного доступа к информационным технологиям» (2005 г.) и «Информация и коммуникации в Японии» (2006 г.).

В отличие от прежней стратегии акценты постепенно сместились на повышение уровня использования информационных технологий и проработку направлений по изменению общества, в котором значительное

³³ Кумон С. Япония должна пересмотреть свои позиции. – Доклад на Симпозиуме по мультимедийным коммуникациям и высокоскоростному интеллектуальному, передаваемому и общему компьютерному распространению до 2010 г. (Токио, сентябрь 1994 г.).

место будет уделено возможностям и удобствам использования информационных технологий для того, чтобы люди смогли в полной мере получать выгоды от их использования.

В 1995 г. в составе Центра был создан подкомитет по пересмотру системы развития информационного и телекоммуникационного общества. Таким образом, с 1996 г. Япония перешла на второй этап реализации создания информационного общества и проведения информационно-телекоммуникационной реформы.

В мае 1996 г. был представлен доклад «Средний план по развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры к 2000 г.». В июле министерство коммуникаций сформировало новую группу по рассмотрению процессов конвергенции технологий и результатов ее осуществления в телекоммуникационной и телерадиовещательной сферах.

В рамках второй информационно-телекоммуникационной реформы в основном принимались меры по улучшению обеспечения безопасности информационных систем. Например, в 1996 г. министерство коммуникаций поддержало 19 экспериментальных проектов, направленных на совершенствование технологий безопасности и необходимых для развития торговли посредством электронных средств связи, выделив 93,4 млн. долл. на их финансирование.

В ноябре 1998 г. был опубликован административно-правовой документ «Основные руководящие принципы по обеспечению развития информационного и коммуникационного общества», который заменил документ «К созданию новой информационно-коммуникационной индустрии» 1994 г.

В соответствии с новым документом направления и способы построения информационного общества понимались главным образом как цифровая революция. А основой информационного общества являлась новая социально-экономическая система, посредством которой общество может свободно создавать, распространять и использовать информацию и знания (так называемые продукты интеллектуальной деятельности), гармонизировать жизнь, культуру, промышленность, экономику, природу и окружающую среду. Создание такой системы должно было заменить плохо функционирующую в то время систему, которая была основана на массовом производстве и массовом потреблении. Создание новой системы явилось лидирующим направлением проводимых реформ цифровой революции по расширению экономических границ, устранению дорогостоящих коммуникационных структур, которые дадут возможность людям жить более свободно и благополучно³⁴.

В этот период Япония впервые столкнулась с некоторыми проблемами, которые тормозили развитие информационного общества. Во-

³⁴ Basic Guidelines on the Promotion of an Advanced Information and Telecommunications Society. Tokyo, 1998.

первых, в целом население страны находилось на более низком уровне компьютерно-информационной грамотности по сравнению с жителями США и Западной Европы. Отчасти это объясняется некоторыми традиционными историческими факторами. Считается, что японцы предпочитают непосредственное и личное общение электронным средствам передачи информации. Кроме того, в японских школах было недостаточно развито компьютерное обучение³⁵.

Во-вторых, возросла роль программного обеспечения. Япония имела слабые позиции в области программного обеспечения (за исключением игрового).

В-третьих, одной из причин отставания можно считать структуру японских предприятий *кэйрэцу* с их строгой иерархичностью и забюрократизированностью, которые сдерживали творческую активность, необходимую для развития информационно-телекоммуникационного сектора. Новые технологии, используемые в этом секторе, требуют реорганизации фирм таким образом, чтобы они могли быстро и адекватно реагировать на появление новой продукции на внешних рынках.

В-четвертых, одной из причин замедленного роста индустрии страны являлось недостаточно быстрое и гибкое реагирование законодательной и административно-бюрократической систем на стремительный рост отрасли и запаздывание соответствующих законов, ограниченный доступ населения к информации об административных правилах и регламентирующих актах, «непрозрачность» административных постановлений. Указанные проблемы успешно решались и продолжают решаться путем комплексного подхода к ним. В частности, реализация государственных программ по созданию единой национальной информационной инфраструктуры, широкомасштабное финансирование информационно-коммуникационной сферы, принятие соответствующих правовых документов обеспечили Японии мощное развитие всей информационно-коммуникационной сферы. В частности, министерство строительства выделило средства на программу по прокладке оптоволоконного кабеля к каждому японскому дому, которую предполагается завершить к 2010 г. Министерство просвещения поддерживает программу по присоединению всех японских школ к Интернету.

В 1999 г. Япония совершила технологический прорыв, разработав систему мобильной связи с беспроводным доступом в Интернет (i-mode), своего рода конвергированной услуги, которая привела к быстрому росту числа пользователей Интернета.

В целом государственная стратегия по оптимизации информационно-телекоммуникационной сферы с целью развития информационного общества Японии состояла в том, чтобы включить в себя весь комплекс

³⁵ Михайлов А. А. Развитие коммуникационно-информационной технологии в Японии: проблемы и достижения. – Япония 1998–1999. Ежегодник. М., 1999, с. 156.

мер, направленных на разработку и финансирование соответствующих государственных программ по улучшению использования информационных технологий в определенных областях социальной жизни общества и обязательное создание необходимой законодательной базы для развития информационных технологий, а также доступа к ним. С 1998 г. в Японии начинается активная подготовка проекта закона о доступе к информации, находящейся в ведении административных органов власти.

В мире до сих пор нет страны, способной конкурировать с Японией в сфере усовершенствования изобретений и использования новейших телекоммуникационных технологий³⁶, т. е. в инновационной сфере. По уровню развития информационных технологий Япония уступает только США, но по показателям доступа в Интернет – не только США, но и таким странам, как Республика Корея, Швеция, Финляндия, Норвегия и Канада.

Однако все же можно сделать вывод, что Японии удалось преодолеть проблемы с отставанием по многим позициям в информационно-коммуникационной сфере, в частности по законодательному регулированию этой сферы. Тенденция развития правовой базы для ИТИ была такова: в Японии последовательно принимались программы государственной политики с целью оптимизировать информационно-телекоммуникационную сферу. Затем они дисциплинированно реализовывались с постепенным добавлением некоторых правовых документов, регулирующих информационные отношения.

В апреле 1999 г. Центр по обеспечению развития передового информационного и телекоммуникационного общества XXI в. составил «План реализации основных принципов развития информационного и телекоммуникационного общества Японии», принятый с целью реализации документа «Основные руководящие принципы по обеспечению развития информационного и коммуникационного общества» (1998). Летом 1999 г. центр уже приступил к его реализации³⁷.

Основными принципами развития японской модели информационного общества на последующие годы стали поддержание инициативы в частном секторе, создание правительством благоприятных возможностей для развития частных инициатив в информационно-коммуникацион-

³⁶ К примеру, в Японии в 2003 г. компанией «Маусита» была представлена первая цифровая книга – устройство в виде двух жидкокристаллических мониторов общим весом 550 г., а также использование мобильной связи третьего поколения (впервые в Японии были представлены к продаже мобильные телефоны с новой услугой i-mode с возможностью доступа в Интернет в 1999 г.). В России и Европе услуга i-mode появилась лишь в 2005 г.

³⁷ С 1999 г. министерство коммуникаций и министерство юстиции также начали работу по созданию электронно-сертификационной системы, для того чтобы установить правовые основы, позволяющие использовать электронную подпись, и тем самым развивать направление электронной коммерции в Японии.

ном секторе, инициатив страны по установлению общих согласованных действий в международном сотрудничестве.

Летом 1999 г. подкомитет Центра по обеспечению развития передового информационного и телекоммуникационного общества XXI в. начал решать проблемы создания системы защиты персональных данных в Японии и разработки соответствующего закона о защите персональной информации³⁸.

В этом же году японское правительство официально провозгласило осуществление программы новой государственной политики с громким названием «Информационная революция», а с 2000 г. стало предпринимать конкретные действия. В июле 2000 г. кабинет министров учредил специальный руководящий орган – Стратегический центр по развитию информационных технологий (IT Strategy Headquarters), возглавляемый премьер-министром, а также Совет по развитию информационных технологий (IT Strategy Council).

Цель работы совета состоит в «объединении сил общественности и частного сектора для формирования стратегического развития информационно-коммуникационной сферы, для предоставления возможности всем гражданам обладать выгодами информационно-телекоммуникационной революции и развития Японии как конкурентоспособной интернациональной нации, основывающейся на информационно-коммуникационных достижениях»³⁹.

Таким образом, в Японии была подготовлена организационная и правовая основа поддержки реализации намеченных целей в информационно-коммуникационной сфере для развития своей модели информационного общества.

Принятие Основного закона и создание руководящего органа для решения практических проблем модернизации информационного общества можно считать началом третьего этапа развития японской модели информационного общества. В 2000 г. бывший премьер-министр И. Мори обещал, что через пять лет Япония станет ведущей нацией в сфере информационных технологий, отмечая, что эта сфера является ключевой для процветания нации. По его словам, «реализация информационных технологий будет ключевым моментом для того, чтобы обеспечить благополучие жизни японского народа, соответствующее XXI в., и усилит конкурентоспособность страны». Для достижения этой цели, правительство должно как можно быстрее разработать национальную стратегию информационной технологии, так называемую план-про-

грамму «Стратегия информационно-технологического развития страны»⁴⁰, и акцентировать внимание на том, что для проведения информационной политики требуются четкие финансово-экономические, а также правовые меры в качестве основной части реализации политики⁴¹.

Таким образом, в 2006 г. Япония завершила первый этап формирования информационного общества по программе «Информационная революция». В 2007 г. начался следующий этап дальнейшего развития политики по всесторонней реализации информационных технологий и информационного общества в стране. По мнению правительства, если в 2000 г. Японии нужно было двигаться по направлению развитых стран в информационной сфере, воспользовавшись действительно революционной политикой в этой сфере, то в настоящее время страна достигла значительных результатов и вступает в завершающий этап программы «Информационная революция».

Информационно-телекоммуникационное законодательство

В Японии четко разграничивается законодательство о телекоммуникациях, которое постепенно формируется в так называемое телекоммуникационное право и информационное законодательство, постепенно оформляющееся в отдельную отрасль информационного права, которое регулирует информационные права граждан и деятельность участников ИТИ. При этом под информационными правами в Японии понимаются права, связанные с самостоятельной обработкой информации, защитой, созданием информации, а также с управлением персональной информацией⁴². Упоминание информационных прав как обобщающего понятия нескольких прав граждан в сфере реализации информационных отношений в японской правовой литературе встречается крайне редко, а информационное право в качестве комплексной отрасли законодательства не рассматривается вообще. Например, на информационные права граждан есть лишь поверхностная ссылка, а упоминание информационного права в качестве комплексной отрасли встречается в несколько ином контексте: «Информационная революция, проводимая в стране, вносит изменения в обществе. В этой связи новая правовая система должна отреагировать должным образом, создав “компьютерное право” – отрасль права, регулиующую права и обязанности неправительственных организаций и “сетянина”⁴³ и базирующуюся на концепции информационных прав»⁴⁴.

⁴⁰ Weekly Japan Newsletter. – Kyodo News. 29.09.2000, vol. 50, № 39, p. 1.

⁴¹ Japan Plans to Strengthen Domestic IT Development. – Nikkei Weekly. 31.07. 2000, p. 5.

⁴² Kumon Shumpei, Saito Tadao, Nambu Tsuruhiko, Shimada Norimasa, Kokuryo Jiro, Yamanouchi Yasuhide. Japan and Information Society in the Age of Information Revolution. Tokyo, 1998, p. 40.

⁴³ Интересно, что как в российской, так и в японской литературе, касающейся изучения информационной сферы, встречается ссылка на пользователя Интернета – «виртуальный

³⁸ В 1999 г. полицией Японии в сотрудничестве с министерством коммуникаций и министерством экономики, торговли и промышленности была также инициирована разработка правовой системы по защите несанкционированного доступа к информационным сетям.

³⁹ Распоряжение о создании Стратегического центра по развитию информационных технологий было принято 7 июля 2000 г. См.: http://www.kantei.go.jp/foreign/it_e.html

Однако в настоящий момент в Японии существует разработанная правовая база, всесторонне регулирующая информационно-телекоммуникационную индустрию, определение которой имеет широкую трактовку. Это – «программное обеспечение, телекоммуникации, научные исследования, средства массовой информации, информационные и почтовые услуги, строительство объектов информационной инфраструктуры, производство и аренда различного оборудования для получения, обработки и передачи информации»⁴⁵. Из данного определения видно, ИТИ подразумевает весь комплекс услуг не только по передаче информации, но и по ее производству. Таким образом, перечень основных законов, регулирующих информационно-телекоммуникационную сферу Японии, является чрезвычайно объемным.

Так, правовое регулирование информационных отношений в зависимости от способа передачи информации осуществляется в Японии такими законами, как Закон о доступе к информации, находящейся в ведении административных органов власти (1999 г.)⁴⁶, Закон об использовании информационных и телекоммуникационных технологий для административных процедур (2002 г.), Закон о подготовке соответствующих законов для реализации прямого доступа к административным процедурам через Интернет (2002 г.), Закон о свидетельстве цифровой подписи местной общественной организации (2002 г.), а также законодательством о телерадиовещании⁴⁷.

субъект» в России (см.: Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право. М., 2005, с. 141) и «сетянин» в Японии. Первым термин «сетянин» (netizen) использовал Майкл Хаубен, профессор Колумбийского университета, в 1993 г. Однако его публикация относительно «сетянина» – пользователя компьютерных сетевых коммуникаций, отождествляющего себя с частью единого глобального пространства, получила очень широкий отклик японских исследователей информационного общества и информатизации Японии, в частности, профессора Института глобальных коммуникаций в Японии С. Кумон.

⁴⁴ Kumon Shumpei, Saito Tadao, Nambu Tsuruhiko, Shimada Norimasa, Kokuryo Jiro, Yamanouchi Yasuhide. Japan and Information Society in the Age of Information Revolution, p. 39.

⁴⁵ Тимонина И.Л. Информационная революция и становление новой экономики. – Японский опыт для российских реформ. М., 2002, вып. 1, с. 9.

⁴⁶ В настоящее время право граждан на доступ к информации регулируется двумя законами, которые были приняты парламентом Японии 7 мая 1999 г. и обнародованы 14 мая того же года: Законом о доступе к информации, находящейся в ведении административных органов власти (№ 42) и Законом о развитии законодательства относительно Закона о доступе к информации, находящейся в ведении административных органов власти (№ 43). Проекты этих законов были представлены на рассмотрение на 142-й сессии парламента 27 марта 1998 г. и после нескольких месяцев обсуждения одобрены на 145-й сессии парламента Японии. Законы вступили в силу только спустя два года после их принятия и обнародования.

⁴⁷ Законы о телерадиовещании (1950 г.), о радио (1950 г.), о регулировании услуг кабельного звукового вещания (1951 г.), о кабельном телевизионном вещании (1972 г.), а также Указ кабинета министров об исполнении Закона о телерадиовещании (№ 163, 25.05. 1950); «Необходимые стандарты для созданных телерадиовещательных станций» (правила, принятые Комиссией по регулированию радио, № 2, 01.12. 1950); Положения об исполнении Зако-

Информационные отношения, мотивационная направленность которых – получение, защита или сохранение информации, регулируются такими правовыми актами, как Закон о защите персональной информации (2003 г.), Указ кабинета министров о дате вступления в силу Закона о защите персональной информации (№ 506, 2003 г.), Указ кабинета министров о применении Закона о защите персональной информации (№ 507, 2003 г.), Закон об электронной цифровой подписи и услугах сертификации (2000 г.), Закон о перехвате коммуникационных сообщений (1999 г.), Закон об ограничении ответственности провайдеров телекоммуникационных услуг и права требования раскрытия идентификационной информации отправителя» (№ 137, 2001 г. – далее Закон об ответственности провайдеров Интернета), а также правовыми документами, направленными на пресечение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, – Законом о несанкционированном компьютерном доступе (№ 128, 1999 г.), Законом о контроле использования информации и коммуникационных технологий для сохранения документов в частном секторе (2005 г.)⁴⁸.

Следует отметить, что в законодательстве Японии наметилась тенденция создания жесткого правового режима защиты информации в Интернете, поскольку Япония занимает твердую позицию в сфере информационной безопасности, а правовое регулирование защиты информации в Интернете, т. е. обеспечение информационной безопасности, является одним из приоритетных направлений политики Японии в информационно-телекоммуникационной сфере.

Благодаря развитию Интернета и различных телекоммуникационных услуг с его использованием увеличилось не только распространение информации, но и число нарушений прав человека, связанных с таким распространением. С каждым годом число преступлений с ис-

на о телерадиовещании (Правила, принятые Комиссией по регулированию радио, № 10, 30.06.1950); Положения об исполнении Закона о регулировании услуги кабельного звукового радиовещания, принятые Комиссией по регулированию радио, № 3, 1951; Постановление министерства коммуникаций № 17 от 1957 г. и №55 от 1953 г. «Об исключениях о предупреждении относительно оборудования и услуги кабельного звукового вещания»; Указ кабинета министров об исполнении Закона о кабельном телевизионном вещании» (№ 441, 1972); Положение об исполнении Закона о кабельном телевизионном вещании (№ 40, 1971); Постановление министерства коммуникаций об исключениях предупреждения относительно оборудования и услуги кабельного вещания (№ 4, 1973); Указ кабинета министров об исполнении Закона о телерадиовещании с использованием телекоммуникационной услуги (№ 17, 2002); Положение министерства коммуникаций об исполнении Закона о телерадиовещании с использованием телекоммуникационной услуги (№ 5, 2002); Постановление министерства коммуникаций о публичном извещении о Центре программного вещания в соответствии с п. 1 ст. 52 Закона о телерадиовещании» (№ 62, 2001).

⁴⁸ Последний закон касается технической стороны регулирования порядка сохранения документов на электромагнитных носителях, методики обработки информации с использованием информационно-коммуникационных технологий.

пользованием информационно-коммуникационных технологий растет. К примеру, в 2004 г. таких преступлений насчитывалось 2801, тогда как в 2000 г. их было 913⁴⁹. Специально созданный Совет по руководству реализацией Закона об ограничении ответственности провайдеров Интернета 2001 г.⁵⁰ принял в 2004 г. новый документ – «Руководство о диффамации, основанное на Законе об ответственности провайдеров Интернета»⁵¹. В июле 2005 г. совет принял «Руководство для торговли, основанное на Законе об ответственности провайдеров Интернета»⁵².

Япония приняла специальный План по борьбе с кибер-терроризмом (декабрь 2000 г.) для защиты телекоммуникационных и информационных сетей от атак несанкционированного получения информации ограниченного доступа, «Руководство по обеспечению безопасности информационно-коммуникационных технологий» (июль 2000 г.), а также план по защите информационных систем от несанкционированного доступа к компьютерным сетям. Правительство совместно с частным сектором разработало меры против кибер-терроризма в сфере телекоммуникаций, финансов, авиации, энергетики, газовой индустрии и правительственной администрации. К таким мерам относятся: повышение уровня безопасности информационных систем; установление и улучшение

⁴⁹ Crimes in Japan in 2004. Tokyo, 2004, p. 8.

⁵⁰ Закон об ответственности провайдеров Интернета устанавливает, что интернет-провайдер не несет ответственность за утечку информации, если только сам не является причиной такой утечки по техническим причинам. Министерство коммуникаций также принимает всесторонние меры против рассылки на мобильные телефоны и компьютеры электронной почты рекламного характера без согласия их получателя (спам). Такие меры включают принятие соответствующего Закона о регулировании передачи определенной электронной почты (2002 г.), систему саморегулирования в частном секторе, развитие технологий защиты и международное сотрудничество по этому вопросу. Против фишинга в Интернете с целью получения персональной информации и создания поддельных веб-сайтов на правительственном уровне также предпринимаются меры. Так, с 2005 г. министерство коммуникаций совместно с провайдерами Интернета постоянно проводит совещание «группы по обеспечению контрмер против фишинга» с целью обмена информацией и принятия согласованных мер по борьбе с нарушением права на защиту персональной информации. В свою очередь правительство взяло на себя ответственность по созданию мер защиты информации и в составе администрации кабинета министров в апреле 2005 г. сформировало Национальный центр по информационной безопасности, а в мае 2005 г. – Совет по политике информационной безопасности в составе Стратегического центра по развитию информационных технологий.

⁵¹ В Японии также обеспечивается правовая защита пользователей телекоммуникационных услуг от так называемых телефонных звонков с предложениями коммерческого характера (wangiri calls). Так, в декабре 2002 г. вступили в силу изменения, внесенные в Закон о коммерческой деятельности в сфере телекоммуникаций, которые установили уголовную ответственность за звонки, сделанные наугад продавцом потенциальным клиентам с целью продвижения своей продукции.

⁵² White Paper 2006: Information and Communications in Japan «Ubiquitous Economy». Ministry of Internal Affairs and Communications. Tokyo, 2006. p. 53.

ние связи и координации между правительством и частным сектором для предупреждения кибер-преступлений и обмена информацией; выявление кибер-преступлений, установление основ информационной безопасности; международное сотрудничество.

Регулирование телекоммуникаций в Японии

Начало истории информационно-телекоммуникационных услуг в Японии можно отнести к 1854 г., когда командор Мэтью Пэрри привез в страну телеграфные машины. Созданное после реставрации Мэйдзи (1868) правительство быстро поняло, что современная индустрия и передовые технологии чрезвычайно важны для страны и стало предпринимать меры по их развитию. Именно технологии телеграфных услуг были одними из тех, которые стали интенсивно развиваться в стране. Услуга коммерческого телеграфа стала предлагаться уже с 1869 г.⁵³

В настоящее время в Японии проводятся важные для всей жизнедеятельности общества структурные реформы. Телекоммуникационный рынок – один из важнейших секторов этих реформ. Наиболее крупное изменение связано с либерализацией и приватизацией в телекоммуникационном секторе. Новые законы, принятые в 1984 г., ликвидировали монополию крупнейшей телекоммуникационной компании NTT (Nippon Telegraph and Telephone) и установили основные правила для либерализации рынка телекоммуникационных услуг. Начало либерализации сопровождалось приватизацией, в результате которой NTT была преобразована в частную компанию. С этого времени установились меры и правила регулирования добросовестной конкуренции в телекоммуникационной сфере.

В Японии всесторонняя либерализация телекоммуникационных услуг началась в 1985–1986 гг. с отмены монополии корпорации NTT и предоставления разрешения двум другим компаниям осуществлять телекоммуникационную деятельность. Однако такое разрешение было недостаточным для того, чтобы стать полноценным участником телекоммуникационного рынка, поскольку NTT продолжала занимать доминирующие позиции на этом рынке и блокировала деятельность новых участников. Начинаящейся конкуренции на рынке телекоммуникационных услуг требовалось регулирование, которое должно было согласовываться с бывшим монополистом NTT.

В настоящее время, японская телекоммуникационная индустрия находится под особенным контролем министерства общих дел и коммуникаций, которое и несет ответственность за регулирование деятельности участников телекоммуникационной сферы. Закон о коммерческой деятельности в сфере телекоммуникаций 1984 г. всесторонне регулирует практику ведения указанной деятельности и закрепляет основы

⁵³ Talpin Ruth, Wakui Masako. The Japanese Telecommunications Industry. New York. 2006, p. 1.

добросовестной конкуренции. В соответствии с данным законом министр коммуникаций наделен широкими полномочиями по изданию распоряжений по улучшению работы данной сферы (ст. 29-я) и осуществлению мер, способствующих конкуренции.

Основными правовыми документами в информационно-телекоммуникационной сфере⁵⁴ являются Закон о коммерческой деятельности в сфере телекоммуникаций» (№ 86, 1984), Закон о формировании передового информационного и телекоммуникационного сетевого общества (№ 144, 2000), Закон о проводных телекоммуникациях (№ 96, 1953), Закон об исполнении Закона о проводных телекоммуникациях и Закона о коммерческой деятельности в сфере телекоммуникаций (№98, 1953).

В соответствии с Законом № 86 телекоммуникации определяются как передача, ретрансляция или получение сигналов, звуков или изображений по проводным, радио- или другим электромагнитным способом (ст.2, п. 1). Этот закон дает четкое определение таких ключевых понятий, как телекоммуникационные услуги, телекоммуникационное оборудование, коммерческая деятельность в сфере телекоммуникаций, телекоммуникационная деятельность и оператор телекоммуникационной деятельности.

Под телекоммуникационными услугами понимается передача информации определенному человеку, при которой используется электрическое оборудование, а телекоммуникационные компании не вовлечены в процесс создания информации⁵⁵. В законе четко определяется посредническая деятельность в процессе передачи информации через использование телекоммуникационного оборудования (ст. 2 п.3). Телекоммуникационные средства – это механизмы, оборудование, провода, кабели или иное электрическое оборудование для коммуникационных операций (ст.2 п.2).

Оператор телекоммуникационной деятельности (или курьер телекоммуникационной услуги) – любое лицо, которое получило регистрацию в соответствии со ст. 9 для осуществления своей деятельности в сфере телекоммуникаций и представило уведомление в соответствии со ст. 16, п. 1 указанного закона.

Таким образом, телекоммуникационные услуги лишь предоставляют, передают, распространяют информацию, а информационно-телекоммуникационная услуга подразумевает уже не только передачу или распространение информации, но и ее производство.

⁵⁴ Здесь приводится неполный перечень нормативно-правовых актов, регулирующих телекоммуникационную сферу, а лишь базовые правовые документы. В общей сложности, телекоммуникационное законодательство Японии на сегодня представлено 38 законами, постановлениями кабинета министров и распоряжений и инструкций министерства коммуникаций.

⁵⁵ *Talpin Ruth, Wakui Masako*. The Japanese Telecommunications Industry, 2006, p. 16.

Телекоммуникационный рынок Японии, имея собственных крупных игроков, таких как NTT Group (NTT West, NTT East, NTT DoCoMo), KDDI Group (Dion, Au, Tu-Ka), Softbank Group (SoftBank BB, Japan Telecom), продолжает быть наикрупнейшим в мире, достигнув высочайшего технического стандарта. Объем рынка информационно-телекоммуникационной индустрии Японии достиг 116 трлн. иен в 2002 г. В конце 2003 г. число подписчиков на телефонные услуги достигло 51,59 млн., а число пользователей мобильными телефонами – 81,52 млн. и более 77 млн. человек являются пользователями Интернета. В сентябре 2004 г. насчитывалось примерно 12,8 млн. пользователей асимметричной цифровой абонентской линии (ADSL) и 2 млн. – оптоволоконного соединения для дома (FTTH)⁵⁶.

Развитие кабельного телевидения в Японии не было столь успешным, но даже эта услуга насчитывала примерно 2,8 млн. своих потребителей. Оптоволоконными сетями связи было покрыто 80% территории Японии к концу 2003/04 фин. г. Сейчас насчитывается в общей сложности 14 449 телекоммуникационных операторов. В апреле 1985 г., спустя несколько месяцев после принятия Закона о коммерческой деятельности в сфере телекоммуникаций, насчитывалось 87 операторов, в 1989 г. – 738, в 1993 г. – 1259, в 1997 г. – 4726, а в апреле 2001 г. – 9348⁵⁷. В сентябре 2007 г. насчитывалось 10,52 млн. пользователей оптоволоконными сетями связи и доступа к Интернету⁵⁸.

Основные этапы телекоммуникационной политики конкуренции представляются следующим образом: от монополизации к добросовестной конкуренции – 1985–1997 гг.; дальнейшее поощрение продвижения конкуренции – 1997–2004 гг.; от регулирования *ex-ante* к регулированию *ex-post* (от ожидаемого к фактическому регулированию) с 2004 г. по настоящее время.

Телекоммуникационный рынок Японии развивается мощно, интенсивно, не сбавляя темпов. Число бизнес-операторов телекоммуникационных услуг постоянно растет, и вследствие этого увеличивается и конкуренция на этом рынке. В основном добросовестной конкуренции способствовала государственная политика, направленная на выстраивание свободной конкуренции среди операторов, которая была инициирована правительством в 1985 г.

Правительство и представители заинтересованных сторон заключили 20 июня 2006 г. специальное соглашение для дальнейшей реализации реформ в информационно-телекоммуникационной индустрии и телерадиовещании.

⁵⁶ Ibid, p.5.

⁵⁷ Данные на август 2007 г. Доклад *Atsushi Umino*. Japan's New IT Strategy and u-Japan. 22. 11. 2007, p.20.

⁵⁸ http://www.soumu.go.jp/joho_tsusin/eng/Statistics/pdf/071218_1.pdf

Стоит отметить, что государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»⁵⁹, направленная на развитие высокотехнологичных отраслей экономики, создание технопарков в сфере высоких технологий в 2006 – 2010 гг., схожа с программой, которая в Японии еще в 1972 г. была направлена на создание «компьютеризированного города» в качестве модели информационного общества, а в 2001 г. было организовано уже пять так называемых «информационных долин» – комплексов, где обеспечиваются активные контакты между разработчиками, производителями и потребителями информационно-коммуникационных услуг⁶⁰. Поэтому всестороннее изучение японского опыта развития информационно-телекоммуникационной индустрии является особенно актуальным и интересным для России, поскольку в настоящее время в стране выстраивается и создается собственная модель информационного общества.

В настоящее время Россия вступила на тот путь, который Япония уже прошла к 2000 г. в плане определения направлений развития «информационного общества», подготовки и принятия необходимого информационного законодательства, оптимизации государственного управления с использованием информационных сетей связи и Интернета (программа «Электронное правительство»), обеспечения правового механизма доступа граждан к информации и защиты персональной информации граждан, перехода к телевизионному вещанию в формате высокой четкости, предоставления услуг мобильной связи третьего поколения.

⁵⁹ Одобрена распоряжением правительства РФ 10 марта 2006 г. (№ 328) – Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1226.

⁶⁰ Это – Долина Саппоро, Диджитал Даймэ 2000 (г. Фукуока), Форест Элли (преф. Иватэ), Долина Син-Осака, Битовая долина (район Сибуя г. Токио). См.: *Тимонина И. Л.* Информационные технологии: новые возможности региональной экономики и управления. – Японский опыт для российских реформ. М., 2001, вып. 2, с. 9.

О японской стратегии инновационного развития

Ю. Д. Денисов

Япония наших дней является одним из признанных флагманов мирового экономического процесса. Среди характерных особенностей ее экономики – высокая инновационная активность, энергичное обновление производственного аппарата, непрерывное совершенствование качества продукции. В результате растут материальное благосостояние и культурный уровень японского общества, повышается международный авторитет Японии как создателя значительных обществцивилизационных ценностей, укрепляется чувство национального достоинства японцев.

И хотя периодически страна сталкивается с непростыми экономическими проблемами, она их успешно преодолевает, поскольку располагает хорошо отлаженной производственной системой и высокоразвитой научно-технической сферой. Этому способствует и сформировавшаяся здесь высокая культура взаимоотношений государства и бизнеса. Государственные структуры постоянно вырабатывают ориентиры и рекомендации для предпринимателей и посредством целого ряда стимулирующих мер нацеливают их на наиболее эффективные и перспективные виды деятельности, иначе говоря, задают им инновационные приоритеты.

Селективная стратегия – путь к успеху

В начале 70-х годов, когда Япония по ряду параметров своего научно-технического потенциала вышла на уровень ведущих западноевропейских стран, возник вопрос, на каких направлениях науки и техники его наиболее целесообразно развивать дальше. В результате проведенного анализа мировой экономической ситуации, ресурсных возможностей Японии и ее положения в системе мировых хозяйственных связей Экономический совет Японии сделал вывод: стратегия всеобщего развития, реализуемая в США, когда одновременно уделяется внимание росту практически всех промышленных отраслей и, следовательно, исключительно широкому комплексу научно-технических направлений, для Японии неприемлема. Ведь даже одно ее отставание от США по людским ресурсам делало невозможным выход на объемы производства, близкие к американским.

Наиболее правильным представлялся другой путь – сосредоточить национальные ресурсы на отдельных научных и производственных направлениях, т. е. избрать так называемую селективную стратегию эко-

номического развития, реализуемую на основе тщательно выбранных приоритетов. В этом случае на ряде направлений при условии концентрации на них достаточно солидных ресурсов представлялось возможным не только достигнуть уровня США, но даже превзойти его и выйти на первое место в мире. На прочих же направлениях было решено использовать в основном зарубежные достижения, т. е. закупать патенты, лицензии и готовую технику, а самим вести работы преимущественно методического и аналитического характера, не вступая в соревнование с мировыми лидерами. Естественно, эта стратегия предполагала тесное взаимодействие с внешним миром, открывавшим для нее доступ к тем видам ресурсов, которых ей не хватало, – начиная с сырьевых и кончая интеллектуальными и информационными.

В рамках этой стратегии за рамки приоритетов был выведен целый ряд научно-производственных направлений, например, разработка и производство самолетов и авиационных двигателей. После войны японская авиационная промышленность была ликвидирована, так что возродить ее на высоком уровне не представлялось возможным. Небольшими заказами для «сил самообороны» ограничивалось создание военной техники, что высвобождало ресурсы для развития гражданских направлений. Продукция, на которую на мировых рынках и в самой Японии спрос был невелик, также исключалась из планов японских разработчиков и продуцентов. Поэтому, например, электронную технику, необходимую для исследования проблем ядерного синтеза, сверхпроводимости, различного рода экстремальных явлений, японцы стали закупать за рубежом.

Свои основные усилия японские фирмы направили на то, чтобы обеспечить себе доминирование на наиболее емких рынках – автомобилей и мотоциклов, радиоприемников и телевизоров, магнитофонов, станков с ЧПУ, медицинского оборудования, химической продукции, качественных сортов стали, изделий из синтетических материалов. Позднее к этому перечню присоединились компьютеры, офисная и коммуникационная техника, видеокамеры, цифровые фотоаппараты, телевизоры с жидкокристаллическими и плазменными экранами и др.

Указанная стратегия очень быстро показала свою высокую эффективность. Силу японских продуцентов быстро ощутили в Западной Европе и в США. Так, к середине 70-х годов, когда расходы Японии на научные исследования и разработки составляли лишь 1/4 американского уровня, она уже занимала прочные позиции на рынках многих видов продукции тяжелой и легкой промышленности и уверенно теснила традиционных лидеров, давая повод говорить о «японском вызове» или даже «японской угрозе». В частности, серьезные проблемы создавали японские станкостроители. Несмотря на то, что их станки уступали многим зарубежным как по точности, так и по производительности, именно они являлись лидерами продаж на мировых рынках.

Не демпинг, а продуманный выбор приоритетов

Однако специальное исследование, проведенное Объединением западногерманских машиностроителей, позволило дать достаточно простое объяснение этого феномена. В нем показано, что к успехам в экономическом и технологическом развитии японцев привели следующие меры¹.

1. Межфирменная кооперация в области исследований и разработок, наличие особого «доконкурентного этапа», когда заинтересованные компании совместно формируют основы базового нововведения, причем на некоторых ключевых направлениях организационную и частично финансовую поддержку оказывает государство. Конкурентная борьба между компаниями начинается лишь на следующем этапе, когда происходит коммерциализация результатов исследований и разработок и каждая фирма уже самостоятельно их развивает и совершенствует.

2. Широкое применение самых современных технологий, как правило, обеспеченное закупками за рубежом соответствующего оборудования, патентов, лицензий и ноу-хау.

3. Крупносерийность выпуска продукции, позволяющая реализовать принцип «экономии на масштабах производства» и существенно снизить цену изделий. Так, удвоение объема выпуска удешевляло ее примерно на 30%.

4. Концентрация на определенных сегментах рынка и ориентация на выпуск изделий, пользующихся особенно широким спросом. При этом каждая фирма максимально ограничивала число выпускаемых моделей или типоразмеров продукции, нередко даже отклоняя особые пожелания заказчиков.

Тщательно анализируя мировые рынки, японские продуценты направляли основное внимание на потребности массового потребителя. При этом, как правило, оказывалось, что его вполне могла удовлетворить продукция и со средними характеристиками, лишь бы она была современной с точки зрения реализованных в ней технических принципов и дизайна, а также добротной и дешевой. И японские компании гарантированно обеспечивали эти свойства, активно проводя в жизнь перечисленные меры. В результате, несмотря на то, что практически все основные виды принципиально новой продукции разрабатывались в США, на этапе ее производства в числе лидеров неизменно оказывались и японские фирмы.

Следует отметить, что японцы преуспевают не только при выборе приоритетов производственного плана. Не меньшее внимание, особенно в последнее время, они уделяют приоритетам научно-исследовательской деятельности. Государство в Японии исходит из ясного понимания

¹ Wettbewerber Japan. Frankfurt am Main. 1981 (см.: перевод ВЦП, № Д-38208, с. 47–49).

того, что наука и техника обеспечивают основы будущего развития страны. Закрепив этот тезис в «Основном законе о науке, технике и технологиях», оно придает научно-технической деятельности высокий общественный статус и реализует широкую программу ее активизации.

Крупный вклад в организацию этой деятельности вносит Совет по научно-технической политике, возглавляемый премьер-министром Японии. Совет вырабатывает рекомендации по конкретным запросам премьер-министра и инициативные рекомендации, а его подкомитеты и комиссии готовят доклады по важнейшим вопросам научно-технической политики. Одним из центральных направлений его деятельности является выбор и корректировка приоритетов инновационного развития.

В XXI век – с четкими научно-техническими приоритетами

В результате анализа общемировых тенденций и социально-экономических задач, стоящих перед японским обществом, Совет в 2001 г. сформировал план национальной стратегии в области научно-технического развития. В ее основе – придание ранга базового национального приоритета фундаментальным исследованиям и выделение двух крупномасштабных приоритетных областей. Первая из этих областей, непосредственно примыкающая к сфере фундаментальных исследований, включает в себя науки о жизни, информатику и телекоммуникации, нанотехнологии и материалы, экологию. Вторая область, преимущественно прикладной ориентации, представлена такими разделами, как энергетика и ресурсы, промышленные технологии, производственная и социальная инфраструктура, Земля и космос.

Все перечисленные разделы являются в Японии приоритетами инновационного развития и в настоящее время. Проведенная в 2005 г. корректировка приоритетов коснулась главным образом конкретной тематики, входящей в указанные разделы, также были приняты дополнительные меры по стимулированию проводимых исследований.

Как оригинальный подход к выработке общенациональных приоритетов в сфере исследований и разработок можно рассматривать утвердившуюся в Японии методику научно-технического прогнозирования. Здесь начиная с 1971 г. регулярно, как правило, один раз в пять лет, подготавливается и публикуется прогноз научных и технических достижений на предстоящий 30-летний период. Его материалы широко используются разработчиками научно-технической политики страны, научно-исследовательскими институтами и лабораториями, учебными заведениями, а также в предпринимательской сфере. Большое внимание к ним проявляется за рубежом, в частности, проводится детальное сопоставление оценок, представленных в японских прогнозах, с результатами национальных исследований мирового инновационного процесса.

Разработка прогноза состоит из двух этапов. Вначале, основываясь на анализе тенденций в мировой науке и технике, японские специалисты

составляют перечень наиболее весомых инновационных достижений, которые в обозримом будущем ожидаются в различных научных и технических областях. К таким достижениям они относят выяснение механизма малоизученных явлений, разработку новых технических объектов или технологических процессов, начало практического использования новых методов или технологий, наконец, широкое распространение тех или иных инноваций. В последнее время в прогноз включается тематика, относящаяся к сфере организации и управления. Как правило, перечень включает в себя около тысячи конкретных тематических позиций.

Далее к работе подключаются эксперты, которые оценивают значимость прогнозируемых достижений для японского общества, высказывают свое мнение по проблемам, которые могут возникнуть в связи с их практической реализацией, прогнозируют ее сроки. Современные методы организации экспертных опросов позволяют получить вполне достоверные оценки перспектив инновационного развития, так что информация, содержащаяся в японских прогнозах, представляет большой научный и практический интерес. Особенно важным параметром является определяемый экспертами уровень значимости ожидаемых инновационных достижений. Действительно, чем большей значимостью для общества характеризуются ожидаемые инновации, тем больше оснований считать приоритетными исследования и разработки, которые ведут к появлению этих инноваций. Начиная с 2001 г. эти работы стали именовать Форсайт-проектами (foresight – предвидение).

Форсайт-проект задает ориентиры до 2035 г.

В 2005 г. Национальный институт научно-технической политики опубликовал результаты работы над очередным прогнозом – на период до 2035 г. В отличие от предыдущего прогноза в нем было четко выделено 130 конкретных инновационных направлений, для каждого из которых было составлено подробное описание, раскрывающее как его содержание, так и социально-экономическую значимость. 858 конкретных тем, предложенных экспертам, – результат аналитической работы 170 специалистов, входивших в состав 13 тематических комиссий. Общий контингент экспертов насчитывал 2300 человек.

Составители прогноза поставили перед собой задачу не только выявить наиболее актуальную и тем самым приоритетную, по мнению экспертов, тематику, но и установить соответствие между действующей в Японии общей системой приоритетов инновационного развития и конкретизирующими их инновационными направлениями. В результате была построена матрица «инновационные направления – приоритеты», фрагмент которой приводится ниже.

Особую наглядность и методическую ценность имеет матрица в ее полном объеме, когда в ней представлены все 130 инновационных направлений, отраженных в прогнозе. Как полагает руководитель работы

над прогнозом, на протяжении многих лет возглавляющий работы над Форсайт-проектами, профессор Т. Кувахара, 130 направлений обобщают содержание национальных критических технологий, т. е. технологий, от которых сегодня зависит и уровень конкурентоспособности страны, и ее способность решать внутренние социально-экономические проблемы.

Фрагмент матрицы «инновационные направления – приоритеты»*

Инновационные направления	Науки о жизни	Информатика и телекоммуникации	Экология	Нанотехнологии и материалы	Энергетика и ресурсы	Промышленные технологии	Инфраструктура	Земля и космос	Прочее
Высокопроизводительные компьютеры		•							
Системы искусственного интеллекта		•							
Новые принципы информатики и связи		•							
Системы хранения информации		•		•					
Электроника для систем безопасности		•					•		
Молекулярная и органическая электроника		•		•					
Биоэлектроника	•	•		•					
Информатика для медицины	•	•							
Превентивная медицина	•								
Исследования мозга	•								
Нанобиология	•			•					
Технологии освоения Мирового океана			•					•	
Глубинные исследования Земли			•					•	
Космические транспортные средства								•	
Системы преобразования энергии			•		•				
Новые принципы атомной энергетики					•				

Возобновляемые энергетические источники			•	•				
Методы оценки ресурсов				•				
Технологии переработки отходов			•	•				
Предотвращение природных катастроф			•				•	
Наноанализ и наноизмерения				•				
Технологии нано- и микрообработки				•		•		
Производственные системы «человек-робот»						•		
Новые транспортные системы							•	
Системы производства знаний								•
Методы оценки технологий								•

* The 8-th Science and Technology Foresight Survey. Tokyo, 2005, p. 88.

На мировую арену выходят нанотехнологии

Одним из важнейших наукоемких направлений, на котором ожидаются особенно крупные прорывы и к которому приковано внимание во всех развитых странах, становятся нанотехнологии, позволяющие использовать особые свойства живой и неживой материи, проявляющиеся в областях с размером менее 0,1 микрона (т. е. менее 100 нанометров).

В настоящее время исследования по нанотехнологиям приобрели ранг национальных приоритетов в США, Японии, странах Евросоюза, Китае, России, а также во многих других государствах. Общемировой объем этих работ в 2006 г. составил 12,4 млрд. долл., а продукции, при выпуске которой применялись нанотехнологии, было произведено на сумму около 50 млрд. долл.²

Лидирующие позиции занимают американские ученые и разработчики, что вполне объяснимо – на США приходится около 1/3 общемировых расходов на исследования и разработки. Дополнительным ускорителем стала объявленная президентом США в 2000 г. программа «Национальная нанотехнологическая инициатива», которая консолидировала все значительные работы по нанотехнологиям, а также гарантировала их весомое государственное финансирование. Так, в 2006 г. эти работы были профинансированы правительством в объеме 1,35 млрд.

² http://www.luxresearchinc.com/press/RELEASE_Nations_Ranking_2007.pdf

долл., на 2007 г. выделено 1,4 млрд., а на 2008 г. предполагалось ассигновать 1,45 млрд. долл. Практически такие же суммы на проведение наноразработок затрачивает и частный бизнес³.

Японские бюджетные ассигнования на работы по нанотехнологиям в 2006 г. составили 975 млн. долл., а затраты компаний – 1,7 млрд. долл.⁴ Главным получателем бюджетных средств является министерство образования, культуры, науки, технологий и спорта. Оно курирует нанотехнологические исследования по 47 обобщенным тематическим позициям, уделяя особое внимание объединению усилий государственных НИИ, университетов и компаний. Министерство экономики, промышленности и торговли руководит обширной программой нанотехнологического материаловедения, а также созданием стандартов и баз данных, необходимых для промышленного освоения результатов разработок.

Огромное внимание к созданию и широкому применению нанотехнологий проявляет – «штаб японского бизнеса» – Кэйданрэн. Как известно, важнейшей его задачей является повышение конкурентоспособности японских фирм на мировых рынках и сохранение их лидерства в ключевых отраслях науки, техники и производства. В начале 2001 г. им был опубликован специальный доклад, в котором намечались основные цели и направления развития нанотехнологий в Японии. Особо подчеркивалась необходимость отделить работы ближнего плана от поисковых и фундаментальных исследований и оперативно приступить к освоению промышленностью уже имеющихся достижений. Это выступление представляло собой развитие декларации, с которой Кэйданрэн выступила годом ранее в ответ на американскую «Национальную нанотехнологическую инициативу», и подтверждало правильность курса тех компаний, которые уже проявляли интерес к разработке и освоению нанотехнологий⁵.

Характер деловой активности японских фирм в области нанотехнологий можно проиллюстрировать на примере компании «Мицуи», которая определила нанотехнологии как одну из ключевых областей своей деятельности – наряду с информационными технологиями и биотехнологиями⁶. В ее планы входит создание нескольких НИИ для проведения нанотехнологических исследований и разработок. В компании высоко оценивают возможность коммерциализации результатов этих работ и готовы к осуществлению инвестиций в нанотехнологический бизнес, которые измеряются десятками миллиардов иен.

Успешно работают два исследовательских института «Мицуи». Один из них – это НИИ по углеродным нанотехнологиям (Carbon Nanotech Research Institute – CNRI). В его задачи входит проведение исследований для коммерческого производства наноматериалов на основе углерода и поиск новых областей применения этих материалов, а также осуществление научного руководства при создании опытных производств углеродных нанотрубок и фуллеренов.

Второй НИИ (Bio Nanotech Research Institute – BNRI) в основном нацелен на решение двух задач. Во-первых, активно продвигать в практическую сферу результаты исследований и разработок по нанотехнологиям, уделяя особое внимание их использованию для решения экологических проблем. Во-вторых, обеспечивать производство нанопористых мембран, т. е. молекулярных сит для разделения различных жидкостей и газов путем их пропускания через эти сита.

В «Мицуи» считают, что работы по проблематике нанотехнологий должны быть организованы особым образом. В основу этих работ – от исследований до коммерциализации – должна быть положена организационная модель, предусматривающая активное обсуждение ключевых вопросов всей цепочки «наука – техника – производство» с компетентными представителями таких сфер, как правительство Японии, национальные исследовательские институты, университеты, исследовательские лаборатории промышленных компаний. Также должны привлекаться специалисты по планированию из ведущих фирм, руководители ряда малых и средних предприятий, предприниматели из сферы венчурного бизнеса, представители зарубежных научных кругов. Именно такая организационная схема, по мнению руководства «Мицуи», позволит правильно скоординировать весь круг междисциплинарных вопросов.

Что обещают нанотехнологии?

С конкретным содержанием наиболее актуальных в настоящее время исследований в области нанотехнологий можно ознакомиться, вновь обратившись к результатам последнего японского прогноза мирового инновационного развития. В этом прогнозе в отличие от всех предыдущих появился раздел, в котором содержатся результаты экспертного анализа тематики, относящейся к созданию нанотехнологий. Для удобства ознакомления с результатами прогнозирования эта тематика распределялась по подразделам, которым давалась краткая характеристика в плане их научной и экономической значимости. Ниже приведены названия подразделов, их краткие характеристики и в качестве примеров наиболее актуальные, по мнению японских экспертов, темы исследований и разработок в рамках каждого подраздела⁷.

³ National Nanotechnology Initiative. FY 2008 Budget & Highlights. Wash. DC, 2007, p. 3.

⁴ http://www.luxresearchinc.com/press/RELEASE_Nations_Ranking_2007.pdf

⁵ <http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2001/014.pdf>

⁶ Mitsui in Action. 2001, December, p. 2–5.

⁷ The 8-th Science and Technology Foresight Survey. Tokyo, 2005, p. 318–341.

Наноизмерения и наноанализ активно влияют на развитие научных дисциплин и экономическую деятельность. Лидируют США и Япония.

1. Система постоянного мониторинга и анализа состояния отдельных атомов и молекул.

2. Техника использования сканирующего датчика для анализа состава и количественных измерений в нанометровом масштабе.

3. Методы трехмерной микроскопии для исследования клеток и других мягких объектов.

Нанотехнологии в производственных процессах оказывают существенное и непрерывно возрастающее влияние на научную и экономическую сферы. Лидирует Япония.

1. Производственные технологии, обеспечивающие нанометровую точность обработки деталей.

2. Изготовление материалов с заданной на наноуровне структурой и свойствами, достигаемыми через самоорганизацию.

3. Дешевая и удобная технология объемной штамповки с нанометровой точностью.

Нанотехнологии для получения новых материалов и веществ. Научная актуальность и производственные перспективы аналогичны предыдущей позиции. Лидирует Япония.

1. Технологии синтеза макромолекул с использованием возобновляемых ресурсов вместо обычной нефтехимической переработки.

2. Технологии, позволяющие использовать органические, неорганические и металлические материалы на наноуровне.

Управление структурой материалов на наноуровне: по вкладу в науку и производство – полная аналогия с двумя предыдущими позициями. Лидирует Япония.

1. Сверхпроводники с точкой перехода на уровне комнатной температуры или выше.

2. Крупноформатные солнечные элементы из аморфного кремния с эффективностью преобразования энергии более 20%.

Наноприборы и сенсорные наноустройства. Работы в данной области оказывают заметное влияние на науку и быстро расширяют перспективы производства. Лидируют США и Япония.

1. Устройства и сенсоры, изготовленные с нанометровой точностью.

Нанозлектронномеханические системы по сравнению с предыдущими направлениями характеризуются несколько меньшим воздействием на науку и производство, но развиваются практически такими же темпами. Лидируют США и Япония.

1. Нанохирургические манипуляторы для биомолекул, позволяющие манипулировать ими, а также разрезать их, соединять и обрабатывать.

Нанотехнологии для сферы экологии и энергетики. Помимо быстро возрастающего влияния на науку и экономику приобретают боль-

шое социальное влияние, в частности, на качество жизни. Лидирует Япония.

1. Технологии получения водорода путем фотокаталитического разложения воды солнечным светом.

Нанобиологические устройства оказывают существенное и непрерывно возрастающее влияние на научную и экономическую сферы, еще больше их влияние на социальную сферу. Лидируют США.

1. Управляемые внешними сигналами наноустройства, доставляющие лекарства и гены в указанные клетки организма.

2. Диагностические системы на биочипах, позволяющие точно диагностировать риск возникновения раковых и иных серьезных заболеваний и в течение очень короткого времени получать информацию для назначения лечения.

Нанотехнологии и качество жизни. Пока умеренное, но возрастающее влияние как на науку и экономику, так и на социальную сферу. В обозримой перспективе обеспечат существенный прогресс в улучшении качества жизни и безопасности жизнедеятельности. Лидируют США и европейские страны.

1. Разработка и принятие стандартов безопасности для материалов и содержимого капсул в микросистемах доставки лекарственных веществ в заданные участки организма.

Сроки получения принципиально значимых решений, которые можно было бы положить в основу их последующего практического использования, для всей указанной тематики не очень близки (по оценкам японских экспертов, около 2015 г.). Что же касается их регулярного коммерческого использования, оно станет возможным спустя еще десять лет.

Нанотехнологии как трамплин для японских инноваций

Возникает вопрос – смогут ли нанотехнологии оказаться тем направлением инновационного развития, на котором Япония осуществит особо значимый прорыв и усилит свой имидж мирового научно-технического лидера? Сфера нанотехнологий достаточно широка, в ней формируется множество различных направлений: нанобиология, наноматериалы, наноэлектроника и др. Обнаруживается и широкий спектр их практических приложений – промышленность, энергетика, экология, медицина, и т. д. Особый интерес вызывают новые материалы, получаемые методами нанотехнологий и обладающие особыми физическими, химическими и биологическими свойствами. Это в свою очередь стимулирует развитие новых направлений в таких областях, как информатика и живые системы, а также открывает путь к созданию возобновляемых источников энергии и эффективных средств охраны окружающей среды. Естественно предположить, что японцы, чрезвычайно быстро ориенти-

рующиеся в современном технологическом пространстве, непременно сформируют здесь свою «нанотехнологическую» нишу.

Особо следует отметить постоянную готовность японской промышленности к освоению новейших научных и инженерных решений, в основе которой лежит отлаженность ее производственного аппарата и высочайшая квалификация ее кадров. Чтобы обеспечивать успешную коммерциализацию современных научно-технических достижений, он должен быть буквально «насыщен» высокопроизводительным, высокоточным и надежным оборудованием, средствами гибкой автоматизации, контрольно-диагностическими системами. В принципиальном плане это означает, что должна быть радикально преобразована вся технологическая система производства и в первую очередь – технические принципы, на которых основываются различного рода воздействия на материалы, вещества и компоненты производимой продукции. По-новому должна осуществляться и производственная реализация этих принципов – преимущественно на основе гибкой автоматизации и при минимуме ручного труда. Наконец, для обеспечения высокого качества продукции необходимо самое активное использование систем контроля параметров технологического процесса во избежание их отклонений от заданных величин. Все эти составляющие присутствуют сегодня в новейших видах технологического оборудования. Именно благодаря тому, что реализующий указанные принципы производственный аппарат создан как в Японии, так и во всех других индустриально развитых странах, все они могут уверенно и быстро осуществлять необходимые структурные преобразования в экономике.

Инновационная экономика предъявляет высокие требования к кадрам, так называемый «человеческий фактор» играет в ней ключевую роль. Исследуя роль личности в инновационном процессе, социологи приходят к выводу, что современные работники должны обладать весьма широким комплексом качеств, в числе которых стремление к новизне, готовность к энергичному преодолению препятствий, интерес к экспериментированию, способность к аргументированному обмену мнениями, умение принимать на себя ответственность. Говорить о том, что работники должны иметь высокую профессиональную подготовку, сегодня уже не приходится.

В Японии воспитанию работника такого типа уделяется самое серьезное внимание, причем, наибольшее значение здесь придают не индивидуальным, а коллективным «прорывам». Благодаря доскональному изучению мирового опыта организации труда и его умелому переносу на национальную почву на японских предприятиях удалось сформировать особую производственную культуру, стимулирующую моральный настрой на всестороннее повышение эффективности и качества, и внедрить систему, известную как TPM (Total Productive Maintenance). В ее

реализации постоянно участвуют все подразделения – производственные, инженерно-технические, управленческие, вплоть до службы сбыта продукции. Целевая установка формулируется не как общий призыв к повышению качества, а как достижение «нуля потерь», «нуля поломок», «нуля несчастных случаев», «нуля брака». И практически все работники вносят свой вклад в решение указанных задач.

Конечно, высокая скорость изменений в производственном аппарате и применяемых технологиях создает немало трудностей для работников, в значительной степени обесценивается прежнее, с годами накопленное мастерство, им приходится постоянно доучиваться и переоснаиваться. Однако японские компании, как правило, успешно справляются с этой проблемой, используя хорошо отработанные методики внутрифирменного обучения персонала. Поэтому серьезных ограничений, связанных с качеством рабочей силы и тормозящих инновационный процесс на этапе производства, в Японии нет.

Таким образом, Япония оказывается более чем подходящей страной для форсирования своего инновационного развития на основе нанотехнологических прорывов. Кроме того, поскольку она обладает высоким научно-техническим потенциалом, многие из этих прорывов, несомненно, будут осуществлены именно в Японии и обеспечат ей лидерство по целому ряду направлений.

Новые технологии и японское общество

Как в Японии воспринимается «нанотехнологический бум», и какие ожидания он вызывает? На этот вопрос отвечают результаты социологического исследования, выполненного по заданию Института комплексных проблем промышленных наук и технологий⁸. Причем респондентам предлагалось выразить свое отношение не только к нанотехнологиям, но и к другим направлениям научно-технического развития – использованию солнечной энергии, информационным технологиям, ядерной энергии, освоению космоса, геной инженерии и др. Самые большие надежды на улучшение условий жизни японцы связывают с освоением солнечной энергии (80,4% респондентов). Далее следуют информационные технологии (66,1%), Интернет (56,1%) и биотехнологии, включая геной инженерии (55,1%). Нанотехнологии занимают лишь следующую, пятую позицию (49,2%). Впрочем, космос и ядерная энергия обнаружили еще меньше приверженцев (соответственно 48,1% и 31%).

Вместе с тем, обращает на себя внимание и то, что возможность отрицательного влияния нанотехнологий признает лишь 2,9% респондентов. У биотехнологий и ядерной энергии их доля намного больше – соответственно, 14,9 и 26,9%. Наконец, особо нужно отметить, что именно на нанотехнологии приходится больше всего ответов об отсутствии у

⁸ Asia Pacific Nanotech Weekly. 2006, № 6, p. 2.

респондента надлежащих знаний для вынесения своей оценки (43,3%). Естественно предположить, что со времени проведения этого обследования (декабрь 2004 г.) уровень осведомленности японцев о нанотехнологиях существенно возрос благодаря их активной популяризации в японском обществе.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что научно-техническая стратегия Японии, построенная на тщательном выборе приоритетов, вполне отвечает задачам инновационного развития японского общества. Опираясь на эти приоритеты, уже в ближайшем будущем японцы смогут добиться значительных успехов в создании новых материалов на основе нанотехнологий, в нанотехнологиях для производственных и экологических целей, а также при реализации ряда биологических процессов на наноуровне. Весьма прочные позиции Япония будет занимать и в таких областях, как высокопроизводительные компьютерные системы, средства хранения и отображения информации, беспроводная техника связи, оптоэлектроника и фотоника. По-прежнему будут высоко котируются японские энергосберегающие технологии, системы переработки отходов, не загрязняющие окружающую среду, робототехника и многие другие научные и инженерные достижения.

Поскольку японцы уделяют большое внимание не только научно-техническим, но организационно-управленческим инновациям, можно ожидать, что они добьются заметных успехов и в этой сфере. Например, при разработке новых методов планирования, выполнения и оценки исследовательских проектов, а также в методологии прогнозирования рисков в страховой и финансовой деятельности.

Конечная цель, на достижение которой в Японии в настоящее время направляются основные усилия, состоит в том, чтобы сформировать более совершенную, значительно улучшенную в качественном плане модель инновационного развития с более выраженным креативным компонентом, что обеспечило бы стране сохранение прочных позиций среди лидеров мирового экономического развития.

Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы)

П. Ф. Воробьева

Общаясь, представители разных культур и этносов формируют друг о друге определенные представления – стереотипы, которые играют важную роль в межкультурной коммуникации¹. Интерпретация поведения представителей одной культуры представителями другой культуры во многом определяется стереотипными представлениями каждой из сторон друг о друге. Это – представления об образе жизни, обычаях, нравах, привычках, т. е. о системе этнокультурных свойств того или иного народа. Однако роль стереотипов неоднозначна. С одной стороны, они призваны смягчать культурный шок при взаимодействии представителей различных культур, но, с другой стороны, чрезмерное упование на стереотипные знания при коммуникации может привести к взаимному непониманию представителей других культур, вызвать раздражение, стать причиной формирования этнических предрассудков.

В 2007 г. на материале опроса было проведено исследование «Этнический стереотип²: стереотипные образы русского и японца», предметом которого является этнический гетеростереотип и его роль в межкультурной коммуникации. Объект исследования – стереотипные образы японца и русского в России и Японии соответственно и влияние данных образов на развитие отношений между двумя странами. В ходе исследования были составлены цельные стереотипные образы японца и русского в России и Японии (включающие в себя гетеростереотипные³ представления о внешности, характере и поведении и

¹ Стереотип – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации; это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего». *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.

² Этнический стереотип – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих тот или иной народ, этническую или национальную группу. *Нежурина-Кузничная Н. Ю.* Популярная этнопсихология. М., 2004, с.207.

³ Гетеростереотипы – совокупность оценочных суждений о других народах; такие суждения могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от историчес-

аффективную составляющую), рассмотрены основные этапы, факторы и возможные культурно-исторические предпосылки формирования данных образов в сознании жителей двух стран.

Динамика развития гетеростереотипов выявлялась на основании характеристик представителей обеих стран в литературе и фольклоре определенных периодов, анализа визуальных образов, представленных на военных плакатах. Поскольку развитие этнического стереотипа привязано к политической обстановке и событиям в отношениях между странами, а особенно к взгляду на данную обстановку и события, принятую в стране, история развития русско-японских отношений была рассмотрена с русской и японской стороны. Хотя не станем отрицать, что для продолжения исследования и составления более объективной (а именно более объективной с японской точки зрения) исторической ретроспективы, нам понадобится помощь японских коллег.

Для изучения этнического стереотипа в Японии и России были выбраны три метода: метод ассоциативного анкетирования, метод приписывания черт и метод анализа письменных текстов. Одной из основных причин, по которой данные методы были сочтены наиболее подходящими, является недоступность японских респондентов для личного общения и невозможность охватить большое количество респондентов. Выбранные методы позволили получить объективные данные, несмотря на удаленность опрашиваемой аудитории. Кроме того, опросная методика и методика анализа письменных текстов, позволяя изучать разные уровни стереотипной структуры, дополняют друг друга и помогают создать наиболее полный стереотипный образ.

Образы японца и Японии в России

Формирование стереотипного представления о японцах и Японии в России можно условно разделить на четыре этапа: 1) с первых контактов в XVII в. по вторую половину XIX в.; 2) с момента установления дипломатических отношений в 1855 г. до Русско-японской войны в 1905 г.; 3) с 1905 г. до распада Советского союза в 1992 г.; 4) современный период с 1992 по 2007 г. Мы считаем данное разделение истории формирования стереотипа обоснованным, так как на границах данных периодов находятся узловые исторические события, так или иначе повлиявшие на изменение стереотипа, его эмоционально-оценочной окрашенности или характер развития.

Стереотипное представление о Японии в России изменялось от образа дряхлого старца, прилежной ученицы, островной хищницы до образа

страны роботов или романтического образа страны гейш, самураев и ниндзя. Отношения изменялось подобно волне: от заинтересованного и покровительствующего до разочарованного и враждебного, затем напряженного и холодного и вновь заинтересованного.

Формирование стереотипа о далекой соседке началось со знакомства с переводами западных книг о Японии и случайных контактов с японскими моряками. Неизвестное и запретное порождает интерес, тем более в тот период Япония была закрыта для иностранцев, и «если Запад в середине XIX века был уже “открыт” и оценен русскими, то “открытие” Востока и Японии, в том числе, еще только начиналось»⁴.

Первые экспедиции к берегам Японии были благословлены императрицей Екатериной II уже в конце XVIII в., но дипломатические отношения удалось установить только в 1855 г., после подписания Симодского договора. Интерес к Японии возрос, а некоторые мифы более раннего периода, почерпнутые из западных книг и слухов, удалось развеять в личном общении с японцами.

В публикациях того времени рассуждения о Японии велись со свойственной России «имперской заботой старшей сестры». Новая соседка представлялась как новый плацдарм для развития и утверждения российского влияния. Открытие Японии русскими расценивалось как благодеяние просветителей в диком азиатском регионе.

Сильное влияние на формирование образа Японии в России в XIX в., сравнимое с популярностью и цитируемостью «Ветки сакуры» Овчинникова в XX в., оказали очерки, принадлежащие перу русского писателя И. А. Гончарова, который побывал в Японии в качестве секретаря экспедиции Путятина⁵.

В статье «Япония и японцы глазами русских (вторая половина XIX в.)» А. Штейнгауз отмечает, что она «в очерках Гончарова олицетворена в образе дряхлого старца. В ней все движется неохотно, японская жизнь идет черепашим шагом. Этот застой, вызванный изоляцией от внешнего мира, делал страну беспомощной, лишал японцев элементарных перспектив развития. Гончаров сравнивает японцев с детьми: как дети, они зачастую ленивы, непослушны, малообразованны, как дети они боятся всего нового, но и любопытны к нему. Как всем детям, им необходимо воспитание и твердая рука взрослых. Весьма показательно, что в роли учителей, «старших» автор видит представителей европейских стран. Причем писатель надеялся, что эту роль выполнит Россия, и не хотел для Японии таких «старших», как «хитрые, неугомонные промышленники американцы»⁶.

кого опыта взаимодействия данных народов. *Нежурина-Кузничная Н. Ю.* Популярная этнопсихология, с.217. Гетеростереотипы нередко связаны с преувеличением негативных качеств отдельных представителей другого этноса и переносом их на всех представителей данного этноса. Также являются источником этнических предрассудков.

⁴ Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и др. М., 2005, с.23.

⁵ Гончаров А. И. Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 гг. М., 1986.

⁶ Там же, с.260, 263.

Необходимость расширения связей с Японией пропагандировалась некоторыми печатными изданиями еще и потому, что японский народ «без сомнения, в непродолжительном времени приобретет на Востоке то преобладающее влияние, на которое дает им право как их предприимчивость, так и то лихорадочное нетерпение, с которым они спешат воспользоваться плодами европейской цивилизации»⁷.

Однако в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. положительный образ любознательной Японии-ученицы начал изменяться, поскольку с точки зрения России она стала все больше стремиться к политической и культурной самостоятельности. На самом деле, завершив бурный период знакомства с северным соседом, Япония продолжила свой путь, на котором встретился еще один интересный партнер – США. Геополитическая ревность и обманутые ожидания покровителя вызывали в России недовольство действиями Японии, которые расценивались как манифестации неуважения, самоуверенности и наглости.

У российского общества слова «Япония», «японец» стали вызывать, во-первых, ощущение угрозы, которую представляла собой стремительная модернизация Японии и ее возможное превращение во влиятельный и грозный центр азиатского мира; во-вторых, чувства пренебрежения и скепсиса, возникшие из-за предубеждения, что японский народ неспособен самостоятельно развиваться.

Эти нарастающие негативные представления о Японии преобладали в русском обществе до начала XX в. и в некоторой степени послужили катализатором военных столкновений в тот период. Круг замкнулся – война усугубила отрицательное отношение русского общества к Японии и японцам. На военных плакатах во время русско-японской войны трудолюбивые и любознательные японцы изображались как жалкие озлобленные карлики, пытающиеся сражаться с доблестным былинным богатырем на белом коне – Россией.

Пришедший на смену Российской империи Советский Союз не избавился от старых стереотипов. По мере того как активность и влияние Японии на Дальнем Востоке возрастали, отношение к ней становилось все более сложным и неоднозначным, появился образ Японии как острой хищницы.

Во вторую половину XX в. российское общество вступило с негативным представлением о японском народе, основанном на впечатлениях от неоднократных политических конфликтов и военных столкновений, но на этот раз Япония была побежденной, а значит, не опасной, и на время о ней забыли.

Застой в российско-японских дипломатических отношениях в послевоенный период, восприятие Японии как побежденного, а следовательно, неопасного соседа, погруженность в решение внутренних про-

блем, отсутствие мотивации и стремления к преодолению трений, некоторая культурная обособленность России и Японии послужили причиной исчезновения взаимного интереса у народов и к появлению взаимного равнодушия. В свою очередь равнодушие стало основной предпосылкой к «стиранию», «растворению» негативных черт стереотипа, наболевших предрассудков. Таким образом, был создан «чистый лист», на котором можно было «написать» новый положительный образ японца.

После окончания второй мировой войны как Россия, так и Япония оказались в тяжелейших экономических условиях. Цель у обеих стран была одна: восстановиться и развиваться. Обделенная многими важными природными ресурсами Япония уже к концу 60-х годов по объему валового национального продукта заняла второе место в мире среди экономически развитых стран. Произошло знаменитое экономическое чудо. Советское общество, решавшее схожие проблемы, не могло не заинтересоваться столь скорым и головокружительным успехом соседа.

В 1970 г. была опубликована книга В.Овчинникова «Ветка сакуры», ставшая фундаментом для интереса к Японии не как к старому врагу и «непотопляемому авианосцу» США, а как к живописной стране с тонкой и интересной культурой. Появились и стали широко известны первые стереотипы-символы «японской экзотики»: «гейша», «самурай», «кимоно», «сакура», «хокку», «Фудзияма», «сакэ», «харакири», «сумо», «бонсай», «икэбана», «оригами».

Последняя декада XX в. была отмечена медленным сближением двух стран. Более не представляющие друг для друга опасности, но важные и интересные в экономическом плане страны-соседи словно ощущивали друг друга осторожными дипломатическими решениями.

Но самый большой рывок навстречу Японии был совершен не в области политики и экономики, а в социально-культурной сфере. «Ветка сакуры», первые японские радиоприемники в 80-е годы, «второе открытие» Японии с распадом СССР, первые японские анимационные сериалы по центральным телеканалам и японские игрушки стали толчком для образования к концу 90-х годов XX в. огромного цунами, которое если не набирает высоту, то пока и не теряет своей силы – цунами японской культуры, или японский бум в России.

По результатам опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2001 г., россияне относятся к Японии в целом доброжелательно: 47% – хорошо, и только 6% – плохо. Впрочем, 43% опрошенных заявляют о своем безразличии к стране восходящего солнца.

Современный образ Японии в России

В проведенном нами опросе принимало участие 60 граждан России. По возрасту: 15–25 лет (22 человека, 36%), 26–35 лет (15 человек, 25%), 36–50 лет (12 человек, 20%), 50–90 (11 человек, 19%). По поло-

⁷ Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и др., с. 251.

вому признаку: 34 мужчины (56%) и 26 женщин (44%). По регионам: европейская часть России (Москва, Санкт-Петербург, Калининград) – 14 человек (23%); Восточная Сибирь (Красноярск, города Красноярского края, Новосибирск) – 26 человек (43%); Приморский край (Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Находка, Уссурийск, Корсаков) – 20 человек (34%). Большинство респондентов никогда не посещало Японии и не имеет знакомых в этой стране, но некоторые из них случайно встречались с японцами или могли наблюдать их в России.

На современном этапе Япония для России – это интересная, экзотическая, живописная страна. В качестве узнаваемых символов Японии служат различные культуронимы, или колоритные слова.

Например, среди названий суси-баров и японских ресторанов в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске и Владивостоке встречаются слова, относящиеся к живописному образу Японии, но редко относящиеся к еде: «Банзай», «Жемчуг», «Император», «Кабуки», «Киото», «Манга-бар», «Нэцкэ», «Оригами», «Осака», «Примерное поведение», «Рис», «Сад камней», «Сакура», «Сёгун», «Семь Самураев», «Токио», «Фудзи», «Фудзияма», «Цунами», «Эдо», «Якудза». Иногда встречаются японские названия или бессмысленные слова, похожие на японские: «Wasabi», «Васаби-ко», «Васёку», «Дядя Мо», «Митами», «Нэко», «Окономиякия Васёку», «Сагами», «Сусия», «Суши Махи», «Суши-house», «Тайхео», «Такешии», «Хина Масури», «Юмэ», «Якитория», «Яматория», «Янаги». Также встречаются каламбуры, обыгрывающие японские слова: «Суши ласты», «Сушилка», «Sukawati». Есть даже рестораны, названные русскими эвфемизированными инвективами «Японский городской», «Японский бог» и «Япона-мать», а также пренебрежительным «Япошка».

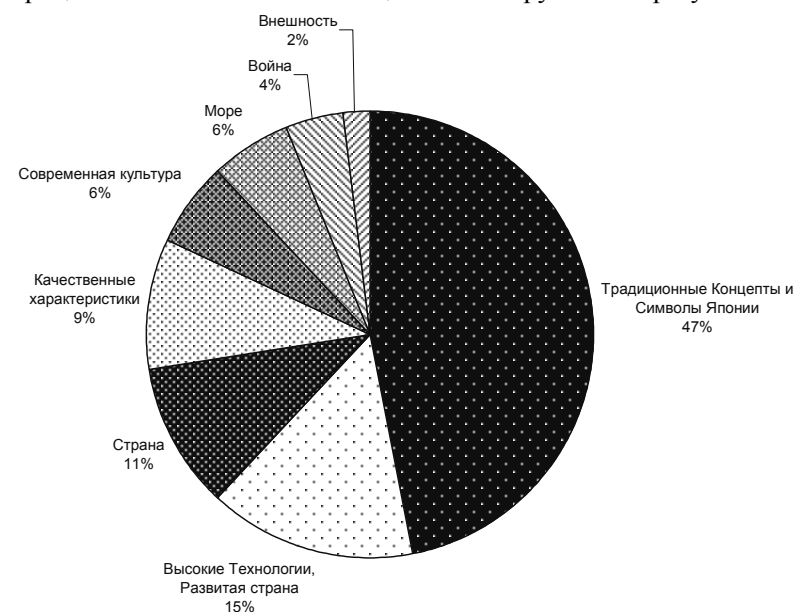
На основании результатов проведенного нами опроса была составлена диаграмма ассоциаций с образом Японии, представленная ниже:

Наиболее многочисленна ассоциативная группа **«Традиционные концепты и Символы Японии»**. К данной группе относятся 47% ассоциаций опрошенных, среди них: Гейша, Самурай, Кимоно, Сакура, Хокку, Меч, Единоборства, Фудзияма, Сакэ, Харакири, Сумо, Бонсай, Икэбана, Васаби, Якудза, Чай, Сад, Суси, Бусидо, Онсэн, Оригами, Рис, Иероглифы, Красный круг, Восходящее Солнце, Иена.

На втором месте группа **«Высокие Технологии, Развитая Страна»** (15%). К данной группе относятся следующие ассоциации: Машины, Компьютеры, Роботы, Электроника, Робототехника, Точная Оптика, Самая-Самая Техника; Небоскребы, Урбанизация, Акихабара, Синкансэн; Автомобили. Кроме того, респондентами часто упоминаются названия японских фирм и их линий продукции: Philips, Toshiba, Toyota. Примечательно, что несколько раз упоминались словосочетания «промышленный шпионаж» и «воруют русские идеи», «умело используют русскую научную мысль».

Диаграмма №1.

Процентное соотношение ассоциативных групп по образу Японии

Третье место занимает группа **«Страна»** (11%), к которой были отнесены характеристики Японии, как государства, географического объекта. В данную группу были включены следующие ассоциации: Островное государство, Токио, Японцы и Японки, Дорогая страна, Теснота и Компактность, Стихийные бедствия (Землетрясения, Цунами), Природа.

Группа **«Качественные характеристика»** (9%) включает в себя абстрактные существительные, которые, так или иначе, характеризуют Японию и японский народ качественно: надежность, качество, порядок, чистота, аккуратность, упорство, честь, ум, сдержанность, размеренность, спокойствие, пунктуальность, ответственность, терпение, трудолюбие, традиционность.

Группа **«Современная культура»** (6%) включает в себя новые культурные явления из Японии, ставшие популярными недавно: анимэ, Мураками Харуки, Миядзаки Хаяо, Ёсимото Банана.

Группа **«Море»** (6%) содержит те ассоциации, которые по смежности можно отнести к морю, океану: Рыба, Морепродукты, Море, Флот.

К группе **«Война»** были отнесены ассоциации, связанные со второй мировой войной: Хиросима, Нагасаки, атомная бомба, Перл-Харбор, Камикадзе. Следует отметить, что хотя эта группа и представлена на

диаграмме, она достаточно малочисленна по сравнению с остальными. В настоящее время Япония проводит политику мирного государства.

Последняя группа «**Внешность**» включает в себя следующие ассоциации: узкие глаза, маленький рост, белое лицо, маленькая ножка.

По полученным данным можно составить стереотипный образ Японии в России.

Япония (или Страна Восходящего Солнца) – это маленькая островная страна, окруженная морями и океанами. Все там очень тесно и компактно: маленькие японцы ютятся в маленьких домиках вместе с маленькой собачкой Айбо, сочиняют маленькие стишки *хайку*, едят маленькие *суси* с *васаби* и очень любят природу, потому что ее тоже мало. Еще в Японии не очень спокойно: там то землетрясение, то цунами. Где-то в Японии есть гора Фудзи, окруженная рисовыми полями и высокими небоскребами. С одной стороны, Япония страна традиционная, со старинной культурой – там есть император, который правит страной, гейши, которые занимаются икэбаной, чайной церемонией, складывают оригами и выращивают *бонсай*, и самураи, которые пьют сакэ, умело управляют с катаной, соблюдают кодекс воина и занимаются единоборствами. С другой стороны, в Японии повсюду роботы, заводами управляют компьютеры, и даже самые простые вещи напичканы электроникой. По стране курсируют поезда-пули, а японцы ездят на новеньких «Тойотах» и «Хондах». Именно в Японии делают самую лучшую бытовую технику и постоянно что-то изобретают. Но все там очень дорого, поэтому бедные японцы работают с утра до вечера, и им это даже нравится. Японцы любят снимать жестокое кино про якудзу (режиссер Китано Такеши), у них отлично получается рисовать красивое *анимэ* (например, Миядзаки Хаяо) и глупое *анимэ* (например, про покемонов; кстати, *хэнтай* придумали тоже они) и писать книги (у них есть два Мураками, один Харуки, а второй, кажется, Рю; и Мисима Юкио). Самые известные города Японии, пожалуй, Токио (столица Японии), Нагано (там была зимняя олимпиада), Хиросима и Нагасаки (туда американцы сбросили атомные бомбы) и Тояма (оттуда привозят японские машины и там много русских).

Таким образом, Япония для жителей России – это, прежде всего, восточная сказка; страна, обладающая странной, необычной культурой. Япония – это также развитая страна, страна экономического чуда и новейших технологий, которая может служить ориентиром и примером для развития России. В последнюю очередь, Япония – это прошлый противник, участник войн с Россией.

Современный образ японца в России

Современный стереотипный образ японца был выявлен по результатам ассоциативного анкетирования и анкетирования по методу при-

писывания черт. Метод ассоциативного анкетирования показал, что наибольшее число опрошенных считают японцев умными (93%) и трудолюбивыми (89%).

Примечательно, что респонденты особое внимание уделяют внешности японцев – неизменному ядру гетеростереотипа. Здесь можно выделить ряд основных черт: низкорослые, черноволосые, узкоглазые, одинаковые, улыбчивые, здоровые и спортивные. Некоторые отмечают, что японцы некрасивы и непривлекательны, другие, наоборот, утверждают, что японцы своеобразно красивы, симпатичны и привлекательны.

Полученные ассоциативные ответы можно разделить на несколько групп: а) внешность и физические качества; б) характер и личные качества; в) поведение.

Для первой группы на основе полученных ответов можно составить следующий портрет: японцы маленького роста, спортивного телосложения, с желтой кожей, узкими глазами и густыми черными волосами. Все японцы одинаковые и очень похожи на китайцев.

Ассоциации, представленные во второй группе, описывают характер и личные качества стереотипного японца. На основе данных ассоциаций можно составить такое описание характера.

Японцы очень трудолюбивые. Они настолько исполнительные, добросовестные и ответственные, что костыми лягут ради выполнения огромных объемов работы в срок и ни секундой позже. Японцы очень прилежные, аккуратные и педантичные: никогда не пропустят ни одной детали и все сделают в наилучшем виде. Японцы умные. Каждый день они что-нибудь изобретают – иногда полезное, а иногда дурацкое. Японцы очень вежливые, они почтительны со старшими и все время друг другу кланяются. С японского лица никогда не сходит улыбка потому, что это вежливо. Они никогда не выражают свои истинные переживания, очень сдержанные и замкнутые. Из-за этой улыбки, а иногда и непроницаемого выражения узких японских глаз, невозможно понять, что у них на уме. Они хитрые и коварные, а еще лицемерные – из вежливости будут улыбаться, даже если люто кого-то ненавидят. А люто ненавидеть они умеют, судя по кровавым, жестоким фильмам о японской мафии.

В третьей группе представлены ассоциации, описывающие стереотипную модель поведения японца, его привычки.

По мнению русских, японцы любят сосредоточенно работать, много работать, слушать дурацкую музыку, пить сакэ, писать стишки, делать бумажных журавликов; японцы не любят много говорить, бессмысленно проводить время.

Для того чтобы выяснить стереотипный образ поведения японца, участникам опроса было также предложено продолжить фразы «Японцы всегда...» и «Японцы никогда...».

Японцы всегда работают, кланяются, извиняются, улыбаются, едят рис, кланчат острова, встают рано утром, уважают старших, пользуются роботами, ходят в деловых костюмах, держат свое слово, шумят на улицах, уходят от прямого ответа, скрывают настоящие чувства, четко различают своих и чужих, выживают после цунами и землетрясений, целыми днями смотрят *анимэ*, играют в Playstation, ездят на метро, живут в Токио.

Японцы никогда не болеют, не прогуливают, не ошибаются, не лентяйствуют, не отдыхают, не нарушают законы, не хамят, не используют время нерационально, не смотрят в глаза, не жалуются, не пойдут против воли коллектива, ничего не забывают.

Японцы не умеют отдыхать, уступать, писать от руки.

Японцы умеют все; при минимуме имеющихся средств достичь максимума эффекта.

Также респондентам было предложено завершить фразу «Мне непонятно, почему японцы...».

Мне непонятно, почему японцы все еще выпрашивают у нас острова; так много работают; такие тихие и скрытные; любят караоке; японские мужчины с ума сходят по малолетним школьницам; пытаются всем угодить; так любят есть рыбу сырой; не строят теплые дома и греются керосином; пресмыкаются перед американцами; рисуют в *анимэ* большие глаза.

Современное стереотипное представление о японце в России положительное. Наиболее идеализирован образ японца в европейской части России, среди тех, кто незнаком с культурой Японии, и среди молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет. Образ японца у жителей Москвы и Санкт-Петербурга, жителей Сибири, представителей послевоенного поколения и тех, кто имеет друзей в Японии, сбалансировано, обладает как положительными, так и негативными чертами. Негативно окрашен образ японца у жителей Дальнего Востока, представителей старшего поколения и тех, кто кратко пребывал в Японии. Данные различия в трактовке образа по шкале «хороший-плохой» можно объяснить исторической памятью народа, интенсивностью контактов с японцами, доступностью информации о Японии в разные периоды времени, а также наличием возможности и желания переосмыслить изменяющийся образ японца после непосредственной коммуникации с японцами.

Образ России и русского в Японии

По мнению Д. В. Стрельцова, «нельзя не признать, что в основе страха японцев перед Россией лежат и реальные исторические события, в которых северный сосед вел себя не всегда корректно по отношению к Японии»⁸.

⁸ Стрельцов Д. В. Образ России в современной Японии: факторы формирования. – Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004.

Как известно, на протяжении почти 300 лет Япония была закрытой страной; ее контакты с иностранцами были весьма избирательными.

В начале XVIII в. ученый Араи Хакусэки в сочинении «Записи о Европе» (*Сэй Кибун*) писал о России так: «Московия находится на северо-востоке Европы. В зимнее время там намерзает лед толщиной в *дзё* (3,03 м)...»⁹. Эти сведения Араи получил от христианского миссионера Сидотти. После возвращения на родину морехода Дайкокуя Кодаю образ России стал более точным и конкретным. Когда сообщил, что в России очень холодно, но снега «не так много. В городе и пригороде глубина снега 7–8 сун (1 сун = 3,03 см), по крайней мере 1 сяку (=30,3 см)»¹⁰. Так еще в XVIII в. начал утверждаться миф о холодной и снежной России, вылившийся в то, что во время первой неформальной встречи японцы почти всегда спрашивают у русских: «Вы из России? Там холодно?».

Формирование образа северного соседа началось с опасений и недоверия. В 1765 г. венгр и польский полковник Мориц Август Бенёвский, сосланный на Камчатку, направил японским властям письмо, в котором утверждал, что Россия готовится напасть на Японию¹¹, что на одном из ближайших к Камчатке островов строится крепость, и к побережью Японии отправлены корабли для того, чтобы разведать перспективы нападения на Хоккайдо.

Примерно в это время в Японии появилась поговорка, обыгрывающая сходные по звучанию слова, «*Oroshia wa osoroshii*», что означает «угрожающая Россия». Вероятно, именно эта пословица является первым свидетельством закрепления в японском сознании образа «Угроза с севера».

В статье «Россия как миф» Юлия Михайлова анализирует упоминания России в японских книгах того периода: «В 1787 г. Хаяси Сихэй, самурай княжества Сэндай, написал книгу “Военные беседы о морской обороне” (“Кайкоку хэйдан”), в которой он первым врагом Японии рассматривал Китай, а вторым – Россию. Предупредив об опасности территориальной экспансии России на юг, в сторону Японии, Хаяси разъяснял важность обороны страны с моря.

Наиболее подробное описание России и свои рассуждения по поводу ее политики в отношении Японии изложил Кудо Хэйсукэ в книге “Рассуждения по поводу слухов о красных варварах” (“Акаэдзо фусэтцу ко”, 1783). Кудо опроверг домыслы Бенёвского и доказал, что Россия заинтересована не в войне, а в торговле и установлении дипломатических отношений с Японией»¹².

⁹ См.: Накамура Ё. Ознакомление Японии с русской и советской культурой. 2005 — http://russia-japan.nm.ru/nakamura_03.htm

¹⁰ Там же.

¹¹ Михайлова Ю. Н. Россия как миф. – Родина. 2005, № 10.

¹² Там же.

После первых встреч с русскими в порту Нагасаки в японском языке закрепилась звукоподражательная единица – «gosuke» от слова «русские». В современном японском языке эта единица имеет отрицательную пренебрежительную коннотацию.

Каждый японовед и многие японцы помнят имена лейтенанта Давыдова и мичмана Хвостова, предпринявших в 1807 г. грабительские вылазки на японские фактории на Курильских островах¹³.

По мнению Кимура Хироси, «воздействие этого инцидента было настолько велико, что его нельзя оставить незамеченным. Он привел к росту русофобии».

До этих событий русских, пришедших с севера через Хоккайдо или Курильские острова, в Японии также называли «akahito» («красные люди») или «akaezo» («красные северные варвары») из-за того, что те были розовощекими и носили лисьи шубы. С 1807 г. фамилии Хвостова и Давыдова на слуху в Японии как символы жестокости, пиратства и воровства. Кроме того, русских стали называть «akaoni» («красные демоны»). Следует отметить, что в отличие от слов «akahito» и «akaezo», которые были новыми словами для японского языка, слово «akaoni» лишь приобрело дополнительное значение «русские». Изначально в японской мифологии красный демон – akaoni – это демон, приносящий такие болезни как оспа, скарлатина или корь, а также демон, похищающий детей. Обычно демон изображался как огромное страшное человекоподобное существо красного цвета с острыми когтями и клыками, длинными косматыми волосами и рогами на голове. В XIX в. стала ключевым моментом, когда образ России стал постепенно меняться в лучшую сторону, благодаря деликатной политике русской дипломатии, политическим и экономическому сотрудничеству двух стран и возросшему культурному обмену между Россией и Японией. Такое изменение отражает одно из свойств стереотипа: многие стереотипы разрушаются при интенсивном взаимодействии между народами или наоборот создаются при редких межкультурных контактах.

Как отмечал Акидзуки Тосиюки, «в период Эдо русские зачастую представлялись японцам гораздо более привлекательными, чем другие иностранцы, например, англичане или голландцы. Англичане казались «нечестными и своекорыстными», тогда как русские «благородными и щедрыми аристократами». Многим японцам даже казалось, что методы освоения русскими Сибири несут пользу и просвещение туземным народам и их должно брать как пример, не говоря уже о том, что многие мыслители, к примеру, Сакума Сёдзан и Ёкои Сёнан, обращаясь к изу-

чению истории России, однозначно видели в политике реформ Петра I образец для подражания¹⁴.

Из-за обострившейся геополитической ситуации отношение к России стало портиться в конце XIX в. Когда в 1898 г. Порт-Артур стал русским портом, Япония восприняла происшедшее, как тяжелый и оскорбительный геополитический удар: «Когда Россия присвоила себе преимущества и территории Манчжурии, от которых Япония была вынуждена отказаться, это больно отзывалось в сердцах японцев»¹⁵.

В 1903 г. в Японии было образовано антироссийское общество Тайро досикай (Антироссийское сообщество), которое проводило пропаганду, заставлявшую японское общество уверовать в необходимость войны с Россией и разжигавшую неприязнь, ненависть по отношению к русским.

«Большинство японцев не знали всей правды о потерях, понесенных войсками в Манчжурии. Источником информации для них служили известия о победах в Цусимском проливе, Порт-Артуре и Мукдене. Поэтому у среднего японца выработались несоразмерные ожидания, связанные с войной: будто бы Япония может претендовать на большую часть российской Сибири или, по крайней мере, на все ее тихоокеанское побережье»¹⁶.

Как известно, образы военного времени выражают враждебные чувства, ненависть, презрение. В сатирических журналах того времени появилось множество карикатур, изображавших русских трусами, ворами, пьяницами и сластолюбцами.

На японских карикатурах времен русско-японской войны Россия часто изображалась как опасное, агрессивное животное: осьминог, орел, тигр, медведь. «Наша нация должна наказать русского медведя и защитить свои позиции в Корее. ... Интеллектуалы также призывали дать русскому царю по рукам»¹⁷. А плакат «Юмористическое изображение дипломатических связей в Евразии» был призван показать истинную природу и империалистические намерения России, дипломатические щупальца которой, как щупальца огромного красного осьминога, захватывают все большее число стран.

Часто Россию изображали поверженной и осмеянной японскими солдатами или эпическими силачами.

Несмотря на разжигание ненависти к России, число приверженцев православной церкви среди японцев в годы русско-японской войны увеличилось. Кроме того, православная миссия в Японии помогала русским военнопленным. Под руководством епископа Николая право-

¹³ Стрельцов Д. В. Образ России в современной Японии: факторы формирования. – Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии, с. 82.

¹⁴ Михайлова Ю. Н. Россия как миф. – Родина. 2005, № 10.

¹⁵ Макс-Клейн Джеймс Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М., 2006.

¹⁶ Там же, с. 143.

¹⁷ Там же.

славные японцы образовали целое общество с целью духовного утешения военнопленных. Японское правительство утвердило устав общества, оно стало известно. Даже неверующие японцы помогали ему денежными взносами.

Итак, можно говорить о неустойчивости образа России и русского в Японии на этапе становления стереотипа. Первичный образ был образом угрозы и недоверия, однако сначала он не закрепился в сознании японского народа, так как был мифологизирован, не был основан на собственном опыте, т. е. был получен из третьих рук – через европейцев. Следующим этапом развития образа России и русского стало развенчание многих стереотипных черт, приобретенных им в предшествующий период, и приобретение черт положительных, что было обусловлено установлением дипломатических отношений между странами, углублением культурного обмена и расширением контактов друг с другом. В начале XX в. образ России вновь претерпел негативные изменения, связанные с переменой в политических отношениях между странами. На данном этапе значительную роль в утверждении, распространении и закреплении образа коварной России играла пропаганда, намеренно проводимая японскими СМИ. Кроме того, был возрожден и гиперболизирован первичный образ России как «угрозы с Севера». Особенностью данного периода является то, что на фоне политической напряженности и охлаждения отношений, Россия продолжала привлекать Японию в культурном плане.

В XX в. Россия стала единственной страной, с которой Япония четырежды вела военные действия. Россия по сей день остается единственной страной, с которой у Японии не подписан мирный договор после окончания второй мировой войны¹⁸.

Революция 1917 г. в России была крупным событием, которое стало поворотным пунктом, в корне изменившим отношение японцев к России. Советская власть провозгласила возвышенные идеалы, чтобы осуществить идеи равенства и справедливости в обществе без классовой дискриминации. С одной стороны, они имели нечто общее с гуманизмом, который свойствен классике русской литературы. Не удивительно, что молодое поколение японцев, которое остро чувствовало неравенство в обществе, прониклось симпатией к советскому строю¹⁹.

В автобиографии «Сделано в Японии» основатель компании «Sony» Морита Акио пишет: «В 1934 г. у нас ввели военное обучение – два часа в неделю. В течение всех этих лет в нас воспитывали отношение к СССР как к потенциальному врагу и твердили о возможности войны с Советским Союзом. Нас учили, что коммунизм очень опасен и что

Япония вступила на территорию Манчжурии, чтобы обезопасить границы и создать буферную зону для защиты Японии от коммунистов»²⁰.

Опросы общественного мнения, проводившиеся в Японии на протяжении 1960–1985 гг., свидетельствовали, что у большинства японцев устойчиво сохранялось негативное отношение к Советскому Союзу. Многие из них склонны были считать русских вероломными, хитрыми, «не вызывающими доверие и хмурыми», а саму страну воспринимали как «мрачную угрозу с севера»²¹.

Таким образом, печальные события XX в.: неоднократные войны, нарушение СССР пакта о нейтралитете 12 апреля 1941 г., захват японских военнопленных, «захват» северных территорий – стали лишь поводом для воспитания устойчивого негативного отношения к России и русским, как к потенциальным врагам, что было продиктовано политической периодом холодной войны и подано как закономерная реакция на серию оскорблений и обид, нанесенных Японии.

Пока Советский Союз оставался сильной мировой державой, разрабатывавшей наукоемкие технологии и игравшей значительную роль в мировой политике, в Японии его уважали, несмотря на разницу в идеологии и политических курсах, испытывали интерес, как к научным работам, так и к научному и торговому сотрудничеству.

Каково же современное состояние стереотипа? В ходе опросов общественного мнения граждан Японии, проведенного Сектором информации при секретариате кабинета министров и министерством иностранных дел в 2001–2002 гг., 77,7% японцев заявили, что они «почти не испытывают» (45,4%) или «совсем не испытывают» (32,3%) симпатии к России²².

К сожалению, на данный момент в формировании и внедрении образа России и русских Япония главным образом опирается на американские и европейские СМИ, часто впитывая версии событий, негативно интерпретированные западными странами, выставляющими Россию в невыгодном свете, как страну, проводящую жесткую политику и часто прибегающую к обманам и нечестным путям для достижения своих целей.

Например, после скандала с отравлением А. Литвиненко в декабре 2006 г. японцы стали ассоциировать Россию с «ядом» или «убийством ядом», «намеренным отравлением».

Теперь каламбуры, обыгрывающие характер русских или русские слова, можно найти в Интернете и в рекламе. Недавно мы нашли в Интернете следующий каламбур: «Roshia no koroshia osoroshiya» («Рос-

²⁰ Морита Акио. Сделано в Японии. М., 2006, с. 36.

²¹ Михайлова Ю. Д. Россия как миф, с. 13.

²² Накамура Ё. Ознакомление Японии с русской и советской культурой. – http://russia-japan.nm.ru/nakamura_03.htm

¹⁸ Михайлова Ю. Д. Россия как миф. – Родина. 2005, № 10.

¹⁹ Иноуэ Нахо. Взаимные образы русских и японцев. – Вестник Евразии. 2004, № 1.

сийские наемные убийцы страшны»). Это, по существу, новая версия известного старого каламбура, упомянутого нами выше.

По нашему мнению, образ России и русского в Японии за этот короткий период почти не изменился содержательно, но стал менее интенсивным. По сравнению с 60-ми годами XX в., сейчас меньший процент японцев может четко сказать, что испытывает к России негативные чувства. Большинству японцев Россия безразлична.

В силу процессов глобализации русского в Японии стало больше, как очевидно следует из примеров, приведенных выше. Однако интерес к культуре России ослаб. В Японии по-прежнему популярна классическая русская культура среди представителей старшего поколения.

Когда с мировой политико-экономической сцены сошел Советский Союз, интерес к России, так же как и уважение к нашей стране, у японцев почти пропал. Россия не так опасна и угрожающа как раньше, поэтому неинтересна. Большинство рассматривает Россию как страну, располагающую богатыми запасами ресурсов, что может быть интересно для Японии как для ближайшего соседа с экономической точки зрения.

Современный образ России в Японии

Для выявления содержания этнического гетеростереотипа России и русского в Японии нами был проведен анкетирование. Участники опроса должны были указать ассоциации, связанные с Россией, характером и образом русских людей.

В опросе принимало участие 30 граждан Японии, постоянно проживающих в разных районах страны. По возрасту респондентов можно разделить на три группы: от 20 до 35 лет (6 человек, 20%), от 36 до 60 (20 человек, 67%), от 61 до 90 лет (4 человека, 13%). По половому признаку: 21 мужчина (70%) и 9 женщин (30%). Большинство респондентов никогда не бывали в России, остальные бывали во время непродолжительных, часто однократных, туристических поездок. Значительная доля респондентов не имеет знакомых россиян и встречалась с ними случайно; остальные имеют знакомых в России и иногда общаются с ними через Интернет или по почте.

По результатам проведенного опроса можно выделить наиболее яркие символы, ассоциируемые с Россией. Среди них такие, как холод, мороз, водка, Путин, северные территории, освоение космоса, балет, большая страна, Кремль, СССР.

По семантическому признаку полученные ассоциативные ответы об образе России можно разделить на несколько групп: «Страна», «Живописная Россия», «Имена и названия», «Технология и наука», «Политика».

Наиболее многочисленна ассоциативная группа «*Страна*». К данной группе относятся 33% ассоциаций опрошенных, среди них слова, описывающие Россию как страну с определенным климатом, геогра-

фическими особенностями и характеристиками: холод, большая территория, тайга, снег, деревня, глушь, ресурсы, многонациональность, медведи, северный олень, Сибирь, мамонты, казаки, темно, страшно.

Диаграмма 2

Процентное соотношение ассоциативных групп по образу России

Вторая по величине группа «Живописная Россия», содержащая ассоциации, связанные с искусством, культурой и религией России: православие, балет, Чайковский, Толстой, романсы, Анна Каренина, театр, пирожки, икра, водка.

Следующая группа «Имена и названия» включает в себя имена известных российских и советских деятелей разных эпох, а также названия достопримечательностей и городов: Путин (упомянуло 80% опрошенных), СССР, Чернобыль, Горбачев, Санкт-Петербург, Сталин, Москва, Красная площадь, Эрмитаж, Транссибирская магистраль.

Группа «Технология и наука» составила 15% от общего числа ассоциаций. В данную группу входят слова и названия, связанные с наукой, развитием технологий, созданием оружия: исследования космоса, разведка, ядерное оружие, автомат Калашникова, или АК-47, авиация.

Последняя группа «Политика» (7%) включает в себя ассоциации, связанные с внешней политикой России, мировыми событиями, в которых Россия участвовала или внутренние события, повлиявшие на мировое сообщество: северные территории (70% респондентов), русско-японские войны, убийство ядом (отсутствует в опросах до декабря 2006 г., наличествует в 40% анкет после данной даты), вторая мировая война.

Ниже представляем современный образ России в соответствии с ассоциативным опросом.

Россия (или совсем недавно СССР) – это большая богатая ресурсами страна, территория которой покрыта заснеженной тайгой, иногда тундрой; пересечь эти земли можно по Транссибирской магистрали. На просторах страны живут северные олени, медведи и когда-то жило много мамонтов. В России холодно, темно и страшно, особенно в Сибири. Большая часть этой страны – глушь и деревня, но есть три знаменитых города – Москва, столица России (там Красная площадь), Санкт-Петербург, средоточие русского искусства (там Эрмитаж), и Чернобыль, город в котором произошла та самая ужасная авария. Народ в России многонациональный, и еще там есть казаки. Русская кухня известна на весь мир, но больше всего русские любят водку, пирожки и икру, а еще петь романсы. Если говорить о знаменитых русских, то это, конечно же, Путин, а уже потом Горбачев и Сталин – правители, затем писатель Толстой, который написал Анну Каренину, и композитор Чайковский, который написал музыку для балета, Гагарин, первый человек в космосе. В чем русские хорошо преуспели, так это в исследовании космоса, разведке, авиации и создании оружия, например, атомной бомбы или автомата Калашникова. Политика России не самая дружелюбная: сначала русско-японская война, затем вторая мировая война, еще Россия не отдает нам северные территории, а недавно они обвинили какого-то дяденьку в предательстве и отравили его ядом.

Таким образом, Россия – это дикая, неизведанная и неизвестная страна, образ которой туманен и лишен деталей. Россия – это страна искусства, богатой культуры и научных достижений. Также Россия – это сосед, к которому следует относиться настороженно, это прошлый противник и прошлая угроза с Севера.

Современный образ русского в Японии

По результатам проведенного опроса был получен набор ассоциативных черт, которым обладает стереотипный русский. Полученные ассоциативные ответы можно разделить на группы: а) внешность и физические качества; б) характер и личные качества; в) поведение.

Для первой группы на основе полученных ответов можно составить следующие портреты русских мужчин, женщин и русских людей в целом.

Русские мужчины высокие, крепкие, коренастые, сильные, носят усы, бороду и шапки-ушанки. Выглядят устрашающе и не заботятся о своем виде.

Русские женщины высокие, красивые примерно до 25 лет, но затем толстеют и превращаются в бодрых бабулек.

Русские люди крупного телосложения, спортивные, высокие, с белой кожей, не улыбкающие, не заботятся о своем внешнем виде и все время одеваются в шубы, очень живучие, выживают в любых условиях.

Ассоциации, представленные во второй группе, описывают характер и личные качества стереотипного русского. На основе данных ассоциаций можно составить такое описание характера русского человека.

Русские люди гордые и непокорные, поэтому они такие незаконно послушные и упрямые. У них огромное эго и они страшно самоуверенные, поэтому они такие агрессивные и воинственные. Нам не всегда понятно, что у них на уме, они молчаливые, неприветливые и не улыбкающие. У русских очень богатая культура, наверно, они творческие люди; русские часто задумчивые, потому что они – мечтатели, любят строить грандиозные планы или размышлять о великом. Русские много работают. Оказалось, что русские не такие набожные, как в книжках. Все русские честные и у них довольно хороший характер, они добрые, иногда слишком добрые; вероятно, потому что они простые и наивные. Однако хороших людей в России мало. Некоторые русские неотесанные и грубые. Русские – великодушные, но порой слишком расточительные и любят «показушность». Русские необязательные, не выполняют обещаний и все время опаздывают.

В третьей группе представлены ассоциации, описывающие стереотипную модель поведения русского человека, его привычки.

По мнению японцев, русские любят петь, плясать, пить, курить; русские не любят проигрывать.

Для того чтобы выиснить стереотипный образ поведения русского человека, участникам опроса было также предложено продолжить фразы «Русские всегда...» и «Русские никогда».

Русские всегда здоровые, радостные, беззаботные, энергичные, независимые, много пьют, громко говорят, живут сегодняшним днем, стоят в очереди, упрямо верят в воздушные замки, которые сами же и создают, больше других мечтают стать лидерами, получают высокие оценки в спорте, выигрывают, работают спустя рукава, думают, что мир делится только на белое и черное.

Русские никогда не работают, не заняты делом, не заботятся о реальной эффективности работы, не спешат, не дорожат временем, не говорят на иностранных языках, не интересуются заграничными путешествиями, не понимают чужой культуры, ничего не делают впрок, не признают ошибок, не обращают внимания на мелочи, не ведут себя благоразумно, не интересуются Японией, не соблюдают законы и правила, не идут на компромиссы и уступки (в дипломатии).

Русские не умеют вести переговоры, дела, воспринимать культуру других стран и не могут привыкнуть к чужому укладу.

Респондентам было предложено завершить фразу «Мне непонятно, почему русские...»

Мне непонятно, почему русские такие беззаботные; русские мужчины никого не любят; русские сами не решают свои проблемы; у них так внезапно меняется настроение или поведение; русские при реше-

нии внутренних или дипломатических проблем часто прибегают к силе оружия; русские врут, отпираются и думают, что им простят все плохое; среди русских много жестких людей, предъявляющих суровые требования; не могут искоренить в себе дух империализма; больше других мечтают стать лидерами.

Также при анализе характеристик, выбранных респондентами по методу приписывания черт, были учтены географический и возрастной факторы, фактор знакомства с культурой России.

Для анализа по географическому фактору территория Японии была условно разделена нами на четыре части: Хоккайдо, побережье Японского моря, побережье Тихого океана и крупные города – Токио, Осака, Иокогама, Киото, Нагоя. Данное разделение основано на интенсивности общения между русскими и японцами. На о-ве Хоккайдо проживает много русских, кроме того, жители именно этого острова наиболее настойчиво и агрессивно настроены по вопросу северных территорий; побережье Японского моря имеет с Россией большое количество деловых и торговых связей. Побережье Тихого океана удалено от западного соседа и мало взаимодействует с ним. Жители крупных городов могут часто видеть русских туристов, студентов или сотрудничать с Россией.

Итак, современное стереотипное представление о русских в Японии носит негативный характер, хотя у молодого поколения образ русского нивелируется. Наиболее идеализирован образ русского на побережье Тихого океана и среди тех, кто незнаком с культурой России. Резко негативными чертами обладает образ русского у жителей Хоккайдо. Сбалансировано мнение о русских у жителей крупных городов, жителей побережья Японского моря, среди тех, кто встречал русских случайно. Нетипично большим количеством положительных черт обладает образ русского у тех, кто имеет друзей в России. Образ русского наиболее негативен там, где антипатия к России разжигается через СМИ. Образ теряет ряд негативных черт и приобретает положительные черты в тех регионах и среди тех групп населения, которые сотрудничают с Россией; образ русского тем положительнее, чем интенсивнее общение между представителями обеих стран, чем выше степень ознакомления с русской культурой.

Данное исследование может быть использовано как база для проведения частных прикладных исследований в области межкультурной коммуникации между Россией и Японией, которые в свою очередь могут найти применение в межкультурном менеджменте, в консультировании по построению бизнес-моделей сотрудничества и тренингов перед международными встречами. Также возможно углубить и расширить данное исследование для изучения образа России в Японии с целью разработки методов улучшения имиджа России в Японии, проведения мероприятий для распространения русской культуры.

Другая Япония: лики молодежной субкультуры

Е. Л. Катасонова

С точки зрения целостного осмысления японского общества, чрезвычайно важным и сложным является феномен молодежной субкультуры, ее влияние на формирование общественного сознания молодого поколения в XXI в. Что же такое субкультура и почему в последние годы к этой проблеме обратились социологи, культурологи, политологи и представители других профессий?

Не вдаваясь подробно в теорию, ограничимся лишь общим определением феномена субкультуры как «частичной культурной подсистемы “официальной” культуры, определяющей стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей». Другими словами, субкультура – это подкультура или культура в культуре. В более узком смысле субкультура – это «система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающаяся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанная с ней»¹.

Говоря о молодежной субкультуре, мы подразумеваем «совокупность ценностей, традиций, обычаев, присущих молодежи, у которой досуг и отдых как ведущие формы жизнедеятельности вытеснили труд в качестве важнейшей потребности»². При этом феномен молодежной субкультуры проявляется через множество субкультурных образований, различающихся между собой по стилю, основным мировоззренческим ориентирам их носителей, а также по их отношению к господствующей культуре.

Образование молодежных субкультур и их широкое разнообразие – яркое социокультурное явление современной Японии, как, впрочем, и всех крупных капиталистических стран, переживающих постиндустриальный этап развития, когда система культуры начинает играть важную роль в процессе социокультурной дифференциации общества. И хотя, по среднестатистическим данным, так называемая «субкультурная молодежь» охватывает собой в среднем лишь 30% всего молодого населения этих стран, изучение этого феномена на примере Японии дает нам ключ к пониманию многих явлений современного мира и перспектив его развития.

¹ Подробно см.: blog-buster.ru

² www.glossary.ru

Сегодня мы являемся очевидцами весьма серьезного общественного кризиса в Японии – кризиса поколения детей «японского чуда», суть которого можно выразить как противопоставление индивида традиционным общественным ценностям. Японская молодежь больше не хочет идти дорогой своих отцов. В умах молодых японцев произошла революция: общие интересы они перестали ставить выше личных. Индивидуальность и самовыражение стали их кредо. При этом японский индивидуализм – это не подражание Западу, а протест против группового сознания прошлой эпохи.

Начиная с 80-х годов проблема самоопределения у японской молодежи встает куда острее, чем у всех предыдущих послевоенных поколений. Нынешние юноши и девушки уже мыслят совершенно иными категориями. Затянувшаяся экономическая депрессия «потерянного десятилетия» 90-х годов и, что не менее важно, ощутимые сбои в системе пожизненного найма, без которой, по существу, рушится весь уклад жизни японцев, и другие явления коренным образом меняют экономическую ситуацию. Все это привело к перелому в сознании молодежи, к изменению ее мировоззренческих установок. В последние годы появились нетипичные для Японии модели поведения, когда молодые люди отдают предпочтение не постоянной работе на одной фирме, а временным заработкам или же почасовым подработкам. Достаточно сказать, что около 20% японской молодежи даже не пытаются найти постоянную работу и не планируют это сделать в будущем. «Им не хочется быть адвокатами, врачами или преподавателями, а просто достаточно иметь деньги на жизнь», – говорится в докладе японского Института молодежи³. Для такой категории молодых работников даже было заимствовано английское название «фритерс», поскольку для традиционного японского общества подобное социальное поведение было совсем не типично.

Иностранная терминология понадобилась и для обозначения другого нового для Японии социального явления. Это – так называемые «ниттерс» (NEET – not in employment or training) – люди, в основном молодежь, которые вообще предпочитают подолгу нигде не работать и не учиться. Они в основном существуют за счет родителей, на плечи которых легко и просто переложить весь груз собственных материальных и бытовых проблем.

Чтобы не покидать родительский дом юноши и, в особенности, девушки даже готовы не обзаводиться семьями, тем более что система семейных отношений также испытывает в настоящее время не лучшие времена, и значительная часть молодежи не спешит официально оформить свои отношения. Этих молодых людей, составляющих сегодня

примерно 10% всего трудового населения страны, достаточно емко окрестили «паразитами-одиночками».

Но не только стремление к легкой и приятной жизни удерживает молодежь от вступления в брак. Многие молодые японки, ранее привязанные к домашнему очагу, в последнее время предпочитают семье хорошее образование и успешную карьеру. За прошедшие 30 лет число заключаемых в Японии браков сократилось на 30%. Современная молодая японская женщина озабочена проблемой «упущенных возможностей». Поэтому семью и детей она откладывает «на потом».

И, наконец, совершенно другая грань все той же проблемы – такое явление, как «*хикимори*» – добровольное затворничество. Этот термин ввел в оборот психолог Сайто Тамаки, который заявляет, что приблизительно 20% молодых японцев (1% населения страны) действительно годами сидят запертыми в собственных комнатах⁴.

Серьезные проблемы наблюдаются сегодня и в школе. Буквально на глазах разваливается прежняя система образования, превращаясь с каждым годом в «ахиллесову пяту» на пути общественного развития. Ежедневная механическая зубрежка учебников, «ад» экзаменов, акты издевательства и насилия в школьной среде – это далеко не весь перечень тех негативных социальных моментов, с которыми постоянно сталкиваются современные подростки в процессе своего взросления.

В такой ситуации молодой человек с тревогой и страхом, реже с самоубийством и самоиронией, начинает осознавать, что все преподанные ему школой и обществом и хорошо заученные им самим идеалы уже не работают, а главные ценности в жизни не те, которые навязаны извне, а те, которые диктует ему его индивидуальный внутренний мир.

Острое и болезненное восприятие всех этих проблем еще в большей степени усугубляется от сознания крайней консервативности самого японского общества, которую все более остро ощущают молодые японцы из опыта общения с остальным миром. С каждым годом все больше японской молодежи выезжает на учебу за границу, все больше предприятий нанимает смешанный персонал и т. д.

Все эти и другие факторы оказывают решающее влияние на резкую смену ценностных ориентаций в молодежной среде. Буквально на наших глазах происходит коренная трансформация общественного сознания: от группового или коллективного в сторону ярко выраженного индивидуализма, от стремления к духовным ценностям к концентрации преимущественно на материальных сторонах жизни и резко возросших потребительских запросах, от представления о работе как главной ценности и цели жизни к резкому снижению стремления к труду и т. д.

Эти достаточно симптоматичные социальные явления представляют собой один из современных вариантов протестной формы существова-

³ <http://www.sevennebo.com>

⁴ Анимэ гид. 2008, апрель, выпуск 27, с.42.

ния, которая известна чуть ли не испокон веков. Только теперь современная японская молодежь выбирает не борьбу или духовные и творческие поиски, а с головой уходит в свой мир иллюзий, построенный на иных принципах и во имя иных целей: потребления, развлечений и самоутверждения в кругу себе подобных. Вот вкратце перечень причин, которые заставляют молодых людей приобщаться к тем или иным современным неформальным движениям и становиться носителем той или иной формы молодежной субкультуры.

Субкультура, во-первых, позволяет молодому человеку лучше почувствовать и проявить самостоятельность своего «я». Во-вторых, в субкультурной общности подросток получает возможность принадлежать к избранной группе сверстников, в которой возникает объединяющее чувство «мы», что повышает уровень психологической значимости каждого, дает некую гармонию (или ее иллюзию) независимости и защищенности от общества. И, в-третьих, она помогает ему освободиться от тягостных переживаний, вызванных конфликтом с внешним миром взрослых, с господствующей в обществе культурой.

Формирование молодежной субкультуры в самостоятельную практику и способ самореализации в Японии закончилось к 80-м годам, когда различные молодежные образования создали некоторую систему, состоящую из специализирующихся на определенном виде досуга, творческого самовыражения и социальной манифестации молодежных субкультур, между которыми обозначились четко налаженные каналы коммуникации. В этой системе, конечно, и сегодня идут скрытые и явные процессы изменения. Часть формирований отмирает, их место занимают новые объединения. Одни группировки меняют идеологию или способ действий, другие сливаются в более крупное объединение либо, напротив, распадаются на мелкие и независимые сообщества.

Сегодня достаточно широко бытует представление о том, что японцы по обилию и своеобразию молодежных субкультур не имеют равных в мире, а молодежь страны имеет все шансы прослыть самой эпатажной и экстремальной в мире. Об этом много пишут журналисты, ученые, социологи, а модельеры и музыканты черпают в японской молодежной среде богатый материал для своего творчества. Но только единицы готовы в этом признаться. Певица и модельер Гвен Стефани написала песню «Девочки Харадзюку», в которой восхищалась японской молодежью: «Девочки Харадзюку, у вас такой озорной стиль! Мне нравится, как вы выглядите, и я ваша большая поклонница»⁵. Одну из своих коллекций она также назвала «Harajuku Lovers» и заявила, что ее поражает смелость и откровенность токийских модников. А дизайнер молодежной марки «Dutch» признался, что перед созданием

последней коллекции жил в Токио и наблюдал за тем, как одеваются подростки⁶.

Все существовавшие и существующие в Японии молодежные группы можно разделить на три основные категории. Первая – это неформальные молодежные объединения, главным образом, скопированные с западных групп, такие, как хиппи, панки и т. д. Их ценностные ориентации в значительной степени отличаются от своей первоосновы и имеют в большей степени подражательный и эскапистский характер, нежели политическую или идеологическую окраску. Вторая – это группы, сформировавшиеся вокруг различных музыкальных вкусов и стилей, а также различных направлений молодежной моды, как западного, так и японского происхождения, а порой на их стыке: «такэноко-дзоку», «Лолита» и т. д. Третья – молодежные объединения, исповедовавшие культ силы, а также криминальные группы, объединявшиеся на базе агрессивности, жесткой организованности и противоправной деятельности: «сукэбан» и т. д.

Большая часть из этих субкультур, начиная с хиппи и кончая скинхедами и эмо и т. д., пришла с Запада и получила достаточно широкое и практически беспрепятственное распространение в Японии на волне процессов вестернизации и, главным образом, американизации страны, вылившихся в наши дни в единый глобализационный поток. Тем не менее, оказавшись в Японии многие течения западных молодежных субкультур нередко принимали такие формы, которые зачастую совпадали с западными лишь внешней атрибутикой и в меньшей степени своим идеологическим или социальным наполнением.

Для Японии весьма характерно, что существование этих субкультур как своеобразной протестной формы против главенствующей официальной культуры вовсе не означает полного отказа от национальных традиций, принятых основной частью населения. Это лишь более или менее ярко выраженное отклонение от традиций, хотя большинство общества относится к молодежным субкультурам с недоверием и неодобрением. Возможно, это происходит от того, что выступления первых послевоенных молодежных объединений зачастую имели либо остро политический, либо полукриминальный характер.

В японском языке субкультура обозначается словом «дзоку», что означает клан, семья. Это понятие возникло после войны, а первые субкультурные формирования относятся к 1950–1960 гг. Они создавались стихийно на волне тех молодежных увлечений, которые наблюдались в других странах. Например, любители скоростной езды на мотоциклах называли себя «каминаридзоку» («дети грома»), а поклонники электронной музыки – «эрэдзоку».

В 50-х годах писатель Исихара Синтаро написал свой известный роман «Сезоны солнца», в котором подробно описал молодежь того

⁵ [http:// www.bcetyt.ru](http://www.bcetyt.ru)

⁶ Там же.

времени и дал рождение новой молодежной субкультуре – «*тайёдзо-ку*» («дети солнца»). Японские «дети солнца» вобрали многое от своих европейских и американских собратьев – рокеров и «гризеров» («набриалиненных»). Они словно сошли с экранов кинотеатров, где с большим успехом демонстрировались такие американские фильмы, как «Повстанец» («*Rebel without a Cause*») и др. В глазах традиционного японского общества эти новые японцы выглядели возмутителями спокойствия из-за той внутренней агрессии и душевного надлома, которые были еще сильны в молодом поколении после недавно пережитой трагедии военных лет, и их достаточно нестандартные увлечения и непривычный внешний вид вызвали всяческие порицания со стороны старшего поколения.

Характерно, что особенно ярко подобные настроения выразились в женских субкультурах, среди которых наиболее типичной явилась «*сукэбан*».

«Сукэбан»

Слово «*сукэбан*» в переводе с японского буквально означает «девушка-босс». Это были жесткие, агрессивные тинейджеры, вид которых никак не соответствовал традиционному образу слабой и нежной японской женщины, а их интересы и способы времяпрепровождения были далеки от утонченных занятий икэбана или чайной церемонией.

Эти «новые японки» обычно собирались возле железнодорожных станций, вооруженные острыми бритвами и тяжелыми цепями на случай возникновения уличных драк. Даже якудза относились к ним весьма дружелюбно, а местные уголовники стремились дружески похлопать их по плечу в знак солидарности.

Появление «*сукэбан*» приходится на конец 60-х – начало 70-х годов. И хотя активная деятельность «новых японок» ограничивается лишь несколькими годами, тем не менее, подобное явление стало настоящей социальной болезнью для Японии. Магазинные кражи, карманное воровство, невиданные доселе акты насилия и т. д.

Историк Хаги Нобуаки пишет по этому поводу: «В Японии мир вне закона всегда предельно открыт. Якудза даже имеют свои офисные здания. Если Вы совершаете антисоциальные поступки, это не значит, что Вы отвергнуты обществом, особенно если Вы молоды. Полицейские уверены в том, что это – только вопрос времени: надо подождать, пока плохие девочки повзрослеют и окончательно откажутся от этого образа жизни. Быть гангстером – это нечто такое, из чего со временем вырастают»⁷.

Как всякое неформальное молодежное объединение «*сукэбан*» продуцировало свою субкультуру, которая, естественно, может быть при-

числена к андеграунду. Нонкорформизм этой молодежной среды проявлялся по всем: в вызывающе грубых манерах, в лаконичной одежде, в своеобразных увлечениях, наконец, в специфическом сленге и т. д.

В наши дни представление о классической представительнице «*сукэбан*» в длинной в складку юбке и с прической на африканский манер уже кажется давно устаревшим, однако их образ жизни – революционное сочетание женской солидарности, жестких правил поведения и хорошо построенной по примеру преступного мира организации, – по-прежнему оказывает свое влияние на особенности функционирования неформальных организаций японской молодежи.

Еще одна особенность этой субкультуры, сохранившаяся по сей день и перенятая другими поколениями японцев, – это поистине благоговейное отношение к школьной форме, стиль и многие детали которой были заимствованы из морской формы. Странное совпадение: когда-то у нас также любили одевать детей в «матроску», правда в дальнейшем эта детская одежда, казалось бы, навсегда ушла из нашего обихода. В Японии же, напротив, актуальность «матроски» с годами только возрастала. Тот или иной вариант матроски наследовали представители разных поколений и разных субкультур, в том числе такие молодежные направления, как «*когяру*» («маленькие девочки») в 90-х годах. Кстати говоря, этот школьный образ популярен и в наши дни, правда, за исключением длины юбки, которая со временем становилась все короче.

Субкультура «*сукэбан*» сформировалась как протестное движение 60-х годов – начала периода стремительного экономического роста страны со всеми вытекающими социальными последствиями. При этом оно возникло не на пустом месте. «Крестными отцами» «*сукэбан*» стали многочисленные преступные юношеские группировки, которые в те годы в Японии возникали повсеместно и получили название «*Банчо группс*». Эти криминальные бригады обладали большим влиянием в японском обществе, однако постепенно в их мир проникли девушки и стали отвоевывать пространство для собственной деятельности. Криминальный мир пополнялся новыми членами, и в этом мире молодежь подражала взрослым, девушки – юношам. Здесь следовали своим жестким законам – продолжались разборки за влияние в школах и за права над территориями.

Все началось с дерзких выходов в школе. Но постепенно в течение нескольких лет эти мелкие нарушения общественного порядка вылились в хорошо организованное движение со своими лидерами и региональными отделениями. К нему присоединилась и токийская объединенная группа магазинных воров, и преступный женский союз района Канто – самая крупная организация «*сукэбан*», объединяющая в своих рядах более 20 тыс. человек из всех префектур Восточной Японии. Ее структура напоминала настоящую организацию с президентом, советниками и т. д.

⁷ Цит по: Macias P., Evers I. Japanese Schollgirl Inferno. San-Francisco, 2007, p. 19.

Легендой этого движения, пик которого пришелся на 1972 г., стала самая воинственная его участница, вошедшая в историю под именем К-ко, девушка-бритва, имевшая в своем распоряжении целую команду в 50 девушек. Ее вымышленное имя происходило от самого излюбленного ею средства защиты – бритвы, которую она всегда носила на груди, чтобы в случае необходимости в доли секунды нанести удар своему противнику. У нее были свои последовательницы, которые старались проявить себя на тропе жестокости и зла. Но они подвергались наказанию за нарушение тех или иных внутренних установок и правил. Это могли быть и неуважительные поступки по отношению к более высокопоставленным членам группы, и общение с «врагами» и т. д. Но более всего наказывались всевозможные проступки, связанные с контактами с противоположным полом. Здесь, конечно, примешивалась и ревность, и мстительность и т. д., одним словом, разыгрывались целые «мыльные оперы».

Вместе с тем, девушки «сукэбан» позиционировали себя как приверженцы высоких моральных устоев. Выглядеть сексуально и чрезмерно пользоваться косметикой было не в их правилах. Неписанные законы требовали выглядеть предельно строго и старше своих лет, проявляя заметную консервативность даже в отношении любви и флирта. Возможно, это подчеркнутое целомудрие был реакцией на вседозволенность сексуальной революции 60-х годов.

Образ «сукэбан» нашел свое отражение в массовой культуре. Эту тему беспощадно эксплуатировала в своих кинофильмах студия «Тоэй». Одна из самых известных лент этого жанра – «Полицейские сукэбан» («Сукэбан Дэка»), рассказывающая о девушках-полицейских. Но еще в большей степени влияние этой субкультуры проявилось в самых популярных среди молодежи жанрах – в *манга* и *анимэ*. Взять хотя бы героинь комикса «Be Bor High School». В центре комедийного сюжета – жизнь и нравы молодежи «сукэбан», сложные взаимоотношения между «плохой» девушкой и «плохим» юношей. В дальнейшем эта история отразилась практически во всех основных современных жанрах, сделав участниц движения «сукэбан» чуть ли не героями своего времени. Однако сам феномен этой молодежной субкультуры начал сходиться с социальной арены в середине 70-х годов, когда члены этих группировок повзрослели и интегрировались в общество.

Поколение рок-н-ролла

В то время как часть воинственно настроенной молодежи выступила в качестве разрушителей общественных устоев и слонялась по улицам городов в поисках возможности «выпустить пар» и размять мышцы, другая – старалась выразить кипучую энергию молодости в танце. Танцы – новое общественное увлечение молодежи, по существу стали

одной из первых субкультур. Она появилась еще в конце 50-х годов и получила новый всплеск в конце 60-х годов на волне рок-н-рольной революции на Западе, отголоски которой донеслись и до Японии.

Страна в то время переживала период не только экономического, но и духовного возрождения после трагического для нации поражения в войне и семи лет американской оккупации. Естественно, что активно насаждавшаяся оккупационными войсками американская массовая культура к тому времени уже успела пустить глубокие корни в японском обществе, и рок-н-ролла японцы имели возможность обучаться не понаслышке.

Танцевало первое послевоенное поколение, родившееся в конце 40-х – начале 50-х годов, – дети «бэби бума». Обретя веру в будущее и минимум материальных условий, их родители после трагических военных событий, напряженного труда и огромных лишений первых послевоенных лет экономической разрухи впервые почувствовали дух возрождения и начали стремительно обзаводиться потомством. Эйфория родителей передавалась и их детям, которые, вступая во взрослую жизнь, стремились в полной мере ощутить радость бытия, которая не выпала на долю старшего поколения. И родителям не оставалось ничего другого, как поощрять желания своих чад и создавать для них все необходимые материальные условия.

Самая «продвинутая» часть молодежи стала собираться в окрестностях Харадзюку и Сибуя в Токио, чтобы потанцевать рок-н-ролл. Не менее важен был для подростков и внешний антураж. Это «секонд хенд» – оставшиеся в наследство от оккупационных времен комплекты поношенной военной формы, юбки и кофты «а-ля Мэрилин Монро». И, конечно же, молодежь хотела хотя бы в отдаленном варианте походить на Элвиса Пресли, начиная со знаменитой прически певца и кончая его пружинистой походкой. В моду вошли и крашенные блондинки, и юноши с коками набриалированных волос, и т. д.

Но не только внешнюю атрибутику Запада переняло это поколение японцев. Вместе с танцами они старались глубже разобраться в современной поп-музыке, последних новинках кино и т. д. – во всем том, что пришло в Японию на волне американской поп-культуры, и это не могло не отразиться на их психологии и мироощущении. Это была своя, отличная от Запада, рок-н-рольная революция, которая в дальнейшем развивалась в целом в русле истории западных молодежных субкультур: хиппи, хип-хоп и т. д. Все западные веяния были широко представлены на японской почве, естественно, в своей национальной специфике. При этом как всегда и во всем в Японии всегда находилась своя национальная альтернатива Западу.

Таким специфически национальным молодежным увлечением стало танцевальное движение, получившее название «такэноко-дзоку» («племени ростков бамбука»), вскоре сформировавшееся в отдельную субкультуру.

Правда, в отличие от поклонников рок-н-ролла «бамбуковые» не стремились глубоко проникнуть в суть тех или иных современных культурных веяний – будь то иностранные фильмы, музыка, мода. Они просто бездумно танцевали, за что подвергались постоянным нападкам со стороны местных поклонников Запада, которые обвиняли их в невежестве и провинциальности. Нередко во взаимном неприятии дело доходило до драк. И дело было не столько в возникающих конфликтах и открытой личной вражде, сколько в обозначившемся в те годы противостоянии двух культур – западной и восточной.

«Бамбуковые» были редким примером того, как новая молодежная субкультура формировалась, по сути, исключительно на национальной почве, хотя, безусловно, с тем минимумом иностранных включений, без которых трудно представить любое современное культурное явление.

Ростки бамбука – «такэноко-дзоку»

Молодые люди, одетые в яркие экзотические национальные наряды, по воскресным дням оккупировали длинную дорогу вблизи станции Харадзюку, ведущую в парк Ёёги – любимое место отдыха жителей Токио. Автомобильное движение к назначенному часу как по взмаху волшебной палочки приостанавливалось дорожной полицией, и все уличное пространство превращалось в так называемый «рай для пешеходов», где начинались массовые танцы.

Это молодежное увлечение началось в 1978 г. Возможно, любители танцев были слишком юны, чтобы ходить в дискотеку а, может быть, у них просто не было денег, но так или иначе они собирались на улицах и самозабвенно танцевали. Участники импровизированного уличного праздника выстраивались в две шеренги или образовывали круг, и по свистку распорядителя начинали телодвижения, напоминающие то рок, то самбу, то джайф или твист с элементами народного танца *одори* (кстати говоря, он явился основой для самого модного в Японии молодежного танца – «пара-пара данс»). Затем опять по свистку они приостанавливали свое действие для отдыха, чтобы затем с новой силой погрузиться в эти совместные пляски.

Пик этого танцевального действия пришелся на лето 1979 г., когда одновременно в одном месте могли собраться до 5 тыс. человек, чтобы продемонстрировать свои хореографические способности. Танцевальные сборища стали показывать по общенациональному телевидению, а после того, как из среды любителей этих молодежных тусовок выбыл в эстрадные идолы танцор Окита Хироюки, они приобрели что-то вроде культового статуса.

Огромные толпы танцующих состояли из более мелких групп. Каждая из них имела свое название: «Радуга», «Ангелы» и т. д. Группа в складчину обзаводилась переносным магнитофоном и набором кассет с любимой музыкой. Это могли быть мелодии таких музыкальных ан-

самблей, как «Арабески», «Чингисхан», «Абба» и др. У каждой группы был свой стиль, своя форма и значок с ее названием, который обязательно прикреплялся к одежде танцора.

Эта молодежная субкультура взяла свое название и стиль от бутика в Харадзюку, который так и назывался «Такэноко» («Ростки бамбука»). Он был открыт в 1978 г. Здесь продавалась достаточно свободная одежда, отдаленно напоминающая восточный стиль. В бутике также можно было встретить и нечто похожее на старинный японский костюм: кимоно эпохи Хэйан и т. д. Экзотические товары с маркой «Такэноко» были из числа дорогих, и молодые люди вынуждены были сами мастерить для себя нечто похожее на увиденное в бутике, а по сути то, что позволяли их умение и средства. В результате плоды самостоятельного творчества разительно отличались от оригинала и выглядели достаточно эклектично, но этому не придавалось никакого значения. Участники молодежного действа с удовольствием облачались в самодельные наряды – свободные синтетические балахоны ярких, кричащих, как сейчас принято говорить, «кислотных» цветов. Яркие розовые, пурпурные, голубые, фиолетовые и т. д. наряды часто декорировались иероглифическим письмом. Под ними всегда виднелись шаровары. На ноги надевались легкие шлепанцы или мягкие тапочки для борьбы кун-фу.

По сравнению с «сукэбан» «такэноко-дзоку» не принадлежали к антисоциальным элементам, однако иногда в полночь они срывали баннеры с магазинов и делали из них оригинальные накидки. Девушки «такэноко» предпочитали дешевые украшения – пластиковые браслеты и бусы, мягкие игрушки, купленные в соседних магазинах. Более всего они напоминали маленьких девочек – учениц начальной школы, которые украшали свои платья кружевными ленточками, надевали бумажные шляпки. В 70-е годы район Харадзюку становится центром молодежной культуры и уличной моды. Ставшее крылатым выражение «девочки Харадзюку» закрепилось именно со времен «бамбуковых», несмотря на то, что большая часть юношей и девушек – участников уличных танцев – не была столичными жителями. Они приезжали сюда в переполненных электричках и метро из предместий Токио и соседних префектур – Сайтама, Тиба и др.

Воскресные уличные праздники для многих из них были, если не целью жизни, то, по крайней мере, ее главным увлечением, чуть ли не единственной возможностью хотя бы раз в неделю отвлечься от монотонной и малопривлекательной работы, развеяться и «подышать столичным воздухом». Им импонировало быть членами организации, нравилось привлекать к себе внимание туристов и зевак, считающих их одной из достопримечательностей Токио. «В деревне, откуда я приехала в Токио, часто устраивали шествия и танцы. Я их очень любила, – рассказала свою историю одна из участниц этого движения. – В городе я чувство-

вала себя одинокой. Работала в магазине, подруг у меня не было. Однажды я очутилась в Ёёги и увидела танцующих “такэноко”. И вот уже год я тоже танцую. День, проведенный в Ёёги, позволяет отдохнуть от недели нудной работы у прилавка. Образование мне не по карману, другие развлечения слишком дороги. К книгам меня не тянет... Мне ведь еще надо скопить денег на приданое...»⁸.

Но не только танцы создавали иллюзию красивой жизни для части молодежи, которая была вынуждена обеспечивать свое существование, не рассчитывая на помощь родителей. Особенно выделялись *бурикко* – экзальтированные юные девицы. Ученицы были вынуждены довольствоваться тем, что украшали школьную форму дешевыми пластмассовыми украшениями. Те же, что были постарше, избавившись от необходимости посещать школу и полностью оставив надежду на получение высшего образования из-за отсутствия денег, удовлетворяли свои амбиции посещением недорогих кафе и долгим хождением по маленьким лавочкам, торгующим дешевой бижутерией, пластинками и портретами «*айдору*» – идиолов кино и эстрады.

Девушки «Нагому гяру»

Постепенно увлечение танцами в молодежной среде стало уступать место музыкальным пристрастиям. Одним из первых музыкальных идолов поколения японцев 80-х годов стала певица и актриса Тогава Дзюн. Она впервые появилась на музыкальной сцене в образе домохозяйки 50-х годов – в платье в горошек, в черных перчатках и с большим искусственным цветком в волосах. В те годы она много играла в спектаклях для детей, пела в одной из музыкальных групп представителей андеграунда, подрабатывала в телерекламе. Однако поворотным моментом в ее творчестве стало участие в концерте по общенациональному телевидению, где она с успехом смогла проявить незаурядные сценические данные и редкий диапазон своего красивого сопрано. Это выступление стало не только художественным открытием для многих японцев, перевернувшим судьбу самой актрисы, но и поворотным пунктом в истории японской молодежной культуры.

Создав в дальнейшем свою группу «Yaroos», Тогава привнесла совершенно новую струю в музыкальную культуру, придав ей необычайную зрелищность: многочисленные переодевания в причудливые костюмы, любовь к гротеску и т. д. Она с не меньшим успехом стала использовать эти приемы в детских телевизионных шоу и т. д. Тогава стала иконой стиля для своего поколения, символизируя собой творческую свободу самовыражения, чего так не хватало молодежи тех лет. Многие юноши и, особенно, девушки, увидев в Тогава идеал для подражания, стали приобщаться к этой новой музыкальной субкультуре.

⁸ [http:// www.vokrugsveta.ru](http://www.vokrugsveta.ru)

Вскоре ее новым символом стал актер и музыкант группы «Высота вселенной» («Uchuoten»), выступавший под сценическим именем Кералино Сандорович, или Кера. Он был гением комедии и мастером скетчей, а в мире музыки – создателем новой волны в стиле «Devo» и «Talking Heads». Содержание его песен варьировалось на грани остроумия и цинизма и высмеивало многие абсурдные явления повседневной жизни.

Хотя меломаны не были в восторге от музыкальных экспериментов Кера, девушки, поклонницы Тогава Дзюн, вскоре переметнулись на сторону музыканта. Они скупали его диски и стали даже посещать клубы – места преимущественно мужских сборищ, чтобы увидеть воочию своего кумира. Они старались подражать всему, что только не придумывал изобретательный Кера.

В 1983 г. музыкант создал свой музыкальный лейбл «Нагому» и стал бороздить андеграунд в поисках наиболее экстремальной музыки. Группы, которые работали под лейблом «Нагому» разительно отличались одна от другой: «Kinniku Shojo Tai» (хард-рок), «Bachikaburi» (панк) и т. д. Эти группы, обладавшие огромным креативом и необычайным юмором, вскоре не только приобрели своих преданных фанатов, но и стали героями таких молодежных изданий, как юмористическая антология «Галерея» («Гаро») или журнал «Остров сокровищ» («Таракарадзима»). Именно на страницах журнала, где постоянно помещалась реклама дисков и других товаров «Нагому», впервые появилось название «Нагому гяру» («Девушки Нагому»). Так стали называть покупательниц этих товаров и вообще фанаток всего того, что проходило под этой маркой.

Так возникла целая субкультура «Нагому гяру», которая предполагала, как и музыкальные поиски Кера, самое широкое разнообразие в одежде, но, прежде всего, винтажные платья и грубые на толстой подошве ботинки, полосатые майки с длинными рукавами, юбки в складку до колен или шорты, длинные гольфы. Волосы у «Нагому гяру» – по обыкновению длинные и прямые, иногда закрученные в баранки, густая челка, тонкие брови, бархатный берет, ярко-красная губная помада. Любимые аксессуары – сумка наподобие школьного ранца, темные очки от солнца и диск под лейблом «Нагому». В них было странное сочетание сексуальности и наивности – то, что в дальнейшем станет коньком субкультуры «Лолита».

«Они были маленькими и круглощеками, я никогда не видел ни одной высокой “Нагому гяру”, – вспоминает бывший редактор журнала “Остров сокровищ” Матияма Томо. – Эти девушки обычно казались робкими и застенчивыми, но стоило только заговорить с ними, как они превращались в шумных и неприятных особ. Возможно, они напоминали в чем-то американских готов, но только без тени мрачности и

проявления какого-либо интереса к сексу»⁹. Для представителей этой субкультуры главным было стремление к самовыражению и креативу и подражание всегда и во всем своим музыкальным кумирам.

Сам Кера в одном из своих интервью вспоминает: «Большинство “Нагому гяру” обычно заявляли, что они не имеют никакого отношения к этой категории девушек и даже не отправятся с ними в одну компанию. Я думаю, что большинство музыкантов не употребляли это название в позитивном смысле. Членам многих музыкальных групп эти фанатки довольно часто досаждали своим шумным и странным поведением, и для них название “Нагому гяру” вовсе не ассоциировалось с чем-то привлекательным»¹⁰.

Лейбл «Нагому» прекратил свое существование в 1989 г., однако мода на те или иные музыкальные группы и стремление во всем подражать своим кумирам на этом не закончилась. Бывшие представительницы этой субкультуры стали известными художниками в стиле *манга* – Ямада Ханакко и др., солистами женских музыкальных групп, таких, как «Масако-сан» и т. д.

Субкультура «Нагому» оказала влияние на зарождение и популяризацию таких остро современных в наше время молодежных стилей, как «Лолита» и «Декора».

«Хрустальные»

Кто по-настоящему мог почувствовать не в мечтах, а в реальности «красивую жизнь», то это – «хрустальные» («*курисатару-дзоку*»), которые оккупировали район Сибуйа, неподалеку от Харадзюку, практически полностью вытеснив «бамбуковых» из молодежной жизни. Часть бывших танцоров полностью переключилась на американский стиль в молодежной моде – так называемый «casual», отказавшись от восточной экзотики, и переоделись в бейсболки, кардиганы и т. д. Другие же просто вступили во взрослую жизнь, где было мало места для былых развлечений. Название «хрустальные» вошло в моду в 1981 г. после выхода книги Танака Ясуо «Слегка хрустальные» (Нантонаку курисутару) и одноименного фильма. Знаменитый писатель изобразил в своем романе жизнь и привычки современной молодежи, которая выросла в условиях «экономического чуда» под постоянной опекой родителей, поставивших во главу угла материальное благополучие своих детей. «Эта часть молодежи избалована и изнежена, разочарована окружающим обществом и презирает “рабочих муравьев”, в том числе и собственных родителей. “Мы не читаем книг, ничем не занимаемся с энтузиазмом, – заявляют они. – Наши головы не пусты, но не затуманены”»¹¹.

⁹ Macians P., Evers I. Japanese Schoolgirl Infero. San-Francisko, 2007, p. 111.

¹⁰ Ibid., p. 112.

¹¹ <http://www.vokrugsveta.ru>

И все же, почему – «хрустальные»? Как объяснил сам автор: «Хрусталь сверкает не сам по себе, а лишь отражая упавший на него свет. Ничего не представляя сами по себе как личности, “курисутару” – “хрустальные” находят самовыражение в клубах и дискотеках. Носить только заморскую одежду, читать лишь сборники комиксов или фотожурналы, успеть в числе первых посмотреть новейший голливудский боевик, «освоить» наркотики и пересыпать речь словечками из лексики американской морской пехоты – это “хрустально”. Само собой разумеется, что среди главных принципов “хрустальности” должны быть полная аполитичность, безразличие ко всему, что происходит за пределами холодного “хрустального” мира»¹².

Именно эти черты вкупе с эгоцентричностью, апатичностью, отворачиванием к работе и повышенным интересом к развлечениям, отсутствием жизненных целей объединяют все эти внешне вроде бы разные, но, по сути, очень похожие молодежные группы. Уже в те годы японцы прочно удерживали первое место среди других развитых стран по таким критериям, как неудовлетворенность учебой в школе и своей работой, отсутствие взаимопонимания с родителями и старшими вообще, по степени недовольства окружающим их обществом и т. д.

Поколение скоростей

Комментируя настроения выросших в годы «экономического чуда» молодых людей, газета «Асахи» писала: «Эгоизм, нигилизм и социальная апатия молодежи стали тревожной тенденцией, которая скажется на будущем страны»¹³.

Молодежь стремилась противопоставить себя общественным устоям, создавая свои новые неформальные структуры, в числе которых наибольшую известность в Японии приобрело так называемое байкерское движение, популярное в те годы во всем мире. Любовь японских юношей и девушек к мотоциклу началась еще в 50-х годах, когда фильмы с участием Джеймса Дина и Марлона Брандо вызвали к жизни первое поколение любителей быстрой езды. Японские средства массовой информации сразу же назвали этих ребят «молниями», а в дальнейшем – «поколением скоростей» («*босодзоку*»).

В начале быстрая езда на мотоциклах была преимущественно юношеским увлечением. В середине 60-х годов группы мотоциклистов под громкими названиями «Спектр», «Только для сумасшедших», «Уличные кошки» и т. д., собравшись вместе до тысячи человек, носились на огромной скорости по району Сидзюку. Они буквально терроризировали всех окружающих невероятным ревом моторов, а у местной мо-

¹² Там же.

¹³ Там же.

лодежи вызывали восхищение и желание пополнить их ряды. Уже к концу 60-х годов на мотоциклетных гонках уже было помешано около 60% молодежи, а в начале 70-х годов к ним подключились и подружки байкеров, которые стали создавать своеобразные группы поддержки типа «Леди уличных кошек» и т. д.

«Поколение скоростей» стремительно пополняло свои ряды. Вскоре уже действовало 817 отдельных байкерских групп, и около 26 тыс. молодежи обоих полов было в той или иной форме задействовано в этом движении (по некоторым данным, в реальности эту цифру нужно увеличить втрое). В середине 70-х годов в этом молодежном сообществе начались свои разборки, ни один день не проходил без криминальных сводок о происшествиях в байкерской среде. Полиция безуспешно пыталась навести общественный порядок, и властям, наконец, не оставалось ничего иного, как пойти на непопулярную меру. Был наложен запрет на групповые гонки на мотоциклах. Таким образом, был положен конец этому массовому молодежному увлечению.

Однако вслед за этим случилось буквально непредвиденное: мужскую эстафету байкеров подхватили девушки. Они стали создавать свои женские группы, отличные от «Спектра» и других мужских структур. Каждая из групп имела свое не менее оригинальное название: «Дьявольские девчонки», «Детское личико» и др. Всех их объединяло единое название «Ледис».

Одна из участниц этого движения, ныне благопристойная воспитательница детского сада так вспоминает о прошлом: «В те годы я узнала много о людях и человеческих отношениях. Нас было около тысячи, и это было просто невероятно собраться всем вместе и организовать гонки на мотоциклах такой большой группой, как наша. Мы поистине чувствовали себя реально сильными и не знали удержу»¹⁴.

Новый журнал «Дорога молодым», дебютировавший в молодежной прессе в 1989 г., был специально посвящен проблемам «Ледис». Его страницы пестрили цветными фото с вечеринок женщин-байкеров в окружении смазливых молодых людей, историями о жизни некоторых из них: кто-то устроился на работу в бар, кто-то родил ребенка и т. д. Женщины-байкеры породили собственную культуру, свой стиль и моду, которая получила широкую популярность среди молодежи.

Пик расцвета этой субкультуры приходится на 1991 г. Главный редактор журнала «Дорога молодым» Хига Нобуаки писал, что к этому времени по всей стране насчитывалось более 300 различных женских байкерских групп, и что более 10 тыс. девочек разъезжали на своих «Хонда» и «Кавасаки» по улицам городов и в их пригородах¹⁵.

¹⁴ Macias P., Evers I. Japanese Schoolgirl Inferno. San-Francisko, 2007, p. 41.

¹⁵ Ibid., p. 37.

Структура и принципы этих женских организаций были во многом заимствованы у женских криминальных группировок «сукэбан». Подобно своим предшественницам, девушки-байкеры иногда не брезговали наркотиками и совершали мелкие преступления, и в то же время они жили в соответствии со своим кодексом чести и строгими моральными нормами. Они вместе проводили пышные и трогательные так называемые церемонии «окончания школы», когда членам их женского коллектива исполнялось 18 лет, оказывали моральную поддержку нуждающимся в ней.

Их стиль одежды во многом напоминал «такэноко-дзоку», и это — закономерно, так как многие из них прежде были выходцами из этого массового танцевального движения. Многие женщины-байкеры, как и мужчины-байкеры, выбирали для своей экипировки черные кожаные куртки, другие же предпочитали одноцветные свободные рубашки, часто красного цвета — «токко фуку» в стиле «бамбуковых». Но и в том и в другом варианте непременным декором одежды была иероглифическая надпись типа: «Живи быстро, умри молодой!». Под рубашкой или курткой виднелся своеобразный топ в виде традиционной туго затянутой полоски белого полотна, стягивающей грудь (*sarasi*). Вокруг головы была повязана белая кожаная лента. В общем, по впечатлению очевидцев, девушки-байкеры представляли собой нечто среднее между шеф-поваром из японского ресторанчика и патриотически настроенным автомехаником¹⁶.

Подобно «Сукэбан» в 70-х годах, девушки-байкеры создали свой тип региональной организации («Сукэрэн»), насчитывающей более тысячи человек. Причем значительная часть ее членов была с тюремным прошлым. Более того, ко всем членам этой организации предъявлялось следующее требование — быть готовыми оказаться в тюрьме за тот или иной общественный проступок. Другое крупное объединение девушек-байкеров называлось «Федерация убийц». Ее возглавляла Норико, которая в дальнейшем была вынуждена эмигрировать в Калифорнию, чтобы избежать преследования японской полиции.

О популярности движения «Сукэрэн» говорит тот факт, что тираж ежемесячного журнала «Дорога молодым», сделавший девушек-байкеров культовыми персонажами своего времени, в период своего процветания достигал 20 тыс. экземпляров. Но такой успех в обществе имел и обратную сторону. Многих девушек привлекала сама возможность прославиться в средствах массовой информации, участвуя в тех или иных байкерских тусовках. При этом многие из них не имели ни малейшего представления о том, как управлять мотоциклом. В результате дух байкерского движения постепенно сошел на нет, а сами его

¹⁶ Ibid., p. 38.

участники все чаще стали подвергаться актам насилия со стороны мужских криминальных группировок. Журнал также закончил свое существование в 1992 г.

Однако основной дух этого движения – скорость и мотоцикл как ее воплощение – не переставал тревожить воображение молодых. И хотя токийские улицы уже давно свободны от диких гонок девушек-байкеров, в отдалении от центра еще какое-то время можно было встретить их последовательниц янки – выходцев из достаточно бедных социальных кругов. Первые девушки-янки любили надевать облегающую американскую одежду типа гавайских рубашек. Отсюда их прозвище «американцы», т. е. янки по ассоциации с популярным тогда в Японии лозунгом «Yankee, go home!»).

Проблема девушек-янки весьма ярко отображена в популярном в Японии фильме «Девушки-камикадзе». В центре сюжета – дружба между школьницами-антиподами, представительницами двух противоположных молодежных субкультур: янки и современных японских готов – «Лолита». Ситуация – малореальная в современной жизни, однако благодаря талантливой игре актрисы Цутия Анна в роли девушки-янки зритель имеет возможность пережить ощущения той части молодежи, которая в наши дни уже стала пережитком прошлого. Сегодня быть янки крайне не модно и не актуально, особенно в глазах представителей хип-хоповского движения, которое уверенно заняло их нишу. Возможно, поэтому приверженцы стиля янки сегодня приобрели совершенно иной образ: сапоги на каблуках-шпильках, приспущенные брюки и длинный жакет, часто выполненный в милитари-стиле. Кстати, современный янки-стиль часто путают с милитари-стилем, очень популярным в Японии осенью 2005 г.

И, тем не менее, хотя и классические байкеры, и их последователи янки в их первоначальном варианте и другие «альтернативщики» достаточно быстро ушли с молодежной авансцены, сама идея вырваться на огромной скорости из однообразного мира, переполненного всевозможными запретами и приевшимися традициями, приобрели в 90-х годах особую актуальность. Правда, поколение 90-х годов в поисках путей к самоидентификации сделало абсолютный крен в сторону развлечений и потребительских ориентаций. Молодые люди решили сбросить серые костюмы клерков, освободиться от влияния достопочтенных родителей и выразить себя в одежде. Это был крик души, вызов системе, молодежная революция, сродни европейской революции рок-н-рольных 60-х годов.

«Экзотические фрукты» («Fruits»)

Модное безумие началось в середине 90-х годов, когда на улицы Токио вышли японские юноши и девушки с розовыми, синими и оран-

жевыми волосами, с огромными нарисованными глазами, как у героев *анимэ*, с пирсингом на лице. Одеты они были в самые нереальные и вызывающие одежды – пышные кукольные платья, строгие школьные форменные матроски, зловещие готические костюмы и т. д. Именно тогда зародился знаменитый на весь мир японский уличный стиль, получивший название «Fruits» и вызвавший появление большого числа новых молодежных субкультур.

А все началось с того, что в 1997 г. знаменитый фотограф Соитии Аоки основал одноименный журнал «Fruits», на страницах которого обитали сфотографированные прямо на улицах эпатажные японцы – молодые стилиаги. Их называли «Fruits» – сочные экзотические фрукты. Одним из девизов этого проекта, направленного против городской скуки и чопорности, был лозунг: «Стань стилистом для самого себя! Это беспроектный вариант! Мы за самовыражение при помощи своей внешности!»

Вскоре бурный поток японской уличной моды взяли в свои руки профессиональные дизайнеры и придали ей светский лоск. Их имена известны всему миру – король японской уличной моды Михара Ясухиро, Ямамото Ёдзи, Ватанабэ Джуниа и др. Они стали сотрудничать с ведущими западными дизайнерами и домами мод, разрабатывать свои линии одежды в составе классических коллекций и изо всех сил продвигать неординарный стиль на подиумы высокой моды. «Одежда вне политики, без запретов и ограничений. Street style, одним словом», – так определяет стиль создаваемой одежды сам Михара¹⁷.

Уличная мода породила множество современных молодежных субкультур. Девочки «Когяру» сделали школьную форму сексуальным фетишем, а мобильный телефон – основным каналом связи с окружающим миром. Это невероятное сочетание детской наивности и откровенной взрослой сексуальности взяли на вооружение и современные «Лолиты», рожденные от стилистики готов и современной панк-культуры. В своей одежде с многочисленными рюшами и кружевами они похожи на девочек Викторианской эпохи. Субкультура «Гангуро» – это целая смесь различных этнических и панк-стилей, одобренная псевдоафриканской внешностью современных японок: темное лицо, контрастные белые тени и белая подводка вокруг глаз и т. д.

Японская уличная мода – это безумие и фарс, театр абсурда без декораций и сцены, поскольку их заменяет сам город. Что это: бунт, эпатаж или же альтернатива традиционной культуре, во многом построенной на регламентации и стремлении точного воспроизведения уже созданных образцов? Как могли родиться «Лолиты», «Гангуро» и другие группы в стране, где униформа стала общественной нормой от детских садов до крупных компаний?

¹⁷ <http://www.goroskop.ru>

Как ни парадоксально, но в характере японцев (как, впрочем, и любого другого народа) при всей строгой регламентации социального поведения, всегда жила естественная потребность в празднике и выражении внутренней свободы. Вот почему столь большое внимание с древних времен уделяется народным и религиозным праздникам – пышным, ярким театрализованным массовым представлениям, большая часть которых достаточно удачно вписалась в современный уклад жизни.

Обратимся к японскому искусству – традиционному театру Кабуки, где строго канонизированные движения актеров (например, *ката*), традиционно дидактический сюжет пьес и вечная борьба героев между долгом и чувством – все эти условные моменты, возможно, уже поднадоевшие современному зрителю, по своему компенсируются за счет зрелищности самого действия: богатых декораций, необычайных по своему великолепию и богатству красок костюмов и яркого гротескного грима.

Так не являются ли современные молодежные субкультуры все тем же импровизированным праздником жизни? Ведь японцы любили устраивать праздники, чтобы вырваться хотя бы на считанные часы из мира регламентации и строгих общественных правил. Не является ли этот карнавал молодежных субкультур своеобразным вызовом строгости офисного стиля и протестом против законов, по которым живет мир взрослых?

Новое об известном. Часть II. Некоторые особенности эстетического сознания японцев

М. П. Герасимова

Как известно, классикой в Японии принято считать культуру, сформировавшуюся в среде придворных аристократов эпохи Хэйан (794–1185), так называемую *отё бунка*. Известно и то, что в основе этой культуры лежало обостренное восприятие прекрасного и стремление постичь «суть вещей», – всего, с чем человек сталкивался в жизни, – предметов, явлений, в том числе и человеческих чувств и поступков. Это называлось постижением *моно-но аварэ*. К середине X в. данное понятие сформировалось как категория, которая в течение всего последующего времени (вплоть до наших дней) в том или ином виде определяла специфику всей японской культуры, в особенности искусства. Об этой эпохе и о *моно-но аварэ* написано довольно много замечательных работ и в Японии, и за ее пределами¹.

С течением времени под влиянием тех или иных исторических и социальных перемен хэйанское понимание красоты как «очарования вещей» (*моно-но аварэ*), изменялось. В последующую эпоху (Камакура. 1185–1333) оно свелось к постижению скрытой, таинственной, непознаваемой сути всего сущего *югэн*, лучше всего отраженной в традиционной поэзии и в театре Но, а затем к любованию простыми, неброскими, одинокими, покрытыми патиной предметами, создававшими настроение *ваби-саби* (эпоха *Муромати*. 1333–1573), определившими особенности эстетики чайной церемонии, которая из простого чаепития превратилась в действие, одухотворенное религиозно-философским мировоззрением².

Об этих эпохах и своеобразии понимания прекрасного в каждую из них также есть прекрасные исследования, в которых анализируются особенности эпохи, культуры, и, разумеется, понимания прекрасного. Во многих из них справедливо подчеркивается, что *югэн* и *ваби-саби* не были совершенно новыми понятиями красоты, а представляли собой трансформацию *моно-но аварэ*.

¹ О *моно-но аварэ*, *югэн*, *ваби саби* подробнее см.: Анарина Н.Г. Японский театр Но. М., 1984; Григорьева Т. П. Японская художественная традиция, М., 1979; Долин А. А. Предисловие к «Собранию старых и новых песен Японии», М., 1995; Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974; Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. М., 1992; Соколова-Делюсина Т. Л. Приложение. Мураками-сикибу. Повесть о Гэндзи. М., 1992–1990, т. 1–4; и др.

² Там же.

Японоведение богато работами и о следующей эпохе – Эдо (1603–1868), и ее правителях – сёгунах из рода Токугава. Не остается без внимания и такая важная особенность эпохи Эдо как становление городской культуры, так называемой *тёнин бунка*³. Эта культура формировалась в среде торговцев и ремесленников, сформировавших новый социальный слой горожан, и, на первый взгляд, настолько не была похожа на культуру предшествующих эпох, носителями которой были аристократы, монахи и самураи, что дала основание академику Н. И. Конраду (1891–1970) сравнить появление новых веяний в искусстве и, в частности, в литературе Японии с ее ярчайшим выразителем Басё, с той ролью, которую играл во Франции поэт Дю Белле (1522–1560). Конрад уподоблял поэзию обоих новой песне Вальтера из «Майстерзингеров», «поющего не по табулатуре», но именно так, как это соответствовало тому моменту. «В очень сходный момент истории в Японии на рубеже XVII–XVIII вв. по-новому прозвучали и мысли поэта Басё о сущности и задачах новой поэзии»⁴, – писал Н. И. Конрад.

Новое время диктовало новые условия и это находило выражение не только в поэзии – менялся стиль жизни, и возникали соответствующие ему новые жанры и виды искусства. Порождением городской культуры в Японии были и кукольный театр Бунраку, в лоне которого родился первый японский драматург Тикамацу Мондзаэмон⁵, и театр Кабуки. Они также могут быть восприняты как «Вальтерова песня» по отношению к пользовавшемуся популярностью в аристократической среде театру Но. Тоже самое можно сказать и о живописи, где появился любимый жителями городских кварталов новый жанр гравюры на дереве *укиёэ*.

Однако сопоставление культуры императорского двора эпохи Хэйан и совершенно непохожей на нее, на первый взгляд, культуры горожан в эпоху Эдо – *тёнин бунка* позволяет выявить лежащий в их основе единый эстетический принцип, определяющий специфику японской ментальности.

Сопоставление *отё бунка* именно с *тёнин бунка* представляется особенно интересным, поскольку носители этой культуры – горожане в эту эпоху уже не уступали аристократам по образованности.

Центрами зарождения городской культуры в Японии были быстро развивающийся Эдо, куда переместилось правительство сёгуна, и Киото – столица, где находился императорский двор. Историческое прошлое и

стремительно меняющееся настоящее наложили свой отпечаток и определили особенности городской культуры в этих регионах.

В Киото, как и в пору формирования здесь японской самобытности и культуры, признанной, как уже говорилось, классической, по-прежнему «культивировались» тонкость, изысканность, поэтичность и глубокий смысл, который несли с собой традиционные искусства.

Достигшие экономической независимости и самостоятельности горожане уже не желали довольствоваться впечатлениями, получаемыми от чужого мастерства. Они сами жаждали приобщиться к высокому и изящному. Можно сказать, что если в прежние времена культура и искусства, бывшие прерогативой аристократии и монахов, а потом самурайской знати и небольшой части городского населения, развивались «вглубь», обогащаясь новыми идеями и духовностью, то с XVIII в. культура и искусства стали распространяться «вширь». Теперь уже широкие массы горожан стремились овладеть различными «путями», как называют в Японии традиционные искусства⁶.

В XVIII веке в столице были созданы школы и курсы, на которых обучали всех желающих. Число мастеров, обучающих традиционным искусствам в столице, согласно переписи 1714 г., для своего времени было достаточно велико. Приводим перечень преподававшихся видов искусств и число мастеров:

Рэнга (составление стихотворных «цепочек») – 15;

хайку – 7;

уго (игра «го») – 4;

садо (чайное действо) – 3;

кадо (искусство составления букетов) – 11;

сёдо (каллиграфия) – 5;

танцы театра Но – 18;

сёко – (маленькие барабаны) – 19;

тайко (большие барабаны) – 20;

живопись (в стиле *яматэ*, *сумиэ*, *Кано*) – 17.

В этом списке отсутствует традиционный жанр японской поэзии *танка*. Это не случайно. *Танка* в период формирования городской культуры перешли в разряд «высокой поэзии». Их слагали по особым случаям, надписывали веера, в этой форме писались посвящения и благодарности. *Танка* слагали перед ритуальным самоубийством самураи. Аристократы, удостоенные чести бывать в императорском дворце,

³ Подробнее см.: *Добровольская-Редько*. Ихара Сайкаку. М.

⁴ Подробнее см.: *Конрад Н. И.* Избранные труды. Литература и театр. О некоторых вопросах истории мировой литературы. М. 1978, с. 6.

⁵ В литературном отношении пьесы кукольного театра, так называемые *дзёрури*, были более совершенны, чем пьесы современного ему Кабуки, поэтому многое в пьесах Кабуки, в особенности в плане композиции, стало заимствоваться из кукольного театра.

⁶ Искусство икэбана в Японии называют *кадо*, дословно путь цветов, искусство каллиграфии – *сёдо*, дословно путь письмен, искусство чайной церемонии – дословно путь чая. Путь по-японски *до*. Под словом «*дō*» (японское произношение китайского «*дао*») подразумевается Вселенский путь, иначе говоря, Путь Истинно сущего – основное понятие даосизма. Считается, что постижение Истинно сущего приводит к избавлению от суетных желаний, ложных ценностей и помогает обрести душевное равновесие, что и было целью традиционных искусств.

хранили в тайне «секреты мастерства» и из уст в уста передавали сокровенные учения о поэзии.

Поэты, не допущенные в это общество, стали находить новые способы занятия поэзией. Они обратились к другим поэтическим традициям, в особенности стал популярен новый жанр *хайку*. Составление «стихотворных цепочек» было одним из любимых развлечений горожан в Киото. Так же, как некогда придворные аристократы собирались для написания *танка*, они устраивали поэтические встречи, во время которых составлялись *рэнга*.

Стремление горожан овладеть различными искусствами, безусловно, способствовало поддержанию специфически «столичной» атмосферы в городах, которая ассоциировалась с высокой духовностью и эстетической утонченностью, однако оно же повлекло за собой возникновение ряда неизвестных прежде проблем. Занятие искусствами в определенной среде горожан стало считаться модным и престижным, отчего возникла опасность поверхностного усвоения правил и приемов без понимания духовной основы искусства. В результате «новообращенные» не умели отличить работу настоящего мастера от простой поделки.

В столице, где издавна отношение к искусству было почти сакральным и превыше всего ценилось подлинное мастерство, подобное положение вызвало беспокойство. С целью добиться глубокого понимания философских основ, на которых строились традиционные искусства, было принято решение, прежде всего, повысить уровень преподавания в общеобразовательных школах⁷. Особый упор делали на изучение литературы, учение духовных наставников и китайских философов, как наиболее способствующие общекультурному и духовному развитию личности. Считалось, что образованный человек и на кратких курсах обучения традиционным искусствам усвоит их философские основы, а не будет только копировать технические приемы.

В-третьих, возникла необходимость контролировать деятельность учителей, обучающих традиционным искусствам, и квалифицировать степень их мастерства, дабы исключить возможность профанации в этой чрезвычайно важной для жизни столицы сфере.

В-четвертых, стало очевидно, что сохранить самобытный стиль потомственных мастеров – выходцев из семей, где издавна занимались традиционными искусствами, будет невозможно, если как-то не «узаконить» систему преемственности. Так возник институт *измото* (букв. основа дома)⁸ – существующая по сей день система, которая является

⁷ Вообще в Японии в конце эпохи Токугава уровень просвещения был достаточно высок даже в сравнении с европейскими странами. Систематическое образование получали примерно половина мужского населения и около 15% женщин. Существовали школы для самураев, для торговцев и простого люда.

⁸ Впервые слово «*измото*» было употреблено в 1718 г. мастером чайного действа Сэкитику Сэн школы Ябуноути. Первыми *измото* стали мастера чайного действа Сэнкэ и Ябуноути.

школой (и как направление, и как орган обучения) традиционных искусств, которая представлена членами одной семьи, занимающимися определенным видом искусства по наследству и передающими свое мастерство тем, кто стремится овладеть им серьезно и на высоком уровне. Также как и многое другое, возникшее в Киото, система *измото* вскоре была введена повсеместно.

Эта система позволяла определить степень овладения мастерством. Высшей считалась степень *кайдэн* – «посвящен в тайны мастерства», дающая право иметь учеников. После узаконивания системы *измото* мастера, занимающиеся тем или иным видом искусства по наследству, наделялись правом выдавать обучаемым свидетельство о достижении ими той или иной степени мастерства. Введение системы *измото* связало учителя и учеников целым рядом взаимных обязательств. Все это свидетельствовало о чрезвычайной важной роли, которую искусство играло в жизни японцев, будучи частью их быта, повседневной жизни и духовной потребностью, а не просто средством скрасить досуг или выразить свое собственное понимание мира.

Нельзя отрицать и того, что по мере появления новых ценностей, привносимых экономическим благополучием, в ряде случаев просто отдавалась дань моде. Хотя сам факт престижности быть просвещенным и посвященным в искусство знаменателен.

Этот факт достоин особого упоминания еще и потому, что в этот же период в Эдо, который постепенно отвоёвывал у столицы звание главного города страны, по свидетельству исследователей, горожане как бы противопоставляли свой образ жизни и мыслей аристократической столичной утонченности. Они «бывало что и гордились бедностью, необразованностью, неотесанностью и радостно предавались забавам и развлечениям, транжиря деньги»⁹.

Жизнь в Эдо была ключом и порождала новые идеалы и новых героев своего времени. Это были обладающие веселым нравом, неунывающие, а порой и проказливые, *эдокко* (букв. дитя Эдо). О них рассказывает разнообразная и красочная, как гравюра, литература, представленная множеством жанров. Романтические, фантастические, волшебные, сентиментальные, приключенческие романы и повести, а позднее (со второй половины XVIII в.) авантюрно-комические по содержанию и реалистические по характеру произведения характеризуют литературу периода Эдо (*Эдо дзидай бунгаку*).

Жители Эдо развивали в себе силу и ловкость и по праздникам устраивали соревнования между собой, а не поэтические турниры. Жонглирование черепицей, поднятие тяжестей и многое другое в этом же роде заполняло их досуг. Любимым зрелищем и развлечением было

⁹ Накао Тацуро. Суй, цуу, ики. Эдо-но биисикико. (Исследование эстетического чувства в эпоху Эдо). Токио, 1984.

знаменитое соревнование *сикиба*, когда соревнующиеся, стоя на бревне, плывущем по реке, перебирали его ногами, удерживая равновесие при помощи шеста или веера. (Эта картина запечатлена на одной из гравюр жанра *укиё* работы Хиросигэ.)

Женщины переодевались в мужские наряды и также устраивали различные состязания. Настоящих гейш и чайных домов (которые не следует путать с веселыми кварталами) становилось все меньше и меньше. Словом, в Эдо процветала «мужская культура».

Специфика развития городов отразилась на многих видах искусства. Так в театральном искусстве сформировались существующие по сей день две исполнительские школы Кабуки: школа Камигата (Киото, Осака) и школа Эдо, которую отличал героико-романтический стиль актерского исполнения. В Киото и Осака театр был местом развлечения представителей нового класса горожан, охочих до переживаний, вызванных сложными перипетиями человеческих отношений. Это и послужило причиной того, что главным достижением киотской школы стала манера игры, отличающаяся большей реалистичностью в отличие от эдоской, исполненной героического пафоса.

Труд, развлечения, повседневную жизнь и праздники простых людей отражала гравюра *укиё*¹⁰, впоследствии принеся японскому искусству всемирную славу. Основной формой *укиё* была гравюра на дереве. Создатели этого нового жанра живописи, который также был порождением городской культуры, черпали вдохновение в «веселых кварталах», где проводили свой досуг часть горожан, – в квартале Гион в Киото и Фукугава в Эдо. Здесь находились театры и чайные дома, где посетителей развлекали песнями и танцами, специально обученные этому мастерству *гэйся*, как их называли в Эдо. Это слово вошло и в европейские языки как гейша, а в Киото представительниц этой профессии называли *гэйко*. Их портреты, а также портреты актеров Кабуки и куртизанок, т. е. героев тех мест, где горожане проводили свой досуг, занимали в *укиё* особое место.

Распространение гравюры было связано с тем, что новые «потребители прекрасного», разбогатевшие горожане, стремились утвердить свои собственные позиции. Запросы «заказчиков» изменились, у блестящих представителей старых живописных школ, в частности, у популярной в самурайской среде школы Кано и развившейся из *яматоэ* аристократической школы Тоса не оказалось последователей, в моду вошла гравюра. К тому же вскоре возникла потребность в тиражируемой изобразительной продукции, которая бы могла служить средством информации.

¹⁰ Словом «*укиё*» (букв. «плывущий мир») – обозначали земную жизнь с ее радостями и огорчениями, жизнь, которая по буддийским понятиям есть не что иное, как преходящий бренный мир.

«В условиях отсутствия “средств массовой информации” гравюра, в том числе и *бидзинга* (портрет красавицы. – М. Г.), выступала как своего рода масс-медиа, в несовершенной и, чаще всего, в не прямой форме. Она информировала горожан о некоторых сторонах жизни столицы, о модах, точнее о модных в текущем сезоне тканях для женского платья, о звездах “зеленых кварталов”, иногда о дочерях купцов или ремесленников, красота которых становилась предметом городских разговоров»¹¹, об актерах театра Кабуки и их ролях, о новых мостах и почтовых станциях, а также о пейзажах, встречающихся на новых дорогах, которые связывают друг с другом растущие города. Гравюры подобного рода можно считать прообразами современной рекламы.

Однако при наличии ряда общих черт стиль и пафос гравюр отличались в зависимости от того, где они были созданы. В Эдо пользовались популярностью календари с многоцветными гравюрами *эгоём* и «парчовыми картинками» *нисикиэ*, наподобие тех, что создавал непревзойденный Судзуки Харунобу¹².

О Харунобу говорят, что «он стремился превратить “плебейское” искусство *укиё* в явление, сопоставимое с классическим искусством периода Хэйан. Достичь этого не удалось, но изысканность стилистики Харунобу задавала тон развитию гравюры на протяжении всего XVIII и начала XIX вв.». Среди мастеров *укиё* появились подлинники художники, пытавшиеся передать в образах невыразимое в логических категориях.

В первую очередь это относилось к прославленным мастерам этого жанра Китагава Утамаро (1754–1806) из Киото и Тёсай Сяраку из Эдо (работал в 1794–1795 гг.). Оба мастера достигли вершин в своем творчестве, особенности которого отражают, соответственно, дух старой столицы и Эдо.

Героями работ Сяраку и Утамаро, как и других художников этого жанра, были обитатели кварталов развлечений: актеры эдоского Кабуки у Сяраку и куртизанки и гейши у Утамаро. Портреты работы Сяраку с нарушенными пропорциями лица, – это квинтэссенция психологической выразительности, в них «по-мужски» сильно передана природа различных душевных состояний – гнева, радости, скорби, переживаемых героями спектаклей в Эдо. Утамаро же на своих лирических гравюрах в чисто киотском духе изображал женщин в изящных позах. Наклон головы, линия шеи, изгибы складок кимоно создают эмоциональ-

¹¹ Успенский М. Японская гравюра. СПб., 1997, с.

¹² Необходимо отметить, что со временем стилистика его работ, их сюжеты и стихи, сопровождающие гравюры, стали свидетельствовать о стремлении внести классическую изысканность и утонченность, изящество и глубокий смысл в жанр, не претендовавший на принадлежность к «высокому искусству».

ную атмосферу его гравюр, исполненных, как говорили в Киото, в «простой, но изысканной стильности» – *суй*.

«*Суй*» записывается иероглифом, означающим «подлинный», «первозданный», «настоящий», «чистый», «без примесей». Словом, *суй* – это «суть», «сущность». «*Суй*» может означать также и «хороший вкус», «утонченность», «стиль», «элегантность». Неброская, но изысканная, каждый раз неповторимая стильность как выражение сути окружающих человека явлений и предметов, стала идеалом художественности, и образованные горожане употребляли слово «*суй*» как определение прекрасного.

В эту эпоху *суй* стало новым звеном в цепи категорий прекрасного (*моно-но аварэ*, *югэн*, *ваби-саби*), понимание которого всегда сводилось к «первозданной сути».

Однако ошибкой было бы считать, что жители Эдо, где как уже говорилось, не столько предавались овладению изящными искусствами, сколько развивали в себе силу, ловкость и смекалку, чужды были пониманию прекрасного и пренебрегали поисками сути вещей. У эдосцев был свой идеал прекрасного, рожденный в среде простых горожан. Назывался он «*ики*» и означал «подлинный», «без примесей», «простой», «первозданный».

Чрезвычайно любопытно и знаменательно то, что киотоское *суй* и эдоское *ики* имеют одно и то же происхождение и записываются одним и тем же иероглифом, имеющим два чтения: *суй* и *ики*. Отличие заключалось лишь в том, что из приведенных выше многочисленных значений этого иероглифа в Киото и Эдо выбирались те, которые больше соответствовали духу города. Городская культура Киото сформировалась в лоне утонченной аристократической культуры и стремилась к выявлению именно утонченности, изысканности в сути предметов и явлений. Культура же горожан из Эдо, пронизанная демократическим духом, искала, если можно так сказать, «живую» суть в окружающих человека предметах, явлениях, ситуациях.

На деле же жители обоих городов стремились к одному и тому же и ценили одно и то же: условно говоря, «совершенство стиля», понимаемое как отсутствие всего лишнего, в выражении идеальной первозданной сути того или иного, обнаружение которой вызывало различного рода переживания.

Вдобавок к этому, если вспомнить, что одно из значений иероглифа «*суй-ики*» – это «модный», «элегантный», обнаружится еще одна общность, характеризующая эпоху. А именно, жители Киото, который все еще был столицей, и Эдо, влияние которого на жизнь в стране усиливалось с каждым днем, гордились своим «городским» происхождением и, стремясь противопоставить себя жителям провинций, акцентировали модность, элегантность как один из критериев прекрасного.

Однако именно *ики*, будучи порождением жизни, бурлящей в городских кварталах, лишенное того оттенка столичной утонченности, который несло в себе *суй*, прочно вошло в сознание японцев всех социальных кругов и не потеряло своей актуальности по сей день.

В отличие от *моно-но аварэ*, *югэн*, а также *ваби-саби*, используемых в философском «высоком» смысле, *ики* прочно вписалось в жизнь японцев, став оценочной характеристикой, широко употребляемой в повседневной жизни и сегодня, причем в том же смысле, какой оно имело в эпоху Эдо. Понятие *ики* можно принимать к самым разным предметам, людям, если в них выражена характерность, которая и воспринимается как «первозданная суть» Им можно охарактеризовать отважный поступок, элегантный наряд, бойкого торговца, молчаливого студента, общительного вельможу, кокетливый взгляд, гибко склоненную над водой иву, прозрачный лед, контуры горных вершин, тугой блеск шелковой ткани, спокойный или, напротив, «напряженный» орнамент.

Ики означает «подлинный», «без примесей», «простой», «первозданный». Иными словами, наибольшей ценностью стала «простота», понимаемая как природная первозданная суть, лишенная вычурности, но содержащая в себе особую эмоциональную выразительность.

Очевидно, что понимание *ики* не противоречит традиционному японскому пониманию прекрасного, которое независимо от идеалов, порожденных социальными и историческими явлениями, всегда сводилось к сути предметов и явлений.

Однако, подобно тому как «сокровенная суть» *югэн* отличается от «очарования вещей» *моно-но аварэ*, а идеал простоты, обыденности и просветленного одиночества *ваби-саби* – от обеих этих категорий, хотя они и являются, как уже говорилось, «звеньями в одной цепи понимания прекрасного», *ики* также имеет свое весьма существенное понятийное отличие. Оно заключается в том, что *ики* не рассматривается как данность, свойственная самому объекту, а проявляется благодаря контексту, ситуации. Иными словами, *ики* – не есть «величина постоянная», оно поддается импровизации и может изменяться – усиливаться, ослабевать или исчезать в зависимости от места, времени и образа действия, что приближает его к пониманию сути как идеи, которая в различных условиях «работает» по-разному.

Этот компонент в понимании *ики*, существенно отличает его от *моно-но аварэ*, *югэн* и *ваби-саби*, однако не противоречит традиционному пониманию «природности» как главного критерия красоты, которая «возникает» в условиях определенной взаимосвязанности и может исчезнуть с утратой этих условий. Достаточно вспомнить, что в хэйанские времена слово «*сидзэн*», которое впоследствии стало употребляться в значении «природа» означало «самозарождающаяся», и «все-

общая взаимосвязанность» (*моно-о сокансуру кото*). Красноречивой иллюстрацией подобного понимания может служить эпизод из знаменитого эссе Кавабата Ясунари «Существование и открытие красоты», в котором известный мастер воспроизведения в своих произведениях красоты в «традиционном японском духе», любуясь игрой солнечных лучей в стаканах, рассуждает о том, что через секунду эта красота может исчезнуть, но он пережил ее.

Все это можно считать доказательством того, что вариативность *ики* не является «новым» нюансом в понимании красоты как идеального проявления первозданной сути в определенной ситуации и в определенном контексте

Подтверждением того, что это еще одна грань в понимании прекрасного, может служить и хорошо известное выражение «красота сама проявляется в соответствующее время в соответствующем месте» (*би ва онодзукара соно токоро ни ару*).

Однако, возвращаясь ко времени зарождения *ики* как понятия, следует подчеркнуть тот факт, что подобно тому, как среди придворной культуры способность к постижению *моно-но аварэ* считалась достоинством, среди горожан высоко ценились равно предметы и явления, становящиеся носителями *ики*, и те, кому удавалось его постичь. Об этом свидетельствует существование таких понятий как *ябо* и *цуу*, которые также как *ики* широко фигурируют в лексиконе современных японцев.

Ябо, иначе *бусуй* (букв. лишенный *суй*, он же *ики*, который есть не что иное, как антоним *ики*) условно можно перевести как «вульгарный», ровно в том смысле, в каком его употреблял Пушкин в «Евгении Онегине», говоря о Татьяне, что «никто бы в ней найти не мог, того, что в лондонском кругу зовется «вулгар», иначе говоря, спокойная, благородная простота, которая «заставляет сердце биться сильнее».

Ябо, как правило, это то, что крикливо, цветисто, самоуверенно, громко, поверхностно, отличается большими размерами и отсутствием гибкости и т.п. Это слово было в обиходе у горожан *тёнин* уже в эпоху Эдо. А сегодня японцы полушутя говорят, что оно более употребимо, чем *ики*, в силу того, что проявления *ябо* можно встретить гораздо чаще, чем *ики*.

С эдоских времен широко употребляемое и сегодня слово «*цуу*» означает «глубокое знание», хорошая осведомленность. Иногда оно выступало как синоним *ики*, но в отличие от *ики*, которое постигается также как *моно-но аварэ* на уровне чувств, *цуу* постигается интеллектом. Соответственно *цуу* можно овладеть в процессе обучения, постижению *ики* научить нельзя. Оно обусловлено сенситивной активностью человека и потому трудно формализуется вербально.

Цуу чаще всего, употреблялось в качестве характеристики, даваемой богатым купцам, если те были знатоками и ценителями прекрасного,

высококачественного, или общепринятого. Это восприятие на уровне сознания, тогда как *ики* постигается, как уже говорилось, эмоционально, в чем также прослеживается связь с «эмоционализмом» придворных кругов Хэйана.

Категория *ики* не менее интересна и не менее характерна для японской ментальности, чем категории *моно-но аварэ*, *югэн* и *ваби-саби*, поскольку, будучи звеном в цепи понимания прекрасного, служит еще одним подтверждением существования константы в менталитете японцев, а также ряда особенностей в понимании искусства в Японии и его роли в жизни японцев. К тому же, как уже подчеркивалась неоднократно, понимание *ики* – реалья наших дней.

Однако, несмотря на это, а, может быть, как ни парадоксально это может выглядеть, именно поэтому, *ики* как категория почти не исследована.

Первое упоминание об *ики* как о категории появилось в труде Куки Сюдзо (1888–1941) «Структура *ики*» («Ики-но кодзо»), опубликованном в 1930 г. С этого времени отдельные упоминания об *ики* стали встречаться в некоторых работах, но исследования как такового не было до последнего времени. Им стала диссертация «Эстетика повседневной жизни. Модернизм и широко распространенная в Японии эстетическая категория *ики*», защищенная в мае 1999 г. Ямамото Юдзи в университете Чикаго.

Ценность исследования Куки Сюдзо заключается в том, что он первый выделил понятие *ики* как категорию, однако его попытка рассуждать о японской ментальности в рамках западной философской мысли и оперируя ее терминами, в особенности в духе Мартина Хайдеггера, с которым он был дружен и в котором ему удалось пробудить интерес к *ики* как к понятию (Куки изучал западную философию во Франции и Германии в 1921–1929 гг.), оказалась несостоятельной.

Несмотря на наличие интересных наблюдений, и любопытных заключений, в силу крайней субъективности оценок, вне поля зрения Куки оказались такие важные характеристики *ики*, как имплицитность и «повседневность», под которой следует понимать вписанность *ики* в бытовое сознание японцев. Именно их выделяет в первую очередь Ямамото Юдзи.

Действительно, *ики* не может проявиться в условиях прямолинейности (это скорее будет *ябо*). *Ики* состоится и будет воспринято в том случае, когда есть намек, когда выразителен контур, когда деталь выражает больше чем целое, что бы это ни было. Иными словами, постижение *ики* приводится в движение тем же механизмом, что и все прочее, вызывавшее у японцев чувство взволнованности во все времена – недосказанностью, выразительностью деталей и образов, намеком, заставляющими работать воображение, и «сильнее биться сердце», как писала придворная дама Сэй Сёнагон в своих блистательных «Записках

у изголовья». По образному выражению, исследователя японской культуры Нисияма Мацуноскэ (одного из тех, кто выделил *ики* как категорию) «*ики* – это эстетика вида сзади»¹³. Рассматривая в этом плане гравюры укиё, Нисияма приводит в пример известную гравюру Хисикава Моронобу, которую художник назвал «Красотка, оглянувшаяся назад» («*Микэри бидзин*»).

В изобразительном искусстве, в частности в гравюрах, это стремление избежать «прямого» показа проявляется особенно наглядно (персонажи и предметы, имеющие первостепенное значение часто изображены в пол- оборота, или со спины). То же самое можно наблюдать и в быту – декоративный узел на поясе оби (существует более 100 способов его завязывания), располагается сзади, особенно изящна отогнутая сзади линия ворота кимоно, в затемненном углу может стоять красивая ваза или композиция и т.п. Словом, это красота «исподтишка» – одна из особенностей японского понимания художественности, проявляемая равно в искусстве и в быту. В отношении последнего есть все основания говорить о тесном переплетении искусства и повседневной жизни, о «вписанности» искусства в быт японцев. Это – не явление последнего времени. С хэйанских времен искусство было средством общения в быту, и в последующие времена на языке искусства говорили о сокровенном, по законам искусства строили свой быт.

Однако то, что с точки зрения представителя западной цивилизации представляется искусством и расценивается как художественность, для самих японцев имело совершенно другое значение. Любая деятельность, связанная с художественным воспроизведением, имеющая конечным результатом эмоциональную активность (что, собственно, и есть искусство), имела религиозно-нравственную ориентацию. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в японском языке не было этих слов – «искусство» и «художественность».

Конечно, в современном языке есть слово «*гэйдзюцу*», которым обозначают все то, что на европейских языках называется «искусством». Есть и слово «*бидзюцу*» для обозначения изящных искусств также в европейском понимании. Первое состоит из иероглифов «игра (на сцене)», «трюк», «фокус» и «мастерство». Второе из иероглифов «красота» и «мастерство».

Слово «*гэйдзюцу*» впервые встречается в китайской исторической хронике IV в. «Гокандзё». Но его нет в словаре японских архаизмов, и общеупотребительным оно стало в более позднее время и то для перевода с западных языков понятия «искусство».

«*Бидзюцу*» скорее всего калька с «изящных искусств». Слово же «художественность» отсутствует по-прежнему и перевод его на японский всегда приблизителен и зависит от контекста. Словом, то, что в

Европе называли искусством, в Японии было этической нормой, порожденной особенностями миропонимания, а потому и способом существования, и соответственно, частью повседневной жизни.

Все это дает основание говорить о глубоких различиях в эстетическом сознании и способах потребления прекрасного в Японии и на Западе. На Западе творили и создавали произведения искусства, в Японии, если можно так сказать, творили жизнь, и понятие «*ики*» – последнее звено в цепи понимания прекрасного – играло в этом первостепенную роль. *Ики* даже можно было бы назвать художественностью, проявляемой в повседневной жизни.

На Западе искусство всегда превалировало над обыденностью, Искусством занимались либо для того, чтобы заполнить досуг, либо для обогащения духовного мира. Произведения искусства коллекционировались, а позже выставлялись в музеях. Традиционная японская культура не знала столь распространенной на Западе деятельности как коллекционирование, а первый современный музей, да и то западного искусства, Музей искусств Охара, появился лишь в 1930г.

Японцы создавали вещи, которыми окружали себя, по правилам, которые на Западе в новое время рассматривались как законы искусства, в то время как для самих японцев они были средством приобщения к Природе и познания Истины¹⁴.

Японцы не стремились возвыситься над повседневностью, это было бы нарушением естественного хода событий, но старались внести в нее сдержанную взволнованность, тихий восторг, испытывая чувство благодарности от ощущения себя причастными великой Природе, когда удавалось постичь красоту, заложенную во всем, что окружает человека.

Вполне понятно, что и музеев в Японии не могло быть, поскольку музей как институт выходит за рамки повседневности. Экспонаты художественных музеев, как правило, уникальны по своим художественным характеристикам. Японцам же «художественность» в традиционном европейском понимании чужда. Наивысшая ценность, которая вызывает чувства, сопоставимые с эстетическим удовольствием, – это подлинность, первозданность и простота.

Подлинность как красота, имманентная от Природы – *моно-но аварэ*, подлинность как непознаваемая сокровенная суть *югэн*, как одиночество (не одинокость, а именно Одиночество, как «крик журавля в дождливую ночь») *саби*, как изысканность простоты, заключенная в природной первозданности *ики*, – такова цепь понимания сути предметов, явлений, действий, поступков.

Подлинность и простота не противоречат естественной повседневности, и в этом смысле *ики* можно было бы характеризовать как «художественность повседневности» или «повседневная художественность».

¹³ Нисияма Мацуноскэ. Эдогаку ньомон (Введение в изучение Эдо). Токио, 1989.

¹⁴ Подробнее см.: Вещь в японской культуре. М., 2003.

Для того чтобы нагляднее пояснить, как художественность и повседневность взаимодействуют в Японии, можно привести в качестве примера от противного высказывание Виктора Шкловского об искусстве «Для того, чтобы сделать предмет фактом искусства, нужно ... прежде всего, вырвать вещь из ряда привычных ассоциаций, в которых она находится. Нужно повернуть вещь, как полено в огне. У Чехова в его “Записной книжке” есть такой пример: кто-то ходил не то 15, не то 30 лет по переулку и каждый день читал вывеску: “Большой выбор сигов” и каждый день думал: “Кому нужен большой выбор сигов?”; наконец как-то вывеску сняли и поставили у стены боком, тогда он прочел: “Большой выбор сигар”. Поэт снимает все вывески со своих мест, художник всегда зачинщик восстания вещей. Вещи бунтуют у поэтов, сбрасывая с себя старые имена и принимая с новым именем — новый облик... Этим поэт совершает семантический сдвиг, он выхватывает понятие из того смыслового ряда, в котором оно находилось, и перемещает его при помощи слова (тропа) в другой смысловой ряд, причем мы ощущаем новизну, нахождение предмета в новом ряду. Новое слово сидит на предмете, как новое платье. Вывеска снята. Это один из способов обращения предмета в нечто осязаемое, в нечто, могущее стать материалом художественного произведения¹⁵.

Шкловский вводит понятие «остранение», т. е. превращения вещей из привычных в странные, необычные, из ряда вон выходящие, что и составляет, по его мысли, основной закон искусства. «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так, уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки... И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством»¹⁶.

Все сказанное выше, вызывающее одобрение и согласие большинства представителей западной цивилизации, скорее всего вызовет неприятие японца. Исключение составят лишь слова «делать камень каменным».

Определение Шкловским задач искусства совпадает с тем, как «работают» японские эстетические категории и, в частности, *ики*. Но у Шкловского эти задачи, ориентированы на искусство, а у японцев — на жизнь. Не случайно об *ики* было сказано выше, что это художественность, проявляемая в повседневной жизни.

«Выявить каменность камня», — это именно то, к чему всегда стремились японцы без намерения «делать искусство». Как уже говорилось,

стремление выявить суть чего бы то ни было, лежащее в основе миропонимания японцев, обуславливает все их действия, придавая им творческий характер. В результате стихи делаются средством общения, как это было в эпоху господства в духовной жизни *моно-но аварэ*, *ваби-саби*, для достижения которого были разработаны особые приемы, называют душой чайной церемонии, которая, как говорят японцы, в основе своей есть «встреча за чаем» — *тякай*.

Перечень мог бы быть довольно длинным, но в данном случае важнее остановиться на любопытном феномене — существующей в странах Запада тенденции относить к традиционным японским искусствам, условно говоря, способы заполнения досуга, которые в Японии принято называть «путями» (*до*)¹⁷. Другими словами, это — культурные традиции, одухотворенные религиозным мировоззрением, такие, как искусство составления букетов цветов, искусство каллиграфии, искусство чайной церемонии, в высшей степени эстетизированной, начиная от интерьера и экстерьера помещения и заканчивая утварью, сладостями, подаваемыми к чаю и регламентированными движениями мастера, совершающего это действие.

Однако сами японцы рассматривали и рассматривают эти одухотворенные религиозным мировоззрением культурные традиции как средство, способствующее избавлению от суетных желаний, ложных ценностей и помогающее обрести душевное равновесие, достижение которых считается жизненной необходимостью. Поэтому они и составляют часть образа жизни японцев.

Все сказанное выше дает основание Ямамото Юдзи считать, что понятие «японское искусство» имеет «западное происхождение».

Ямамото Юдзи выделяя *ики* как категорию, справедливо подчеркивает ее имплицитность и повседневность, однако за пределами его внимания остается такое важное обстоятельство, как связь *ики* с *моно-но аварэ*, о чем говорилось выше. Очевидно, что понимание *ики*, ставшее знаменем эстетического сознания в эпоху расцвета городской культуры, не только не противоречит традиционному японскому пониманию прекрасного, сформировавшегося в придворной среде Хэйана, где господствовало *моно-но аварэ*, но является его новым переосмыслением.

¹⁵ Шкловский Виктор. Искусство как прием. — О теории прозы. М., 1929, с. 11–12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Под словом *дō* (японское произношение китайского «дао») подразумевается Вселенский путь, иначе говоря Путь истинно сущего, — основное понятие даосизма.

Э. В. Молодякова

Японское общество, которое за последние полтора столетия претерпело три волны интернационализации, сохранило многие свойственные традиционным обществам черты и не изменило свою национальную идентичность на западную. Такие общества, как известно, являются исторически первичными. Они воспроизводят себя на основе традиции и имеют источником легитимизации прошлого традиционный опыт. Среди целого ряда существенных отличий таких обществ от современного общества главным по значению является доминирование традиции над инновацией. Это объясняется тем, что традиционным обществам «присуще религиозное, а не научное обоснование социальных сдвигов, преобладание мировоззренческого знания над научным и над технологиями»¹.

Кроме того, в традиционных обществах наличествует религиозное или мифологическое оправдание традиций, что блокирует возможность быстрых преобразований, создает сложности на пути модернизации. Традиционному обществу имманентно присуще преобладание ценностной рациональности, другими словами, преобладание ценности над целью. «Господство традиции и религиозно-мифологических форм сознания создает этот тип рациональности и поддерживается им. Традиционное общество организовано как целое. Ценностная рациональность – это рациональность целого, где индивид ориентируется на общие ценности, не выделяя себя четко из целого»². Традиционное общество социально более однородно, у него больше общих целей, общего интереса, что проявляется в воспроизводстве традиции.

В Японии наблюдается уникальное сочетание традиций и инноваций, при безусловном преобладании последних. Страна продемонстрировала поступательное развитие, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности, приверженность демократической системе власти и пр. Но при этом не произошла смена идентичности национальных социокультурных основ. В традиционном обществе много условных, ритуальных форм деятельности, в том числе и трудовой. Несмотря на то, что труд не всегда был эффективным, именно «в нем

разрабатываются многие символические и смысловые содержания, которые наследуются современным обществом автоматически, без особой рефлексии»³. В повседневной жизни модернизированного общества даже при сильном разрыве с традицией в повседневной жизни людей сохраняются традиционные формы бытования, что в полной мере наблюдается в японском обществе.

Пример японского общества подтверждает мнение ряда ученых о соотношении социокультурной традиции и современности. По их мнению, «новации стали рассматриваться как одна из форм и аспектов традиционализма, а традиция как динамичная форма социального наследования»⁴.

Ритуал является одним из основных элементов культуры каждого народа, присутствует в каждом обществе и служит инструментом сохранения традиций. В данном контексте уместно сказать о концепции двух традиций – Традиции с большой буквы и с малой буквы. Традиция с большой буквы – тайное (эзотерическое) знание, полученное через Откровение, (которое лежит в основе всех религий) и передается путем Посвящения (инициации) из поколения в поколение. Ее нельзя описать словами, она недоступна рациональному познанию. Именно проявлением такой Традиции являются идея божественного происхождения японской нации, ее исключительности, и сформировавшаяся на этой основе идеология японизма. Синто для Японии и есть Традиция. С маленькой буквы традиция – то, что можно выразить словами, что связано с повседневной жизнью. Иначе говоря, существует Традиция сакральная и традиция профанная.

Традиция сакральная – явление тотальное, т. е. охватывающее не только отдельные стороны жизни, но и всю совокупность земной и космической реальности. Традиция с большой буквы имеет надэтнический, универсальный характер. Примером этому служит ярко выраженная сакрально-географическая ориентация на север, присущая как европейской традиции, так и восточной. Под влиянием китайской традиции север почитался в японском ритуале, как место наивысшей сакральности, поэтому во время церемоний император находился на северной стороне⁵. Другими словами, «Традиция является сверхсовременным синтезом всей истины человеческого мира и человеческого цикла»⁶. Традиция с маленькой буквы – это ритуал, мораль, быт, нравы, обычаи. Концепция двух традиций является основой мировосприятия японцев.

История синто запечатлена в древних литературных памятниках, таких, как «Кодзики», «Нихон сёки», «Манъёсю» или «Энги сики», но

³ Там же.

⁴ Там же, с. 192.

⁵ Этот пример взят из книги: *Норито. Сэммё*. Перевод с яп. и комментарий Ермаковой Л. М. М., 1991, с. 200.

⁶ *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1992, с. 122.

¹ Федотова В. Г. Модернизация другой Европы. М., ИФ РАН, с.1 – <http://viperson.ru/data/200509/modernizofothereerope.doc>

² Там же, с. 123.

не менее отчетливо она проявляется и традиционно передается в ритуалах (сайси, мацури). Российский религиовед Е. А. Торчинова, исходя из того, что в основе любой религиозной традиции лежит «трансперсональное переживание»⁷, определяет религиозный ритуал, как «совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или на его символическую репрезентацию»⁸. Ритуал, утративший связь с глубинными переживаниями, даже в форме символической репрезентации понимается им как обряд. Подобные определения представляются наиболее продуктивными для описания всего комплекса ритуалов в синто, включающего религиозные и государственные, поскольку исторически между ними существовала неразрывная связь. Это проявилось в соблюдении на протяжении веков принципа *сайсэй умми* (единство религиозного ритуала и государственного управления, другими словами, совмещение жреческих и королевских функций).

Совокупность ритуально-обрядовых норм и практика в рамках одной конфессии определяются как литургика, которая также как догматика и этика является одним из трех важнейших компонентов религиозных традиций. В этом случае речь идет, безусловно, только о религиозных ритуалах, поскольку имеются разного типа ритуалы (государственные, воинские и пр.). Литургика оказывается единственно универсальным компонентом, встречающимся во всех религиозных традициях, в то время как догматика или этика могут либо вообще отсутствовать, либо находиться на самом низком уровне. Причина заключается в том, что именно ритуально-обрядовая деятельность, а вовсе не догматика является центральным и важнейшим компонентом любой религиозной традиции. Гораздо важнее то, что люди делают, нежели то, как они описывают свои действия или их мотивацию. При этом знание догматики отнюдь не является обязательным условием принадлежности к той или иной религиозной традиции. Участие же в ритуально-обрядовой деятельности является необходимым. Правильное соблюдение принятых в той или иной традиции ритуалов и обрядов абсолютно не предполагает обязательное знание догматики.

Роль ритуала в разных религиях бывает либо чрезвычайно велика (христианство, даосизм, буддизм махаяна), либо минимальна (протестантизм). Принятие японцами в контексте континентальной культуры именно махаянского буддизма в определенной степени объясняется тем, что в нем большую роль играла культовая сторона, а в синто как раз велика роль ритуала и обрядности. Сверхъестественный элемент в его литургической практике во многом был близок национальной

религии. Буддизм удачно соединился с местными верованиями японцев. Он не был воспринят как абсолютно чуждый элемент, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, не требовал отказа от прежних верований. Таким образом, он стал близок к существующему порядку и традиционной системе ценностей⁹.

Е. А. Торчинов предлагает разделять ритуалы психотехнического и мистериального типа. В первом случае они направлены на «достижение совершающим их человеком определенных трансперсональных состояний сознания». Самым чистым примером такого типа являются ритуалы тантрического буддизма, представляющие собой форму созерцания через совершение ритуальных действий. Во втором случае они тоже способствуют «переживанию тех или иных глубинных состояний», но без осознания психотехнического характера ритуала. Другими словами, влияние мистериального типа ритуала объясняется воздействием на верующих сакральных сил – божественной благодати, милости богов и т. п.¹⁰ Такой тип ритуала в значительной степени свойственен синто. Стоит заметить, что даже самый серьезный психотехнический или мистериальный ритуал может превратиться в обряд, если таково будет отношение к нему совершающего его человека (профанизация сакрального). Это зачастую имеет место в народных (популярных) формах религии, в которых доминирует именно магическое, а не религиозное отношение к ритуалу.

Ритуал чрезвычайно тесно связан с культом, подчас достаточно сложно их разграничить. Обычно ритуалы группируются вокруг того или иного культа, «являясь как бы религиозно-практическим его выражением». Для данного исследования наибольший интерес представляют мистериальные культы, к которым относятся культ божеств, являющихся центральными персонажами мистериальных ритуалов. Нередко сам культ приобретает значимость и широкое распространение именно благодаря высокому авторитету и эффективности его ритуалов и мистерий. В качестве примера можно привести культ Токугава Иэясу в храмовом комплексе Никко. Токугавский сёгунат для утверждения своей легитимности в первую очередь опирался не на идеи, а на различные ритуальные меры¹¹.

Религиозные ритуалы, помимо своего основного предназначения (вхождения в той или иной форме в контакт с сакральным), выполняют и другие функции, прежде всего, социально-психологические (ритуалы жизненного цикла), нормативно-политические (календарные ритуалы и обряды, интронизация монарха) и магические. По мнению автора

⁷ Здесь слово «трансперсональный» обозначает любые глубинные переживания.

⁸ Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998, с. 90.

⁹ Morioka Kiomi. Religion in Changing Japanese Society. Tokyo, 1957, p. 7.

¹⁰ Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного, с. 92.

¹¹ Карелова Л. Б. Учение Исида Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М., 2007, с. 28.

капитального труда по теории и практике ритуала, религиоведа К. Белла¹², в ритуале выражены символическим способом верования, и именно через его соблюдение они подтверждаются и распространяются. Наиболее часто система верований рассматривается как проявление взгляда на мир, связанного с культурной средой, или как совместно созданные идеологические системы, выходящие за рамки позиций отдельных лиц и их личных убеждений. При этом большинство символических актов, даже основные символы ритуальной жизни остаются весьма неясными для их участников или трактуются ими различным образом, но в то же время эти символы обеспечивают «общественную солидарность». Как замечает американский религиовед Дж. В. Фернандес, «ритуальные формы солидарности оказываются полезными и эффективными именно благодаря тому, что они редко сводятся к определенным и точным толкованиям», т. е. акцент делается на общих символах, а не на положениях веры. Более того, он подчеркивает, что упор на ритуальную форму, а не на догматы, способствует сплоченности адептов.

Несмотря на то, что у большинства людей религиозные верования относительно неустойчивы и не систематизированы, они не имеют связанной системы убеждений и не способны воспринимать теологические концепции, тем не менее, у них «довольно четкое представление о конкретных подробностях ритуала и поведенческих табу». Поэтому ритуал выполняет важную социальную функцию по внедрению веры и убеждений. «С учетом многократно повторяющегося использования ограниченного набора символов, обладающих мощным эмоциональным воздействием, ритуалы представляют собой важный инструмент формирования политических взглядов»¹³, — пишет американский религиовед Д. И. Керцер, подчеркивая значение функции социализации ритуала. В традиционных обществах, в которых религия неразрывно связана со всеми сферами деятельности, мультифункциональность ритуалов и обрядов особенно заметна.

Центральная роль ритуально-обрядовой деятельности в синто — теснейшая связь с государством — проявлялась в соблюдении уже упомянувшегося принципа *сайсэй итти*, состоящего из двух компонентов — религиозного ритуала и государственного управления, а также в неоднократно проводившейся систематизации и универсализации всей ритуально-обрядовой системы.

Подобных действий в сфере догматики не наблюдалось. Сам синто никогда не был единой целостной системой, представляя мозаику различных культов, их интерпретаций, ритуальных практик, которые пытались объединить и синхронизировать лишь на основе некоторых

общих представлений, которые зависели от взглядов и личности интерпретаторов. В целом же основу ритуально-обрядовой деятельности синто составляли календарные праздники, непосредственно связанные с сельскохозяйственными работами и сменой времен года, которые включают в себя ритуалы и обряды различной направленности и содержания.

Понятие «ритуал» в синтоистской традиции передается термином «*сайси*», который состоит из двух иероглифов, первый читается *сай* и *мацури* и означает празднество, праздник, второй — *мацуру*, т. е. обожествлять. Для обозначения различных типов ритуала используется обычно понятие «*мацури*». Оно имеет чрезвычайно сложное и емкое содержание, что видно хотя бы из его этимологии. Известный религиовед и настоятель одного из древнейших синтоистских святилищ Титибу Сонода Минору отмечает, что слово «*мацури*» происходит от глагола «*мацуру*», или «*мацурау*», что означает «служить с почтением кому-то высшему». А глагол «*мацу*» (ждать) может также передавать состояние человека, готовящегося к встрече с божеством и желающего обратиться к нему с «божественным словом» — «*микото*», т. е. с мольбой¹⁴.

Ряд ученых полагает, что первоначальное значение термина «*мацури*» восходит к слову «*мацурау*», которое можно толковать «как быть с», «быть внимательным к нуждам», «развлекать», «служить kami, душам умерших, лицам с более высоким социальным статусом». Возможно, слово «*мацури*» происходит от глагола «*матинодзому*» — «ожидать с надеждой» или от «*матикогарэру*» — «ожидать с нетерпением». Поэтому «*мацури*» по своему содержанию означает также «почитание, поклонение, богослужение, культ». В старину этим словом обозначались все действия, связанные с поклонением синтоистским божествам *kami*, оказанием им почестей, их умиротворением, т. е. весь комплекс ритуала моления. Другими словами, *мацури* был связующим звеном в общении людей с божествами. По мнению Дж. М. Китагава, «*мацури*, или синтоистское богослужение, было не просто религиозным ритуалом, но жизнью с божеством, основанной на защите и духе божества»¹⁵. Физический акт *мацури* предполагал уважительное отношение, почтение, готовность слушать, служить и повиноваться. Например, во время почитания душ умерших (*тама мацури*), когда считалось, что души умерших посещают дома своих потомков, обычно глава семьи предлагал им еду и напитки, как если бы они были живыми. Подобный смысл вкладывался и в *мацури*, которые посвящались *kami*.

Таким образом, термином «*мацури*» обозначаются различные религиозные церемонии и связанные с ними празднества. Однако в настоящее время так обозначаются самые разнообразные праздники, как ритуаль-

¹² Bell, Catherine. Ritual Theory, Ritual Practice. New York, Oxford, 1992, с. 182–187.

¹³ Kertzer D. I. Ritual, Politics and Power. New Haven, Yale University Press, 1988, p.95.

¹⁴ Sonoda Minoru. The Religious Situation in Japan in Relation to Shinto. — Acta Asiatica. Vol. 51 (1987), p. 8–11.

¹⁵ Kitagawa Joseph.M. Understanding Japanese Religion. Princeton, New Jersey. 1987, p. 117.

ные, так и утратившие культовое содержание, ставшие частью повседневной жизни. У японцев, как и у любого народа, в основе культурно-религиозной традиции лежит ритуал, оформившийся в архаический праздник. Такой праздник имел синкретический характер и выполнял многие функции – экономическую, религиозную, моральную, социальную. Он был неразрывно связан с мифом, прежде всего с первобытной мифологией о начале мира и общества. Точнее сказать, архаический праздник лежит в основе этой мифологии. Реконструкция этого феномена позволяет сказать, что он был поистине массовым, вовлекая значительную часть общества в его проведение, был отнюдь не тайным, очень веселым, без особой торжественности и что в нем проявлялись оргиастические черты. Последнее связано с тем, что не только брак, но и коллективная оргия «имеют свои мифические прототипы, их повторяют, потому что они были освящены *от основания (во время оно, ab origine)*, богами, предками или героями»¹⁶.

Древнейшие японские мифы теснейшим образом связаны с *мацури*. В них можно отметить, например, обычно табуированную практику инцеста, которая не только допускалась, но, напротив, играла очень важную роль, поскольку рассматривалась как особая ритуальная свадьба-торжество. На нее имели право только избранные представители общества, которые были ответственны за сохранение космического порядка. Совершалась она не в обычное время, а в праздники. В древних памятниках встречаются упоминания об инцесте в императорской семье не только в «эру богов», но и в более позднее время. «Архаический праздник, по-видимому, уходит своими корнями в столь *отдаленное* прошлое, так прочно закреплён в памяти человечества, что нередко влияет на формирование тех или иных традиционных представлений»¹⁷.

В архаическом, традиционном обществе миф существовал как сакральный порядок, и мифологические сюжеты служили непосредственным источником драматургической структуры праздника, поэтому их можно было вполне назвать «священной драмой» (по определению М. Сонода). «Мифы, – пишет религиовед М. Элиаде, – сохраняют и передают парадигмы-образцы, в подражании им осуществляется вся совокупность действий, за которые человек берет на себя ответственность. Силой этих служащих примерами прообразов, очевидцами которых были люди мифического времени, периодически воссоздаются космос и общество»¹⁸. Первородный хаос, о котором говорилось в них, позже проявился в карнавальным чертам религиозных праздников.

Праздник вообще явление всеобщее и постоянное. «Праздник – первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть и даже выродиться, но он не может исчезнуть вовсе»¹⁹, – писал автор классических трудов по теории культуры М. М. Бахтин. Особое внимание следует обратить на первичность и на неуничтожимость этого феномена. У любого народа – и японцы не являются исключением – в основе культурно-религиозной традиции лежит ритуал, оформившийся в архаический праздник.

Именно к архаическому празднику восходит все богатство духовной жизни людей в разных странах, т. е. он имеет универсальный характер при всем разнообразии проявлений, которые уже напрямую связаны с особенностями национальных культур. Их эволюция шла по пути кодификации ритуального поведения, создания различных форм и стандартов художественного выражения.

Праздник – это прямое противопоставление будничной жизни, веселое времяпрепровождение. М. М. Бахтин писал: «Общим знаменателем всех карнавальных черт различных праздников является существенное отношение этих праздников к веселому времени»²⁰. Другими словами, речь идет о противопоставлении «обыденного» (профанного) и сакрального, реализуемом в делении жизни общества на трудовой и праздничный периоды. Английский ученый В. Тёрнер противопоставляет *мацури* определенному порядку и называет их «антиструктурой», проявлением другого мира»²¹. При этом праздники могут быть и сакральными и мирскими, а последние, в свою очередь, могут быть связаны с сакральной историей народа или иметь сугубо развлекательный характер. При реконструкции архаических праздников ученым удалось установить, что «многие праздники не священного характера совершаются параллельно со священными церемониями, или же одна церемония распадается на более или менее тайные части, совершаемые раздельно, но одновременно»²². Поэтому их можно рассматривать как сосуществование противоположностей.

Это положение весьма важно для понимания сущности многих *мацури*. Действительно, во время их проведения можно наблюдать, как в торжественный ритуал вплетается какое-либо действие (например, что-то вроде пирушки), которое, казалось, должно вступать в противоречие с торжественной атмосферой, но в случае *мацури* этого не происходит. По мнению японского этнолога К. Янагава, «такой контраст можно

¹⁶ Элиаде Мирча. Космос и история. М., 1987, с. 33.

¹⁷ Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983, с. 187.

¹⁸ Элиаде Мирча. Космос и история, с. 30.

¹⁹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 300.

²⁰ Там же, с. 238.

²¹ Turner V. The Ritual Process. Chicago, 1969, p. 40.

²² Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология, с. 13.

рассматривать как часть единого процесса, в котором, с одной стороны, подчеркивается формальная часть, а с другой – неформальная»²³.

Формальная сторона – это торжественный ритуал, проводимый во время *мацури*, отделенный от последующего празднования (*сайги*), а неформальная – собственно праздничность (*сюкусай*). Для обозначения *мацури*, в которых соединены торжественный ритуал и общинные праздники, используется термин *сайтэн*. Ритуал, будь он простой или очень сложный, всегда выражает или передает отношение торжественности, почтительности к чему-то священному, сакральному. Обычно он совершается *каннуси* в святилище или в специально отведенном месте. Во время *мацури* может совершаться один или несколько ритуалов. Первым неизменно следует ритуал очищения человека, который должен приветствовать божество, или места, где оно должно появиться. Подобное действие символизирует переход в другой – сакральный – мир и выражает стремление сделать все возможное для реализации сакрального порядка, для его восстановления. Потому, что восстановление сакрального порядка вещей, «вечное возвращение» лежит в основе литургической практики ритуала любой традиционной религии, что прекрасно видно на примере синто.

Во многих *мацури* главной составляющей до сих пор остается ритуал, который с течением времени мог утратить связь со святилищем. Любой ритуал имеет свою сакральную модель. Вообще в жизни японцев очень много разного рода ритуалов, которые инкорпорировались в *мацури*, сделав их важным социальным фактором.

Мацури первоначально означали ритуалы, общие для всех святилищ, а затем уже появились так называемые специальные церемонии и ритуалы (*токусю синдзи*), которые отражали специфику того или иного *дзиндзя*. Во всех местных святилищах испокон века отправлялся строгий религиозный обряд, посвященный местному божеству, для ежегодного почитания которого устанавливался определенный день (аналог православного престольного праздника). Праздник основания святилища, или *мацури*, связанный с божеством, почитаемым в нем, называется *рэйсай*. В древности он именовался «великим праздником» или по названию святилища.

Однако с VII в. по мере проникновения буддизма в Японию это понятие приобрело более широкое значение. Постепенно началось взаимопроникновение *мацури* и буддийских церемоний. Буддийские храмы устанавливают собственные *мацури*, добавляя синтоистские ритуалы в свою литургическую практику. Например, *хибуцу* (скрытые будды), их раскрытие и представление во время церемоний является примером того, как синтоистские понятия появления и представления божества были

усвоены ритуалом и праздниками японского буддизма. Еще отчетливее это проявилось в традиции *сюгэндо* (путь обретения сверхъестественного могущества – религиозно-магическая, аскетическая практика в горах), что отразилось в практике *ямабуси* (монахи отшельники). Например, в *ямабуси кагура* танцоры представляют божества гор *яма-но kami* или местных божеств *гонгэн*, которые инкорпорированы в синто-буддийский пантеон.

Трансформация *мацури* в секуляризированный праздник произошла в конце XVI в., когда он стал выходить за рамки святилищ и храмов на городские улицы, превратившись, по определению выдающегося этнографа К. Янагида, из *мацури* в *сайрэй*²⁴. Последнее слово так же, как и *мацури*, переводится на русский язык как «празднество», «религиозная церемония». Однако японский ученый вкладывает в слово *сайрэй* иное содержание, трактуя его, скорее, как светский праздник и даже развлечение, в отличие от *мацури*, в котором он подчеркивает религиозный аспект.

Именно превращение *мацури* в *сайрэй* К. Янагида расценивает как важнейшую перемену в японских календарных праздниках. Он связывает ее с тем, что с развитием городской культуры в *мацури* стало принимать участие большее число людей, для которых он превратился просто в красочное зрелище, а ритуальная сторона отошла на второй план. Действительно, «в широком историческом аспекте распространение праздника сочеталось в прошлом с изменением характера основных занятий населения, с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, от охоты и пастушества к земледелию, наконец, с переходом от деревенской жизни к городской»²⁵.

В настоящее время все большее распространение получает уже упоминавшийся термин «*сюкусай*», которым часто переводят понятие «праздник» в его европейском варианте – festival. Оно ассоциируется с безудержным весельем, карнавалом и отнюдь не идентично понятию «*мацури*». По сути, это определенный ритуал, который мобилизует большое число людей, соединяя в себе церемониальный и развлекательный аспекты.

В *мацури* же, особенно с добавлением гонорифического префикса «о», выражающего высшую степень почтительности, наиболее значим ритуал, ибо в нем всегда важное место занимает «общение» с божествами в разных формах. Это «общение» есть своего рода представление, создание сакрального пространства для божества, в котором и осуществляются «божественные забавы» (*каннигиваи*)²⁶. По мнению японского ученого Дж. Китагава, в это время божество выражает свою волю че-

²³ Matsuri. Festival and Rite in Japanese Life. Tokyo. 1988, p. 7.

²⁴ Янагида Куньо. Нихон-но мацури. (Японские праздники). Токио, 1982, с.33, 52.

²⁵ Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985, с. 63.

²⁶ Matsuri. Festival and Rite in Japanese Life. Tokyo, 1988, p. 6.

ловеку, а он в свою очередь обращается с мольбой к *ками* и делает это как бы по его воле. Другими словами, опять происходит единение человека и божества. Поэтому *мацури* можно рассматривать как общий ритуал человека и *ками*, который проводится по обоюдному желанию.

В Японии и сейчас отмечается великое множество *мацури*, которые отличаются друг от друга традициями и местными условиями. Но абсолютное большинство их – регулярные, совершаемые раз или два в год по определенным дням уже упоминавшиеся *рэйсай*. Обычно они соответствуют весеннему празднику мольбы о хорошем урожае или осеннему празднику благодарения за него, а также посвящены *ками* данного святилища (может быть, одному или нескольким) и другим важнейшим событиям, связанным с его конкретной историей.

Этнографы самыми древними считают праздники, связанные с культом животных. Они уходят корнями в те времена, когда складывались тотемические представления и вера в то, что магическими действиями человек может воздействовать на окружающие природные и сверхъестественные силы, которых он считал полновластными хозяевами своей судьбы. К наиболее древним принадлежат и сезонные обряды, прежде всего, связанные с земледельческим трудом. Они возникли еще в глубокой древности, когда результаты труда земледельца находились в полной зависимости от погодных условий и различных случайностей. Возможно, поэтому некоторые японские ученые, например С. Иэнага, рассматривают сложившуюся еще в первобытном обществе систему земледельческих обрядов и празднеств как национальную религию²⁷.

В глубокой древности японцы возделывали корнеплоды, а в V в. до н.э. перешли к рисосеянию. Поэтому *мацури*, прежде всего, связанные с сельскохозяйственным циклом, повторяют или возобновляют ежегодный процесс возделывания той или иной культуры. Большинство древних *мацури* имеют отношение к выращиванию риса. Они приходятся на время обработки земли, высадки рассады, сбора урожая и т. п. и идут от того времени, когда существовал обычай молиться богам или благодарить их²⁸. Ритмически сменяющие друг друга циклы выращивания и сбора урожая риса породили весенние и осенние сельские праздники – ритуал моления об урожае (*тосигои*) и ритуал приношения богам риса нового урожая (*ниинамэ*). В деревенских *мацури* отражено обращение к множеству *ками*, связанных с природой как источником всего сущего, т. е. видна непосредственная связь с сельским хозяйством и сельскохозяйственным календарем.

Поводом для возникновения обрядов и ритуалов служили избавление от стихийных бедствий: наводнений, засухи, тайфунов; а также из-

гнание птиц и вредных насекомых с полей, спасение людей от болезней с помощью магического предмета (сжигание или бросание в реку фигурок, изображающих человека), «общение» с предками. Таким образом, в основе календарных обычаев и обрядов японцев лежат три главных момента – земледельческие работы, поклонение обоженным силам природы, культ предков. Однако все многообразие обрядов в основе своей нацелено на получение щедрого урожая. Что же касается «общения» с предками, то и оно направлено на умиловление их душ, чтобы они помогли получить и сберечь урожай.

Во многих случаях сейчас уже точно не известно событие, которое легло в основу того или иного праздника. Но, тем не менее, происходит как бы возобновление первоначально установленного порядка, как правило, закрепленного в мифологии. Большинство *мацури* основано именно на восстановлении или воспроизведении какого-либо события, которое и послужило началом празднования. М. Элиаде писал: «Мы всегда современники какого-либо мифа, когда его рассказываем и когда имитируем жесты или поступки мифических персонажей»²⁹, т. е. совершаем ритуал мистерийного типа, элементы которого неизменно присутствуют в *мацури*. Это перекликается со словами японского философа-традиционалиста первой половины XVIII в. Када Адзумамамаро, одного из основателей «школы национальных наук» (кокугакуха): «Когда мы преуспеваем в выражении древних слов и чувств, мы переносимся в древность, даже если живем в более позднюю эпоху»³⁰. Конечно, эти слова относятся, прежде всего, к литургической практике, но с полным правом их можно применить и к *мацури*. Например, к Новому году, который «возрождает время», т. е. повторяет космогонический акт. По словам М. Элиаде, «человек лишь повторяет акт творения, а его религиозный календарь отмечает на протяжении одного года все космогонические фазы, которые имели место *от основания*»³¹. Вероятно, отсюда берет начало традиция совершать что-то впервые (*котомадзимэ*), особенно ярко проявляющаяся во время празднования Нового года: первое посещение святилища (*хацумодэ*), отправка на продажу первых товаров (*хацуни*), начало торговли (*хацуури*), первая покупка (*хацубай*), первая работа в году (*сигото хадзимэ*), первая уборка в доме (*хакидзомэ*).

Безусловно, понятие восстановления традиционного порядка имеет достаточно абстрактный характер. Главный смысл его в том, чтобы почтить память и возродить, возобновить тот порядок, который был присущ событиям далекого прошлого. В ходе праздника, совершения ритуала будничное (профанное) время меняется на сакральное, отсчет

²⁷ Иэнага С. История японской культуры. М., 1972, с.34.

²⁸ Yanagida Kunio. Japanese Manners and Customs in the Meiji Era. Tokyo, 1957, с. 268.

²⁹ Элиаде Мирча. Космос и история, с. 44.

³⁰ Цит. по: Muraoka T. Studies in Shinto Thought. Tokyo, 1964, с.119.

³¹ Элиаде Мирча. Космос и история, с. 46–47.

которого начинается с момента установления первоначального порядка. Поэтому для понимания сути *мацури* принципиальное значение имеет календарь, который вносит порядок в их сферу. Ныне можно считать установленным, что у большинства народов календарь восходит к ритуалу: он установлен с тем, чтобы воспринимать «сакральные команды». В соответствии с ним праздникам отводятся определенные отрезки времени и за ними закрепляются соответствующая периодичность: годовая, месячная, недельная. Например, *мацури*, связанные с культом луны, отмечаются два раза в месяц – во время новолуния и полнолуния. Обрядовые действия посева или сбора урожая – по разу в год. Есть и более длительная периодичность, хотя ее причины не совсем ясны.

В Японии календарь основывался на сельскохозяйственном цикле, который, собственно говоря, детерминировал его появление. Древний японский календарь вообще назывался «Ритуалы в течение года» («*Нэндзю гёдзи*»). Имелись в виду, прежде всего, религиозные ритуалы, поскольку японская религия весьма четко структурирована в соответствии с праздничными календарными циклами и праздничными днями *сайдзицу*. Детали в этом календаре варьировались в зависимости от регионов и святилищ, которые сами определяли дни своих регулярных праздников, а также проводили общенациональные празднества. Многие из них опирались на памятные даты и события жизни святилищ. В «*Нэндзю гёдзи*» входят праздники, датируемые как по лунному, так и по лунно-солнечному календарю. С введением последнего (III–VII вв.) первый день нового года, т. е. первый день первой луны, передвинулся со дня полнолуния на день новолуния. Введение солнечного календаря нарушило установленный порядок ритуалов годового цикла. Но многие, особенно местные праздники и по сей день отмечаются по лунному календарю. Определение даты праздника при переходе с лунного календаря на солнечный делалась на основе соблюдения следующих принципов:

- 1) добавлялся один месяц к дате по лунному календарю: 15-й день 7-го лунного месяца стал 15-м днем 8-го месяца;
- 2) праздник проводился в тот же день по солнечному календарю, что и по лунному: 15-й день 7-го месяца стал 15-м июля;
- 3) праздник сохранял дату по лунному календарю, поэтому она стала скользящей.

Это привело к некоторой размытости зимних и летних *мацури*. Действовавший столетия лунно-солнечный календарь, по которому определялись религиозные и ежегодные ритуалы, был в 1683 г. несколько модифицирован. Он усвоил некоторые элементы буддизма, локальных и храмовых праздников и сосредоточился вокруг пяти сезонных праздников *госэкку* – *дзиндзицу*, *хинамацури*, *танго-но сэкку*, *танабата*, *теэсики* – с добавлением Нового года и Бона. Такое летосчисление сохранялось до введения в стране с января 1873 г. григорианского календаря.

В начале VII в. создается единое законодательство, представленное сводами «Тайхо рицурё» и «Ёро рицурё», в которых представлены разделы, касающиеся вопросов синто. В «Тайхо рицурё» утвержден список национальных ритуалов и время их проведения. «Все церемонии можно разделить на три группы: 1) сезонные (совершаемые один раз в сезон, № 1–13); 2) внесезонные (№ 15, великое очищение дважды в год); 3) чрезвычайные (№ 14)»³². В «Законе о небесных и земных духах» в «Ёро рицурё» приводится перечень 13 празднеств, совершаемых во всех государственных святилищах. Перечень открывается молебствием в 4-й день 2-й луны (*тосигои*), которое было первым молебствием сельскохозяйственного года (об урожае и мире)³³.

Следующим шагом универсализации ритуальных действий, кодификации ритуалов становится составление сборника «Церемонии годов Энги» («*Энги сики*»), которое представляет собой свод дополнительных правил к ранее провозглашенным императорским указам (*сэммё*) и ритуалам, о которых говорилось в упоминавшихся кодексах. В «*Энги сики*» зафиксированы архаические пласты синтоистских верований. Из пятидесяти свитков «*Энги сики*» десять посвящены различным аспектам синто. В других также встречаются ссылки на различные аспекты национальной религии.

Для данной статьи особый интерес представляет, прежде всего, свиток первый и второй, которые посвящены *мацури* четырех времен года. В первом свитке говорится о ежегодных празднествах, молениях богествам, которые проводились по указанию государственного органа, (*Дзингикана*) во всех государственных святилищах. Согласно «*Энги сики*», все праздники разделены в соответствии с временами года или сезонами на три категории по их важности, с соответствующими правилами проведения ритуалов и набором подношений. Весь ход церемоний расписан подробнейшим образом. Например, во время *тосигои мацури* следовало обращать молитвы об урожае к 3132 *ками*. При этом богослужения для 737 из них проводили чиновники *Дзингикана*, а для остальных – священнослужители в провинциях.

Мацури старого сельскохозяйственного календаря отразили все многообразие трудовой деятельности японцев, связанной с земледелием, фенологические и экологические знания людей. Иными словами, они представляют собой совокупность сведений о периодически сменяющихся друг друга природных явлениях, их влиянии на рост земледельческих культур, урожай, вообще на жизнь человека. Поэтому в *мацури* сильна сезонная ориентация. Современные японские этнографы тоже признают деление праздников по временам года, т. е. весенние, летние,

³² Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. I–XV законы. М., 1985, с. 223.

³³ Подробнее см.: М. В. Воробьев. Японский кодекс «Тайхо Ёро Рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. М., 1990, с. 2–27.

осенние и зимние, особо выделяя праздник Нового года³⁴. «Сезонность» – соотнесенность жизни людей с природным циклом – является одним из ведущих эстетических принципов и в других областях культуры (вспомним традиционное сезонное деление японских поэтических сборников).

Праздники подразделялись на большие (*тайсай*), средние (*тюсай*) и малые (*сёсай*). Самым главным среди больших праздников является *Дайдзёсай* – молебствие «великой пробы нового урожая, которое проводится один раз в царствование императора во время восшествия на престол»³⁵. Детальное описание церемонии его проведения дается в седьмом свитке. Этот праздник был интегрирован в сельскохозяйственный цикл (появится его разновидность – ежегодный праздник приношения богам риса нового урожая *ниинамэ мацури*) и с него начинается также календарь политических событий, связанных преимущественно с жизнью императорского двора. Но и эти праздничные действия направлены на то, чтобы благодарственными молениями и ритуалами очищения обеспечить благополучный сельскохозяйственный год и контролировать порядок в природе и государстве.

В среднюю группу входят пять национальных праздников: *тосигои*, *цукинами*, *каннамэ*, *ниинамэ* и *камо*. Они отмечаются как в обычных святилищах, так и в находящихся в ведении *Дзингикана*. Одновременно были выделены святилища по всей стране, в которых на празднества направлялся специальный посланник (*тёкуси* или *кэмэйси*) с дарами (*хэйхаку*). Назывались такие праздники *тёкусай*. К категории малых причислено 13 праздников.

Проведение ежегодных праздничных церемоний начиналось не с первого, а со второго месяца, который открывал новый сельскохозяйственный год. Это был уже упоминавшийся *тосигои мацури*. В первом свитке ничего не говорится о Новом годе, но в четвертом есть упоминание о подношении в первый день каждого нового года в святилище в Исэ и аффилированных с ним святилищах *сакэ*, трав, которые, по поверьям, обеспечивают людям здоровье и долголетие. Позже эта традиция стала составной частью новогодней обрядности.

Перечисление ежегодных национальных церемоний во втором свитке начинается с проводимого в девятом месяце важнейшего праздника благодарения за новый урожай риса в святилище Исэ – *каннамэсай*, затем праздника совместной пробы нового урожая *айнамэсай* в 11-м месяце, праздника зимнего солнцестояния *тинкосай* или *тамасидзумэ*, *ниинамэсай*, также посвященного благодарению за обильный урожай, который проводится по всей стране и подношения делаются 304 *ками*.

³⁴ См. подробнее: Хага Хидэо. Нихон-но мацури (Японские праздники). Осака, 1965; Хигути Киёюки. Мацури то нихондзин (Праздники и японцы). Токио, 1978.

³⁵ Engi-Shiki. Procedures of the Engi Era. Books I-V. Tokyo, 1970, p. 42.

В третьем свитке говорится о нерегулярных праздниках, или *риндзисай*, проводимых по особым случаям. К такому типу относится, например, празднование по случаю возведения нового здания святилища, или *амагои мацури* – моления о ниспослании дождя во время засухи, или по поводу отправления посольств за границу, а также принятия посольства с ответным визитом.

Праздники можно разделить на общенациональные и местные. Примером первых служат Новый год и праздник девочек. Местные праздники включают такие грандиозные, известные всей стране, как *Гион* в Киото, *Сэннин гёрэцу* в Никко или *Тэндзин* в Осака, а также посвященные «своему» локальному божеству или событию, о котором знают лишь жители данной деревни или небольшого городка, либо только прихожане маленького храма.

Мацури прошли путь от архаической до современной стадии, отражая социально-экономическую и политическую историю страны. В них нетрудно заметить значительное влияние государства, придававшее многим из них устойчивый, строго определенный характер. Прежде всего, это относится к ритуалам императорского двора. Понятие «государственное управление или политическая администрация» в упоминавшейся концепции *сайсэ итти* передается термином *мацуригото*. Точно не известно, когда появился этот термин, но, по мнению японских историков, его содержание относится к тем временам, когда «одной из главных функций племенных вождей в древней Японии было поддержание тесных контактов с *ками*, проявление внимания к их нуждам и следование их воле, передаваемой через откровения, сны и предсказания. Записи о легендарных монархах царства Ямато определенно свидетельствуют, что основная деятельность императорского двора заключалась в делах, связанных с *мацуригото*, которое имеет двойственное толкование³⁶. С усиливающейся стратификацией общества, безусловно, происходило изменение архаичной религиозно-политической структуры в сторону ее усложнения и соответственно уточнения понятия *мацурау*. Связь управления с *мацури* проявлялась в том, что она подразумевала, прежде всего, осуществление религиозных императорских ритуалов, которым придан статус государственных актов. Другими словами, *мацури* как моление, поклонение устойчиво ассоциировался с управлением, соединяя, таким образом, духовную и светскую власть в соответствии с традиционным сакральным принципом единства ритуала и управления (*сайсэй итти*).

Сразу же после реставрации Мэйдзи политической элитой был провозглашен принцип единства ритуала и управления. Этот политический акт *ознаменовал* возврат к уже упоминавшемуся древнему сакральному понятию единства жреческих и королевских функций. Новые

³⁶ Kitagawa Joseph. Understanding Japanese Religion, p. 122.

власти позаботились о сакрализации проводимых преобразований, ибо «истинная власть приходит всегда сверху и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, кто стоит выше социальной сферы, т. е. только с санкции власти духовной»³⁷. Безусловно, в новое время абсолютное единство государства и религии было уже недостижимо, но в официальной идеологии принцип *сайсэй итти* соблюдался.

В древности, как уже говорилось, управление осуществлялось с помощью ритуалов. Наиболее значимые древние ритуалы императорского двора – это, в частности, *дайдзёсай*, *каннамэсай*, *ниинамэсай*, *синдзёсай*, *сокуи*, *корэйсай* и другие, а также созданные после реставрации Мэйдзи. Именно в этот период в связи с созданием на основе лишь императорского культа государственного синто (кокка синто) составляется календарь новых ежегодных ритуалов. Он соединил ежегодный ритуальный цикл императорского двора (*косицу сайси*) с *нэндо гёдзи* по всей стране, синхронизировал их, отдав центральное место императору. Не случайно практически весь календарь праздничных дат, так или иначе, был связан с императором. Вводится понятие «*сюкусайдзицу*», которое является общим названием для государственных и больших национальных праздников, связанных с императорской династией. Заново создаются ритуалы *гэнсисай*, *дзимму тэнносай*, *мэйдзисёцу*, *синнэнкай*, *кигэнсёцу* и др.

В послевоенное время в связи с тем, что, согласно конституции император является символом государства и единства народа, но остается первосвященником синто все необходимые религиозные ритуалы совершаются им в пределах дворца, как частным лицом. Однако постепенно религиозная деятельность императора частично выводится за пределы дворца, и некоторым синтоистским обрядам придается характер официальных актов, как это было раньше. Уже в июле 1952 г. император Сёва посетил *Исэ дзингу* и «сообщил», как это полагалось по синтоистскому канону, богине Аматаэрасу о важнейшем государственном решении – подписании Сан-Францисского мирного договора. Состоявшейся в том же году церемонии совершеннолетия и введения в ранг наследного принца Акихито, проводившейся также по синтоистскому обряду, фактически был придан официальный статус. То же повторилось при его бракосочетании в 1959 г., когда обряд оповещения *ками* императорской фамилии об этом событии рассматривался как важное государственное дело. По решению правительства первая синтоистская церемония престолонаследия (вручение наследнику спустя три часа после кончины императора Сёва регалий хризантемового трона вместе с императорской и государственными печатями) проводилась, как государственный акт. Таким образом, с одной стороны, император выступает как частное лицо, а с другой – в своей общественной ипостаси.

В традиционной Японии религиозная практика искони пронизывала и регулировала до мельчайших подробностей жизнь и деятельность людей, которые просто «жили» в мире религии, ощущая свое единение с *ками*. Поэтому очень трудно разделить здесь сакральное и профанное. Первое поистине доминировало и в значительной степени руководило жизнью общества. Например, сельскохозяйственный труд (в основном выращивание риса) рассматривался как религиозная практика, освященная волей богов, потому древнейшие *мацури* – это ритуалы, воспроизводящие процесс возделывания этой культуры. Поскольку синто был во многом мировосприятием японцев, то в древней японской культуре сакральное и профанное как бы не имели четко выраженных границ и их противопоставление не столь очевидно.

Мацури – это сакральное время. Во время их проведения происходит как бы подпитка сакральной энергией, которая ослабевает в повседневной жизни. Ослабевает же она в силу разного рода нарушений правил и тем более осквернений, которые в ходе *мацури* устраняются ритуалами очищения. Примеры этого во множестве можно найти в древнейшей мифологии, например в мифе об Идзанаги³⁸. Нарушив табу, он посетил страну мертвых, вернувшись, совершил обряд омовения, тем самым, восстановив существовавший порядок, и родил затем множество богов, в том числе Аматаэрасу. Его действия этиологически можно толковать как праздник очищения, и это дает ключ к пониманию целей и сути большого числа *мацури*.

Во время праздника царит особая атмосфера, по выражению М. М. Бахтина, «праздничная погода», когда праздник неотделим «от жизни тела, земли, природы, космоса»³⁹. По традиции все его участники делятся на активных, т. е. тех, кто принимает непосредственное участие в их подготовке и проведении, и пассивных – зрителей, которые толпами стоят вдоль улиц, ожидая, пока пронесут микоси или прокатят колесницу. Но и те, и другие «кажутся временно ненормальными». «Многие из них надевают экстравагантные костюмы, раскрашивают свои лица или надевают маски, прыгают, изгибаются и издают какие-то звуки, т. е. делают все то, за что в любое другое время надо было бы привлечь их к ответственности за нарушение общественного порядка. Но атмосфера праздника такова, что и зрители, и участники, все одинаково вовлечены в праздничное веселье»⁴⁰.

Существует даже особое понятие – *омацури саваги* (праздничный шум). Но это не просто шум, он несет с собой определенный магиче-

³⁷ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991, с. 74.

³⁸ Кодзики. СПб., 1994, с. 49–51.

³⁹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, с. 301.

⁴⁰ Haga Hideo. Japanese Festivals. Osaka, 1981, p. 98.

ский настрой, то особое воодушевление, которое нельзя ощутить в обычные дни. М. Сонода справедливо замечает, что *мацури*, с одной стороны, – это величественные ритуалы уединения и очищения, утомительные церемонии, в которых сочетаются возбужденность и сдержанность, что проявляется в поведении и действиях участников, а с другой – свобода души и тела, нарушение установившегося порядка. Во время *мацури* происходит как бы возвращение к первородному хаосу. Люди вырываются из обыденного порядка, привычного существования. По образному выражению М. М. Бахтина, – это временный выход в утопический мир.

Снимаются барьеры в социальном и моральном поведении людей, допускается определенная сексуальная свобода. М. Элиаде замечает, что первоначально это происходило на исходе старого и перехода к новому году. «Последние дни истекающего года можно отождествлять с хаосом, предшествующим сотворению. Хотя в результате последовательных реформ календаря сатурналии в итоге и перестали совпадать с концом и началом года, они, тем не менее, продолжали означать отмену всех норм и служить весьма бурной иллюстрацией ниспровержения всех ценностей... и общей распущенности, оргиастической модальности общества – одним словом, регресса всех форм к неопределенному единству. Как в плане растительном, так и в человеческом плане мы присутствуем при возврате к первоначальному единству, к восстановлению “ночного” порядка, при котором границы, очертания, расстояния неразличимы»⁴¹.

Достаточно много свидетельств тому можно найти в «Фудоки»: например, нарушение закона экзогамии во время так называемых брачных игр (и *итагаки*). Еще в конце XIX в. танцы во время праздника *Бон* «служили для молодежи поводом предаваться свободной любви. И это было освещено обычаем и вовсе не означало падение нравов»⁴². И в настоящее время можно наблюдать подобное поведение – свободу в обращении партнеров, фривольные жесты, выкрики. Во время многих праздников и сейчас исполняются старинные любовные песни обольщения. Подобное поведение отнюдь не имеет характера тотального разрушения. Оно воссоздает, как уже, отмечалось, исконный порядок.

К. Янагава замечает, что именно во время *мацури* происходит интеграция сердца и сознания, а людям передается чувство единения. Действительно, во время праздника особенно активно проявляется культурная инициация и социализация личности, поскольку с детского возраста открывается возможность участвовать в коллективных действиях. Праздник выступает как средство объединения людей, возобновления определенных социальных связей. Без него, очевидно, человек почув-

ствовал бы себя отчужденным, одиноким, изолированным от общества. Праздник – явление коллективное, он организует большие массы людей самых различных возрастов, профессий, социальных слоев общества, создает «как бы единое народное целое»⁴³.

Во время праздника люди принимают участие в различных обрядах, шествиях, соревнованиях. Во время праздника «осуществляется» связь не только ныне живущих поколений, но и существовавших на протяжении всей истории народа. М. Сонода, исходя из того, что в древнем Китае слово *сякай* (общество) означало праздники, а затем в Японии им обозначались весенние и осенние синтоистские сельскохозяйственные празднества, приходит к выводу о том, что *мацури* – это основа формирования человеческого сообщества. Другими словами, – это средство социализации людей⁴⁴.

Во время *мацури* люди испытывали сложные и глубокие религиозные переживания. И сегодня, когда выносят *микоси*, многие переживают что-то наподобие религиозного экстаза. По наблюдению К. Янагава, *мацури* воздействует на все органы чувств человека, поскольку они очень красочны, насыщены музыкой, разными звуками, шумами, задают определенный ритм и настроение. И в этом смысле они являют собой религиозное действо, которое восходит к человеческим чувствам и ощущениям.

Для объяснения такой двойственной стороны *мацури* М. Сонода вводит понятие «священное нарушение», т. е. люди нарушают привычные нормы поведения, установленный будничный порядок. Чаше всего это приходилось на ночное время. В древности вообще праздничные церемонии по большей части совершались в ночное время, что было свойственно и синтоистским службам. Древние полагали, что ночь – время предчувствий, когда миром правит темнота, время молчания и отдыха. Именно в это время божества и души предков свободно передвигаются из страны теней и обратно. Более того, древние японцы полагали, что новый день начинается после вечерней трапезы. До сих пор весьма популярными являются ночные посещения храма (*ёмия*), ночные моления в храме (*окомори*). Не случайно в Японии праздник обычно проходит в течение двух дней. Основной праздничный день так и называется «основной праздник» (*хон мацури*), а день или вечер накануне – *ёи мацури*.

Мацури, как известно, отличаются друг от друга в зависимости от места и времени их проведения, но при этом имеют в принципе одинаковую структуру и форму проведения. Эти условия как бы приближают людей к *ками*. *Мацури* состоит, как правило, из трех основных компо-

⁴¹ Элиаде Мирча. Космос и история, с.80.

⁴² Катаяма Сэн. Воспоминания. М., 1964, с. 78.

⁴³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, с. 276.

⁴⁴ Сонода Минору. Синто-но сэкай (Мир синто). Токио, 1998, с. 22–23.

нентов: приветствие божества, общение с ним и его проводы. Отдельные исключения не меняют общей картины. Такая троичная структура свойственна японским воззрениям на божественные силы. Святилища, священные изображения, фетиши и пр. не являются местом постоянного пребывания божества. Это лишь место, куда оно может временно снизойти благодаря ритуалам его приглашения на время осуществления обрядов поклонения. Постоянно обитать божества могут где угодно – в горах, морях, полях.

К. Янагида выделяет в структуре *мацури* две части. К первой он относит подготовительные ритуалы, а ко второй – само общение с божествами. С. Оригути выделяет три стадии: приглашение божеств, общение с ними во время разного рода церемоний и подтверждение существующей связи между ними и людьми во время праздничной трапезы⁴⁵. В принципе все это укладывается в троичную структуру. Главное, что *мацури* означает общение с божеством и соответственно предусматривает его появление. Другими словами, во время праздника божество становится якобы видимым или, по крайней мере, осязаемым, доступным человеческому восприятию. С этим как раз и связана структура *мацури*.

Встреча или приветствие божества (*ками-ороси* или *ками-мукаэ*) предусматривает определенные приготовления. Прежде всего, приводят в порядок святилище и окружающее его пространство. Небольшие веточки священного дерева *сакаки* привязывают к колоннам *тории*, а *симэнава* украшают их поперечные балки. Ее подвешивают также по карнизу здания святилища, на воротах, в дверных проемах. Огороженное *симэнава* место означает его готовность к принятию божества после проведения всех ритуалов очищения.

Кроме того, украшением служат длинные узкие ленты так называемых благоприятных цветов (белый, желтый, красный, голубой, пурпурный), символизирующие добрые предзнаменования. Важное место отводится различным цветочным композициям и вообще растениям, которые расставляются на подносах. В святилище перед алтарем, украшенном укрепленными на двух древках парчовыми стягами с прикрепленными веточками *сакаки*, устанавливают ритуальную пищу и другие подношения божеству. Знаком, что к его приему все готово, служат белые флаги с написанными на них названиями святилищ или именами божеств (иногда это могут быть просто куски белой бумаги, привязанные к вершине длинного шеста), ветки сосны или бамбука перед домами, яркое украшение улиц. О начале *мацури* возвещает барабанный бой, который зачастую не прекращается на всем его протя-

жении. Во время *ками-ороси* божества как бы просыпаются и из состояния бездействия переходят в активное состояние. Существует большое разнообразие форм, в которых они «являются», также как и множество способов их «приглашения». На время *мацури* *ками* могут вселиться в священнослужителей, в подготовленных специальными ритуалами очищения (*сайкай*) мужчин, женщин, нередко детей, которые транслируют их волю. Обычно эти люди облачены в белоснежные или красочные одежды, их головы украшены растениями и цветами, а лица скрыты масками.

Во многих *мацури* божества к месту праздника доставляют обнаженные молодые люди. В старину они были действительно полностью обнажены, а в настоящее на них надеты лишь набедренные повязки (*фундоси*). Праздники с их участием называются *хадака-мацури*. Проводятся они, как правило, в зимнее время и потому ритуалы очищения в холодной воде требуют большого мужества. Во время праздников они занимаются «изгнанием демонов», которые символизируют различные несчастья.

Божества могут принимать также обличие животных (лев, кабан, буйвол), птиц (орел, цапля, журавль), рыб (кит, карп) и мифических существ – драконов, демонов, полулюдей-полуживотных, но могут «вселяться» также в деревья, скалы, бревна. При этом они «любят» старые вечнозеленые деревья (*химороги*, вспомним сосну на заднике в театре Ноо), одинокие скалы (*ивакура*) или группы скал (*ивасака*). Нередко местом пребывания божества служат шесты и флаги. Большей частью во время *мацури* *ками* обитают в специальных коробках или в *микоси*, как это в большинстве случаев наблюдается в настоящее время.

Ками являются где угодно, но, как уже говорилось, при обязательном условии совершения ритуала очищения места. Об их появлении в подготовленном месте возвещают зигаобразные полосы белой бумаги, вплетенные в *симэнава*. На этом этапе праздника происходит как бы единение *ками* и людей, превращение их в единое целое.

Общение с божествами и есть собственно сам праздник во всем его многообразии, кульминация праздничной фазы. Для его обозначения существует понятие «развлечение с божествами» (*ками-асоби*). Глагол *асобу* в настоящее время означает «развлекаться», «забавляться», но в древности он употреблялся также в значении «умиротворять» или «изгонять злых духов». Исходя из такого толкования, *ками-асоби* можно рассматривать как умиротворение божеств через развлечение их. Если во время *ками-ороси* происходит нарушение установленного порядка, возвращение к первородному хаосу, влекущее за собой соответствующее поведение, то во время *ками-асоби* совершается возвращение к истонному, должному порядку (организация космоса), что, разумеется, предусматривает совершенно другой тип поведения. Оно тоже во многом

⁴⁵ Подробнее см.: Оригути Синобу. Дзэнсю (Полное собрание сочинений). Токио, 1955, т. 2, с. 416–418; Янагида Кунио сю (Собрание сочинений Янагида Кунио). Токио, 1962, с. 157–161.

ритуально, но проявляется больше через различные виды искусств. Поэтому обязательная составная часть календарных праздников – различные театрализованные представления, музыка, танцы, пение, хороводы, которые являются ритуальным средством воссоздания порядка.

В одних праздниках ключевым моментом является ритуальная церемония внутри святилища (например, многочасовое молчание в темноте или молитвословие), в других – уличные шествия или игры. Общение с божеством предусматривает и «совместные трапезы» с ним. Существует поверье, что такая ритуальная трапеза повышает питательность пищи и придает большую силу всем, кто в ней участвует. Неотъемлемая часть такой обрядности – употребление сакэ.

Каждый праздник заканчивается проводами божества – *ками-окури*, что означает возвращение его в место постоянного обитания, откуда оно было приглашено на время *мацури*. Это может быть и церемониальный огонь, и ритуальные танцы, и просто уборка святилища. В некоторых случаях, когда божество «не хочет уходить», его «выпроваживают» обнаженными мечами.

Одним из древнейших видов празднования во всех странах, в том числе и в Японии, являются процессии и праздничные шествия (*синко* или *синкосики*). Для этого понятия существует также термин – *гёрэцу*. Суть шествия или процессии можно определить как визит божества к своим прихожанам, обход им своих «владений», точнее совместное шествие людей и *ками*. Этот религиозный ритуал имеет огромное значение для святилища, священнослужителей и прихожан.

Шествия обычно возглавляют священнослужители, знатные прихожане, и, как правило, начинаются они от того места, куда прибыло божество. Сама по себе процессия отражает традиционный, ныне нарушенный порядок вещей, а ее проведение выражает намерение людей восстановить его. Это своего рода сигнал божествам. Шествие – универсальная часть большинства *мацури*. Оно может служить приветствием возвращающемуся божеству, или означать посещение им исторически значимого для него места, или просто быть поводом для посещения прихожан и благословения их. Во время шествий по улицам проносят *микоси*, которые на плечах несут мужчины в ритуальной одежде – коротких белых штанах и коротких куртках (*хаппи*), а иногда просто в набедренных повязках, на голове повязаны *хатимаки* – куски материи, скрученные жгутом. Во время шествия создается впечатление, что *микоси* плывут над людским морем. Обычно шествие проходит по определенному, заранее установленному маршруту. В назначенном месте (отабисё) делается остановка, *микоси* ставят на специальную тележку, и женщины в нарядных кимоно дают подкрепиться «носильщикам» приготовленными для них *бэнто*. Красиво разложенные овощи, рыба, морепродукты, фрукты и, конечно, *сакэ*, подносят *ками*. После окончания

шествия *микоси* водворяют в главное святилище, которое, как правило, является его владельцем. Иногда они принадлежат различным объединениям и организациям горожан и сельских жителей. В Японии много праздников проводится на воде, и в этом случае роль *микоси* выполняют лодки (*ятай*). Во многих шествиях главным «действующими лицами» являются платформы – *даси*. Помимо шествий достаточно много праздников проводится в виде соревнований, состязаний и даже борьбы (*кэнка мацури*).

В многочисленных праздничных обычаях и обрядах, ритуалах и церемониях представлены практически все виды творчества: песни, стихи, музыка, молитвы, пляски, пантомима, декламация, предсказания, гадания, заклинания, игры, соревнования, искусство пиротехники. Сюда следует отнести и праздничные декорации, убранство городов, деревень и святилищ, магические действия, традиционные жертвоприношения, подарки, праздничную и обрядовую пищу. Другими словами, форма *мацури* может быть самой разнообразной, а сами они представляют собой неисчерпаемую копилку практически всех видов искусств и ремесел. Когда сейчас употребляется слово «*мацури*» в смысле традиционные праздники японцев, следует иметь в виду многовековой путь трансформации этого понятия и содержания.

Н. С. Николаева

Проблема пространства – одна из основополагающих в живописи. Изменения в воспроизведении пространства на плоскости были связаны и с историческими реалиями, и с изменявшимся мироощущением. Соответственно менялись и язык художника, и эстетическое воздействие его произведения.

Интересующему нас времени развития живописи предшествовал значительный исторический период, когда художественное пространство было существенно иным. Чтобы сполна оценить принципиально новое, что появилось у мастеров XVI–XVII вв., надо проследить, как решалась эта задача в более ранние периоды.

На пространственное мышление художника оказывают воздействие самые различные факторы. В японской культуре еще в древности на основе синтоизма сложилось устойчивое представление о единстве мира, в том числе и пространственного, где природа, человек, божества (*ками*) образуют единое целое как выражение сущности жизни. В каждой местности выделялись божества, олицетворявшиеся горой, водопадом, деревом и другими объектами. Они почитались охранителями всего окружения человека. Возможно, отсюда проистекает свойственный национальному мировосприятию интерес к реально ощущаемому человеком ближнему пространству, что нашло отражение в различных сферах культуры.

Возникновение проблемы пространства для существования японского народа изначально было связано с преобладавшим типом хозяйственной деятельности – рисосеянием, выделением для этого подходящих земель в стране, большая часть территории которой была занята горами. Поэтому мест, пригодных для расселения и ведения хозяйства оказалось немного. Кроме того, рисосеяние требовало четкой последовательности действий в соответствии с календарем. Отсюда очень рано сложившееся обостренное чувство времени, постоянное ощущение смены сезонов, сочетавшееся с переживанием каждого момента, что особенно заметно отразилось в искусстве.

Не останавливаясь подробно на всех этапах развития японской живописи, важно выделить эволюцию основных пространственно-временных концепций.

Самые ранние из сохранившихся образцов живописи VII–VIII вв. связаны с буддийскими темами и написаны под влиянием произведений

китайских мастеров. Лишь с конца IX в. распространяется живопись на светские сюжеты, исполнявшаяся главным образом на шелковых или бумажных свитках, а также на ширмах и раздвижных перегородках – *фусума*. В X в. складывается направление, постепенно приобретающее самобытные черты, которое стали определять как японская живопись (*ямато-э*) в отличие от китайской (*кара-э*).

К первой половине XII в. относится самое знаменитое произведение эпохи Хэйан «Гэндзи моногатари эмаки» на сюжет романа Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи». В настоящее время сохранилось 19 частей-картин, по традиции приписываемых художнику Фудзивара Такаёси. Каждая часть – самостоятельная композиция, не связанная с предыдущей и последующей частями.

Очерченные тонкой тушевой линией силуэты персонажей кажутся неподвижными. Художнику важно было передать не действие, а состояние героев – задумчивость, погруженность в звуки музыки (глава «Ядогири»), тихую беседу. Композиция каждого эпизода, ритмика линий помогали зрителю стать сопричастным их душевному состоянию в то краткое мгновение остановленного времени, запечатленное кистью. Здесь нет действия или оно подразумевается, показывается намеками, как в сцене принца с младенцем на руках (глава «Касиваги»).

Пространство здесь воспринимается сверху, как бы через отсутствующий потолок, что подчеркивается диагоналями архитектурной балки. Такая пространственная композиция была связана с тем, что свиток и исполнялся, и рассматривался зрителем на полу или на низком столике, определяя, таким образом, угол зрения. Взгляд погружался в пространство, кажущееся наполненным, как и текст романа, ассоциациями, сопоставлениями с известными стихами, занимавшими большое место в жизни хэйанских аристократов. Свойственное им эмоциональное восприятие мира стремилось передать художник (изысканностью одежд персонажей, окружавшими их предметами в интерьере), раскрыть среду обитания, помогая таким образом почувствовать их внутренний мир.

В конце XII в. в живописи *ямато-э* происходили заметные изменения и в тематике, и в художественных приемах. Это проявилось в целом ряде произведений, особенно в свитках «Легенды горы Сиги» («Сигисан энги»), приписываемых художнику Тоба Содзё. Сюжет легенды посвящен буддийскому отшельнику Мёрэну, жившему на вершине горы и время от времени посылавшему за провизией волшебную чашу. Когда однажды чаша не вернулась и была заперта в амбаре, то вскоре и чаша и амбар со всеми припасами поднялись в воздух. За ними бросилась в погоню объятая ужасом толпа. Этот эпизод занимает один из свитков. Пространство частично и здесь передается расположенными по диагонали архитектурными деталями и точка зрения на происходящее определяется сверху. Весь свиток занят стремительно

движущейся толпой кричащих и жестикулирующих людей, остановленной лишь в момент, когда и волшебная чаша, и амбар уплывают по волнам реки. Здесь нет выделения отдельных персонажей, все они – часть возбужденной, экспрессивной толпы как единого «действующего лица» картины, существенно отличающегося от героев «Гэндзи моногатари эмаки». В повествовании дается представление об определенном временном потоке, предполагающем и начало и продолжение. Это указывает на изменение представления о художественном времени. Оно становится организацией произведения через ритм, который приобретает формообразующий смысл в дальнейшем развитии живописи.

В конце XIII в. проявилась еще одна важная для последующего развития живописи тенденция в произведениях, посвященных жизнеописаниям буддийских священников. Одно из них – «Жизнеописание святого Иппэна» художника Эни 1299 г. Этот проповедник всю жизнь провел в странствиях, и основное место на 12 свитках занимают эпизоды его проповедей перед толпой. Но они перемежаются сценами с группой немногих паломников, бредущих по дорогам среди холмов, поросших деревьями, озер и рек, виднеющихся вдали очертаний гор – величественного мира природы, раскрывающегося перед глазами зрителя с высокой точки. Здесь впервые через одухотворенное изображение природы намечилось слияние человека с окружающим миром. А одухотворенная передача пространства природы получила развитие, когда пейзаж, ранее бывший связующим звеном нескольких эпизодов, занял самостоятельное место в произведении.

В японской живописи это было не первое появление пейзажа. Он дополнял сцены на религиозные сюжеты в росписях храма Феникса XI в., появлялся в некоторых свитках и ширмах следующего столетия. Но конец XIII в. обозначил принципиально новое явление в истории живописи, сложившееся под воздействием китайских художников эпохи Сун, когда пейзаж постепенно занял важнейшее место в осознании окружающего мира и места в нем человека. Пространственная концепция в живописи получила новый смысл и новое художественное воплощение.

Казалось бы, что становление системы *ямато-э* в противовес китайзированной *кара-э* закрепило авторитет и возможности самобытной японской живописи. Однако представления о пространстве и его передаче, сложившиеся в Китае эпохи Сун, оказались очень существенными не только для искусства XIV–XV вв., но и более позднего периода. Японская художественная культура осваивала разработанную в Китае систему пейзажной живописи как концепцию воспроизведения мира природы, где главным была не передача реальности, а выражение религиозно-философской идеи Природы–Космоса, носителя Абсолютной Истины. Такой пейзаж должен был показать целостность мироздания, его грандиозность и совершенство. Для этого были найдены и соответ-

ствующие формы: вертикальная плоскость живописного свитка, позволявшая передавать уходящие в бесконечность дали, а также отказ многоцветности реального мира в пользу монохромной техники, воссоздававшей умозрительное представление о природе.

С развитием японской монохромной живописи *суйбоку-га* определилось и особое отношение художника к поверхности картины, и понимание важнейшей роли ее незаполненной части для смыслового содержания произведения. Пространство получало роль не столько категории изобразительного языка, сколько выражения художественного мышления автора, стремившегося выразить нечто сокровенное, что не выявляется в материальных формах.

Ритмическая упорядоченность жизни природы с ее чередованием времен года, дня и ночи осознавалась как закон жизни вообще, сакральной идеи мироздания и становилась выражением временной концепции произведения живописи, сопрягающейся с концепцией пространственной.

Самым выдающимся художником рубежа XV–XVI вв. был гениально одаренный Тоё Ода, или Сэссю. Он не просто освоил выработанную в Китае систему пейзажной живописи, продемонстрировав это в многочисленных своих работах. В конце жизни (между 1502 и 1506 гг.) он создал произведение, сыгравшее большую роль в последующем развитии живописи. Это «Ама-но Хасидатэ» («Небесный мост») – величественная панорама одного из прославленных своей красотой мест на побережье Японского моря, предстающая взору зрителя с высоты «птичьего полета» и открывающая огромное пространство, как бы медленно разворачивающееся от расположенных у нижнего края картины скал к лесистой песчаной косе, затем к берегу с множеством строений и силуэтами холмов за ними. Художник будто «вспоминает» сложившуюся еще в ранней живописи *ямато-э* точку обзора сверху, не применявшуюся им в других его произведениях. Сэссю здесь впервые синтезировал приемы, восходившие к *ямато-э*, и приемы *суйбоку-га* для изображения реального ландшафта. Это было преодолением противоречия визуального опыта и канонизированных систем в передаче образа природы.

Наряду с другими работами Сэссю это произведение оказалось важным не только для развития пейзажной живописи, но и для осознания возможностей самобытного пути в искусстве, и стало импульсом к новым поискам в японской живописи.

Таким образом, к началу XVI в. проблема пространства в живописи получила разнообразное решение как у следовавших за Сэссю мастеров *суйбоку-га*, так и у продолжавших иные традиции художников двух школ – Кано и Тоса¹.

¹ Doi T. Momoyama Decorative Painting. New York, Tokio, 1977, p. 109.

Основатели школы Кано отец и сын Масанобу и Мотонобу не были монахами, как многие художники того времени, но служили при дворе сёгунов Асикага. Помимо свитков они расписывали ширмы и *фусума*, пользовавшиеся большим спросом. Они использовали темы так называемого жанра «цветы-птицы» с разнообразными природными мотивами. В их манере большая роль принадлежала контурной линии, определявшей формы предметов, а в организации пространства на значительной поверхности ширмы или стены подчеркивалось декоративное начало.

Для мастеров школы Тоса главным выразительным средством был цвет. Во многих их работах сказывалось использование традиций художественных ремесел, особенно лаковых изделий, где предметная форма и декоративный мотив получали особое сложное соотношение. Это проявилось в росписи ширм неизвестного художника середины XVI в. «Пейзаж с солнцем и луной» с подчеркнuto мощными формами и элементами стилизации в передаче очертаний гор и волн потока.

Но постепенно обе стилевые системы Кано и Тоса оказались важными для развития декоративной живописи, и возникла необходимость их объединения. Это осуществил в своем творчестве выдающийся художник Кано Эйтоку, который оказался центральной по значению фигурой в живописи второй половины XVI в.

Период Момояма (1573–1615 гг.) был временем переломным и в политической жизни, и в искусстве, где ясно обозначился переход от общерегиональных форм к этнически определенным и самобытным формам, ориентированным на жизненные проблемы своего времени и своей страны. Впервые искусство стало частью общественно-социальной структуры и формирования на основе этого определенного художественного стиля.

Объединение страны после длительного периода междоусобных войн узурпировавшими власть военными диктаторами Ода Нобунага и его преемником Тоётоми Хидэёси, проведение ими ряда реформ, способствовало подъему экономики, строительству новых городов, в том числе возникавших вокруг замков. Замки служили резиденциями правителей страны и наиболее могущественных феодальных князей-даймё, утверждая власть не только с помощью военной силы, но и демонстрацией неприступной мощи фортификаций, невиданной роскоши дворцовых помещений, убором которых были настенные росписи.

В 1576 г. было закончено возведение замка Адзути на берегу озера Бива военным диктатором Ода Нобунага. Грандиозный по размерам, с семиэтажной башней в центре, стоявший на основании из колоссальных каменных блоков и окруженный укрепленными стенами, замок производил неизгладимое впечатление на современников и стал своего рода образцом для всех последующих замков.

Для выполнения росписей был приглашен Эйтоку Кано, уже известный своими работами. Одной из них были «Пейзажи с птицами и цветами» в монастыре Дзюко-ин, в Дайтокудзи (Киото). Они позволяют говорить как о связях с традициями живописи тушью, так и об использовании Эйтоку других приемов². Он отказался от метода сюжетной повествовательности, объединив все сцены через пейзажную среду, как бы постепенно меняющуюся от первого весеннего цветения до застылости и скованности зимы. Это была единая композиция на нескольких панелях, составлявших стену. Тем самым подчеркивалась как пространственная, так и временная целостность росписей. Все изображения были исполнены тушью, но в свободные части фона Эйтоку ввел легкие пятна из золотого порошка, уменьшавшие ощущение глубины фона и подчеркивавшие декоративные свойства росписи. Так уже в этой ранней работе 1566 г. были намечены качества, которые стали определяющими для дальнейшего творчества художника.

К выполнению росписей в замке Адзути художник приступил в 1576 г. и работал с большой бригадой помощников до 1579 г. Это было началом новой эры в японской монументальной живописи. Никогда прежде она не знала такого размаха, такого множества крупных художников, посвятивших свое творчество этому жанру. По стилистике росписи периода Момояма соответствовали качествам архитектурного пространства, помогая формированию его художественных и функциональных особенностей, а также его важному знаковому смыслу. Конструктивные особенности интерьеров замков закрепляли определенное расположение росписей, их размеры и отчасти композиционное построение с движением взгляда зрителя по горизонтали справа налево.

Владелец замка требовал тотального декора, что соответствовало его цели создания нового образа власти – нетрадиционной по своему происхождению и потому ориентированной на необычность, чрезмерность, сверхбогатство. Такая задача открывала для художника новые перспективы, и в результате его огромных усилий была создана новая концепция настенной росписи. Она подразумевала особый тип композиции, особую манеру письма. Быстрая, энергичная работа кистью, скорее всего, соответствовала темпераменту Эйтоку и его художественным идеалам. Известно, что он использовал очень толстую кисть из рисовой соломы, с помощью которой делал основной набросок композиции, а помощники выписывали детали. Сам же он, таким образом, создавал основную ритмическую фигуру, с помощью которой организовывал всю динамическую композицию. Именно Эйтоку сделал стремительный ритм основой формообразования, добиваясь впечатления напряженности и внутреннего движения.

² Takeda T. Kano Eitoku. Tokyo, New York, 1977, p. 44–45.

Большие размеры росписей вступали в новые отношения с архитектурой. Необходимо было разрешить противоречие между утверждением плоскости стены и созданием хотя бы минимальной глубины как пространственной среды для отбирившихся художником мотивов. Одним из способов разрешения этого противоречия становился золотой фон, отражавший свет и создававший впечатление неопределенной глубины пространства, которая в зависимости от интенсивности освещения казалась то весьма значительной, то отсутствующей. Иначе говоря, золотой фон создавал глубину росписи не как зрительную иллюзию, а как потенциальную возможность. При этом золото фона и яркие краски становились главными средствами живописи, найденными Эйтоку для выражения идей силы и богатства, создания визуальных символов власти.

В выборе мотивов главное место принадлежало природе, ибо в отношении к ней подсознательно сохранялось ощущение ее сакральности, восходившее к синтоизму и бывшее частью национального мироощущения. Известно, что Эйтоку сделал природные мотивы не только более укрупненными, но и более динамичными. Многие из них имели и традиционные символические значения, как например, сосна, особенно часто встречающаяся в росписях как знак долголетия, постоянства, стойкости.

Стиль Эйтоку – результат существенных изменений в отношении к миру, в самоощущении человека с его более активной, деятельной жизнью. Если восприятие пейзажа, создававшегося мастерами *суйбоку-га*, требовало большой внутренней сосредоточенности и даже полной отключенности от внешнесобытийной стороны жизни для постижения метафизического смысла, то росписи эпохи Момояма и задумывались и воспринимались иначе. Они были нарядным фоном для торжественных ритуалов и ярких празднеств и тем самым утверждали ценность самого жизненного события, разворачивавшегося перед зрителем-участником, подчеркивая значительность данного момента. Такая соотнесенность с реальным пространством и реальным временем была принципиально новым качеством японской настенной живописи XVI в.

К сожалению, работы Эйтоку в замке Адзуты не сохранились, так как после гибели Ода Нобунага в 1582 г. замок был полностью разрушен. От замка сохранились лишь мощные фундаменты башни и стен. Но впечатление, произведенное этим сооружением на современников было столь огромно, что Адзута стал своего рода образцом для всех последующих замков, особенно строившихся Тоётоми Хидэёси и многими даймё в конце XVI и начале XVII в. Это было принципиально новое для Японии архитектурное сооружение с собственной внутренней структурой и декоративными особенностями.

Преемник Нобунага Тоётоми Хидэёси за время своего правления построил множество замков. Самыми грандиозными среди них были

замки Осака и Фусими. Настенные росписи в них исполнялись и самим Кано Эйтоку и его учениками. Но после смерти Хидэёси в 1598 г. большинство сооружений также было разрушено. О подлинных произведениях Кано Эйтоку свидетельствуют лишь немногие сохранившиеся фрагменты.

Предполагается, что частью росписи было изображение кипариса, сохранившееся в виде ширмы. Эта работа мастера дает возможность судить о стиле Эйтоку и его основной композиционной идее. Судя по тому, что изображение дерева занимает все восемь створок ширмы, можно предположить, что оно также располагалось и на стене замка, приковывая внимание мощным изогнутым стволом и неправильной формы ветвями, создававшими сложную игру линий на золотом фоне. Золотые облака скрывают как основание ствола, так и его вершину, а могучие пропорции подчеркиваются сопоставлением с острой скалой, возможно, вершиной горы, и с густо синей водой потока, расположенного в долине. Яркая выраженная асимметричная композиция с подчеркнутым боковым движением взгляда справа налево параллельно плоскости была, по всей вероятности, очень важна для Эйтоку. Таким способом он мог сделать восприятие картины постепенным. Он «насыщал» пространство временем, ибо реальное время созерцания произведения становилось у него слагаемым образного строя³.

Мастер создавал ощущение движения как с помощью композиции, так и наложением мазков кисти (что особенно ярко проявилось в его ширме «Китайские львы»), заставляя глаз зрителя воспринимать изображение не одномоментно, но постепенно, ощущая «длительность» пространства, его единство со временем. Художественно осмысленное время стало у Кано Эйтоку частью конструктивной организации росписи через ритм, ставший средством повышения эмоциональной и смысловой емкости произведений.

Все эти особенности росписи, расположенной на едином большом пространстве стены, были рассчитаны на зрителя, располагавшегося на циновках пола и находившегося обычно на значительном расстоянии. Подчеркнутое золотом фона, приковывавшее внимание пространство росписи сочеталось с реальным пространством зала, объединяясь в некую непреднамеренную, но реально существовавшую целостность, связанную с определенными жизненными ситуациями. А синтез архитектуры с живописью получал, кроме эстетического, эмоционального воздействия, более широкий смысл. Возникала новая структура, в которой выражалось органичное слияние художественной и жизненно-практической сфер человеческой деятельности. При этом роспись приобретала социальные функции: она становилась свидетельством значительности, могущества, богатства владельца замка или дворца. Это не могло не оказать влияния на мышление

³ Bunnep B. P. Статьи об искусстве. М., 1970, с. 314.

оказать влияния на мышление художника, на изменение его идеалов и языка его искусства⁴.

Можно сказать, что разработанная Кано Эйтоку система настенной росписи была приемом моделирования образа действительности на основе законов, свойственных этому виду искусства. То, что стиль Эйтоку продолжал существовать значительное время после смерти мастера и угадывался в работах не только его непосредственных учеников и продолжателей, доказывает, что искусство Эйтоку наиболее полно выражало свою эпоху, ее характер, общую направленность художественного развития.

В первые десятилетия XVII в. с приходом к власти сёгунов Токугава и переносом столицы из Киото в Эдо произошли большие изменения как в идеологической жизни и социальной сфере, так и в культуре. После запрета на строительство замков основной архитектурной формой, где исполнялись настенные росписи, стали дворцы правителей, а ограничение роскоши даже для представителей высшего сословия привело к сокращению круга заказчиков на такие работы. Немногочисленные настенные росписи художники продолжали создавать в монастырях, в помещениях для торжественных церемоний. Отчасти репрезентативные функции росписей сохранялись в произведениях мастеров школы Кано, работавших для сёгунов Токугава. Таковы настенные росписи в замке Нидзё в Киото, выполненные Кано Таниу. В них еще слышится отголосок произведений Эйтоку, но они лишены былой силы и динамики, повторяя главным образом мотивы, а не выразительность и мощь работ прославленного мастера.

Стилевое направление Эйтоку с видоизменениями сохранялось в работах его сына Кано Мицунобу, его учеников Санраку, Санцэцу и др. Мощный талант Эйтоку оказал воздействие не только на мастеров школы Кано, но и на таких художников, как Кайхо Юсё, Ункоку Тоган и отчасти даже на Хасэгава Тобаку.

Так к 20-м годам XVII в. пути декоративной живописи значительно усложнились. В то время как в Эдо складывалась собственно городская культура с ее новыми задачами и формами, в Киото представители разбогатевшего купеческого сословия, так называемые *матисю*, группировались вокруг императорского двора и старой родовой аристократии, усваивая их традиции, стиль жизни, вкусы и художественные привязанности. Принятые сёгуном Токугава законы закрепляли низшее положение купечества в социальной иерархии общества. В такой ситуации *матисю* при полном политическом и социальном бесправии искали свое место в том прошлом, когда переживали высокий расцвет национальные формы литературы и искусства. В этом была для них

возможность утверждать свою причастность к глубинным слоям истории и культуры. Так, в Киото формировалась особая ветвь японской художественной жизни, которую условно обозначают как культуру Камигата. Она возрождала аристократические традиции эпохи Хэйан с их утонченностью и элитарностью.

Важным фактором общекультурной ситуации в Японии XVII в. было закрытие страны, политика самоизоляции, прекращения внешних контактов, отсутствие притока новых идей и новых знаний. Это способствовало обращению к прошлому своей культуры, в особенности к эпохе Хэйан.

Из переосмысления прошлого родилось новое, небывалое прежде искусство. Главным выражением этого процесса стало творчество двух выдающихся художников – Хоннами Коэцу и Таварая Сотацу⁵.

Искусство мастеров этого круга было обращено к аудитории, эрудированной во всех сферах творческой деятельности, особенно в стихосложении и искусстве «кисти и туши». Сюжеты иногда прямо следовали литературному первоисточнику, но чаще были связаны с ним косвенно, путем многочисленных изощренных ассоциаций, намеков, аллюзий. Сам тип образности предполагал развитый эстетический вкус. Лишь обладавший им зритель мог оценить и красоту каллиграфии и узнать автора классических стихов, написанных на ширме.

Именно к такому зрителю было обращено искусство Хоннами Коэцу, одного из самых ярких художников своего времени, прославившегося как знаменитый каллиграф и живописец. Он никогда не служил ни военным диктаторам, ни сёгунам. Независимое общественное положение давала Коэцу наследственная специальность семьи Хоннами, несколько поколений которой были экспертами по производству мечей, что было престижным и почетным занятием. Характеру Коэцу были близки традиции хэйанской культуры, и его творчество было возрождением ее эстетических концепций в новых условиях и в новых художественных формах.

В то же время искусство Коэцу, его ощущение художественной формы стали возможными только на основе опыта культуры Момояма и свойственных ей новых декоративных принципов живописи. Он сумел органично соединить это с изысканностью мастеров эпохи Хэйан, своей собственной артистичностью. Хоннами Коэцу был необычайно одарен от природы. Пройдя специальное обучение только в отношении изготовления мечей, он во всех других сферах деятельности считал себя дилетантом и отчасти был им. Это означало отсутствие принадлежности к каким-либо официальным школам или направлениям (например, к школе Кано в живописи) и, следовательно, причастности к оп-

⁴ Мурина Е. Б. Проблемы синтеза пространственных искусств. М., 1982, с. 148.

⁵ Mizuo H. Edo Painting. Sotatsu and Korin. New York, Tokio, 1978, p.55, 56.

ределенной системе канонов, нормам образности и средств выразительности. Отсюда его необычайная свобода и раскованность, проявлявшаяся во всех видах творческой деятельности.

Для Коэцу увлечение хэянской литературой означало погружение в мир ее образности, слияние с ним и в жизни, и в искусстве. Строки классических стихов одушевляли все его творчество, привнося в него поэтическое начало, которое как бы преобразовывало само мышление художника, влияя не столько на темы и сюжеты его произведений, сколько на их образный смысл и на выражение этого смысла.

Значение Хоннами Коэцу для художественной культуры начала XVII в. трудно переоценить. Оно не только в его многостороннем творчестве, небывалой широте интересов. Его авторитет в разных сферах искусства, свойственная ему способность синтеза разных явлений подвели японское искусство, в том числе живопись, к созданию нового стиля, наиболее полно выраженного в творчестве Сотацу и получившего впоследствии наименование школы Римпа.

Встреча Коэцу и Сотацу стала важнейшим событием в жизни обоих мастеров. В их совместных работах поражает полное и органичное слияние двух творческих индивидуальностей. Известно, что Сотацу не имел специального образования или передававшегося от поколения к поколению мастерства, как это было у художников школы Кано. В ранние годы он работал в мастерской Таварая, где изготавливались копии старинных произведений живописи, специальная декорированная бумага для стихов, расписывались ширмы и веера. Совместная работа Сотацу с Коэцу способствовала освоению высокого артистизма и тонкого понимания классической традиции, а также многих технических приемов, воспринятых от каллиграфии, например, темповой характеристики письма кистью, когда для выразительности целого имеет значение, с какой скоростью была проведена линия или положено пятно туши, с какой степенью усиления или ослабления прикасалась кисть к бумаге. Это становилось также средством передачи времени в произведении. Все это видно на выполненных совместно Коэцу и Сотацу свитках живописи «Олени», «Тысяча журавлей», «Лотосы», «Плющ».

Сочетание скорописи иероглифического текста и изображения, их ритмическая и цветовая гармония формировали то художественное пространство картины, главным свойством которого была наполненность поэтическим чувством не только листьев, веток плюща, цветов лотосов, но и передача духа классической поэзии. Раскованность и свобода создавались разомкнутостью пространства свитка, детальным изображением летящих птиц. Журавли в полете проносятся перед взглядом зрителя, который видит то внезапно появляющиеся их силуэты, затем стремительно летящих птиц, исчезающих за краем картины. На свитке «Олени» рядом с полностью очерченными, в разнообразных

ракурсах видимыми фигурами животных вдруг – только часть туловища, наконец, ноги и копыта, словно легкий бег вынес их вовне. В гармонии каллиграфии и артистизме живописного почерка, безошибочности линии, которая передает не просто внешний вид оленей, неповторимую красоту их движений, но и внутреннюю пружинистую силу, готовность то застыть в грациозном повороте, то нестись в стремительном беге. В этом раскрывается особое очарование свитка.

Если совместная работа с Коэцу, безусловно, оказала влияние на становление стиля Сотацу, то не меньшее значение для творчества художника имели его связи с ремеслом, в частности с росписью вееров. В мастерской Таварая, где начинал свою деятельность Сотацу, производство вееров было одним из видов массовой продукции наряду с копированием древних свитков и изготовлением специальной бумаги для стихов. Складной веер был модным и популярным предметом в 20-х годах XVII в. Веер и ширма как две предметные формы, имеющие, казалось бы, мало общего, нашли у Сотацу и прямые точки соприкосновения. Ему приписываются две пары ширм, декорированных по золотому фону развернутыми расписными веерами, свободно расположенными по поверхности каждой из створок. Эти ширмы – некое промежуточное звено между, условно говоря, камерными произведениями художника и такими крупными, как ширмы на сюжеты из «Гэндзи моногатари», «Бугаку», «Боги ветра и грома». В мастерской Таварая сама форма веера способствовала выработке некоторых приемов, помогавших организации разнообразных мотивов на небольшом и специфически очерченном пространстве. Эти особенности настолько укоренились в сознании Сотацу, что стали присущи многим его произведениям, в том числе и композициям монументальных росписей.

В совместных работах с Коэцу был освоен Сотацу и так называемый «бескостный» метод живописи (*моккоцу*), ставший позднее важной особенностью его почерка, где изображения не имели контурного обрамления, а форма создавалась только пятном, размытыми красками или туши. В дополнение к этому Сотацу стал использовать прием *тарасикоми*, когда на влажную поверхность изображения накладывался следующий слой, органично сплавлявшийся с первым. Эти давно известные в японской живописи приемы он стал применять для новых целей и новых художественных эффектов. Достаточно вспомнить такой шедевр мастера, как «Лotosовый пруд и водяные птицы», где Сотацу передает не только фактуру лotosовых листьев, лепестки цветов, но заставляет видеть и ощущать воду, по которой движутся птицы. Он использует тушь как цвет, внушая зрителю с помощью своей блестящей живописной техники цветовое впечатление от монохромной живописи.

Наиболее яркое свидетельство связей Сотацу с монументальными работами художников периода Момояма и одновременно отличия от них – ширма «Мацусима», где проявилась новизна пространственного мышления Сотацу. На традиционных ширмах с аналогичным мотивом изображение сосен располагалось на переднем плане, а сквозь деревья были видны острова, окруженные морскими волнами. Это создавало ощущение некоторой глубины пространства. Тема «Мацусима» принадлежит к часто воспевавшимся в средневековой лирике и прозе пейзажам так называемых знаменитых мест (*мэйсё-э*). Это дает возможность предполагать, что сюжет ширмы основан на литературной традиции. Здесь различимы и такие образы-ассоциации как волны-слезы, волны и сосны как преграда между возлюбленными, а сопоставление *мацу* (сосна) и *мацу* (ждать) – метафора ожидающей возлюбленной. Для достижения в живописи этих не сразу уловимых смыслов Сотацу объединил несколько приемов работы кистью – тонко выписанные волны с гребешками белой пены и очерченные широкими мягкими линиями изображения островов, поросших соснами. Контраст жесткой графичности волн и плавно очерченных скал с сине-зелеными контурами, а также использование вкраплений золота создают неожиданно новый декоративный эффект и одновременно помогают постижению скрытых смысловых слоев произведения.

Импульсы, полученные от сотрудничества с Козцу особенно ощутимы в росписи Сотацу «Шута-но Хосомити» («Дорога в ущелье под плющом»), состоящей из двух ширм. Мотив отсылает к повести начала Х в. «Исэ моногатари» с ее поэтическими образами-намекami, а также частично раскрывающими их значение поэтическим строкам, написанным на золотом фоне ширм. Каллиграфия и стихи принадлежат современнику Сотацу поэту Карасумару Мицухиро и часто построены как вариации на произведения знаменитого поэта Аривару-но Нарихира, предполагаемого автора повести и ее героя во время его путешествия через ущелье Ицунояма, заросшее плющом. Стихи передают разнообразные эмоциональные состояния автора в разное время, их главный мотив – невозвратимость былого, противопоставление прошлого и настоящего, мечтаний и действительности. Поэтическая атмосфера порождает выражение и в живописи Сотацу с ее образами-ассоциациями, лишенными конкретности и четкой определенности. Зеленый тон то окрашивает большие поверхности, обозначающие холмы, то передает тончайшие оттенки легких, как бы колеблемых ветром веток плюща. Само выразительное сочетание золота и зеленого в его разнообразных оттенках несет в себе отголоски человеческих чувств, неуловимых и трудно передаваемых словами. И в построении пространства ширм (они расписаны и с оборотной стороны), и в цветовом решении отражаются мечтательное настроение героя, сопоставление сна и действи-

тельности. Сотацу добивается синтеза живописи и поэзии, воссоздавая лирический смысл повести, что и должен был ощутить его эрудированный современник.

Принципиально иной уровень взаимодействия живописи и литературы проявился в росписи ширм на сюжеты знаменитого романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари». Росписи на такие сюжеты появлялись и раньше, но обычно затрагивали лишь поверхностно-событийный слой текста. Задачей Сотацу было передать поэтический подтекст произведения. Он взял два эпизода, близких по смыслу, – о встречах принца Гэндзи с прежними возлюбленными (главы «У прибрежных буйков» – «Миоцукуси» и «У заставы» – «Сэкия»). Художник разными приемами воспроизводит атмосферу происходящего. Это особенно наглядно в росписи ширмы «Миоцукуси», где путем сложно выстроенной композиции зрителю постепенно раскрывается смысл сцены. Пространство ширмы условно разделяется по диагонали на две зоны: справа – берег, зона Гэндзи, слева – волны моря, зона его прежней возлюбленной Акаси. Эти зоны разделяет широкая белая полоса прибрежного песка, омываемая прибоем. В центре ширмы помещена фигура в черном одеянии, это – Корэмицу, которому определена важная роль в предстоящем действии. Когда Гэндзи узнает о том, что на виднеющемся вдали корабле находится Акаси, бывшая с ним в изгнании в Сума и забытая им при возвращении в столицу, он решает послать ей стихи, передав их через Корэмицу. Сами герои – Гэндзи и Акаси – невидимы. Он находится внутри своего экипажа, а она – на корабле. Такое лишь предполагаемое зрителем расположение главных действующих лиц свидетельствует о намерении художника сосредоточить внимание не на событийной стороне эпизода, а на визуальных формах для передачи его метафорической емкости. Для эрудированного современника Сотацу было ясно, что белая прибрежная полоса, куда достигает прибой, и на которой расположен экипаж Гэндзи, – это знак любви или воспоминания о ней.

Пространство росписи построено так, что взгляд зрителя проделывает определенный путь и «наполняется» временем действия, которое становится важным компонентом образной структуры произведения⁶.

Сотацу обращался к зрителю, знавшему не только фабулу романа, но и помнившего множество стихотворных строк, помогавших пониманию каждой сцены, ее лирического подтекста. Таковы стихи, переданные Акаси, и ее ответ Гэндзи:

Я стремился к тебе
Всей душою, и встретились мы
У прибрежных буйков.
Видно, наши судьбы всегда
Меж собою связаны были...

⁶ Croissant D. Sotatsu und der Sotatsu-Stil. Wiesbaden, 1978, p.46,47.

Мне, ничтожной, увы,
Не стоило и стремиться
К прибрежным буйкам.
Я спешила напрасно, к чему
Тешить сердце пустыми надеждами...

(перевод Т. Соколовой-Делюсиной)⁷

В этой работе Сотацу пространство и время впервые становятся частью самого сюжета, получая собственные важные функции. Такие новые выразительные средства свидетельствуют о становлении определенной пространственно-временной концепции его искусства, которая усложняется и развивается им в более поздних произведениях, в частности, в росписи ширм «Бугаку».

Танцевальная пантомима *бугаку* включала множество номеров, разнообразных по происхождению (китайских, корейских, индийских и др.), что предполагало употребление необычных костюмов, масок, музыкальных инструментов, сохраняя на протяжении многих веков черты чужеземной экзотики. Танцы *бугаку* изображались в живописи давно, повторялись и копировались разными художниками. Задача состояла в том, чтобы как можно полнее показать героев пантомимы и типы танцев, подчеркнуть разнообразие костюмов. Все пространство росписи обычно было заполнено никак не связанными между собой группами.

Сотацу из множества возможных отбирает лишь некоторых персонажей, которые в своем движении дают возможность мастеру решить принципиально новую проблему в построении пространства. Он помещает в правом нижнем углу одной ширмы декоративные навешенные гонгов, сопровождавших представление, а в левом верхнем углу другой ширмы – подножия сосны и цветущего дерева сливы. Между этими изображениями помещается воображаемая сцена – место действия танцоров, единое для обеих ширм, организованное пространство. Сотацу выбрал те танцевальные номера, где актеры в контрастных по цвету и близких по форме костюмах с длинными шлейфами создают впечатление динамичных фигур танца, кружения и быстрого перемещения по сцене. В их масках и костюмах распознавались известные зрителям танцы: танец змеи, танец царя-дракона, танец журавлей (на крайней левой створке), подчеркнуто замедленное движение которых контрастировало с персонажами в центральной части обеих ширм. С помощью цветовой и ритмической организации размещенных действующих лиц Сотацу добивается их пластической связи и внутренней взаимозависимости. Художественное пространство ширм оказывается ареной эмоционально наполненного зрелища.

В этой росписи угадывается «веерное» построение композиции, подсознательно свойственное Сотацу еще во время его работы в мастерской Таварая. Если мысленно представить точку скрепления

⁷ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэнри. М., 1991, с. 281, 282.

терской Таварая. Если мысленно представить точку скрепления веера в нижней части двух центральных панелей ширмы, то расходящиеся грани раскрытого веера точно окажутся на группах всех танцоров.

Нечто подобное можно наблюдать и в другом произведении Сотацу – композиции ширм «Боги ветра и грома». Здесь проявилась еще одна особенность его стиля зрелого периода – отказ от мелких деталей, повышение роли золотого фона. В этой ширме, считающейся национальным сокровищем Японии, реализуются совершенно иные пласты фантазии художника, не имеющие опоры ни в визуальных жизненных впечатлениях, ни в литературной образности. Здесь художественный вымысел требовал иного конструктивного мышления, создания, как и в случае с ширмами «бугаку», иной пространственной жизни форм. Знаменательно, что в этой росписи Сотацу использовал и художественно осмыслил композицию ширмы как предмета, расположенного в реальном пространстве. Чтобы стоять на полу, створки ширмы должны быть расположены под углом друг к другу. Сотацу использует это для того, чтобы написанные на крайних панелях ширм фигуры богов получили дополнительное усиление в своем движении. Они устремляются по диагонали к крайней нижней точке каждой ширмы через обозначенный золотом свободный фон, как бы желая в столкновении разразиться громом и сверкнуть молнией.

Образы этих богов-демонов появились еще в VI в. с распространением буддизма и входили наряду со многими другими богами в свиту тысячерукой Каннон. Их скульптурное изображение Сотацу мог видеть в монастыре Сандзюсангэндо, где в храме Ёгэн-ин находятся и его собственные росписи на панелях дверей, а иконографию божеств (цвет фигур – белый и зеленый, их атрибуты – мешок у бога ветра и колотушка у бога грома) на свитке «Китано тэндзин эмаки». Боги ветра и грома связаны с символикой направлений по странам света и, следовательно, с представлениями о мироустройстве. Стихия ветра была связана с западным направлением, которое обозначалось фигурой белого тигра, а стихия дождя – с восточным и обозначалась зеленым драконом. Правда, у Сотацу демоны помещены в зеркальном отражении по сравнению с каноническими установлениями – справа ветер, а слева гром. Боги-демоны в облике рогатых с оскаленной пастью звероподобных существ, с огромными сверкающими глазами и развевающимися гривами как будто неожиданно врываются в пространство ширм, так что за краем их остаются концы одежд одного и часть атрибутов другого.

Во всей мировой живописи проблема передачи движения всегда была одной из самых сложных и трудно разрешимых, тем более – движения интенсивного, крайне энергичного. Живописный почерк Сотацу, приемы наложения пигментов подчиняются организующему ритму,

становясь важным средством характеристики персонажей. Их внутренняя энергия передается сильными, уверенными линиями, лишенными, однако, излишней жесткости и сухости. Сотацу избегает пользоваться густой черной тушью, разбавляя ее водой, а в фигуре зеленого демона вообще применяет коричневую краску для передачи контуров фигуры и мускулатуры тела. Живопись Сотацу становится здесь по-настоящему цветовой. В этом отражены перемены в его мышлении. Цветовой язык Сотацу, как и манера линейного письма, не просто формальные приемы, свойственные традиции, но сознательно отобранные средства характеристики образов, их выразительности, связанные с ритмической организацией, внутренней динамикой. Наряду с мастерством композиции это способствовало появлению нового ощущения от золотого фона как пространства, имеющего не только двухмерную протяженность плоскости, но и глубину, составляя среду обитания демонов. Кажется, что захваченные безудержным полетом эти мифические существа готовы проскользнуть по внутренним панелям ширм и оказаться в реальном пространстве, заключенном между сдвинутыми створками. Подчиненное ритму, предельно сжатое время их возможного появления создает у зрителя особое ощущение напряженного ожидания.

Все исследователи творчества Сотацу отмечают особое магическое свойство этого произведения с его удивительной, чисто оптической, приковывающей взгляд силой, которой наделен золотой фон между фигурами демонов. Их встречное движение настолько интенсивно, что «пустое» золотое поле получает заряд невидимой энергии, словно высекающей электрическую искру, своего рода молнию (недаром сами демоны связаны со стихией грозы, бури), которая незримым зигзагом ложится на реальный зигзаг стоящей ширмы.

Хотя по своей сути изображенные Сотацу фантастические существа противоположны гармонии и красоте, художник не отказывается от своих идеалов и создает произведение, эмоциональная чрезмерность и даже гротескность персонажей которого не нарушает качества прекрасной картины. Динамика и напряжение не превращаются в дисгармонию, но завораживают выразительностью общего построения, ощущением энергии этих демонов, ожидаемого их столкновения.

Как уже говорилось в связи с росписью на темы из «Гэндзи моногатари», и здесь движение олицетворяет время, которое становится важной частью содержания произведения.

Эту работу Сотацу можно рассматривать как окончательное формирование личности большого мастера, утверждения его собственной пространственной концепции живописи, открывавшей новые пути развития японского искусства. Не даром он получил титул *хокке* – высшую награду для художника.

Творчество Сотацу было настолько неординарным явлением, что у него не было, да и не могло быть непосредственных последователей.

Лишь один художник, отделенный от него двумя поколениями, может считаться если не равновеликим, то близким Сотацу по яркости таланта. Это Огата Корин. Он глубоко почитал Сотацу, копировал его ширмы, хотя его ощущение пространства, формы, цвета указывают на иное видение мира. Его творчество отвечало изменившимся вкусам общества так называемого периода Гэнроку с преобладанием интереса к конкретному и в природе, и в искусстве. Не удивительно, что Огата Корин делал зарисовки с натуры, что прежде не практиковалось. В ранний период Корин занимался традиционными ремеслами – росписью кимоно, изделиями из лака и керамики. Интерес к живописи определился у него позднее, уже в возрасте 40 лет, и главными работами стали декоративные росписи ширм, где был использован опыт предшественников, в первую очередь Сотацу.

Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм

А. С. Ложкина

В конце 20-х годов прошлого века в СССР был взят курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию. Данный процесс сопровождался формированием новой политической и управленческой элиты, которая должна была эффективно осуществлять власть, управлять стратегическими ресурсами для достижения поставленных целей.

Период становления социальной группы всегда сопровождается определением ее функций, полномочий и места не только внутри страны, но и за ее пределами. Через процесс сравнения себя с элитами других стран происходит познание своей специфики и особенностей, самоидентификация, так как, изучая чужой народ, мы сопоставляем себя с ним и одновременно противопоставляем его себе.

Сложившиеся представления о другой стране, о ее месте в мире, географии, истории влияют на развитие отношений между государствами. Образ другого государства является важным фактором принятия политических решений, особенно при формировании внешней политики.

В этом плане Япония являлась одним из идеальных объектов восприятия, так как с 1931 г. она проводила агрессивную и динамичную политику на международной арене. Это соответствовало, по словам французского историка Н. Верта, советской внешнеполитической аксиоме, согласно которой всякое усиление международной напряженности было на пользу СССР¹. Кроме того, Страна Восходящего Солнца являлась морским соседом, государством, с которым за два десятилетия XX в. Россия имела несколько военных столкновений.

Целью данной статьи является рассмотрение через восприятие образа Японии особенностей сознания, мышления советского политического руководства 30-х годов (членов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК), изучение влияния личных представлений лидеров на формирование внешнеполитического курса СССР.

¹ Верт Н. История Советского государства. М., 2006, с. 291.

Критерием причастности к элитному слою служила принадлежность к руководящему составу ВКП(б), в который входили высшие руководители центральных, отраслевых и региональных органов власти². Элита являлась субъектом принятия важнейших стратегических решений, обладала необходимым для этого ресурсным потенциалом.

По сравнению с ментальностью других социальных групп, элитное сознание отличается большей мерой идентификации³. Советское руководство выделялось своей корпоративностью, изолированностью от общества, осознанием своих групповых интересов, развитой сетью неформальных связей, а также наличием своего языка общения, отсутствием четкой границы, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь.

Главной движущей силой построения нового общества стала политика советского руководства, прежде всего И. В. Сталина. Он являлся лидером, «вождем», главным субъектом политического процесса, задававшим направление деятельности государственным и общественно-политическим институтам, определял особенности политического курса. Сталин воплощал в себе образ человека железной воли и дисциплины, способного претворять в жизнь все свои решения. Отношения с соратниками, с представителями советской элиты и народом он строил по схеме «доминирование – подчинение».

В условиях «социалистического наступления» Сталин нуждался в руководителях нового типа, которые бы смогли в условиях дефицита ресурсов стать эффективным инструментом модернизации. Непосредственным шагом на пути к этому стало устранение так называемых «правых» (членов Политбюро А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина, М. П. Томского).

О. В. Гаман-Голутвина дает следующую характеристику политической элите, которая сложилась к началу 30-х годов: «...Иерархически организованная, с жестковертикальным подчинением верховной власти, строго централизованная и даже милитаризованная элита, формирование которой происходит по принципу “привилегии за службу” и способом ротации которой является чистка, предстает в качестве неотъемлемого элемента модели развития мобилизационного типа»⁴.

Согласно подсчетам А. Вишневого, с 1931 по 1939 г. более 53% представителей руководства были в возрасте от 40 до 49 лет; по сравнению с 20-ми годами оно значительно постарело. Большинство партийной верхушки были выходцами из рабочих (33%), крестьян (20%) и

² Mawdsley E., White S. The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its Members, 1917–1991. Oxford University Press, 2000. p. 7.

³ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005, с. 74.

⁴ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты в России: веки исторической эволюции. М., 2006, с. 238.

служащих (26%)⁵. Преобладание пролетарского происхождения накладывало отпечаток на сознание руководства, на его мышление и представления о мире. Отличительными чертами советской политической элиты были раболепие, прислужничество, доносительство, страх перед Сталиным, безынициативность, иждивенчество, высокая степень идеологизации.

Согласно проанализированным О. Хлевнюком архивным документам, в начале 30-х годов некоторые члены руководства имели определенный вес и право голоса при решении многих существенных вопросов⁶. Однако, в целом, члены Политбюро были абсолютно несамостоятельными политическими фигурами, не имели собственного мнения, особенно при решении внешнеполитических вопросов⁷. Все их взгляды и представления формировались под влиянием И. В. Сталина. Ярким примером этого является создание образа Японии в сознании советского руководства.

30-е годы – это сложный период взаимоотношений между СССР и Японией. Вторжение последней в Маньчжурию осенью 1931 г. стало весомым актом агрессии, изменившим военно-политическое положение в Тихоокеанском регионе. С этого момента внимание советского руководства было обращено на дальневосточные границы, где теперь малочисленным частям РККА противостояла одна из лучших сухопутных армий, а также третий по величине флот в мире.

В целом новая власть (как в свое время и царское правительство) не имела четких представлений о дальневосточном соседе. Взгляды партийной верхушки основывались на стереотипах, сложившихся в период русско-японской войны, интервенции Японии на Дальнем Востоке. Среди политической элиты преобладало недоверчивое, настороженное отношение к Японии. Таким образом, в связи с угрозой нападения на восточные рубежи советское руководство нуждалось в более достоверной информации об этой стране для выработки внешнеполитического курса.

В силу специфики сложившегося положения в СССР, советские лидеры были ограничены в возможностях посещения зарубежных стран. Следовательно, возникает вопрос: откуда они получали информацию о внешнем мире? При изучении данного вопроса исследователи сталкиваются с двумя важными проблемами. Первая – доминирующая роль Сталина в формировании картины мира политической элиты; вторая – роль информационных каналов в создании представлений о внешнем

⁵ Вишневский А. Высшая элита РКП (б) – ВКП (б) – КПСС (1917–1989): немного статистики. – Население и общество. 1997, №4, с. 40–41.

⁶ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996, с. 95.

⁷ Павлова И. В. Механизмы власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001, с. 182–183.

мире, в принятии политических решений. Эти две проблемы непосредственно взаимосвязаны между собой, так как, с одной стороны, вождь лично определял для каждого члена руководства объем сведений, который ему необходимо было иметь для управления и решения поставленных задач. Таким образом, Сталин являлся доминирующим источником информации для политической элиты на всех уровнях власти. С другой стороны, сообщения о внешнем мире Сталин получал по определенным каналам, которые играли значительную роль в формировании представлений вождя. Условно это можно представить в виде следующей схемы: информационные каналы → Сталин → члены Политбюро → политическая элита.

Таким образом, изучение этих двух проблем позволяет познать механизм формирования сознания нового руководства страны, влияние того или иного информационного канала на принятие политических решений.

С началом японской агрессии в Маньчжурии «отец народов» предпочитал вести осторожную политику в отношении Японии, не допуская резких высказываний, так как он понимал, что Советский Союз еще не обладает достаточным военным потенциалом для отражения нападения японской армии. В письме от 23 сентября 1931 г. к Л. М. Кагановичу Сталин заметил: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»⁸. Здесь же он указал, как именно необходимо представить данную информацию в печати, и что должна знать советская общественность о событиях в мире и внешнеполитическом курсе СССР. «В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть “Правда” ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира... “Известия” должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне. Умеренный тон для “Известий” абсолютно необходим»⁹. Данное высказывание характеризует Сталина как стратега, чуткого политика. Он понимал, что эти события можно использовать в пропагандистских целях внутри страны как пример агрессивной политики капиталистических государств.

Из приведенного сообщения также видно, что в представлении Сталина врагом для СССР на тот момент являлась не Япония, а европейские страны в лице Лиги Наций, что главная опасность исходила не с Востока, а с Запада. Для «отца народов» было характерно восприятие окружающего мира через дихотомию «друзья – враги», стремление выделять только черное или белое.

⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001, с. 116.

⁹ Там же.

Японское политическое и военное руководство считало политику советской власти в отношении Страны восходящего солнца хитрой и двойной. Об этом, в частности, говорил майор Фудзицука (начальник русского отдела генштаба Японии) в своей лекции «О советских вооружениях на границе северной Маньчжурии», которая была прочитана им в Токио осенью 1932 г. Он отметил, что СССР не был доволен тем, как развиваются события в Китае, однако боялся говорить об этом открыто. В то же время, Страна Советов использовала Маньчжурские события для распространения своего влияния на Восток через пропаганду социалистических идей: «В каком духе писали советские газеты и журналы, когда разразились маньчжурские события? Конечно, они писали о том, что это проявление японского империализма, что милитаристы творят насилие в Маньчжурии и что правительство Японии не может обуздать военных. Они выражали сочувствие от всего сердца народным массам Китая. Критика велась обходным образом так, чтобы непосредственно не нападать на Японию. Применялся такой метод: что то, что трудно было говорить в СССР, заявлялось устами Коминтерна в Германии. Члены же правительства СССР и главный штаб Коминтерна избегали заявлять протесты Японии»¹⁰.

Таким образом, согласно выступлению Фудзицука, японский генеральный штаб понимал свое превосходство над Страной Советов и одновременно отмечал нестабильное положение СССР на международной арене.

В письме к К. Е. Ворошилову в ноябре 1931 г. Сталин утверждал, что это только первый шаг на пути создания «Великой азиатской империи». Он характеризовал Страну Восходящего Солнца как сильного военного и геополитического соперника, имеющего серьезный план действий по завоеванию Дальнего Востока¹¹.

Большинство своих выводов Сталин делал на основании сведений, сводок, донесений ОГПУ–НКВД. Система информирования через сводки начала складываться еще в период Гражданской войны, в годы НЭПа она получила дальнейшее развитие. Организация информационной работы была нацелена на получение полных и достоверных сведений по широкому и четко определенному кругу вопросов. Однако документы ОГПУ–НКВД свидетельствуют о том, что руководство этого ведомства чутко улавливало смену настроений в ЦК партии и в ряде случаев дозировало получаемую информацию¹².

Согласно донесениям ИНО ОГПУ за 1931–1933 гг., японцы энергично готовились к военной агрессии против СССР. Они изучали своего противника, отмечали его слабые стороны, активно занимались поиском

союзников, даже среди мусульманских стран. Японский генеральный штаб планировал нападение в наиболее уязвимый для Советского Союза момент, а именно в период сбора урожая, когда в стране будет трудно провести мобилизацию. Руководство страны вело активную пропаганду против Советского Союза в обществе, тем самым оправдывая завоевательную политику, милитаризацию Японии.

Японское правительство рассчитывало использовать страх Запада перед «коммунистической опасностью» в целях завоевания новых территорий. «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов. Дальним Востоком и Восточной Сибирью», – заявил посол Японии в СССР Хирота в беседе с генерал-майором Харада 1 июля 1931 г.¹³ В конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал.

Активизация военных действий Японии в начале 30-х годов была связана с мировым экономическим кризисом, который охватил не только страны Запада, но и Востока. Японское правительство четко рассчитало время нападения на Китай: западные страны экономически были ослаблены, а завоеванием тихоокеанских территорий Страна восходящего солнца хотела решить проблему нехватки ресурсов, в первую очередь, топливных.

Однако, понимая важность сохранения дипломатических отношений с европейскими странами, японцы часто камуфлировали свои истинные цели. Это хорошо понимало и советское руководство: «Они предложили нам подписать давно уже готовую почтовую конвенцию (“чтобы все видели, что отношения между нами неплохие”, как говорит Хирота). Мы согласились. Они предложили начать переговоры о рыбной ловле (с той же целью). Мы и на это согласились. Но было бы наивно верить в искренность “дружбы” японских империалистов. Все это – маска, нужная им для того, чтобы усыпить нас и одновременно козырнуть перед “державами” “дружбой” с нами»¹⁴.

Один из близких соратников Сталина Л. М. Каганович, согласно переписке, также представлял Японию опасным противником, который имел серьезные стратегические планы. Японское правительство он квалифицировал как очень расчетливое, имевшее четкий курс, от которого оно не отступало¹⁵.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 447. Л. 60.

¹¹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М., 1999, с. 161–163.

¹² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. Под общей редакции А. К. Соколова. М., 2004, с. 146.

¹³ РГАСПИ. Ф. 558, оп. 3, д. 185, л. 2.

¹⁴ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999, с. 162.

¹⁵ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Составители О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995, с. 136.

В целом, в начале 30-х годов Япония предстала перед руководством страны в образе мощного военного соперника. Однако оценивали они японскую политику как хитрую, но недалёковидную, сравнивая ее с игрой.

Ухудшение геополитической ситуации на Дальнем Востоке поставило советское правительство перед необходимостью ускоренной подготовки дальневосточных районов к возможной агрессии со стороны Японии. Уже в начале 1932 г. принимается решение о развитии военно-промышленного комплекса Дальнего Востока. Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 января 1932 г.: «Послать тт. Гамарнику и Бергавинову следующую телеграмму: “Предлагается вам принять все меры к максимальному развитию угольного производства в районе Дальнего Востока. Сообщите, сколько денег вам нужно на это дело, — отпустим все необходимые деньги”»¹⁶.

Началось увеличение численного состава и технической оснащенности дальневосточной группировки войск. Укреплялись также военно-морские границы: в апреле 1932 г. начинается создание военно-морских сил Дальнего Востока. В мае 1933 г. принимается ряд правительственных постановлений о повышении боеспособности Красной Армии. Для развития оборонного строительства в феврале 1933 г. был сформирован Особый строительный корпус. Советское руководство, анализируя обстановку в Китае, рассчитывало, что к моменту решения Японией маньчжурских дел СССР будет готов дать достойный военный отпор в случае агрессии.

Таким образом, в целях защиты рубежей началось активное развитие Дальневосточного региона, а восточное направление во внешней политике стало приоритетным. Анализ международной ситуации начала 30-х годов показал, что уровень военной угрозы со стороны Японии был выше, чем со стороны Запада, который не мог оправиться от последствий «Великой депрессии».

Изучение переписки Сталина с Кагановичем и Молотовым позволяет сделать вывод, что лидеры государства стремились избежать какой-либо конфронтации между СССР и Японией. Они обосновывали это сложной внутренней ситуацией, слабой позицией Страны Советов на международной арене, отсутствием политических союзников и экономической помощи извне, а главное, тем, что СССР стоял перед угрозой нападения сильного, но неизвестного соперника. Кроме того, на решение взять курс на политику «умиротворения» повлияло то обстоятельство, что Советский Союз не обладал достаточным опытом ведения крупномасштабных военных действий. Следовательно, в начале 30-х годов советское правительство считало необходимым заключить пакт о

¹⁶ ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917-1941. Сост. Г. М. Адиеков, Ж. Г. Адиекова, Х. Вада и др. М., 2001, с. 75.

ненападении между СССР и Японией, так как в период форсированной модернизации главной целью внешней политики было обеспечение безопасности для проведения реконструкции промышленного комплекса и создания вооруженных сил.

В тот период среди высшего советского руководства не было единства взглядов на отношения с Японией. Как отмечает историк В. Песков, «если заместители наркома иностранных дел Л. М. Карахан, позднее Т. Я. Сокольников, отвечавшие за восточную политику, выступали за жесткую линию в советско-японских отношениях, то нарком М. М. Литвинов, озабоченный положением в Европе, особенно после 1933 г., склонен был к компромиссам»¹⁷.

Карахан, затем Сокольников, делали свои выводы, исходя из событий, происходивших на Дальнем Востоке, учитывая сложную внутреннюю обстановку в Японии, а также используя те представления и знания о Стране Восходящего Солнца, которые они получили при непосредственном контакте. Кроме того, они в меньшей степени испытывали на себе влияние официальных представлений о Японии, которые формировались и распространялись среди членов советского правительства. В то же время Литвинов и руководство страны считали, что возможности для создания коалиции в этом регионе отсутствовали, а проведение жесткой политики практически было невозможным по объективным причинам. Поэтому основной задачей советского правительства стало наращивание на Дальнем Востоке вооруженных сил, создание здесь стратегических запасов на случай войны с Японией и осуществление курса на подписание пакта о ненападении.

Переговоры по заключению пакта между странами проходили в очень сложной обстановке. Советское правительство в декабре 1931 г. предлагало Японии заключить пакт, однако это предложение расходилось с замыслами японских правящих кругов, и было отклонено.

Большую напряженность в отношениях и препятствие на пути к подписанию соглашения создавали события, инциденты на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), а также вопрос о ее продаже. Согласно архивным документам Сталин уделял большое внимание решению данного вопроса, надеясь как можно быстрее устранить источник возможного конфликта с Японией. Таким образом, советская сторона шла на большие уступки Стране Восходящего Солнца в вопросе о цене на КВЖД, а также старалась максимально не реагировать на японские провокации в отношении работников железной дороги.

Однако руководство СССР не могло позволить полностью манипулировать собой, поэтому основным рычагом давления на японцев был

¹⁷ Песков В. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Хабаровск, 2000, с. 33.

выбран курс на сближение с Нанкином и США. Сталин писал Кагановичу и Молотову 29 июня 1932 г. из Сочи: «Если японцы действительно пойдут на пакт, то это, возможно, потому, что они хотят этим расстроить наши переговоры с китайцами о пакте, в который японцы, видимо, серьезно верят. Поэтому нам не следует обрывать переговоры с китайцами, наоборот, надо их продолжить и затянуть, чтобы поугубить японцев перспективой нашего сближения с китайцами и тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»¹⁸. Таким образом, Сталин понимал, что ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке, благоприятна для повышения статуса СССР на международной арене.

Следует обратить внимание, что в связи с ростом угрозы с Востока советское руководство обратилось к изучению истории Японии, пытаясь тем самым приблизиться к пониманию особенностей японского общества, его менталитета. Этот интерес можно объяснить тем, что политическая элита, учитывая ошибки царского правительства, а именно недооценку им сил дальневосточного соседа в русско-японской войне 1904–1905 гг., стремилась к расширению своих знаний и представлений о Стране Восходящего Солнца.

Например, в личном фонде Сталина хранятся две книги о Японии с пометками и комментариями, которые отражают процесс формирования представлений о Стране Восходящего Солнца у вождя, показывая переосмысление им сведений о загадочном восточном государстве. Это – «Военно-фашистское движение в Японии» и работа профессора Т. О. Конроя «Японская угроза». Первая книга была написана для командно-политического состава ОКДВА, партактива Дальневосточного края, а также для научных работников. Анализ пометок свидетельствует об интересе Сталина к проблемам экономики, положению рабочего класса, крестьян, роли армии в Японии. Можно предположить, что особое внимание к данным социальным группам было связано с прагматическими целями вождя: узнать о возможностях и условиях распространения социалистических идей среди японцев, о возможности существования оппозиции и борьбы против правящего режима. В дальнейшем он рекомендовал данную книгу для массового читателя, так как в этой работе, по его мнению, было показано истинное лицо фашизма.

В работе Конроя дается характеристика психологии, быта, традиций японского общества. Согласно пометкам Сталина, в представлении «отца народов» японцы – это сволочи, мерзавцы. Употребление грубых слов, резких выражений было характерно как для Сталина, так и для его соратников, являясь результатом революционного прошлого.

Особые эмоции вызвал у Сталина следующий отрывок: «Во время налета полиции на этот храм в темных углах были найдены искалеченные

помешанные женщины, в то время как их “охранители” были застигнуты за азартной игрой на бумажные деньги, обгаренные кровью. Монахи испражнялись на группы беспомощных женщин, из которых многие были мертвы, некоторые уже долгое время, и тела их разлагались»¹⁹.

Итак, Япония предстала перед советским руководством как общество с дикими, патриархальными традициями. Если судить по заметкам Сталина, у вождя сложилось негативное отношение к культуре и быту японцев, полное непонимание их обычаев и нравов. Однако все, что способно вызвать у конкретного человека ненависть и неприятие, нередко оказывается проекцией собственных представлений и чувств. Для Сталина было характерно находить и отмечать у других только отрицательные стороны.

Механическое расчленение Сталиным мира на враждебные части во многом предопределило непонимание японского образа жизни. Он все оценивал через призму образа врага. Негативное отношение к определенным традициям, нравам можно связать и с отсутствием непосредственного контакта с представителями Страны Восходящего Солнца, достаточно небогатой историей взаимоотношений двух стран.

Стержнем политической психологии лидера является его собственный политический «образ» мира, связанный со стремлением утвердить этот образ в реальности. Центральное место в структуре этого образа занимает образ самого себя, представления о личном пространстве и времени, индивидуальные нормы и ценности, а также представления о других людях, объектах и явлениях. Как показывают архивные данные, Сталин признавал лишь собственное мнение и личный опыт.

По мере наращивания советских военных сил, с увеличением разногласий по многим вопросам между странами, среди руководства усиливается негативное представление о Японии. Это не осталось незамеченным в Японии. Данную тенденцию в своем выступлении отметил начальник русского отдела генштаба японских вооруженных сил Фудзука: «Затем СССР постепенно начал перевозить военные силы на Дальний Восток, и когда они в значительной части уже оказались на Дальнем Востоке и, видимо, беспокойство за Дальний Восток исчезло, органы печати стали проявлять больше энергии. 3 марта правительственный орган «Известия» резко напал на Японию и заявил, что нужно подготовиться против агрессивности Японии. Общественное мнение в СССР становилось более твердым»²⁰.

Переписка Сталина с Кагановичем в течение 1933 г. показывает изменение позиции советского руководства в отношении Японии. Так, вождь все чаще указывал на необходимость освещения в печати тех событий, которые происходят на восточных границах, ответственность за них возлагать не на Манчжурию, а на японское правительство.

¹⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 184.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558, оп. 3, д. 98, л. 60.

²⁰ Там же, д. 447, л. 61.

Несмотря на улучшение ситуации в стране, лидер СССР еще осторожно относился к Японии: по его распоряжению некоторые аспекты взаимоотношений между странами не освещались в прессе. Советское руководство все больше акцентировало внимание мирового сообщества на том, что СССР вел мирную политику, но в случае нападения со стороны восточного соседа Страна Советов готова дать отпор.

Изменение отношения к Японии связано также с тем, что СССР начал укреплять свое международное положение. В частности, Советский Союз искал поддержку у США, о чем свидетельствуют переговоры Литвинова с Рузвельтом²¹. К середине 30-х годов СССР установил дипломатические отношения с большинством стран, 18 сентября 1934 г. он был принят в Лигу Наций.

Одной из причин изменения представлений о дальневосточном соседе стали секретные донесения ИНО ОГПУ²², полученные из Парижа, согласно которым японский генеральный штаб был сильно озабочен стремительным увеличением сил СССР на Дальнем Востоке: «Подсчет, сделанный японским штабом, ясно показал, что советское правительство на Дальнем Востоке обладает настолько внушительной силой воздушного флота, против которого японское командование не может противопоставить не только наступательной, но даже оборонительной силы»²³. Следовательно, исходя из поступившей информации, рушилось представление о превосходстве, непобедимости японской армии.

Данное сообщение также свидетельствует о том, что силы и средства, направленные на укрепление дальневосточных границ, дали свои первые результаты, и это придавало уверенность руководству, подняло авторитет Сталина как автора курса модернизации страны. Важность документа подтверждается заметками вождя, сделанными на полях для Ворошилова: «Информация является интересной и полезной»²⁴.

Однако сигналом к долгосрочной идеологической кампании по созданию отрицательного образа Японии, формированию «образа врага» как в руководстве страны, так и в советском общественном сознании, стало письмо Сталина к Молотову и Кагановичу в октябре 1933 г. «Помоему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в “Правде”, отчасти в “Известиях”. Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и

положительными сторонами быта, жизни и условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны»²⁵.

Следует обратить внимание на то, что Сталин дал указание показывать в негативном свете только политические и экономические стороны жизни Японии, а не социальные и культурные. Таким образом, «отец народов» хотел посеять ненависть к правительству Японии, а не к японскому народу. Он стремился сделать акцент на том, что население не отвечает за агрессивную политику государства. Тем самым Сталин пытался вызвать к себе доверие, любовь у простого советского человека, который испытывал на тот момент последствия страшного голода, а также хотел показать себя защитником народных масс.

Образ Японии как врага был необходим советскому руководству для того, чтобы отвлечь внимание людей от тяжелых внутренних социально-экономических проблем, для мобилизации человеческих ресурсов. Руководство под предлогом поиска японских вредителей пыталось замаскировать внутренние чистки, скрыть свою роль в терроре. Так, массовая паспортизация населения Сахалина, выселение из дальневосточного региона политически неблагонадежных людей сопровождалось раздуванием шпиономании. Ответственность за проведение данных мероприятий возлагалось на ОГПУ. В результате, образ Японии стал одним из механизмов реализации построения «социалистического общества».

После официального «разрешения» вождя представители политической элиты стали позволять себе более резкие заявления и комментарии в отношении Японии. Японцы характеризовались ими как милитаристы, мерзавцы, наглецы. Однако, учитывая обстановку на восточных границах, ситуацию в Европе, а также донесения иностранного отдела ОГПУ о планах Японии, о росте ее вооружений, советское руководство продолжало вести политику, направленную на подписание пакта о ненападении между СССР и Японией.

В 1933–1934 гг. продолжались переговоры о продаже КВЖД, которые проходили в тяжелой обстановке. Японцы, чувствуя себя хозяевами положения, постоянно требовали снизить цену и выдвигали все новые требования. Однако у Сталина были свои средства давления: «На кампанию японцев ответить контркампанией в печати в духе того, что японцы не хотят покупать КВЖД, а хотят получить ее даром, либо захватить силой и объявить войну СССР, что японцы ведут агрессивную линию и ищут повод для войны»²⁶. Таким образом, Сталин продолжал выбранную им тактику: противопоставлять агрессивной политике Японии миролюбивый курс СССР. В целом, советский лидер не стре-

²¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 403.

²² ИНО ОГПУ – Иностраный отдел Объединенного государственного политического управления.

²³ РГАСПИ. Ф. 558, оп. 3, д. 186, л. 12.

²⁴ Там же.

²⁵ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 396.

²⁶ Там же, с. 426.

мился осложнять ситуацию с КВЖД, поэтому руководство не выдвигало дополнительных требований, придерживаясь линии ухода от конфронтации.

На выбор направления в решении данного вопроса влияли сведения НКВД, согласно которым Япония собиралась напасть на Советский Союз в 1934 г., так как «ни одна из великих держав в настоящее время не может помешать Японии; б) что Японии нужно воевать до предстоящей морской конференции, т. к. после конференции ее руки в войне с СССР могут быть связаны сговором великих держав. 3) Япония уверена, что, начав войну с СССР, она не останется одинокой, т. к. на СССР нападут, воспользовавшись этим случаем, Польша и Германия, даже если и не наступит франко-германско-польского соглашения. 4) СССР никто не поможет, а Японии помогут материально. 5) Америка обессилена кризисом на несколько лет и останется нейтральной»²⁷. «Япония в течение ближайших 1–2-х месяцев начнет войну с СССР. Наступление японцев должно начаться бомбардировкой Владивостока»²⁸.

В 1934 г. на необходимость усиления обороны Дальнего Востока в связи с ростом столкновений на границах указывал Каганович, который в письмах к соратникам старался дать максимально обстоятельный анализ ситуации на Дальнем Востоке, тем самым, формируя их представление о Японии.

Анализ переписки членов Политбюро показывает, что информация о событиях на границе, на КВЖД советскому руководству поступала не только от ОГПУ–НКВД, но и от Телеграфного Агентства Советского Союза. Так, к письму Кагановича и Молотова Сталину прилагалось сообщение ТАСС, согласно которому «22-го августа японской жандармерией в Харбине была арестована конторщица материальной службы КВЖД тов. Головина и заключена в помещении жандармерии на Почтовой улице. Через некоторое время она была вызвана для допроса в другое помещение, где к ней при допросе были применены следующие бесчеловечные пытки: между пальцами рук ей были положены металлические бруски, причем пальцы связывались веревкой, которую сильно затягивали, так что Головина теряла сознание. Далее на допросах тов. Головиной избивали кулаками лицо и голову, вырывали волосы и лили воду в рот и нос. Все эти пытки производились японскими служащими»²⁹. Таким образом, японцы пытались «надавить» на советское правительство по вопросу о продаже КВЖД. Они показывали свою силу, демонстрировали свои способы борьбы с противником.

Факты, приводимые ТАСС, усиливали негативные представления о Японии, показывали их варварские методы, пытки, их жестокость.

²⁷ РГАСПИ. Ф.558, оп. 3, д. 187, л.36–37.

²⁸ Там же, л.24.

²⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 470

Составляемые сводки в основном содержали сообщения о политических и экономических событиях. Как показывают источники, ТАСС являлся самым доступным информационным каналом о внешнем мире для политической элиты, но эта информация была ограниченной, не носила аналитического характера и, таким образом, не давала полного представления о жизни зарубежных стран.

Однако следует отметить, что сведения ТАСС, сообщения и сводки ОГПУ–НКВД играли значительную роль в формировании представлений о внешнем мире, влияли на выработку внешнеполитического курса.

Так, донесения ОГПУ в 1934 г. о степени готовности японской армии настораживали руководство СССР, так как оно понимало, что в советских вооруженных силах существовало еще много проблем. Японцы основательно готовились к наступательной операции. Учитывая рост вооруженных сил на Дальнем Востоке, они внимательно следили за всеми новинками военной техники, которые приобретал Советский Союз за границей³⁰, проводили анализ состояния Красной Армии, в том числе морального духа солдат и высшего командного состава. К середине 30-х годов японское командование имело информацию обо всех плюсах и минусах Красной армии, и, конечно, оно учитывало это при выработке стратегии нападения.

Однако и с японской армией не все было благополучно. Связано это было с нестабильной ситуацией в стране, стремлением военных кругов быстрее напасть на Советский Союз, с чем не соглашались политические и промышленные круги. С одной стороны, японцы хотели воевать с СССР и показать миру свою мощь в борьбе с сильным соперником, чтобы тем самым поднять свой международный авторитет. С другой стороны, они боялись, что не смогут развить успешных действий на первом этапе, и это в свою очередь подорвет боевой дух армии³¹. Тогда перед мировым сообществом Япония предстанет в образе государства, неспособного вести полномасштабную войну, без четкого курса действий и стратегии. Однако больше всего они боялись, что их опять будут ассоциировать в большей степени с Востоком, чем с Западом, и назовут плохими «учениками». Поэтому японцы продолжали укреплять моральный дух армии, оснащали ее более совершенным вооружением.

В 1934 г. о неготовности японского правительства начать войну против СССР заявлял в своем секретном докладе на заседании Бюро Правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей председатель ВОКС Шпиндлер.

ВОКС было создано в 1925 г. с целью «развития научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и

³⁰ РГАСПИ. Ф.558, оп. 3, д. 187, л.37.

³¹ РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л. 158.

отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и за- границей»³². Общество имело значительное представительство в Японии, активно развивало отношения с местными общественными организа- циями, распространяло информацию о советском обществе, налажива- ло контакты различного характера. Сотрудники также составляли для советского руководства ежедневные обзоры иностранной прессы. Таким образом, ВОКС являлось одним из важных информационных каналов формирования представлений о внешнем мире.

Шпиндлер, используя последние донесения от представителей ВОКС в Японии, в своем докладе дал характеристику основным тен- денциям во внутренней политике Страны Восходящего Солнца и, ис- ходя из этого, выделил основные направления деятельности ВОКС в развитии советско-японских отношений. Во-первых, он подчеркнул, что «политика японского империализма, основанная на подготовке к “большой войне” и имеющая резко выраженный антисоветский харак- тер, получает некоторую маскировку. Ответственные представители японского правительства делают “миролюбивые” официальные заяв- ления; тон всей японской прессы в отношении Советского Союза ста- новится гораздо более сдержанным. Во-вторых, активизируется левое крыло японской интеллигенции: оно настойчиво сопротивляется курсу на милитаризацию страны и готово идти на борьбу с военной опасностью. В-третьих, даже в сугубо-реакционных кругах японских господствующих классов ставят под сомнение непогрешимость военно-фашистской идеологии, возглавляемой военными лидерами, и говорят о возможно- сти возрождения конституционных иллюзий в стране»³³. Согласно вы- водам Шпиндлера, военным необходимо было время для разработки более детального плана нападения на СССР, а внутренняя ситуация в Японии была нестабильна.

Изучение текста выступления также показывает, насколько было политизировано советское общество, в частности, руководство страны. Шпиндлер давал характеристику с классовых, идеологических позиций, делая акцент на непопулярности лозунга «большой войны» среди масс. Он обратил внимание на то, что данную ситуацию можно было бы использовать для распространения идей социализма, подключив к этому японскую интеллигенцию: «Возможность мобилизации японской ин- теллигенции против войны – за мир объективно существует, и откры- ваются даже некоторые “легальные” пути, которые должны быть мак- симально использованы»³⁴.

Таким образом, ВОКС дополняло секретные донесения ОГПУ– НКВД, давая анализ обстановки со своей точки зрения, иногда не сов- падавшей с выводами Лубянки.

Следует обратить внимание, что особенность и отличие ВОКС как информационного канала заключались в том, что оно, кроме политичес- ких и экономических сведений, предоставляло информацию о куль- турных и научных достижениях японского общества, о его быте, тра- дициях, т. е., освещало многие аспекты жизни Страны Восходящего Солнца. Однако данная информация была для советского руководства дополнительной, а не определяющей при принятии политических ре- шений. В основном она носила познавательный характер, расширяла представления политической элиты о социокультурном развитии япон- ского общества.

События в Манчжурии подтверждали выводы Шпиндлера об отсут- ствии четкого плана военных действий у японцев. Главная их ошибка заключалась в недооценке мощи народного сопротивления Китая. «Они думали пройти таким церемониальным маршем без всяких по- терь, народ их будет благословлять, что пришли спасители наводить порядок, а встретились с сопротивлением»³⁵, – отмечал Калинин. Все это ставило под сомнение способность японских военных проводить комплексный анализ событий.

На скорейшее столкновение с Советским Союзом Страну Восходя- щего Солнца подталкивала Англия. Тем самым она стремилась осла- бить двух своих потенциальных соперников. «Англия заинтересована не только в том, чтобы разбить коммунизм, но и в том, чтобы этот коммунизм основательно пощипал Японию»³⁶, – говорилось в донесе- ниях. Английское правительство все рассчитало: еще слабая в военном плане Япония не сможет быстро захватить СССР, обе страны увязнут в военном конфликте и не будут мешать Великобритании проводить свой внешнеполитический курс. Советские лидеры видели «руку Лондо- на» во всех европейских кризисах. Председатель ВЦСПС Н. М. Швер- ник, выступая на пленуме Исполнительного комитета международного движения за мир в марте 1938 г. заявил: «При прямом попустительстве ряда правительств демократических государств, являющихся членами Лиги Наций и даже при непосредственной поддержке британского пра- вительства, на глазах всего цивилизованного человечества германские, итальянские и японские захватчики совершают злодейские дела»³⁷.

Следовательно, советское руководство главным военным соперни- ком в первой половине 30-х годов считало не Японию, не Германию, а

³² ГАРФ. Ф.5283, оп.1, д.1, л.1.

³³ Там же, оп. 4, д. 140, д. 34.

³⁴ Там же.

³⁵ РГАСПИ. Ф.558, оп. 6, д. 67, л.159

³⁶ РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л.163.

³⁷ Цит. по: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998, с.254.

именно Англию. Как показывают архивные материалы, данные выводы основывались не только на донесениях ОГПУ–НКВД, но и на сведениях, полученных при личных встречах руководства с представителями иностранных отделов, дипломатами. Таким образом, можно выделить еще один информационный канал. В качестве яркого примера получения и анализа информации, а так же процесса выработки советским руководством политики в отношении Японии, можно привести стенограмму беседы М. И. Калинина с представителями ИНО ОГПУ в мае 1934 г.

Согласно документу, на встрече обсуждались вопросы, охватывающие различные аспекты жизни японского общества. Анализ стенограммы беседы М. И. Калинина с группой представителей ИНО ОГПУ показывает, что к середине 30-х годов у верхушки политической элиты сложились определенные представления не только о правительстве и армии, но и об обществе и культуре Японии. Представители высшего советского руководства были осведомлены об образе жизни, питании, семейных традициях японцев. В стенограмме на основе анализа вопросов и ответов участников встречи прослеживается специфика формирования психологии новой политической элиты, отражаются ее приоритеты.

Калинин, в первую очередь, проявил интерес к положению в Японии рабочих, что свидетельствует о влиянии и роли марксистских идей в сознании политической элиты. Полученные сведения были полезны для пропаганды социальных преимуществ советского режима как в Японии, так и в СССР. «В текстильной промышленности работают, главным образом, женщины и работают они на других условиях: их туда почти продают, жалование получают не они, а их родители. Работницы живут при фабрике, и питание получают там. Стоимость такого питания составляет 15 сен в день. Как живут японцы. Дома некаменные. Комната, в которой живут, представляет собой большую кровать, потому что спят на полу. Пол мягкий – покрыт сплетенными из травы матами. На маты измеряется площадь комнаты. На эти маты расстилаются тюфяки. При входе в комнату обязательно снимают обувь остаются в чулках. Такие же условия на заводе», – рассказывал собеседник Калинина³⁸.

Представители ОГПУ, учитывая вечную проблему России, подчеркнули, что в Японии великолепные дороги, распространены велосипеды. Это является, по их мнению, важным показателем развития инфраструктуры страны.

Особый интерес у Калинина вызывала информация об отношении японцев к власти. Один из сотрудников отметил, что оппозиционные настроения имеют место не во всех слоях, в основном у передовой части студенчества и рабочих, а крестьяне к императору относятся с боль-

шим почтением³⁹. Это, как полагали собеседники всероссийского старосты, характеризует японцев как приверженцев традиционализма, и свидетельствует о том, что, несмотря на капиталистический путь развития, сознание японцев оставалось патриархальным. С одной стороны, Япония развивалась по капиталистическому пути, тяготела к западным ценностям. Однако, с другой стороны, она оставалась верна традициям, сохраняла восточные черты в мировосприятии.

Также сотрудники ИНО обратили внимание Калинина на культуру японцев: «Если взять нашего старого крестьянина и японского, то надо сказать, что японский гораздо культурнее и рабочий культурнее. Все читают. В свободное от работы время рабочий читает какую-нибудь газету или журнал. У них, между прочим, очень дешевая литература. Массовая литература используется для такой шовинистической пропаганды. У них много детской, женской литературы. Литературы много и она дешевая»⁴⁰. Эти сведения значительно расширили представления советской элиты о развитии японского общества. Японцы уже не представлялись необразованными, дикими «мартышками». Данная информация свидетельствует об активной политике японского правительства в области контроля над сознанием масс. Это были важные сведения для советского руководства о каналах воздействия власти на массы; данные методы, как полагали советские вожди, можно было применить и в советской пропаганде.

Образ японцев у партийной верхушки не был однозначным, односторонним и только негативным, как его представляла официальная пропаганда. Так, Калинин оценивал японцев как физически очень выносливых людей; при этом он отмечал, что это «культурное население, так как много читает»⁴¹. В беседе всероссийский староста особо подчеркнул, что Япония своеобразная страна: «Возьмите такой характерный пример: описание частной жизни руководителей и вождей, пишут – такой то человек был бы хорош, но он сильно пьет, и это публикуется. Это тоже своеобразие. Очевидно, это бытовая сторона. Или народ настолько вырос, и правительство с этим мирится, или это – просто буржуазная сенсация»⁴².

Подобные заявления дают основания полагать, что советской элите было трудно до конца понять японскую культуру. С точки зрения обычного сознания, особенности поведения людей, их отношение к окружающему миру вызывало у них антипатию. Культурные различия еще более усугубляли непонимание между странами, тем самым, усиливая отрицательный образ Страны Восходящего Солнца. В качестве

³⁸ РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л.148.

³⁹ Там же, л. 151–153.

⁴⁰ Там же, л.152.

⁴¹ Там же, л.157.

⁴² Там же, л.152.

примера можно привести следующие размышления всероссийского старосты: «Японский крестьянин отрицательно относится к помещикам, но не к власти, в России же – отрицательное отношение было и к царизму, и к двору»⁴³. Однако, если сравнивать два народа, то для них характерно почтительное отношение к центральной власти.

Другой важной темой, которой интересовался Калинин, был вопрос о моральном облике и дисциплине в японской армии, так как эта проблема была актуальной для советской политической верхушки (донесения свидетельствовали о распространении пьянства и участвовавших случаях самоубийства в рядах РККА). Также эти сведения были важны для определения сильных и слабых сторон Японии, психологической устойчивости японского общества, оценки военного потенциала, т. е. они позволяли определить геостратегические возможности дальневосточного соседа.

«В моральном отношении она сильнее всех буржуазных армий, конечно. Во-первых, большое значение имеет единый национальный состав, потом то, что демократичность там большая, чем во всех других армиях»⁴⁴, – отметил в личной беседе с Калининым представитель ИНО ОГПУ. При этом он обозначил, что «есть две Японии: днем японец сидит при твердом воротничке, проглотив его как шпагу, и в сюртуке, а в 5 час. он смывается домой, и после 5 час. он – 100%-ный японец, никакой западной культуры нет, а (есть) старый патриархальный национальный быт со всем японским привкусом. Отсюда такие непонятные вещи»⁴⁵. Происходило противостояние между прогрессом и традициями, создавалась система двойной жизни, мышления, что было характерно и для советского общества. Отмечая те или иные факты из жизни японцев, советские руководители выделяли как отличия, так и общее между двумя странами. Они оценивали события, исходя из традиций и особенностей развития России. В целом, все эти данные расширяли, углубляли знания и представления руководителей СССР о Японии.

В 30-е годы в Японии сложилась государственная система *кокутай*⁴⁶. Для нее было характерно полное растворение личности и подчинение ее интересам государства. Жили все, как одна семья; в роли отца был император. Японскому правительству отлично удалось применить лозунг «одна нация – одно сердце» для создания крепкой, дисциплинированной армии. Это был важный момент и отличный повод для размышления руководству СССР, так как советскому сознанию также был присущ дух коллективизма и патерналистские отношения.

⁴³ Там же, л.157.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л. 157.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Чуров С. В. Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М., 2007, с. 107.

Большой интерес представляет высказывание Калинина о японском правительстве: «Ну, затем я думаю, у них самотек есть. У них нет такого плотно организованного правительства, которое наметило себе линию и эту линию проводит в жизнь с математической точностью»⁴⁷. Всероссийский староста дал характеристику японскому правительству, сравнивая его с советским, и основываясь на своих представлениях об «идеальном» управлении. Таким образом, в его представлении советское руководство – хорошо организованное, с четкой политической линией, точно следует намеченному курсу, т. е. через образ Японии, через сравнение себя с японской политической элитой осуществлялась самоидентификация советского руководства.

Одной из главных проблем, которая обсуждалась на встрече, была готовность Японии воевать с Советским Союзом. По мнению представителей иностранного отдела, «японцы усиленно готовятся к войне. И затем хотят возможно быстрее начать войну, начать ее первыми. Японцы думают, что мы можем начать войну. Они пишут повсюду о красном империализме. Когда мы показали себя на КВЖД, они увидели, что мы представляем действительно силу, они убедились, что голыми руками нас не возьмешь. Ну, а затем они учитывают международную обстановку. Японцы не могут начать войну с нами до тех пор, пока у них не будет большей уверенности, чем есть сейчас, в успешности войны с самого начала. Они слишком боятся изменения психологии солдат. Солдаты пойдут в бой, но что будет с солдатами через 2–3 мес., если бои не будут наступательными»⁴⁸.

Таким образом, данные заявления еще раз подтвердили информацию о готовности Японии воевать с СССР, несмотря на внутренние проблемы. Конфликт с Советским Союзом для Страны Восходящего Солнца был средством показать западным странам свою мощь, силу и претензии на мировое лидерство. В то же время советское руководство также считало, что война с Японией поднимет его авторитет на международной арене. Об этом говорят заявления, сделанные членами правительства: «Надо, чтобы было распространено мнение, что Япония сильна. Если мы нанесем Японии сокрушительный удар в первые 3 мес., можно быть спокойными за границу на Западе. Нам было бы очень выгодно подражаться с Японией и основательно побить ее. Если бы мы побили Японию, то ни одна сволочь на Западе после этого не сунулась бы к нам. А война с Японией не несет такой непосредственной опасности»⁴⁹.

Данный пример еще раз доказывает, что советские лидеры не видели в Японии главного соперника. Образ Японии как врага, как сильного

⁴⁷ РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л. 157.

⁴⁸ Там же, л.159.

⁴⁹ Там же, л.164.

государства использовался руководством для сохранения и укрепления своей власти, мобилизации человеческих ресурсов для решения поставленных задач, подавления внутренней оппозиции, что позволяло ему сфокусировать внимание населения не на внутренних проблемах, а на проблеме внешней опасности. Кроме того, образ сильного государства был необходим СССР для проведения политики коллективной безопасности, реализации своих геополитических интересов как на Западе, так и на Востоке.

В заключение разговора Михаил Иванович потребовал от представителей ИНО в кратчайшие сроки предоставить информацию, которая бы позволила составить полное представление о Японии, что в свою очередь помогло бы выработать окончательный курс в советско-японских отношениях, по следующим направлениям:

- 1) сила сопротивления маньчжурских партизан;
- 2) размеры потерь в Манчжурии;
- 3) анализ внутреннего развития Японии, и что толкает ее на эти бесконечные авантюры;
- 4) какое политическое влияние имеет легкая промышленность среди правящих кругов;
- 5) точные данные производства военной промышленности;
- 6) стоимость Манчжурии (плюсы и минусы). По мнению Калинина, японцы потеряли там 10–15 тыс. солдат⁵⁰.

Таким образом, через процесс получения секретных сведений и их анализа от представителей ИНО ОГПУ шло формирование политической линии в отношении Японии.

К сожалению, из-за отсутствия доступных историкам других документов невозможно точно определить, насколько частыми были такие встречи, но, без сомнения, они были информативными и во многом расширяли и дополняли представления политической элиты.

Знакомясь с культурой Японии, руководство страны сравнивало два общества, два народа, при этом выявляя особенности развития культур, выделяя их положительные и отрицательные стороны.

Сталин, сопоставляя японское и советское руководство, считал, что японцы не способны мыслить здраво, что они большие авантюристы, так как затеяли такую игру. Всеми своими размышлениями он делился с соратниками, которые, в свою очередь, передавали их другим членам руководства. Таким образом, формировался образ Японии у политической элиты, в том числе, и на средних, и на нижних этажах номенклатурной пирамиды.

В 1935 г. напряженность между странами нарастала. В своих письмах к соратникам Сталин все чаще в отношении японцев употреблял

слово «мерзавцы», что свидетельствовало о растущем негативном отношении к дальневосточному соседу.

23 марта 1935 г. после долгих переговоров в Токио было подписано соглашение об уступке Советским Союзом Маньчжоу-Го КВЖД за 140 млн. иен, хотя первоначальная цена, запрошенная советской стороной, была 625 млн. иен.

Несмотря на сообщения о сложной ситуации внутри Японии, СССР продолжал вести сдержанную политику в отношении морского соседа. Пограничникам приказано было соблюдать выдержку и осторожность при инцидентах, не ввязываться в военные столкновения, так как они могли повлечь за собой военные действия, к которым СССР пока еще не был готов. Советское руководство не раз акцентировало внимание японского руководства на событиях на КВЖД, которые мешали развитию дружеских отношений. В то же время, советское руководство стремилось показать общественности истинное лицо японского правительства: «Японского шпиона, давшего показания об организации японцами диверсии на нашей территории, предать суду вместе с остатками корейской банды с тем, чтобы на гласном процессе осветить деятельность японских военных по организации диверсий на нашей территории. Сообщение о процессе опубликовать в нашей прессе»⁵¹.

Исследование событий показывает, что в политике советских властей в отношении Японии во второй половине 30-х годов преобладали, скорее, осторожность и сдержанность, чем «жесткость». Сложное геополитическое положение Советского Союза, рост политической напряженности в Европе, непростая внутренняя ситуация в стране не позволяли советской дипломатии проявлять достаточную жесткость в дальневосточной политике.

Во второй половине 30-х годов советское руководство имело четкое представление о политической ситуации в Японии. Определяющую роль в японском правительстве играли военные круги, которые, как показывают документы, потеряли чувство реальности и меры. Исходя именно из этого, советское правительство и пыталось строить отношения между странами.

Укрепляя свои позиции в дальневосточном регионе, СССР в марте 1936 г. заключил договор о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой. Это было предупреждением для японских милитаристов. Однако, продолжая дальнейшую экспансию на Дальнем Востоке, Япония 7 июля 1937 г. напала на Китай, оккупировала его северные районы, захватила Шанхай, Пекин.

К середине 1937 г. советское правительство резко изменило отношение к подписанию пакта о ненападении. Связано это было с многочисленными отказами японской стороны на предложения СССР, с подписанием «Антикоминтерновского пакта», а также значительным

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2001, с. 170.

подписанием «Антикоминтерновского пакта», а также значительным наращиванием советской военной мощи на Дальнем Востоке. Согласно протоколам ПБ, СССР готов был дать отпор при малейших провокациях со стороны Японии: «В случае японских провокационных действий в советских водах конфликт *не будет* носить локального характера»⁵². Однако, занимая по некоторым вопросам жесткую позицию, Советский Союз, тем не менее, не был заинтересован в дальнейшем ухудшении двусторонних отношений.

Одновременно советское руководство, понимая опасность войны на два фронта, искало контакты, пути выхода из сложившейся ситуации. В результате 23 августа 1939 г. был подписан Советско-германский договор о ненападении, оттянувший на время военное столкновение на западных границах. Однако переговоры по подписанию пакта о ненападении с Японией продолжались.

Под влиянием внешнеполитических событий (заключением Антикоминтерновского пакта, началом китайско-японской войны, советско-японских военных столкновений на оз. Хасан и р. Халхин-Гол) в сознании советской политической элиты окончательно закрепился образ Японии как милитариста, агрессора, врага государства, заявившего о себе и претендующего на лидерство в Тихом океане.

Военные конфликты на оз. Хасан и р. Халхин-Гол были пробой сил для двух стран, в результате которых обоими государствами были сделаны выводы о преимуществах и слабых сторонах соперника.

Разгром японцев у р. Халхин-Гол поднял престиж Советского Союза, дал советским дипломатам хорошие козыри в переговорах с японцами. Возможно, пакт был бы подписан, но начавшаяся 1 сентября 1939 г. вторая мировая война не дала этому реализоваться, а только еще более отстранила страны друг от друга.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что образ Японии в сознании советской элиты был частью ее картины мира и характеризовался сложным комплексом представлений, мифов, стереотипов, ситуативных умонастроений. В 30-е годы советское руководство имело приблизительные представления о Японии, так как информацию большинство из них получали из «вторых рук» и только то, что им необходимо было знать. Следовательно, политическая элита не имела целостного представления о Стране Восходящего Солнца. А при отсутствии достоверной информации о внешнем мире представления искажаются и обрастают различными домыслами и стереотипами, что накладывает определенный отпечаток на принятие политических решений.

Анализ архивных фондов показывает, что основными и важными каналами формирования образа Японии у советской политической элиты были донесения, сводки ОГПУ–НКВД, личные встречи с предста-

вителями этой организации, обзоры, подготовленные ВОКС, информация ТАСС.

Донесения ОГПУ–НКВД играли определяющую роль в функционировании властного механизма и информационного обеспечения сталинского режима. Значимость данного информационного канала подчеркнул в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов. Однако, являясь важным источником информации для советского руководства, эти донесения освещали, главным образом, политические, экономические и военные вопросы, игнорируя сведения о психологии, традициях японцев, о специфике восприятия ими внешнего мира, что делало сообщения односторонними и не давало полного представления о дальневосточном соседе. В то же время данный информационный канал перед собой таких задач не ставил.

На протяжении изучаемого периода представления высшего советского руководства о Японии не были статичными, они изменялись под влиянием внутренних и внешних факторов. Условно можно выделить три этапа эволюции образа Страны восходящего солнца в сознании политической элиты.

На первом этапе (1931–1933) Япония воспринималась в образе сильного геополитического и военного соперника, угрожающего интересам СССР на Дальнем Востоке.

Представления и знания о Стране восходящего солнца были ограниченными, они основывались на событиях русско-японской войны и интервенции Японии на Дальнем Востоке. Данный этап характеризуется накоплением информации о стране, так как восприятие японцев как «макак» не совпадало с реальными событиями в Китае. Можно сказать, что в тот период советское руководство находилось в растерянном состоянии. Исходя из поступавшей информации об активной политике Японии, учитывая тяжелую, нестабильную ситуацию внутри Страны Советов, Сталин занял нейтральную позицию в отношении дальневосточного соседа, однако во внутренних делах был взят курс на укрепление дальневосточных границ и развитие данного региона.

На втором этапе (1933–1936) представления руководства страны о Японии значительно расширяются. Советская элита проявляет интерес к изучению не только политических и экономических сторон жизни Страны Восходящего Солнца, но и ее социальных и культурных аспектов. В данный период не сложился однозначный образ дальневосточного соседа. С одной стороны, первые экономические достижения СССР, повышение его статуса на международной арене, укрепление личной власти Сталина, политическая нестабильность в Японии создали условия для восприятия Страны Восходящего Солнца как государства с агрессивной политикой, но не готового к полномасштабной войне.

⁵² Там же, с. 208.

Это позволило советскому руководству чувствовать себя более уверенным в принятии решений по отношению к Японии.

Однако, с другой стороны, информация о росте вооружения японской армии, о степени ее готовности, а также все более напряженная ситуация в Европе поставили СССР перед угрозой войны на два фронта. Поэтому советское руководство продолжало проводить курс на подписание пакта о ненападении с Японией.

На третьем этапе (1937–1939) в сознании элиты закрепляется негативное отношение к Японии; она предстает в образе милитариста, агрессора, военного соперника, который усилился в результате военных конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Гол. Данный этап можно охарактеризовать словами секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова: «Что касается вопроса о Японии, то я думаю, что в этом отношении вопрос настолько ясен, что здесь вряд ли есть нужда в том, чтобы этим делом заниматься»⁵³.

На целостное восприятие Японии влияли и противоречия марксистского, европоцентристского, русского и исторического сознания элиты. Формированию негативного представления о Японии способствовало и то, что основой взаимодействия двух стран были политические и экономические отношения; кроме того, между государствами существовал исторический груз конфликтов, претензий и обид.

На сознание советской элиты продолжали влиять и устойчивые стереотипы о Японии, которые сложились в предыдущие периоды. Это, прежде всего, миф о «желтой опасности», об «островном хищнике», о стране «самураев» и «гейш». Негативные черты образа страны складываются в общественном сознании быстрее, чем позитивные, и приобретают более устойчивую форму.

Однако здесь необходимо отметить, что представления о Японии не ограничивались только данными образами. Они были намного шире и не столь негативными. Политическая элита имела представление об особенностях Японии, о значительном ее вкладе в развитие мировой культуры. Однако напряженная международная ситуация, нестабильное положение СССР, доминирующая роль Сталина в принятии политических решений и в формировании сознания не только масс, но и элиты, не позволили влиять на укрепление и развитие советско-японских отношений. Таким образом, сама конкретно-историческая ситуация, историческая память не способствовали созданию позитивного образа Японии в сознании политического руководства 30-х годов.

На всех выделенных нами этапах формирование образа Японии происходило под влиянием Сталина. Можно с точностью сказать, что именно его представления, мировоззрение определяли советско-японские отношения. Образ Японии, который закрепился в памяти

различных слоев населения СССР, формировался у вождя на фоне собственного мнения о нормах и ценностях, через манихейское («мы – они») деление мира на черное и белое.

На основании всего изложенного выше можно сделать вывод, что образ Японии для политического руководства СССР был средством отвлечения советского общества от острых внутренних проблем, механизмом мобилизации населения для решения поставленных партией задач. Кроме того, обстоятельства сложились таким образом, что Страна восходящего солнца предоставила СССР удобную возможность продемонстрировать свою растущую военную мощь и силу перед капиталистическими странами.

Другим важным моментом является то, что через образ Японии советская политическая элита сравнивала и сопоставляла себя, определяя свою специфику и особенности, преимущества и недостатки перед лидерами других стран, а также определяла тактику поведения, т. е. происходил процесс идентификации. Образ Страны Восходящего Солнца для СССР являлся одним из средств реализации, понимания, нахождения своего места в мировой политике.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 77, оп. 3, д. 18, л. 3.

В. Э. Молодяков

«Если историческую память и обиды превращать в инструмент политики, это не будет соответствовать их (России и Японии) интересам».

*Министр иностранных дел РФ
Сергей Лавров, 17 января 2006 г.*

Прошлое – национальное достояние. Но что с ним делать?

Историческая память, по определению философа А. М. Пятигорского, – это «направление сознания человека на его прошлое». Она может быть как позитивной, так и негативной, развиваться естественным путем изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами. Историческая память может оказывать значительное воздействие как на отдельные индивидуумы, так и на различные социальные и этнические группы, вплоть до нации.

Значение исторической памяти для Японии и японцев традиционно велико. Не забираясь в глубь эпох, напомним лишь, что именно апеллирование к исторической памяти – пусть в немалой степени реконструированной или даже смоделированной – сыграло важную роль в формировании японской национальной идеи в рамках «школы национальных наук» и «школы Мито» в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв., в подготовке и осуществлении консервативной революции Мэйдзи исин (1868 г.) и последовавших за ней преобразований, в выработке национальной идеологии того периода, когда Япония постепенно превращалась из экзотического цветка в современную державу, сначала регионального, затем мирового значения. На протяжении всего периода после второй мировой войны политическая, общественная и идеологическая борьба в Японии, культурные и духовные искания во многом были завязаны именно на исторической памяти. А как обстоит с этим дело сегодня, в XXI веке? Какова историческая память современных японцев?

Вопрос этот ставился не раз. Попыток ответа на него тоже было немало. Одни авторы – имя им легион, но преимущественно японофилы – восторгались силой и глубиной исторической памяти японцев, трепетно относящихся к своим национальным традициям, событиям и памятникам

далекого прошлого. Действительно, в отношении сохранения прошлого, в самом широком смысле этого слова, многим стоило бы у них поучиться, но консервация материальных артефактов и поддержание духовных традиций живыми – отнюдь не одно и то же. Другие – преимущественно японофобы, коих тоже немало, – напротив, объявляли историческую память японцев короткой и избирательной, чтобы прямо не сказать лицемерной, в основном апеллируя к событиям второй мировой войны и предшествовавшего ей десятилетия. Доля правды есть и в этих утверждениях, но их авторы склонны смешивать идеологию и политику государства и его отдельных институтов с исторической памятью индивидуумов, групп или нации в целом.

В целом историческую память современных японцев характеризуют следующие признаки. Во-первых, это – несомненный и искренний, хотя зачастую неглубокий, интерес к собственному прошлому в масштабах как страны и нации, так и локального общества или семьи, что предполагает отношение к прошлому как к важному национальному достоянию, даже как к национальной ценности. Во-вторых, – это обращенность преимущественно к материальным памятникам, ориентация на «физическое» сохранение прошлого, что особенно видно на примере японской историографии, академической, равно как и любительской, отличающейся хорошим знанием источников, но небогатой обобщениями и тем более концепциями. В-третьих, несомненная избирательность исторической памяти в отношении событий XX в. (на примере других эпох это не столь заметно) в основном диктуется воздействием внешних факторов и вызовов, что, по понятным причинам, гораздо больше заметно на государственном, а не на частном уровне. В-четвертых, историческая память японцев на негосударственном и неинституциональном уровне не травмирована воздействием гражданских войн или кровавых революций, как во Франции, США или России. Травматические моменты исторической памяти связаны для японцев преимущественно с их внешней экспансией, в которой была задействована лишь малая часть населения страны и которая осуществлялась под жестким контролем государства.

Перечисленные признаки нельзя считать исключительно японскими. Повышенное внимание к собственному прошлому присуще большей части народов, причем как древних и гордящихся этой древностью (евреи, китайцы), так и относительно молодых, а потому изучающих свою историю особенно пристально и детально (американцы, австралийцы). Человеческая история, хотя бы на протяжении XX в., знала немало попыток искусственного «вытравления» исторической памяти в национальном масштабе (достаточно сослаться на примеры СССР и КНР), которые в итоге окончились неудачей, хотя и нанесли немалый урон национальному самосознанию, не говоря уже о репутации этих стран. Консервация исторических артефактов – от черепков до замков – осу-

ществляется не только в локальном или национальном, но в мировом масштабе, став одним из главных направлений деятельности ЮНЕСКО, в работе которой Япония, как известно, в последние годы принимает особенно деятельное участие¹. Пренебрежение охраной памятников истории и культуры принято считать признаком нецивилизованности, а их сознательное уничтожение – варварством, заслуживающим всеобщего осуждения. Что касается осмысления собственного прошлого, то оно зависит как от национальных интеллектуальных и культурных традиций, так и от воздействий извне. Японская историческая литература, как специальная, так и популярная, издавна имеет преимущественно описательный характер и бедна оригинальными идеями, что отчасти искупается вниманием к работам иностранных специалистов по истории Японии, многие из которых не только пропагандируются, но и материально поддерживаются различными государственными и негосударственными организациями Страны Восходящего Солнца.

Избирательность исторической памяти тоже присуща всем народам со сколько-нибудь длительной историей. У каждого есть «светлое прошлое», которым можно и нужно гордиться, и «темное прошлое», которого следует стыдиться. Однако именно здесь особенно сильно влияние внешних вызовов, и случай Японии только подтверждает общее правило. Здесь доминирует фактор «победа–поражение». В истории Британской и Французской колониальных империй не меньше позорных – по крайней мере, с точки зрения сегодняшней «политкорректности» – страниц, чем в истории Японской колониальной империи. Но об этом «не принято говорить вслух», потому что Япония лишилась колоний в результате поражения во второй мировой войне. Бывшая в числе победителей Англия и вовремя оказавшаяся на их стороне Франция в послевоенный период тоже лишились своих колониальных владений, но сделали это как бы добровольно. История их колониальной политики остается очень приглаженной, хотя в ближайшие десятилетия и даже годы в ее изучении и истолковании можно ожидать существенных изменений с учетом последних внутрисполитических тенденций в обеих странах (мультикультурализм, исламизация и т. д.). В то же время и в самой Японии, и за ее пределами (особенно на Тайване) наблюдается все более явный отход от прежнего однозначного осуждения «японского колониализма», которое постепенно заменяется объективным изучением «колониационной политики» или «политики развития», опять-таки с опорой на обширную историко-документальную базу².

¹ Молодякова Э.В. Япония и ЮНЕСКО: сотрудничество во имя «всемирного наследия». – Япония, открытая миру. М., 2007, Глва одиннадцатая.

² Содержательное исследование: Ко Бунъю. Нихон-но сёкуминти-но дзидзицу: Тайван, Тёсэн, Мансю (Правда о японских колониях: Тайвань, Корея, Маньчжурия). Токио, 2003, и другие книги этого автора.

Травматизм исторической памяти японцев также связан почти исключительно с воздействием внешних факторов, и это сближает рассматриваемый нами феномен с исторической памятью послевоенной Германии, в которой безоговорочное осуждение экспансии Третьего Рейха против других стран и народов заметно перевешивает деяния национал-социалистического режима против собственного народа, за исключением «еврейского вопроса», имевшего как внутрисполитический, так и внешнеполитический аспекты. Авторы преимущественно японофобской ориентации давно и настойчиво проводят аналогию между нацистской Германией и «милитаристской» Японией, подразумевая под последней режим, сложившийся в 1931–1932 гг. в результате начала активной экспансии в Маньчжурии и краха системы партийных кабинетов. Следует отметить, что эта аналогия затрагивает не только события прошлого сами по себе, но и их современное восприятие в обеих странах, как на государственном, так и на частном уровне³. В то же время японская правящая элита, несмотря на всю подчеркнутую «политкорректность», категорически отвергает подобные аналогии, соглашаясь признать за своей страной «военные преступления», но не «геноцид», что является куда более тяжким обвинением со всеми вытекающими из этого последствиями. Подобные заявления автор этих строк слышал не раз, причем от весьма влиятельных людей.

Большинство споров, вызванных событиями прошлого и исторической памятью о них, в современной Японии связано именно с событиями XX в., в которых национальное сознание пытается отыскать «свет» и признает наличие «тени». Далее мы рассмотрим эти явления более подробно. Оговоримся лишь, что не будем обращаться к японской историографии как к науке, как уже делали не раз⁴, но лишь как к одному из факторов, воздействующих на национальное сознание и историческую память.

Светлое прошлое: русско-японская война

Как и многие другие народы, японцы издревле высоко ставили воинские доблести, поэтому военные сюжеты занимали немаловажное место в их исторической памяти. Так продолжалось до поражения во второй мировой войне, после которой победители предложили побежденным навеки забыть о «бранной славе». Полностью искоренить эту память было невозможно, поэтому она сохранилась в относительно

³ Показательный пример: *Buruma Ian. Wages of Guilt: Memories of War in Germany and Japan.* N. Y., 1994.

⁴ Молодяков В. Э.: 1) Между гордостью и стыдом (восприятие национальной истории в послевоенной Японии). – Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). М., 2000 (с подробной библиографией); 2) Синто и японская мысль. – Синто. Путь японских богов. СПб., 2002, т. 2 (раздел «Синто и национальная история») и др.

безобидной, с точки зрения современной «политкорректности», форме самурайской романтики, воспринимаемой в нынешней Японии как «свое кровное», но никак не связанное с современностью.

Значимым исключением остается русско-японская война 1904–1905 гг. – единственная война, которой Япония может гордиться и сегодня. Абсолютное большинство японцев до сих пор уверены, что эта война, во-первых, была вынужденной обороной от экспансии Российской империи на Дальнем Востоке, во-вторых, была блистательно выиграна Японией из-за материального и, главное, духовного превосходства японской армии и флота. Такой трактовке уже более ста лет: она – современница войны. Прибавим сюда то, что русско-японская война отличалась «цивилизованностью», т. е. соблюдением обычаев войны, и протекала на территории Маньчжурии и Кореи, а не самих воюющих стран, не затронула напрямую их гражданское население, а потому не вызвала взаимного озлобления и ненависти.

Столетие начала и окончания войны 1904–1905 гг. было отмечено в Японии многочисленными и разнообразными мероприятиями. В подавляющем большинстве они не имели агрессивного, милитаристского характера, а напротив, были сосредоточены на почитании памяти павших и подчеркивании важности дружбы с Россией (не забывая, конечно, про «северные территории»). Это не так странно и неожиданно, как может показаться на первый взгляд. Подлинный «золотой век» российско-японских отношений приходится именно на первое послевоенное десятилетие, от Портсмутского мирного договора 1905 г. до русской революции 1917 г. Тогда политические элиты обеих стран осознали, что дружить и сотрудничать гораздо выгоднее, чем воевать, тем более воевать в интересах «третьего смеющегося», каковым в то время выступали Великобритания и США. Взаимное уважение к достойному противнику и отсутствие в двусторонних отношениях неразрешимых проблем существенно помогли послевоенному примирению, а затем и сотрудничеству. Кроме того, необходимо отметить, что Портсмутский мир явился результатом компромисса, а не одностороннего диктата, каковым был Версальский договор 1919 г., а потому не содержал в себе зародыша нового неизбежного конфликта.

Тем не менее, Япония начала боевые действия против России, с которой была связана рядом договоров и соглашений, внезапной атакой на ее флот еще до официального объявления войны. Американцы до сих пор не могут забыть японцам аналогичного нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., а японцы русским – вступления СССР в войну против них 9 августа 1945 г., при действующем пакте о нейтралитете. Вторую мировую войну Япония проиграла, и с этим все ясно. Ответственности за совершенно аналогичное начало русско-японской войны они не чувствуют и извиняться за него не собираются, равно как

и за участие в «союзной» интервенции на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг., но это совершенно особая и сама по себе сложная тема.

Вернемся к русско-японской войне. Вызванная недавним юбилеем вспышка массового интереса к ней обусловлена, на наш взгляд, еще и тем, что она полностью отошла в область прошлого, лишившись политической или социальной актуальности. Живых свидетелей больше нет, память о погибших сохраняется, что вообще характерно для японцев, но ныне здравствующие их уже не помнят. Россия более не подчеркивает наличие «счетов с Японией», о которых говорил Сталин в сентябре 1945 г. Особо постыдных деяний японская армия не совершала – по крайней мере, никто, включая противную сторону, ее в этом не обвинял, так что оправдываться не за что. Ну а ссылки на последовавший за войной «золотой век» – заметим, вполне мотивированные – смягчают неизбежный милитаристский «душок».

Разговор о войне, разумеется, не может уйти от обсуждения ее причин. И здесь на массовом, популярном уровне снова тиражируются прежние объяснения, которые сформулировал, например, проректор университета Такусёку Кусахара Кацухидэ в докладе «Нитобэ Инадзо и Россия», представленном на симпозиуме по русско-японским отношениям в Москве осенью 2004 г.: «В феврале 1904 г. Япония вступила в битву за свое существование и объявила войну России “ради мира и порядка на Востоке и безопасности в Корее”. Для Японии эта война была актом сопротивления империалистической экспансии царской России в южном направлении»⁵.

Эта наивно-оправдательная трактовка встретила решительную критику со стороны российских ученых и во время симпозиума, и в печати. Русско-японская война – типичный пример столкновения экспансионистских интересов двух держав, межимпериалистического конфликта, в котором только профессиональный пропагандист может однозначно указать правых и виноватых. Важно другое: подобные оправдания связаны не только и не столько с русско-японской войной, сколько со всей политикой Японии в Азии с конца XIX в. и до начала войны на Тихом океане. Япония как лидер Азии в борьбе против «белого империализма», конечно, не может появиться в современной официальной идеологии и пропаганде, как это было до войны. Но в исторической памяти немалого числа японцев заложено то, что их страна помогала Сунь Ятсену, Сукарно и Субхас Чандра Босу и что Ба Мо и Хосе Лаурель были не просто «японскими марионетками», но действительно боролись за независимость Индии и Индонезии, Бирмы и Филиппин от колониального владычества.

Официальное централизованное «празднование» начала русско-японской войны и тем более «победы над Россией» вызвало бы отри-

⁵ Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума. М., 2005, с. 27.

цательный резонанс, причем, возможно, не только в нашей стране. Поэтому основную инициативу взяли на себя местные органы власти – в рамках локальной истории, очень популярной в Японии, что свидетельствует об укорененности исторической памяти, учебные заведения, исследовательские институты и разного рода общественные организации. Столетие войны совпало со 150-летием Симодского трактата и установления дипломатических отношений между Российской и Японской империями в 1855 г., так что и его можно было отметить, так сказать, в формате дружбы и сотрудничества. Календарь мероприятий, посвященных двум юбилеям, по сути, оказался единым⁶. Немалую роль в этом сыграли средства массовой информации, как центральные, так и местные. На прилавках магазинов даже появилось памятное пиво «Цусима» с портретом адмирала Того, посвященное, как гласила надпись на банках, русско-японской дружбе.

Новая вспышка интереса к «светлому прошлому» русско-японской войны ожидалась в 2008 г. Ведущая телекомпания страны NHK избрала основой главного проекта года многотомный исторический роман популярного писателя Сиба Рётаро «Тучи над холмом» (вариант перевода «Облака над холмами») (1968–1972). Ставший бестселлером уже во время публикации, роман считается классикой современной японской прозы. Один из главных сюжетов этого многоаспектного повествования – история любви японского морского офицера Хиросэ Такэо и Ариадны Ковалевской, дочери русского контр-адмирала, – уже давно привлек внимание японских историков и писателей; из отечественных же литераторов об этом писал, кажется, только В. Г. Гузанов («Оборванная нить Ариадны»).

Как сообщил пресс-релиз пресс-конференции авторов фильма, прошедшей 25 января 2008 г. в Комитете по культуре Санкт-Петербурга, работа над сценарием заняла четыре года, съемки, проводившиеся в том числе на территории России, и монтаж – три года. О серьезности проекта говорит то, что его режиссером-консультантом с русской стороны стал А. Н. Митта, а консультантом – доктор политических наук А. Н. Панов, бывший Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Японии⁷. Выход фильма на экраны будет сопровождаться информационно-рекламной кампанией в СМИ, а японские редакторы и издатели, возможно, проявят больше внимания не только к сюжетам, связанным с войной, но и к русской тематике в целом. Что же касается возможного влияния фильма на двусторонние отношения и имидж России в Японии, то придется подождать его выхода на экран.

⁶ Календарь мероприятий, посвященных 150-летию установления дипломатических отношений между Японией и Россией. – Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, с. 430–437 (материал Информационного отдела посольства Японии в РФ). Из 67 перечисленных в нем мероприятий 16 непосредственно связаны с русско-японской войной.

⁷ http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_culture/news

Темное прошлое: война в Китае и на Тихом океане

Послевоенный Токийский процесс «главных японских военных преступников», на котором перед Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ) предстали военные и политические лидеры поверженной страны, должен был вынести «вердикт истории» в отношении их деяний. Главными организаторами процесса были США и Британская империя (представленная не только метрополией, но и доминионами), поэтому основным обвинением было развязывание и ведение войны на Тихом океане против этих стран, которая затронула в основном их колониальные владения и зависимые территории. Советскому Союзу отводилась весьма скромная роль. Над ним тяготело обвинение в нарушении пакта о нейтралитете в августе 1945 г., поэтому его представители, в свою очередь, постарались внести в приговор как можно больше обвинительного материала о «японской агрессии против СССР». Режим Чан Кайши был, разумеется, представлен на процессе и максимально постарался представить себя пострадавшей стороной, но Китай находился в состоянии гражданской войны Гоминьдана с коммунистами, которых поддерживал Сталин, поэтому китайские сюжеты на процессе не были в числе главных, за исключением эффектного допроса «последнего императора» Айсин Горо Пу И, оказавшегося в советском плену и позднее переданного властям КНР⁸.

Время расставило все на свои места. Американские историки убедительно доказали, что президент Рузвельт и его ближайшее окружение сознательно провоцировали военный конфликт на Тихом океане, преследуя собственные цели (из них главная – получить повод для вступления в войну на стороне Великобритании против стран «оси»), что они заранее знали о готовящемся нападении на Пёрл-Харбор и не предупредили об этом местное командование, а значит, они, как минимум, несут такую же ответственность за развязывание войны, как и японские лидеры. Примечательно, что в Японии работы этих авторов, среди которых были корифеи американской историографии Г. Э. Барнес и Ч. К. Тэнзилл, не получили ни распространения, ни поддержки. Британские, а также канадские и австралийские авторы редко касаются этой темы, за исключением интересных, хотя и не поддающихся необходимой проверке утверждений, что начало войны на Тихом океане было спровоцировано Черчиллем для гарантированного привлечения США на свою сторону против Германии⁹. Советские авторы не устава-

⁸ Подробнее: Молодяков В. Э.: 1) Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). Токио, 1996; 2) Россия и Япония: меч на весах. М., 2006, гл. 10.

⁹ Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath. Ed. Harry E. Barnes. Newport Beach CA, 1993 (впервые: 1953). Tansill Charles C. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941. Chicago,

ли разоблачать «японскую агрессию» по трафарету Токийского процесса. Только в постперестроечную эпоху стало возможным открыто показать и доказать, прежде всего на основании документов из советских же архивов, что события на оз. Хасан в 1938 г. никем сознательно не планировались, что эскалация этого конфликта стала результатом приказа Сталина и что весной-летом 1945 г. советское руководство считало пакт о нейтралитете с Японией действующим даже после заявления о том, что оно не будет продлевать его с апреля 1946 г.¹⁰

Со временем на первый план вышла японская экспансия в Китае, особенно проблема «нанкинской резни», бытование которой в японской историографии и общественном сознании мы подробно рассмотрели ранее¹¹. Чтобы не повторять сказанное, отметим лишь следующие обстоятельства. Несмотря на то, что «нанкинская резня» фигурировала на Токийском процессе 1946–1948 гг. (это обвинение стоило жизни генералу Мацуи Иванэ, в котором многие историки видят не более чем «стрелочника» и жертву обстоятельств) и на отдельном Нанкинском процессе 1947 г., подлинную актуальность для Японии эта тема приобрела только в начале 70-х годов, в связи с установлением дипломатических отношений между Токио и Пекином.

Застрельщиками выступили газета «Асахи» – главный орган лево-либерального истеблишмента, не скрывавшая и не скрывающая своих прокитайских симпатий, и ее журналист Хонда Кацуити¹². Что за этим стояло? На протяжении первых 15–20 послевоенных лет в сознании «образованного сословия» Японии доминировали социалистическая и коммунистическая, марксистская идеология, преимущественно, но не обязательно советского образца. Военные интервенции в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. оттолкнули от Советского Союза большое число сочувствующих, часть которых переориентировалась на Пекин, часть на европейскую социал-демократию и «еврокоммуни-

тов». Большинство бывших оппозиционеров благополучно интегрировалось в истеблишмент, а коммунисты все более маргинализировались. Если общественные слои и политические силы, рупором которых стала газета «Асахи» и другие СМИ того же концерна, принимали далеко не все в идеологии и политике маоистского Китая, то они были едины в осуждении довоенного прошлого Японии, особенно ее колониальной политики и континентальной экспансии.

Исторической памяти японцев было нелегко справиться с этим внешним вызовом, наложившимся на память о недавней войне, которая на сей раз напрямую затронула все население страны. Не говоря о двух атомных бомбах (которые отчасти смягчили имидж Японии как страны-агрессора, наделив ее имиджем страны-жертвы), население испытало на себе разрушительные американские бомбардировки, блокаду, продовольственный кризис, а отдельные группы – плен и депортацию с континента. Послевоенная пропаганда победителей внушала японцам, что во всем виноваты они сами или, по крайней мере, их правители, но никак не внешние силы. Процессы «военных преступников» были приняты японцами относительно спокойно, скорее как закономерная кара по принципу «горе побежденным», нежели как торжество права и справедливости. Сами японцы никого не судили: здесь не было ничего подобного «денацификации» Германии – а разного рода «чистки» и «люстрации» проводились оккупационными властями или по их прямому указанию.

В Японии существует огромное количество литературы о войне в Азии и на Тихом океане, причем оно увеличивается с каждым годом. Многие участники событий написали мемуары; многие из тех, кто не успел это сделать, оставили дневники и письма, тоже нашедшие издателей и читателей. В них немало «суровой правды о войне», много оправданий, мало прямой апологии завоеваний и почти нет разоблачений. Разоблачения стали делом левых и леволиберальных писателей и журналистов, далеко не все из которых видели войну своими глазами. Они были больше знакомы с реалиями японской колониальной политики в Корее и Маньчжурии, осуждение которой заняло значительное место в их произведениях. Добавим, что именно эта литература активно переводилась на иностранные языки, а в СССР издавались книги почти исключительно такого содержания: например, «Кухня дьявола» Моримура Сэйити или «Условия человеческого существования» Гомикава Дзюмпэй. Вышедшие большими тиражами и получившие массовую аудиторию, они до сих пор воспринимаются широким читателем в России как надежный исторический источник – особенно при отсутствии или малой доступности более объективной и правдивой информации – и периодически служат основой для антияпонских выступлений, вроде фильма Елены Масюк «Конвейер смерти» (2004 г.). Судить о

1952; Toland John. Infamy. Pearl Harbor and Its Aftermath. N.Y., 1982, 1992; Stinnet Robert B. Day of Deceit. The Truth about FDR and Pearl Harbor. N.Y., 2000; Rusbridger James, Nave Eric. Betrayal at Pearl Harbor. How Churchill Lured Roosevelt into World War II. N.Y., 1992 и др. Особо отметим книги Б. Н. Славинского: 1) СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999, гл. 1, 5–7; Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995, гл. 9–11.

¹⁰ Особо отметим книги Б. Н. Славинского: 1) СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999, гл. 1, 5–7; Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995, гл. 9–11.

¹¹ Молодяков В. Э. «Мазохисты» против «патриотов» (дискуссии о «нанкинской резне» и послевоенное японское общество). – Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003 (с подробной библиографией). См. также: Hata Ikuhiko. The Nanking Atrocities: Facts and Fable. – Japan Echo. Vol. 25, № 3 (August 1998).

¹² Хонда Кацуити: 1) Тюоку-но таби (Путешествие в Китай). Токио, 1972 (серия статей из «Асахи»); 2) Тюоку-но Нихонгун (Японская армия в Китае). Токио, 1972 и его другие многочисленные работы позднейших лет.

Японии довоенных и военных лет по этим книгам все равно, что изучать советский период лишь по «Архипелагу ГУЛАГ» или коммунистическую идеологию по Геббельсу и Розенбергу.

С одной стороны, японцам как бы запрещено гордиться войной на Тихом океане, причем не только генералам, но и рядовым. С другой стороны, почитание памяти павших – вековая национальная традиция, которую невозможно уничтожить. Историческая память общества балансирует между этими крайностями. Почитание павших, отказаться от которого японцы не могут, объявляется не имеющим ничего общего с оправданием и тем более прославлением милитаризма. Символом этого стала так называемая «проблема храма Ясукуни», токийского синтоистского святилища, которое посвящено памяти всех павших за Великую Японию и в котором, среди прочих, почитаются души «военных преступников», казненных по приговору МВТДВ или умерших в заключении. Российские ученые-японисты неоднократно писали об этой проблеме, но российские СМИ почему-то не прислушиваются к ним, а некритически воспроизводят суждения и оценки иностранных, в основном американских, информационных агентств, видимо, взятые из Интернета. Коротко суть вопроса заключается в том, что визиты японских премьер-министров и других официальных лиц в храм Ясукуни 15 августа (этот день считается в Стране Восходящего Солнца днем окончания войны на Тихом океане), точнее уже сама перспектива такого визита, становятся предметом ожесточенной антияпонской кампании в КНР и Республике Корея, официальных протестов со стороны внешнеполитических ведомств этих стран и сдержанно-осуждающих комментариев прессы «Старшего Брата». Не вдаваясь в детали, приведем лишь фразу бывшего премьера Накасонэ Ясукиро, который первым придал посещениям Ясукуни демонстративно-официальный характер: «Я пришел сюда не к Тодзио (премьер-министр Японии в 1941–1944 гг. и главный “военный преступник”. – В. М.), а к своему брату, погибшему на войне»¹³.

Храм Ясукуни и существующий при нем военный музей Юсюкан, что можно примерно перевести как «Обитель духов героев», – символ мучительной раздвоенности исторической памяти японцев в отношении своего «темного прошлого». Святилище пользуется большой популярностью у простого народа, включая молодежь. Вместе с тем школьному учителю не придет в голову официально привести сюда своих учеников, не избежав неприятностей со стороны начальства а, возможно, и родителей. В книжной лавке Юсюкана продается множество «апологетической» литературы о войне в Китае и на Тихом океане,

зачастую выпущенной крупными издательствами, но она не переводится на иностранные языки. Зато здесь нет разоблачительной литературы, в изобилии представленной на японском и английском языках, включая произведения японских авторов, в крупных книжных магазинах. Одним словом, действует двойной стандарт, дабы все приличия были сохранены.

Если «разоблачители» группируются вокруг «Асахи», то «апологеты» – вокруг «Санкэй», также входящей в пятерку крупнейших общенациональных газет, но имеющей во много раз меньший тираж. В последние годы в японских официальных и полуофициальных изданиях, предназначенных для иностранного читателя, наметилась примечательная тенденция: «Асахи» именуют «прогрессивной», «Майнити» – «центристской», «Иомиури» – «консервативной», а «Санкэй» – «правой» (сугубо деловая «Нихон кэйдзай» по этой шкале не оценивается). Причем в отношении «Санкэй» многозначительно говорится, что она отражает взгляды не более чем 1/10 части японцев. Иными словами, большинство истеблишмента почитает за лучшее отмежеваться от позиции «Санкэй», по крайней мере, перед лицом иностранцев.

Фактор внешнего вызова очень важен для правильного понимания травмированного сегмента исторической памяти японцев. Консервативные круги, в том числе в правительстве и парламенте, долго пребывали в убеждении, что, заключив после войны мирные договоры, принеся необходимые извинения и выплатив репарации и разного рода компенсации, они навсегда закрыли эту проблему. Против этих мер, относящихся к 50-м и 60-м годам, не возражал практически никто, тем более что в нормализации отношений со странами Азии решающую роль сыграл Киси Нобусукэ, премьер-министр в 1957–1960 гг., который в годы войны был членом кабинета Тодзио, а после войны находился под арестом как «военный преступник», но был освобожден без суда¹⁴. Новая волна напоминаний об ответственности Японии за ее прошлые грехи началась в конце 80-х годов, высоко поднялась в 90-е годы и фактически не спадает по сей день. Не помогли даже «окончательные» извинения, особенно перед китайцами и корейцами, которые приносили премьер-министры Хосокава Мориhiro и Мураяма Томиити и даже сам император Акихито.

Символом новой антияпонской волны можно назвать книгу американской журналистки китайского происхождения Айрис Чен «Нанкинская резня», ставшую предметом мощной пиар-кампании в США и в англоязычном мире в целом. В Японии книга натолкнулась на жесткую

¹³ Молодякова Э. В.: 1) Внутри- и внешнеполитические проблемы святилища Ясукуни. – Япония эпохи Коидзуми: оценки и перспективы. М., 2007; 2) Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни – Япония 2007. Ежегодник. М., 2007.

¹⁴ Wakamiya Yoshibumi. The Postwar Conservative View of Asia. How the Political Right Has Delayed Japan's Coming to Terms With its History of Aggression in Asia. Tokyo, 1998; В. П. Мецгерин. Возвращение в Азию: дипломатия Киси Нобусукэ. – Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003.

и, надо признать, аргументированную критику со стороны не только «апологетов» или журналистов, но и серьезных историков¹⁵. Подобные выступления уже не раз совпадают с трениями в отношениях Японии с другими странами, особенно когда дело касается вопросов экономики или внешней торговли. Японская экономика все еще очень эффективна, а в сфере финансов или внешней торговли Страна Восходящего Солнца может позволить себе большую самостоятельность или упорство, нежели в сфере политики. Тут на помощь ее оппонентам и конкурентам приходит «Нанкинская резня», которую в США и в КНР все чаще многозначительно называют «забытым холокостом». Цинично, но ничего не поделаешь, – все средства хороши¹⁶.

Немало людей в Японии понимают это, но мало кто решается сказать об этом вслух, чтобы не спровоцировать очередную, еще более сильную волну антияпонских настроений и выступлений, которая может ударить и по внешней торговле. Однако национальное сознание японцев, как ни травмировано оно было последствиями поражения в войне, иногда «взбрыкивает», и правящим кругам приходится с этим считаться. Требовать они боятся, поэтому могут только просить, как это случилось совсем недавно, 18 января 2008 г. Приведем наиболее важную часть сообщения ИТАР-ТАСС, опустив изложение официальной китайской версии событий шестидесятилетней давности: «Правительство Японии обратилось к Китаю с беспрецедентной просьбой смягчить тон экспозиции в Мемориале памяти жертв резни в городе Нанкин 1937–1938 гг., в ходе которой, как утверждает Пекин, солдаты японской императорской армии убили около 300 тыс. безоружных людей. Такое пожелание было доведено до властей КНР в связи с реконструкцией и расширением этого комплекса, вновь открывшегося для посетителей в минувшем декабре. Посетивший мемориал в Нанкине генеральный консул Японии в Шанхае Юдзи Кумамару, в частности, от имени своего правительства заявил, что эта экспозиция провоцирует ненависть в отношениях между двумя народами. Он также выразил сомнение в том, что число жертв в результате событий в Нанкине действительно составило 300 тыс. человек. По мнению генерального консула, между историками существуют расхождения по этому поводу, и Пекин поэтому должен прислушиваться к мнению тех, кто не согласен с официальными китайскими оценками количества погибших...

¹⁵ *Chang Iris*. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. N.Y., 1997. Критика: *Фудзиока Нобукацу, Хигасинакано Сюдю*. «Дза рэйпу обу Нанкин»-но кэнкю. (Исследование «Нанкинской резни» <Айрис Чен>). Токио, 1999; *Хигасинакано Сюдю*. «Нанкин гякусацу»-но тэттэй кэнсё. (Тщательное рассмотрение «нанкинской резни»). Токио, 1998 и др.

¹⁶ *Rose Caroline*. «Patriotism Is Not Taboo»: Nationalism in China and Japan and Implication for Sino-Japanese Relations. – Japan Forum. Vol. 12, № 2 (2000); *Takashi Yoshida*. A Battle over History: the Nanjing Massacre in Japan. – *Joshua A. Fogel* (ed.) The Nanjing Massacre in History and Historiography. Berkeley CA, 2000.

В Японии власти официально высказывают сомнения в количестве погибших и сумме ущерба в результате нанкинских событий. В школьных учебниках истории здесь просто обтекаемо пишут, что в городе “было убито много людей”. Разногласия по этому вопросу – источник постоянной напряженности в отношениях между Токио и Пекином, который считает резню 1937–1938 гг. символом своих страданий в результате японской агрессии. Новая экспозиция в этом городе была открыта к 70-летию трагедии. Площадь Мемориала увеличена более чем 10 раз до 9 тыс. кв. м. Его экспозиция содержит теперь около 3,5 тыс. экспонатов, рассказывающих о зверствах японской императорской армии»¹⁷.

Несмотря на извинения, компенсации и соблюдение двойного стандарта, позиция Японии, не желающей безмолвно соглашаться со всеми обвинениями, которые ей продолжают предъявлять, вызывает непрекращающуюся критику. Не так давно бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, выступая в Токио, заявил: «У японского народа, к сожалению, в мире не слишком много настоящих друзей... Это связано с двойственным отношением японской общественности к признанию завоеваний, началу войны на Тихом океане и преступлениям прошлого»¹⁸. Японские СМИ постарались обойти молчанием это высказывание или, по крайней мере, не цитировать его. Однако, как отметил А. Е. Куланов, «их молчание никак не влияет на позицию американских и европейских журналистов, с удивлением отмечающих, что, спустя более чем 60 лет после окончания второй мировой войны, Япония является одной из немногих развитых стран мира, имеющих территориальные споры почти со всеми соседями, а также не желающей принять ту норму ответственности за события прошлого, которая удовлетворила бы страны Азии, Европы и, отчасти, Америки. Причем, если в отношениях со странами Азии такое поведение... вызывает прямое политическое обострение, то для многих других государств оно имеет исключительно имиджевое значение: и без того живучее представление о неискренности, хитрости и коварстве японцев получает все новую и новую подпитку»¹⁹.

По мнению японцев, им есть за что упрекать другие страны. Правда, не все: Россию и Северную Корею упрекать можно, а КНР и США нельзя. Даже за атомные бомбардировки, которые, дескать, спасли Японию от советской оккупации, как в 2007 г. выразился министр обороны Кюма Фумио. За это он, правда, в течение нескольких суток перестал быть министром, но сразу же переключился на организацию

¹⁷ Известия. 18.01.2008.

¹⁸ Newsweek. 26.10.2005.

¹⁹ *Куланов А. Е.* Между миром и собой: трансформация имиджа в эпоху глобализации. – Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008, глава вторая.

комитета поддержки Олимпийских игр в Сочи. Возможно, у японцев есть веские основания для упреков. Но тогда не стоит обижаться, когда упрекают их самих.

Бой с собственной тенью

В Японии историческая память народа не является фактором, который оказывает прямое влияние на государственную политику или должен учитываться в предвыборной борьбе. Обывателя – избирателя и налогоплательщика – гораздо больше волнуют махинации чиновников и политиков с пенсионной системой, мировой рост цен на нефть и продовольствие, сокращение государственной поддержки мелкого и среднего бизнеса, а также периодически подбрасываемые через СМИ «страшилки» про Северную Корею. На рубеже 90-х и 2000-х годов проблема преподавания национальной истории в школе на какое-то время стала политически и социально актуальной – в основном усилиями консерваторов, недовольных засильем леволиберальных и социалистических идей в образовании²⁰. Сейчас эти дискуссии заметно ослабели и, конечно, не идут ни в какое сравнение со спорами, разгоревшимися в России в 2007 г. вокруг «книги для учителя» «Отечественная история. 1946–2006», инспирированной администрацией президента РФ.

Но полностью сбрасывать со счетов фактор исторической памяти тоже нельзя – и отнюдь не только под давлением внешних вызовов, сколь бы резкими и дерзкими они ни были. Коль скоро от Японии неофициально, но настоятельно – устами людей вроде Г. Шмидта – продолжают требовать окончательного «расчета с прошлым», ее *opinione-maker*-ы просто обязаны ответить, причем не только своим соотечественникам, но и всему миру. Эту миссию взяла на себя газета «Йомиури», посвятив амбициозный историко-информационный проект 65-летию начала и 60-летию окончания войны на Тихом океане. Одной из главных целей предпринятого газетой исследования стало окончательное установление ответственности за войну, причем на уровне персоналий. Иными словами, это была своего рода попытка заново повторить Токийский процесс.

Помимо журналистов, газета привлекла к работе историков, в основном центристской ориентации. Результатом их работы стала книга, опубликованная в 2006 г. в сокращенном варианте на страницах газеты по-японски и по-английски, а затем выпущенная в полном объеме от-

дельным изданием на двух языках²¹. Подготовкой и пиар-компанией проекта лично руководил президент «Йомиури» 80-летний Ватанабэ Цунэо, считающийся одним из наиболее авторитетных и влиятельных людей Японии. Таким образом, перед нами не просто пиар-акция, но и попытка моделирования исторического сознания и исторической памяти соотечественников, поскольку влияние газет на массовое сознание и общественную жизнь Японии остается весьма значительным. Одно-временный выпуск английского варианта показывает, что книга в не меньшей степени рассчитана на иностранного читателя. Судя по степени серьезности, она должна была убедить, если не японофилов в Китае и Корее (убедить их в чем-либо, кажется, вообще невозможно), то таких людей, как экс-канцлер Шмидт. Что же получилось «в сухом остатке»?

Скажем откровенно – книга разочаровывает. Появись она полвека назад, ее также следовало бы подвергнуть серьезной критике, в том числе на основании трудов американских историков, о которых говорилось выше. Итогом 14 месяцев работы комиссии стал подретушированный вариант вердикта Токийского трибунала с подкупающим своей новизной дополнением о том, что ответственность за войну несут не только генералы и министры, но также старшие офицеры, послы и начальники департаментов министерств. Премьер Тодзио объявлен главным виновником, император Сёва полностью оправдан. О международных факторах сказано вскользь, разумеется, больше всего – об ответственности СССР. В интервью, приуроченном к 65-й годовщине нападения на Пёрл-Харбор и к выходу отдельного издания книги, Ватанабэ дополнительно подверг резкой критике визиты официальных лиц в Ясукуни и объявил, что военный музей Юсюкан, расположенный на территории храма, фальсифицирует историю²².

Похоже, Ватанабэ просто повторяет «политкорректные» клише своей послевоенной молодости, когда он был коммунистом, но потом разочаровался в этой вере, и не считается ни с развитием исторической науки, ни с нынешним состоянием национального сознания и исторической памяти. Содержание выпущенной «Йомиури» книги говорит о невысоком профессионализме ее авторов как историков. В качестве пропагандистской акции она соответствовала курсу тогдашнего премьер-министра Абэ Синдзо (кстати, внука Киси Нобусукэ) на улучшение отношений с Китаем, испортившихся в последние годы пребывания у власти кабинета Коидзуми Дзюнъитиро, который, по мнению Ватанабэ, слишком односторонне ориентировался на Соединенные Штаты. С учетом стратегической и политической зависимости Токио от Вашингтона это звучит занятно, но «Большой Брат» все равно остался недоволен.

²⁰ Нисиро Кандзи, *Фудзиока Нобукацу*. Кокумин-но юдан. Рэкиси кёкасе га абунай! (Наша неосмотрительность. Учебники истории представляют опасность!). Токио, 1996; *Фудзиока Нобукацу*. Кингэндайси кёику-но кайкаку. Дзэндама-акудама сикан-о коэте. (Реформа преподавания новой и новейшей истории. Отказ от концепции «героев и злодеев»). Токио, 1996; *Rose Caroline*. The Textbook Issue: Domestic Sources of Japan's Foreign Policy. – Japan Forum. Vol. 11, № 2 (1999).

²¹ The Daily Yomiuri. 13–15.08.2006; From Marko Polo Bridge to Pearl Harbor – Who Was Responsible? Tokyo, 2006.

²² Misjudgments Led Japan into 1931–1945 Morass of War. – The Daily Yomiuri. 08.12.2006.

Декан факультета журналистики Калифорнийского университета в Беркли Орвил Шелл, считающийся экспертом по Китаю, сдержанно похвалив книгу, поставил в вину ее авторам то, что они недостаточно отразили в ней... правильно – «Нанкинскую резню»²³.

Подытожив сказанное, можно сделать вывод, что для одних японцев прошлое уже прошло, а для других нет и, похоже, никогда не пройдет. Это относится как к событиям национальной истории, так и разного рода «счетам» с окружающим миром. В этом смысле трудно не согласиться с замечанием министра иностранных дел России С. Б. Лаврова, вынесенным в эпиграф к данной работе, пусть даже оно было сделано по сугубо частному поводу. Бой с собственной тенью, которую леволиберальный и центристский истеблишмент Японии ведет уже 60 лет, не приносит никаких результатов и порой выглядит весьма комично, особенно на фоне периодических «оговорок» – случайных или намеренных – различных официальных лиц, сомневающих в китайской версии «нанкинской резни». Слава Богу, уголовного преследования за это в Японии нет.

А безмолвствующий народ, которому нет дела до «заморочек» своей и тем более чужой элиты, тем временем идет в Ясукуни. Потому что он, в отличие от большинства opinion-maker'ов, живет уже в XXI в.

²³ http://kg.akipress.org/_print.php?db=analit&id=1182

Японская звезда русского балета Ивата Морихито

В преддверии премьеры постановки, в которой Ивата исполняет главную партию, артист рассказал о своей судьбе, о балете и двух странах, с которыми навсегда связана его жизнь.

Биографическая справка. Солист Государственного академического Большого театра. Ивата родился в Иокогаме (Япония). Начальное хореографическое образование получил в школе своего отца «Ивата-балет», который в свою очередь учился у русских мастеров. В 1987 г. завоевал первую премию Всеяпонского конкурса артистов балета в Токио, 1990 г. – третью премию Международного конкурса артистов балета в Джексоне. В 1990–1991 гг. Ивата стажировался в Московском хореографическом училище (ныне Московская государственная академия хореографии) в классе Александра Бондаренко. В 1991 г. он стал солистом труппы «Русский балет» под руководством Вячеслава Гордеева, в 1992 г. получил гран-при и приз Барышникова («Лучшему танцовщику конкурса») Открытого конкурса артистов балета России «Арабеск» в Перми, в 1993 г. завоевал первую премию Международного конкурса артистов балета в Москве, участвовал в международном фестивале балета имени Дж. Баланчина – В. Чабукиани в Тбилиси, где получил гран-при и приз «Лучшему хореографу». В труппу Большого театра Ивата был принят в 1995 г.

– **Ивата-сан, когда я смотрю на японцев, по собственной воле оставшихся жить в России, мне кажется, что они герои. В Японии жить намного легче и комфортнее. Если есть стабильная заработная плата. Самое главное – иметь большой календарь, чтобы отметить, что вы будете делать в такой же четверг через два года. В России это невозможно. Но вы живете здесь уже 17 лет. Как вы адаптировались к жизни в нашей стране, как вы выдерживаете ее?**

– Мне не приходилось выдерживать – я приехал учиться в Московское хореографическое училище, потом была работа, были дела, и время пролетело незаметно. Я просто занимался балетом, познакомился с будущей женой, родились дети. Старшей дочке уже 12 лет, младшей – 9. Здесь мой дом, моя семья, моя работа. Конечно, в России очень часто встречаются проблемы, очень часто. Но они разрешимы. Если есть много хороших знакомых, можно добиться всего, решить любую проблему.

Интересная страна... главное – иметь побольше полезных знакомых, нужных связей...

– Как вам кажется, за те 17 лет, что вы живете здесь, в России, происходят изменения к лучшему или к худшему? А может быть, вообще ничего не меняется?

– Меняется. Меняется к лучшему. Когда я приехал в 1990 г., совсем не было вещей, но были другие люди. Духовные и душевные люди. Потом кончилось советское время, и родилась бандитская страна. Вот тогда было тяжело! На улицу было выйти страшно! Все друг друга обманывали, пугали... Меня тоже не раз обманывали – меня вообще легко обмануть, Но и бороться с этим было невозможно. В суд подавать было бесполезно – я пробовал, когда потерял большие деньги. Суд я выиграл, но денег мне так и не вернули. После прихода к власти Путина, мне стало намного легче. На улице стало спокойнее, стали меньше обманывать – я уже не сталкиваюсь с такими случаями. Я обычный человек и раньше мне было просто опасно жить! Сейчас я тоже внимательно присматриваю за вещами – все-таки Россия не Япония, но это уже нормально.

– Но началось все с балета. Вы учились у замечательных педагогов русского балета, в том числе у Софьи Головкиной. В этом училище, ныне Академии хореографии и сегодня учатся немало иностранцев, очень много японцев – это один из мировых центров подготовки артистов балета. Почему иностранцы так стремятся учиться балету именно в Москве?

– В мире вообще существуют лишь три основных направления балета: русское, французское и английское. Есть еще, более современное – американское. Основной фундамент классического балета и сегодня – это русский балет. Даже в училищах «Гранд Опера» в Париже и «Ковент гарден» в Лондоне преподают русские педагоги. Видимо, в советское время у вас была создана очень хорошая система образования, возможно, лучшая в мире. Советские педагоги и не только балетные, но и спортивные, учат сегодня весь мир. Это – очень сильная школа и очень хорошие преподаватели. Вообще, когда расцветает искусство, появляются не только мастера, но и обязательно находятся хорошие педагоги. Я не могу сказать, что сейчас стало плохо в России с учителями, но очень многие уже разъехались, многие собираются...

– Как вы думаете, русский балет сможет достичь высот советского балетного искусства, или это уже невозможно?

– Думаю, сможет. Система преподавания, к счастью, осталась. Сейчас действительно очень непростой период. В советское время было сложно жить, но искусство было в цене. Сегодня страна довольно сильно изменилась, и искусство вытесняется шоу. К сожалению, и балет вытесняется легкими жанрами. Искусством стало заниматься труднее.

– Может случиться так, что наступит время, когда русских танцовщиц и танцовщиков будут готовить в Москве иностранцы?

– Может. Я, наверно, буду первым. Иногда я неофициально подменяю в Большом театре своего педагога. Я немного пробовал преподавать и в своем училище. Ну а в Японии, безусловно, это очень важная часть моей работы.

– В Японии вы, наверно, настоящая суперзвезда?

– Нет, там есть еще круче! Например, мой коллега из «Ковент гарден» Камокава-сан. Он вернулся в Японию и открыл там свой театр. Мне кажется, очень многие японцы любят русское искусство и Россию, но эти люди... не шумные. Это более взрослое и духовное поколение. Они любят русскую музыку, оперу, балет, русских художников и русскую литературу, но они очень интеллигентны, и их не слышно! Поклонники Западной Европы, а тем более, Америки более заметны.

– Шеф корпункта японской газеты «Санкэй» в Москве Найто Ясуо рассказал мне, что вы потихоньку уже начали обучать и японских детей?

– Да, есть такая идея. У меня дача под Москвой, недалеко от Монино. Там есть балетный класс. Однажды меня пригласили выступить перед учениками японской школы в Москве, чтобы рассказать им о балете. Детей это очень заинтересовало, они были рады такому разговору, и я подумал: «Почему бы и нет?» Даже просто выехать из города на природу и то очень полезно – и детям и их родителям, а если еще и совместить это со знакомством с русским балетом – было бы очень хорошо. Конечно, хотелось бы такое знакомство расширить и создать балетную школу в самой Москве, но это пока лишь идея.

– Мне кажется, она могла бы воплотиться в жизнь. Для этого есть все условия. Самое главное, есть дети, и есть наставник. Японские бизнесмены, правда, любят говорить, что они очень бедные, но, может быть, ради своих детей они найдут средства на открытие балетной школы?

– Да, мне кажется, – это хорошая идея. Тем более, у артистов балета очень короткий век. Через несколько лет я тоже буду вынужден уйти со сцены. Нельзя танцевать в 50 лет. А из балета я не уйду – я умею танцевать, я окончил балетмейстерский факультет ГИТИСа и немножко знаю, как преподавать. Это – полезно для меня, а если еще для кого-то, то было бы просто здорово.

– То есть, судя по вашим планам, вы собираетесь остаться в России навсегда?

– Не знаю. Наверно, так и будет. Я не планирую этого специально. Как сложится, так и сложится. Здесь во мне пока нуждаются. В Японии я нужен меньше. Да, наверно, моя жизнь, в основном, будет проходить здесь.

– Ивата-сан, а кто ваша жена?

– Она русская, артистка балета. Сейчас она тоже переходит на педагогическую работу. Преподает уже в трех местах, в том числе в очень серьезной балетной школе.

– **Значит, у вас был «производственный роман»?**

– Да, после училища я начал работать в труппе «Русский балет» у Вячеслава Гордеева и там познакомился со своей будущей женой. Мы поженились, потом появились дочери...

– **Дочки уже танцуют?**

– Старшая дочь ходит во второй класс училища. Младшая официально объявила, что балетом заниматься не будет. Это ее право.

– **Как вас приняли родственники жены?**

– Очень хорошо! Никаких трений не было, все было очень гладко. Мне кажется, в семье мне очень рады!

– **Это приятно. А ваша супруга, наверно, уже неоднократно была в Японии? Как ей там понравилось?**

– Вы знаете, она впервые побывала в Японии еще до знакомства со мной, и там ей совсем не понравилось! Не знаю, почему, но как-то эмоционально ей эта страна не «приглянулась». Конечно, тяжело было без языка, без общения и так далее. Потом мы уже вместе с ней ездили в Японию, преподавали там каждый год на летних курсах – в Нагано и Окаяма. Обычно я перевожу, когда она преподает, но однажды я был вынужден оставить ее – у меня были концерты в другом городе. Через три дня я вернулся и был потрясен – она преподавала по-японски! Смогла перешагнуть барьер, и теперь ей в Японии очень нравится. Но особенно нравится, конечно, детям – они очень хотят снова вернуться туда.

– **Мне кажется, Япония идеальная страна для детей и стариков.**

– Только если просто жить там. Что касается системы образования, то у меня большие сомнения на этот счет. Вряд ли я бы отдал своих детей в японскую школу, хотя пока я об этом и не думал...

– **А на каком языке вы общаетесь дома?**

– С детьми – только по-японски. С женой – по-русски. Дети уже вполне нормально говорят по-японски. Жена второй год учится на курсах «Мирбис» – там очень серьезная подготовка, и ей приходится нелегко.

– **Она никогда не говорит: «Мори, а давай-ка уедем в Японию»?**

– Нет, она бы там не смогла жить.

– **Возможно. Кстати, в Японии вообще сегодня совсем нет интереса к России. Как вы думаете, почему?**

– Это проблема отсутствия или неправильной подачи информации. Это политическая проблема – имидж России сознательно создается негативным. Россия для японцев – темная страна. Мои друзья несколько раз приезжали в Россию и с удивлением увидели, какая Россия на самом деле. Они очень обрадовались, а один даже написал свои воспоминания

о поездке на собственном сайте, что явилось для меня приятной неожиданностью. Мне кажется, русские и японцы – очень близкие духовно люди, не так ли? Мы расходимся только в подходе к работе – у нас разные системы обучения и воспитания, но духовно мы очень близки!

– **У нас сейчас стало много японофилов, поклонников японской моды, которые обязательно хотели бы знать, есть ли у вас дома комната, в которой пол покрыт татами, сделана токонома, повешено какэмоно и поставлена икэбана?**

– Нет! Нет, но... я мечтаю об этом.

– **А вы не замечаете, что в последнее время становится сильнее национализм, отчужденное отношение к иностранцам?**

– Может быть, может быть... Раньше сюда трудно было приехать – существовало целое море бюрократических проблем, но я никогда не задумывался о том, что я – японец. Я вспоминал об этом только, когда меня спрашивали: «А как там вот с этим делом – в Японии?». Сейчас я все чаще вспоминаю о том, что я – японец. Такое ощущение, что на меня стали пристальнее смотреть, начали меня замечать... А может быть, я просто стал старше? Не знаю.

– **Скоро вас будут замечать еще больше: в новом балете Павла Турсунова вы танцуете главную партию – Ходжу Насреддина. Поздравляю!**

– Да, это здорово! Мне кажется, это – очень интересный балет! Сегодня, когда балет становится все более вестернизированным и все менее осмысленным, «Ходжа Насреддин» – большая радость! Сегодня достаточно, чтобы было прикольно, но в «Ходже» есть настоящий, осмысленный юмор. Хореограф Эдвард Смирнов воспитан в советское время, и в его балете есть мысль, есть потрясающие эмоции – это то, что отличает русский балет от любого другого. Мне очень приятно с ним работать, интересно репетировать, и я с нетерпением жду премьеры.

– **Удачи!**

– Спасибо.

Беседовал Александр Куланов

Молодые дальневосточные леди — вот современное оружие Токио для завоевания мира. Японские фигуристки рисуют победные иероглифы на ледовом покрытии: Шизука Аракава — чемпионка мира 2004 г. и зимней олимпиады 2006 г., Мики Андо — победительница чемпионата мира 2007 г., Мао Асада — золото в Гётеборге 2008 г. В мировых мегаполисах блистает мастерством 22-х летняя скрипачка Маю Кисима. Близка к получению титула «Мисс Вселенная 2008» студентка Хироко Мима. Звуками органа начинает покорять страны и народы Хироко Иноуэ — солистка Калининградской областной филармонии, без колебаний принявшая православие. Хироко — это сочетание порывистости и сдержанной утонченности, мягкости и феноменальной целеустремленности, мощного баховского многоголосия и нежного осыпания лепестков сливы.

Хироко Иноуэ родилась в Осака. Училась в Государственном университете искусств в Киото. Окончила Московскую консерваторию. Лауреат международных конкурсов в Италии и России. С января 2007 г. — солистка-органистка Калининградской областной филармонии. Ведет активную концертную деятельность в городах России, Польши и в Японии.

Беседа с ней проходила в Великую Субботу — день перед Великой Пасхой. Мы пытались выяснить, сможет ли японец вместиť русскую душу, и возможно ли русскому не уронить вазу с икебаной. Наконец, способна ли божественная музыка Иоганна Себастьяна преобразить окоммерченные, омедвеженные сердца людей.

— **Что означает имя Хироко?**

— Мир под одним куполом.

— **Весна в Янтарном крае и в Осаке чем-то отличается?**

— Отличается. У нас она постепенно раскрывается, а у вас все расцветает мгновенно. И туда не прилетают аисты.

— **В Калининграде, в общем-то, нежарко, серо, сыро. Не трудно жить в таком климате?**

— Нелегко. Но мне здесь радостно. В феврале, когда холодно, хорошо репетировать. Становлюсь сверхсобранный. Как самурай. И главное — здесь прекрасный зал филармонии и священный орган.

— **А начинали Вы как пианистка...**

— В Японии и на первых курсах в Московской консерватории я играла только на фортепиано и, в первую очередь, произведения Баха. Мечтала исполнять музыку немецкого гения на органе. Мечта начала сбываться с четвертого курса. Уже пять лет живу с королем инструментов. Очень люблю свой калининградский орган. Он, как человек. «Ревнует» меня к органам, на которых играю в других городах. После возвращения с гастролей немножко не так звучит. И мне нужно два-три дня за ним ухаживать, пока восстановится прежняя гармония.

— **В Москве у Вас были наставники, а кто сейчас дает Вам советы?**

— В консерватории я была потрясена волшебной игрой своих учителей: профессора Штаркмана (фортепиано) и профессора Паршина (орган). В Голландии есть органист, который меня консультирует — профессор Тео Эллема. Бываю на концертах других органистов, обмениваюсь с ними идеями. Что-то извлекаю, прослушивая диски. По игре сразу определяю, что за человек исполнитель.

— **Недавно Вы, опрокидывая устоявшиеся каноны, исполнили увертюру к опере «Вильгельм Тель». Virtuозно, вдохновенно, с сердечным огнем исполнили. Прямо колдовали над клавишами. Вспомнилась японская поговорка: «Любить свое дело и быть мастером в своем деле — одно и то же».**

— Сэнсэй, мастер чайной церемонии, учил меня как во все надо вкладывать душу, считать любой миг жизни решающим, последним. Все должно быть отточено, но главное — сердце. Я хочу показать огромные возможности органа. Я всегда в поиске. Мне нравится извлекать из него новые звуки, фантазировать с регистрами.

— **Повсюду льются потоки примитивнейшей музыки, «дьявольского треньканья», по выражению Баха. Сделал бы он себе хакари, оказавшись в нашем времени?**

— Плохая музыка всегда была. Вещь может быть незначительной, но и ее можно хорошо подать.

— **Как Вы относитесь к Свиридову?**

— Нравится.

— **Ленин любил «Аппассионату» Бетховена, Вагнера. А Вы?**

— Бетховена не очень люблю. У Вагнера кое-что нравится, кое-что нет. Одну его оперу не могла досмотреть и дослушать до конца.

— **Японские политики тоже увлекаются классикой. Бывший премьер-министр Коидзуми часто посещает концерты Чайковского. Лидер японских коммунистов Сии со своей женой в четыре руки исполняют Шопена и Шостаковича. В связи с этим вопрос политический: вы ходите на выборы?**

— Да, голосую. В районе Осака, где я живу, компартия Японии обычно получает достаточно высокий процент.

– Где Акира Кurosава начинал снимать новый фильм, там всегда поднимался ветер. Когда Вы готовитесь к концерту, происходит что-нибудь необычное?

– Приключения случаются и организаторы очень переживают. Например, в Омске меня чем-то не тем накормили, и врачи еле откачали перед самым концертом.

– Вы уже около десяти лет живете в нашей стране. Чему русские могли бы поучиться у японцев? Что японцы могли бы взять у нас?

– У русских много лишних движений. Японцы не разбрасываются. В России мне легко, нравится простота в общении. На родине я прокручиваю про себя десять вариантов прежде, чем скажу что-то начальнику. Японцы, как и вы, больше думают о других.

– А как вы сравниваете себя с китайцами, с корейцами?

– Наша черта – сосредоточенность на внутреннем мире. Китайцы и корейцы более открытые. У них материковый характер.

– Курода Ёсихиса, генконсул Японии в Южно-Сахалинске, любил русскую поговорку: «Волка ноги кормят».

– Да, пахать надо! (Смеется.) Мне нравится: «Человек полагает, а Бог располагает».

– Читали ли Вы русских авторов?

– Читала на японском Достоевского, Булгакова «Мастера и Маргариту». Чехова и Пушкина – на русском. Библию читаю на обоих языках, но предпочитаю на русском: как-то духовнее воспринимаю, хотя не все слова понимаю.

– Японцы и русские – неисправимые поклонники поэзии. Пишите ли Вы стихи?

– Иногда сочиняю хайку. Бывает в голову приходят мысли. (Смеется.)

– Специалисты по Японии утверждают, что в японском массовом сознании не приветствуется знание иностранцами японского языка.

– Не знала этого. Я, наоборот, рада, когда иностранцы говорят по-японски. Бывает очень интересно построение ими фраз. Обращение ко мне на японском языке русского человека я приветствую. Значит, уважает меня.

– Не забываете родной язык? Не скучаете по Стране восходящего солнца?

– Родную речь не забываю, а в Японии мне трудно. Там нет такого творческого поля. Русского. Когда впервые прилетела в Шереметьево, у меня было ощущение, что я вернулась домой. Здесь я вновь родилась.

– Спасибо за интервью. Аригато годзаимас.

Беседовал Игорь Ревин

Арутюнян Ева Викторовна, аспирантка отдела «Страны Восточной Азии», Институт Востоковедения Национальной академии наук Армении
Буркова Марина Владимировна, магистрант МГИМО (У) МИД РФ
Воробьева Полина Олеговна, преподаватель кафедры восточных языков факультета современных иностранных языков, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета
Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Денисов Юрий Дмитриевич, кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Куланов Александр Евгеньевич, директор Центра восточно-азиатских исследований и консалтинга Академии имиджологии

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Ложкина Анастасия Сергеевна, аспирантка факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова

Маркарьян Седя Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, доктор философии, университет Такусёку (Япония)

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ

Николаева Наталья Сергеевна, доктор искусствоведения, член-корр. Академии художеств

Ревин Игорь Алексеевич, старший преподаватель Калининградского технического университета, депутат калининградской областной думы

Савинцева Марина Игоревна, кандидат юридических наук, сотрудник Российско-японского центра по изучению СМИ и Японии факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова

Семин Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН

Сенатаров Алексей Иванович, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН

Стапран Наталья Васильевна, преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ

Цветова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Сенаторов А. И., Цветова И. А. Причины и последствия поражения Либерально-демократической партии на выборах в палату советников в июле 2007 г. **5**

Семин А. В. Развитие геополитической обстановки в Восточной Азии и японо-китайские отношения **27**

Арутюнян Е. В. Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трех нефтяных кризисов **52**

Стапран Н. В. Стратегическое партнерство Японии и Индии **68**

Буркова М. В. Япония и Бразилия: грани сотрудничества **80**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лебедева И. П. Роль внешнего фактора в развитии японской экономики **86**

Маркарян С. Б. Возрождение сельских районов – важный фактор реализации концепции «устойчивого развития» сельского хозяйства Японии **106**

Савинцева М. И. Информационное общество и основы правового регулирования и развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Японии **126**

Денисов Ю. Д. О японской стратегии инновационного развития **148**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Воробьева П. Ф. Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы) **162**

Катасонова Е. Л. Другая Япония: лики молодежной субкультуры **182**

Герасимова М. П. Новое об известном. Часть II. Некоторые особенности эстетического сознания японцев **202**

Молодякова Э. В. Ритуал в синтоистской традиции **217**

Николаева Н. С. Пространство и время в живописи XVI–XVII вв. **241**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ложкина А. С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм **259**

Молодяков В. Э. Историческая память японцев **285**

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Японская звезда русского балета Ивата Морихито **302**

Русский рок Хироко **307**

Наши авторы

Научное издание

Япония 2008

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Фотография на обложке О. В. Андреевой

Институт востоковедения РАН

Ассоциация японоведов

103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 19.11.2008 г. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 19,3
Тираж 500 экз.